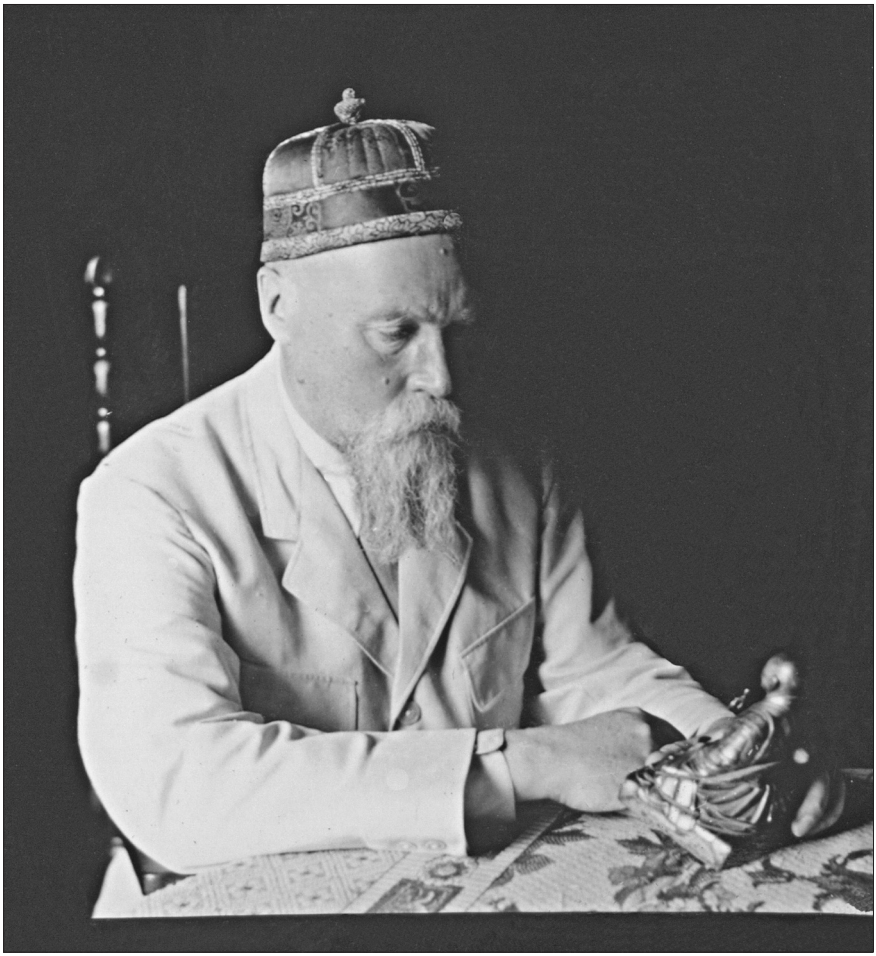
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ-ИНСТИТУТ СЕМЬИ РЕРИХОВ



Николай Константинович Рерих с буддийской статуэткой
Наггар. Индия. 1931–1933
Фотобумага, фотопечать. 7,9 × 10,3
Из комплекта «Альбом Ю. Н. Рериха»
СПбГМИСР КП-8306/375

ISSN-5-288-02931-8

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ-ИНСТИТУТ СЕМЬИ РЕРИХОВ

ПЕТЕРБУРГСКИЙ РЕРИХОВСКИЙ СБОРНИК

X

Санкт-Петербург
2017

ББК 7Д(2)6 Рерихи.я43
П-29

Печатается по решению Редакционно-издательского совета Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов

Главный редактор
А. А. Бондаренко

Составители выпуска
А. А. Бондаренко, А. К. Мазаева-Каненга, В. Л. Мельников

Редакционная коллегия: Ю. Ю. Будникова (литературный редактор), Д. В. Делюкин, Г. Н. Лукьяненко, П. И. Крылов (научный редактор) А. К. Мазаева-Каненга (ответственный секретарь)

П29 **Петербургский Рериховский сборник : Вып. X.** — СПб. : Издание СПбГМИСР, 2017. — 408 с. : ил.

ISSN-5-288-02931-8

«Петербургский Рериховский сборник» публикует наследие семьи Рерихов и современные исследования по искусству, востоковедению, культурологии, археологии, естествознанию, источниковедению и другим наукам, освещает актуальные проблемы и достижения в области рериховедения.

Настоящий сборник состоит из двух разделов. Первый, «Наследие Рерихов и их современников», сформирован, главным образом, на основе статей исследователей-рериховедов из Санкт-Петербурга и Москвы. Во второй раздел сборника вошли статьи авторов из Анапы, Баку, Екатеринбурга, Еревана и Санкт-Петербурга, по техническим причинам не попавшие в XIII том Трудов конференции «Рериховское наследие». Все они объединены общей темой «Санкт-Петербург и Кавказ. К истории культурных связей».

Адрес редакции:

199034, Санкт-Петербург, Васильевский остров, 18-я линия, д. 1
Тел.: +78123270830; тел./факс: +78123230885;
http://www.roerich.spb.ru; http://www.roerich-heritage.org;
e-mail: ab@roerich.spb.ru; vm@roerich.spb.ru; scs@roerich.spb.ru

© Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры «Музей-институт семьи Рерихов», 2017
© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

ISSN-5-288-02931-8

ОТ РЕДАКЦИИ

Представляем вашему вниманию продолжение периодического научного издания «Петербургский Рериховский сборник». Перед вами X выпуск. Публикации, представленные в нём, включают часть материалов, не вошедших в сборники трудов конференции «Рериховское наследие», и объединены двумя главными темами.

В разделе «Наследие Рерихов и их современников» представлены разнообразные по тематике публикации авторов-исследователей Санкт-Петербурга и Москвы. Помимо деятельности членов семьи Рерихов, приводятся материалы о биографиях музыкантов (А. Н. Скрябин и И. Ф. Стравинский), художников (Н. С. Самокиш, К. Ф. Цейдлер), дочери академика М. П. Боткина Л. М. Боткиной и некоторых других.

Темы сборника охватывают подробности экспедиций конца XIX — первой половины XX века по Индии, Китаю, Монголии, о поездке Цесаревича Николая по Забайкалью. Интересен материал о разработке уникальной методики и создания образовательных циклов для обучения по радио в СССР в 1920-х годах, в чём были задействованы сотрудники Академии наук. Эта тема касается и современника семьи Рерихов индолога А. М. Мерварта, заведовавшего культурологическим факультетом в Санкт-Петербурге.

В исследованиях представлены некоторые аспекты осмысления философского наследия Рерихов современной наукой, проблемы истории формирования их литературно-философского наследия; исследования событий истории России середины XX века, опубликованы архивные материалы и документы, касающиеся семьи Боткиных, в том числе, материалы из архивов Музея-института семьи Рерихов. Публикацией эпистолярного архива А. Л. Липовского, учёного-славяноведа, преподавателя и третьего директора школы Карла Ивановича Мая представлен материал к 20-летию Музея её истории. Опубликованы документальные архивные материалы, освещающие непростой период в жизни Рерихов — подготовку к их возвращению в СССР. Из статей сборника можно узнать о событиях, посвящённых 10-летию Центрального хурула Элисты и проведении там мистерии Цам, о картине Н. К. Рериха,

запечатлевшей Соловецкий кремль таким, каким он был до разрушения, о библиотеке Музея-института семьи Рерихов, а также найти другие интересные материалы.

Вторая тема сборника — «Санкт-Петербург и Кавказ. К истории культурных связей». Она обсуждалась на конференции «Рериховское наследие» в 2013 году. Это одна из актуальных тем в наследии многих петербуржцев, в том числе Н. К. Рериха, интересовавшегося культурой и историей Кавказа, Закавказья, бывавшего там. Во второй раздел сборника вошли статьи авторов из Анапы, Баку, Екатеринбурга, Еревана и Санкт-Петербурга. Тема взаимодействия и переплетения глубоких культурных корней становится основой для самого широкого межнационального сотрудничества в нашей стране и нашем городе Санкт-Петербурге.

I

НАСЛЕДИЕ РЕРИХОВ И ИХ СОВРЕМЕННИКОВ

А. А. САВКИНА

(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОТОТИПЫ В ФОРМООБРАЗОВАНИИ «СЕВЕРНОГО МОДЕРНА». ПРОЕКТЫ Н. К. РЕРИХА ПО МОТИВАМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПЕРМСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ

Модерн Балтийского региона представляет собой неоднозначное, но в то же время очень выразительное явление, архитекторы петербургского «северного модерна» и национально-романтического направления в финском искусстве создают яркие образы. Этой теме посвящено много исследований, но они касаются в основном пластического языка архитектуры, декоративно-прикладное искусство этого направления, как правило, обходят вниманием, хотя проблемы соотношения конструкции и декоративных элементов, стилистических прототипов, использования возможностей самого материала характерны и для прикладных произведений.

Обратимся к принципам формообразования предметов мебели в теоретических публикациях и художественном творчестве Н. К. Рериха. Тема Севера, суровой и вместе с тем поэтичной природы и не менее суровых героев эпоса воплощена Н. К. Рерихом не только в живописных, но и декоративных произведениях (эскизы для керамических панно на фасаде страхового Общества «Россия», ул. Большая Морская, 35. 1905), в прозаических очерках («Древнейшие финские храмы» и «Радость искусству», 1908). Однако особый интерес представляют проекты художника для мебели имения княгини М. К. Тенишевой в Талашкино в Смоленской области, а точнее эволюция декоративно-прикладного направления в его творчестве.

Прежде чем перейти к анализу работ Н. К. Рериха, представим ситуацию в декоративно-прикладном искусстве в целом. Стилистические особенности и круг мотивов модерна, возникшего в Балтийском регионе как национально-романтическое направление, определяются в первую очередь его концепцией, стремлением обратиться к истокам искусства. Изучение и творческое переосмысление народных и средневековых традиций, безусловно, предполагало возрождение национального самосознания. Эта задача решалась многими мастерами финского искусства, и воплотилась в творчестве А. Галлен-Каллела в живописных, графических и декоративно-прикладных произведениях, в архитектурных

проектах. Однако художественные формы прошлого привлекали и возможностью обогатить язык изобразительного искусства.

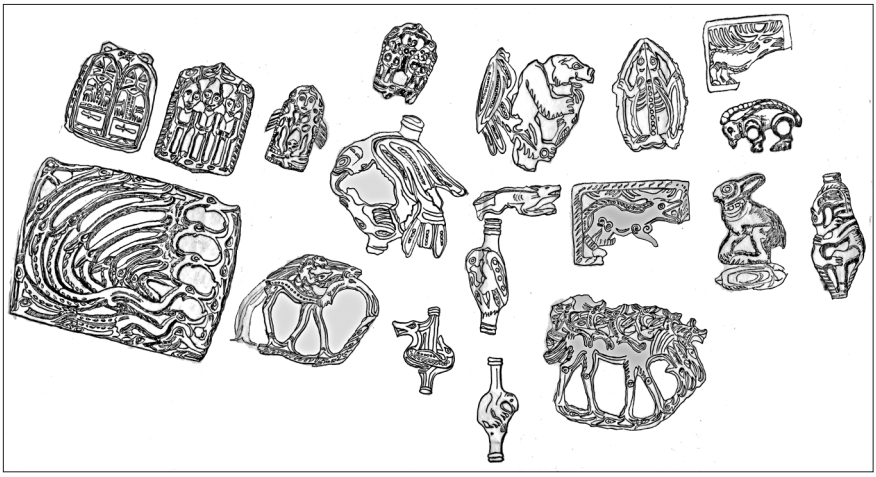
Стилистика «северного модерна» в архитектуре и декоративно-прикладном искусстве Петербурга обращается к тем же истокам, что и финская архитектура неоромантического направления, а во многом и вдохновляется ей. О. Калугина указывает на то, что для образного решения важен не только карельский эпос «Калевала», предложивший новые сюжеты, но и «характер взаимоотношений мастера с материалом. Лес и камень в этом смысле становятся и источником, и объектом художественного осмысления»[1]. Сама природа Севера поэтизируется, а в конце XIX века и воплощается архитектурным языком, благодаря эстетизации формальных элементов. Л. В. Никифорова подчёркивает связь северного модерна и архаического начала в целом, она пишет, что «не тяжесть перекрытий или плотность материала, но саму тяжесть, саму косность передавали архитекторы в образах северного модерна»[2].

В начале XX столетия перед мастерами встаёт проблема стиля, оригинальности и выразительности художественных произведений, адекватного выражения образа через форму. Исследователи указывают на несоответствие между теоретическим обоснованием формообразования и практическим применением новых и традиционных форм в русском искусстве, в отличие от стилистических поисков У. Моррис а и Х. Ван де Вельде. Тем не менее, архитектура «северного модерна» представляет собой целостное явление. В декоративно-прикладном искусстве этого направления отсутствует единая линия. Н. Ю. Гусева, анализируя мебель из собрания Государственного Эрмитажа, отмечает, что влияние Севера выражалось в использовании в декоративном оформлении наборных деталей с прибалтийскими пейзажами либо в обращении к скандинавским памятникам прикладного искусства[3]. Русское прикладное искусство эпохи модерна переживает период поиска новых форм, мотивы, заимствованные из арсенала народного искусства, выступают как элементы декора, не создавая новую конструкцию. С целью решить проблему стиля, найти универсальные средства художественной выразительности были проведены две выставки: «Архитектура и художественная промышленность нового стиля» в Москве (с ноября 1902 по январь 1903 года) и «Современное искусство» в Санкт-Петербурге (в 1903 году).

Поэтому особый интерес вызывает синтез теоретической мысли и практическое применение концепции в художественных произведениях. Обратимся к взглядам Н. К. Рериха на проблему стиля в прикладном искусстве. В 1899 году в журнале «Искусство и художественная промышленность» была опубликована его статья «Нехудожественность наших художественных магазинов», в которой он, анализируя

Ил. 1. Проекты мебели Н. К. Рериха, использующие произведения пермского звериного стиля в качестве декоративных элементов

прототипы формообразования в произведениях декоративно-прикладного искусства, предлагает использовать археологические материалы, ссылаясь в статье на произведения пермского звериного стиля. Н. К. Рерих писал: «Прибегать к самой естественной помощи в исканиях орнаментаций к помощи натуры — у нас не принято, точно так же, как мало



Ил. 2. Н. К. Рерих. Калька с девятнадцатью изображениями «чудских бляшек и пронизок» [1902–1906]

принято искать мотивы в области древностей. Между тем, если извлечение орнаментов из природы требует значительной подготовительной работы, то памятники старины дают вполне готовый материал (о чём мне раньше приходилось уже говорить в статье «Искусство и археология). <...> Ещё недавно, при чтении новой, весьма интересной работы Д. Н. Анучина («К истории искусства и верований у Приуральской Чуди. Чудские изображения летящих птиц и мифических крылатых существ. Из материалов по археологии восточных губерний, изд. Имп. Моск. Археол. Общ.», т. 3, М., 1899), меня невольно остановили на себе иллюстрирующие её древности, по своей непосредственной пригодности для мотивов мебели. Большая часть этих древностей словно была вырезана специально именно с такой целью и могла бы идти в дело без каких бы то не было изменений. Например, для спинок к сиденьям или бочку люльки»[4]. Художник проиллюстрировал (ил. 1) статью собственными проектами мебели, использующими произведения пермского звериного стиля в качестве декоративных элементов. Обращение к вопросам стиля, поиски выразительных средств и возможных прототипов в формообразовании произведений декоративно-прикладного искусства для Н. К. Рериха не случайны. В 1898–1899 году он читал оригинальный курс лекций «Художественная техника в применении к археологии» в Археологическом институте. Программа курса объединила теорию и практику, искусствоведение, сведения о правовом и социальном положении художников в Древней Руси, знакомство с художественными техниками и обучение слушателей азам художественной грамоты. Возможно, Н. К. Рериха,

как автора курса и преподавателя, интересовали методы создания эффектных и выразительных произведений и их возможные прототипы. Поскольку природные мотивы требуют стилизации, он предлагал использовать археологические находки в качестве образцов.

Н. К. Рерих был знаком с произведениями пермского звериного стиля, и они привлекали его своей художественной выразительностью и сами по себе, о чём свидетельствует калька с девятнадцатью изображениями «чудских бляшек и пронизок» [1902–1906] (ил. 2). Но он видел в них и замечательные источники для формообразования предметов современной мебели, что и подтвердил в иллюстрациях к статье 1899 года. Этой теме посвящена статья Е. П. Маточкина и В. Л. Мельникова «Пермский звериный стиль в творчестве Н. К. Рериха» (2000). «Пермский звериный стиль» (или «шаманские изображения», «чудские образки», «культовое литьё», как иначе называют эти произведения) — художественная бронзовая металлопластика культового характера, распространённая у племён финно-угорской группы в Верхнем Прикамье[5], привлекал художника своей пластической выразительностью и богатой символикой. Исследователь языческой культуры Б. А. Рыбаков приводит разные датировки этих предметов: «По А. А. Спицыну бляшки этого типа датируются X–XV вв., по И. А. Талицкой — VI–IX вв., а по А. П. Смирнову — до XI в.»[6]. В этих произведениях отразились языческие представления о мироздании, «антропозооморфные» существа представляют божеств и духов верхнего яруса (копытные, лоси и олени, и птицы), нижнего (пресмыкающиеся) и среднего мира (человек). (ил. 3). В пластике бляшек все эти образы переплетаются, тело человека, например, может «змеиться», а на груди птицы появляется человеческое лицо. И Н. К. Рериха эти мотивы привлекали и своим художественным потенциалом, и сакральной символикой. Однако приведённые примеры скорее утрированно археологичны, мы видим здесь прямые цитаты, комбинацию из различных предметов древнего культа, и кроме того, они остались только проектами. Эти эскизы — в первую очередь концепция, новый взгляд на археологические мотивы.

Более значимы воплощённые в материале произведения — предметы мебели для имения княгини М. К. Тенишевой в Талашкино. Когда Н. К. Рерих переходит к созданию реальных, а не умозрительных проектов, перед ним встают задачи прочности и эргономичности конструкции, которые очевидно не ставились в проектах 1899 года. Декоративно-прикладные произведения, выполненные в талашкинских мастерских, исследователи

Ил. 3.

Ил. 4. Книжный шкаф, выполненный по эскизу Н. К. Рериха

относят, как правило, к неорусскому стилю, однако в эскизах Н. К. Рериха ясно прослеживаются мотивы «чудских бляшек и пронизок», а вся их конструкция в целом близка пластической системе «северного модерна» с ярко выраженной тектоникой.

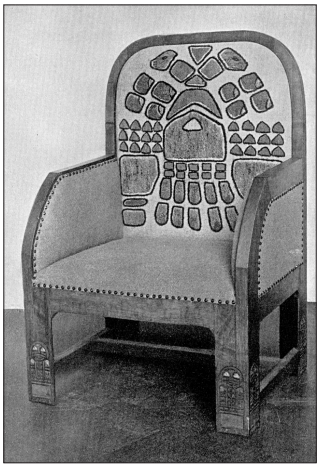
Художник, вполне в духе модерна, задумывает создать не отдельные предметы, а всю обстановку библиотеки в целом: «У меня явилась мысль набросать целую обстановку рабочей библиотеки, в которой мог бы быть фриз. Одно дело сочинить вещь-одиночку, но гораздо завлекательнее обдумывать целое, чтоб каждая вещь [вошла] целесообразною,

органически необходимою частью»[7]. По поводу этих проектов он ведёт активную переписку с Тенишевой, отмечая, что «это его первый опыт по художественно-прикладному пути»[8]. Замысел художника не был осуществлён, Тенишева нашла целесообразным использовать проекты не для единого интерьера, а для отдельных предметов. Всего Н. К. Рерих, как он указывает в своём письме, создал 25 проектов. В альбоме «Талашкино. Изделия мастерских кн. М. К. Тенишевой», опубликованном в 1905 году, поместили фотографии некоторых из этих предметов[9].

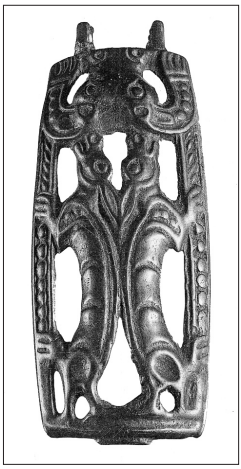
Наиболее содержательным и «звериным» у художника получился книжный шкаф (ил. 4), представляющий систему языческого мироздания. Плоскость дверей разделена на три яруса, при этом «небо» и «подземный мир» более точно цитируют мотивы пермского звериного стиля, образы птицевидных идолов и лосей в верхнем ярусе и пресмыкающихся и рыб — в нижнем. Однако художник использует мотивы «чудских образков» в свободной интерпретации, пластика форм более обобщённая, а композиционное решение — целостное.

Кресло (ил. 5) и стол используют только декор пермского звериного стиля, но это не отражается на всей конструкции в целом. В композиции спинки кресла прослеживаются мотивы симметричных «чудских бляшек», синтез силуэта птицы и маски. В резьбе ножек кресла и стола можно увидеть стилизованный мотив, который особенно привлекает Н. К. Рериха, он изобразил его и на кальке. Е. П. Маточкин называет две антропоморфные фигурки «хранителями дома», в декоре мебели (ил. 6 и 7) они разделяются.

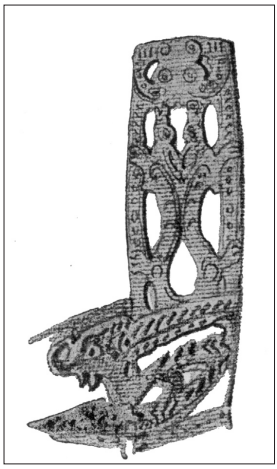
Мотивы пермского звериного стиля присутствуют и на скатерти, располагаясь в углах. Используется общая композиция бляшек с ярко



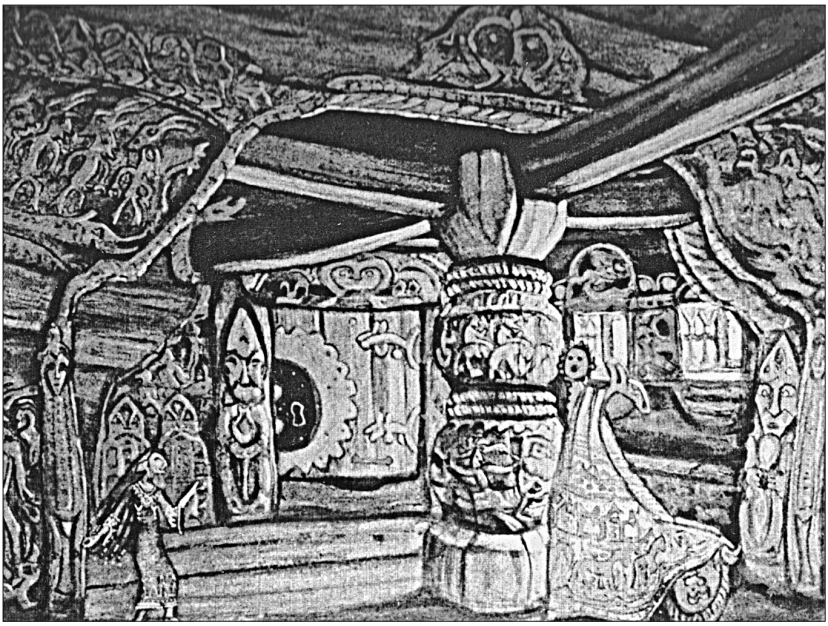
Ил. 5



Ил. 6



Ил. 7



Ил. 8. Эскиз Н. К. Рериха к симфонической сюите
А. К. Лядова «Кикимора» (1910)

Ил. 9. Интерактивный арт-объект по эскизу Н. К. Рериха «Терем Кикиморы»

выраженным силуэтом, однако сами прототипы стилизованы, это происходит и с виньеткой в издании альбома «Талашкино».

Логическим завершением темы пермского звериного стиля в декоративно-прикладном творчестве Н. К. Рериха становится эскиз (ил. 8) к симфонической сюите А. К. Лядова «Кикимора» (1910). В этой работе «чудские бляшки» наполняют всё пространство, организуя его, это продолжение концепции художника 1899 года. В композиции исследователи выделяют пятнадцать цитат произведений пермского звериного стиля[10]. Так мы видим, что Н. К. Рерих, создавая ясные конструкции мебели для Талашкино, не забывает о своей идее соединить археологию и искусство, возвращаясь к ней в приведённом выше эскизе.

Декоративно-прикладные произведения Н. К. Рериха, как оставшиеся в проектах, так и выполненные в материале, имеют разную пластическую систему, но и эскизы, и сами предметы вводят в арсенал формообразования балтийского модерна археологические мотивы, обогащая не только его тематику, но и художественный язык.

Музей-институт семьи Рерихов, создавая постоянную экспозицию, обратился к проектам Н. К. Рериха как к выразительному источнику, обладающему огромным творческим потенциалом. Раздел «Россия в творчестве Н. К. Рериха» был задуман как особое пространство для музейных образовательных программ. Основой организации экспозиции стал эскиз художника «Терем Кикиморы», компания «Комбинат музейно-выставочного искусства» создала театральные декорации, предполагающие взаимодействие с музейными объектами. Художественное произведение воплотилось в интерактивном арт-объекте (ил. 9), притягивающем внимание посетителей. Из дерева были вырезаны и стулья по проектам Рериха 1898 года, работу выполнила компания «Реставрация. Реконструкция. Ремонт». Наконец, для интерактивных программ были воссозданы и костюмы по мотивам эскизов Н. К. Рериха к «Весне священной» как, пожалуй, наиболее яркого отражения образов древности. Сотрудники компании «Kunjut Textile & Design» разработали проекты, выполнили печать на ткани и сшили женский и мужской ансамбли, руководствуясь эскизами Рериха 1912 года. Таким образом, пространство современного музея обогатилось уникальными экспонатами, созданными на основе научных изысканий художника, его теоретическими положениями о месте артефактов в современности и, конечно же, на основе творческого наследия мастера.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Калугина О.* Об истоках образного строя северного модерна. Монументально-декоративная пластика // Архитектура. Строительство. Дизайн. М.: Международная ассоциация союзов архитекторов, 2008. С. 108.

[2] *Никифорова Л. В.* Образ Финляндии в русской романтической традиции. К вопросу об историко-культурных корнях северного модерна // Северный модерн. Диалог культур. СПб.: Европейский Дом, 2005. С. 29.

[3] *Гусева Н. Ю.* Русская мебель в стиле модерн // На рубеже веков... Искусство эпохи модерна. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2006. С. 63.

[4] Николай Рерих в русской периодике, 1891–1918. Вып. 1: 1891–1901 / [Сост.: О. И. Ешалова, А. П. Соболев; Отв. ред. А. П. Соболев]. СПб.: Фирма Коста, 2004.

[5] *Маточкин Е. П., Мельников В. Л.* Пермский звериный стиль в творчестве Н. К. Рериха / Рериховские чтения. Материалы конференции 3–6 ноября 1997 г. Новосибирск, 2000. С. 249.

[6] *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.

[7] *Маточкин Е. П., Мельников В. Л.* Указ.соч. С. 263.

[8] Там же.

[9] Талашкино. Изделия мастерских кн. М. К. Тенишевой. СПб.: Содружество, 1905. Ил. 86, 89, 120, 121, 134.

[10] *Маточкин Е. П., Мельников В. Л.* Указ.соч. С. 273–276.

К. Е. РЫБАК
(Нормативно-правовой департамент Министерства культуры Российской Федерации; Москва)

О ПРИЁМЕ В ГРАЖДАНСТВО СССР ЧЛЕНОВ СЕМЬИ РЕРИХОВ И ОКРУЖАВШИХ ИХ ЛИЦ

«Для народа русского мы трудились.
Ему несём знания и достижения».
Н. К. Рерих[1]

Из дневника Николая Константиновича Рериха: «Нынче исполнилось четверть века наших странствий. Каждый из нас четверых [Н. К., Е. И., Ю. Н. и С. Н. Рерихи — *К. Р.*] в своей области накопили немало знаний и опыта. Но для кого же мы все трудились? Неужели для чужих? Конечно, для своего, для русского народа мы перевидали и радости, и трудности, и опасности. Много где нам удалось внести истинное понимание русских исканий и достижений. Ни на миг мы не отклонялись от русских путей. Именно русские могут идти по нашим азийским тропам. И Юрий, и Святослав умеют сказать о ценностях народных. Умеют доброжелательно направить молодое мышление к светлым путям будущего. Юрий — в науке, Святослав — в искусстве прочно укрепились. Разве для чужих? Велики нахождения Елены Ивановны. Её записи найдут живой отклик в сердцах искателей мыслителей. Разве для чужих? И Александр Невский, и Ярослав, и Святогор, и Микула, и Настасья Микулишна прошли по Индии и останутся во славу народа русского. И Сергий Радонежский, и древний Новгород, и Нередица, и “Откровенные врата”, и Вестник — всё напомнит о братском народе, о неделимой дружной великой семье народов»[2].

Уже в 1936 году Н. К. Рерих начинает прощупывать почву для возвращения на Родину и активно обращается к исторической роли Руси в мироустройстве[3]. «В 1926 году было уговорено, что через десять лет и художественные, и научные работы будут закончены. С 1936 года начались письма, запросы. Г. Г. Ш[клявер] извещал, что Суриц предложил пожертвовать для музеев четыре картины. Наше французское общество писало Верховному Совету о Пакте. Писали в Комитет по делам искусства. Посылали книги. Ждали вестей»[4]. В 1937 году Николай Константинович обращается к М. И. Калинину о присоединении СССР к Пакту[5]; в 1938 году обращается в Комитет по делам искусств СССР с просьбой принять в дар три картины (по рекомендации Посла СССР во Франции Сурица). В том же году пишет письмо в Наркомат иностранных дел СССР:

«Я и члены моей семьи стремятся теперь же принести свои познания и творчество в пределы Родины»[6]. Далее М. М. Литвинов обращается к И. В. Сталину о желании Н. К. Рериха вернуться с семьёй в СССР. Причём, даёт Рериху положительную характеристику. Сталин на обращении ставит резолюцию: «Не отвечать»[7]. В 1939 году Н. Рерих даёт поручение сотрудникам Латвийского общества Рериха в получении советских виз через советское полпредство в Латвии. Председатель общества Рихард Рудзитис пишет в дневнике, что «...получено письмо, в котором Рерих высказывает желание вернуться на Родину»[8]. В 1947 году за несколько недель до смерти Николай Константинович снова безрезультатно обращается к Советскому Правительству (В. М. Молотову)[9].

18 декабря 1947 года вдова младшего брата Н. К. Рериха, Бориса, — Татьяна Григорьевна Рерих[10] в письме Управделами Совмина СССР Я. Е. Чадаеву сообщила, что получила телеграмму через адрес академика Е. Н. Павловского от вдовы Н. К. Рериха Елены Ивановны и его сына Юрия Николаевича с сообщением о смерти Николая Константиновича и просьбой ходатайствовать у Правительства СССР права возвращения их на Родину[11].

5 мая 1948 года Елена Ивановна написала Татьяне Григорьевне, что 6 января 1948 года было послано заявление о возвращении и в феврале посольство получило указание приступить к оформлению возвращения Елены Ивановны и Юрия Николаевича. Далее Елена Ивановна отмечала, что «ещё за несколько недель до своей смерти Николай Константинович писал Вячеславу Михайловичу Молотову, а также послал телеграмму. Не знаем, получено ли это письмо. С тех пор ход дела как-то замедлился, и мы не знаем настоящего положения, хотя в посольстве нам говорили о благополучном исходе. Так хотелось бы довезти картины Николая Константиновича до родных берегов, ибо чем дальше, тем труднее будет вывезти отсюда картины. Удивляемся, что И. Э. Грабарь, писавший так исправно, не откликнулся на наше телеграфное извещение о смерти Николая Константиновича и на наше желание привезти на родину имеющиеся у нас произведения Николая Константиновича. В чём дело? Нельзя ли справиться в соответствующих учреждениях о прохождении нашего дела и срока выноса окончательного решения? Быть может друзья смогут помочь Вам в получении справки о ходе дела и посоветовать дельнейшие шаги»[12].

В свою очередь Татьяна Григорьевна переслала копию этого письма Елены Ивановны в МИД ССР и присовокупила, что «возможно, что ей [Елене Ивановне] осталось жить не долго — этим я объясняю настойчивость её просьбы о переезде в СССР и перевозе оставшегося у неё художественного наследства Н. К. Рериха, которое в случае её смерти едва ли будет доставлено в СССР»[13].

8 января 1949 года Татьяна Григорьевна, движимая телеграммой, полученной от Святослава Николаевича Рериха с просьбой узнать, как обстоят дела по принятию их в гражданство, обратилась в Консульское управление МИД СССР с просьбой сообщить о сроке для окончательного решения о возвращении семьи Рерих в СССР[14].

17 декабря 1950 года Елена Ивановна в письме к А. Я. Вышинскому отметила, что присоединяется к обращению своего сына Юрия Николаевича и просит «не отказать мне и двум моим воспитанницам в разрешении вернуться на Родину и, несмотря на мой преклонный возраст, дать мне возможность явиться на сотрудничество с народом нашим и Новой Страной в яро наступающие трудные дни. Надеюсь на благоприятный ответ, прошу Вас принять выражение моего глубокого уважения»[15].

Из архивных дел узнаём, что Елена Ивановна Рерих, урождённая Шапошникова, внучатая племянница фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова, родилась 12 февраля 1879 года в Санкт-Петербурге, до 1916 года проживала в Петрограде, окончила Мариинскую гимназию и музыкальную школу под руководством проф. С. А. Малозёмовой и проф. И. А. Боровки. В 1901 году вступила в брак с Николаем Константиновичем Рерихом и в конце 1916 года вместе с мужем выехала в Финляндию, а оттуда в Швецию. Оттуда в 1919 году переехала в Англию, где проживала до осени 1920 года. С 1921 по май 1923 года провела в США. В мае 1923 года уехала с семьёй во Францию, посетила Италию и Швейцарию. В конце 1923 года уехала в Индию, занимается литературным трудом. Принимала участие в ряде экспедиций: Сикким (Восточные Гималаи) 1923–1924 годы, Среднеазиатская экспедиция Н. К. Рериха 1925–1928 годы (Кашмир, Ладак, Восточный Туркестан, СССР, Монголия, Ганьсу, Тибет, Сикким), Западный Тибет 1930–1932 годы. В 1926 году в составе научной экспедиции в Монголию и Тибет посетила Советский Союз. Интересно, что в разделе анкеты «Гражданство (прежде и теперь)» отмечала, что она российская гражданка, с 1926 года гражданка СССР. В Москве проживает её родственница Татьяна Григорьевна Рерих — гражданка СССР, которая поддержала ходатайство Е. И. Рерих о приёме в советское гражданство, о чём упоминалось выше[16].

В справке Комитета информации при Совмине СССР от 21 января 1949 года отмечалось, что отец Юрия Николаевича — Николай Константинович Рерих «проживая в Харбине <...> был близок к высшим японским правительственным кругам и пользовался их особым покровительством. Так, в 1935 году белогвардейская газета «Харбинское время» выступила против Рериха, узнав об этом японские власти занялись расследованием, в результате чего редактор газеты получил выговор, а к Рериху были посланы специальные представители с извинениями.

По политическим убеждениям Н. К. Рерих являлся сторонником отчуждения от СССР районов Сибири и Дальнего Востока, вплоть до образования на этой территории самостоятельного буржуазного государства. Для этой цели в Харбине им был создан, так называемый «Совет уполномоченных автономной Сибири», в которой он являлся почётным председателем. По сведениям, требующим проверки, Рерих оказывал финансовую помощь харбинским белоэмигрантским организациям. Известно также, что представители этих организаций пытались получить от него материальную помощь на организацию переброски в СССР группы разведчиков. Сын его — Юрий Николаевич Рерих, по данным за 1934 год, якобы окончил школу английской военной разведки»[17].

В справке о Ю. Н. Рерихе от 12 октября 1948 года, подготовленной ОВИР ГУ милиции МВД СССР помимо его биографических данных также отмечалось, что он, по имеющимся сведениям, тесно связан с английской разведкой и может быть полезен для Советского Союза[18].

17 декабря 1950 года Ю. Н. Рерих обратился к А. Ю. Вышинскому «в виду наступающего грозного времени, в добавлении к моему заявлению от февраля 1948 года, ещё раз выражаю свою полную готовность послужить Родине. О вынесенном решении по моему делу не откажите поставить меня в известность через Посольство в Дели»[19].

Согласно анкете-заявлению о приёме в гражданство СССР от 24 октября 1956 года, Юрий Николаевич родился 16 августа 1902 года в м. Окуловка, Валдайского уезда, Новгородской губернии, русский. Отец — художник, академик, мать — Елена Ивановна — дочь архитектора И. И. Шапошникова. Брат — Святослав Рерих, родился 23 октября 1904 года в Санкт-Петербурге, бывший российский подданный, художник. Сведений о родственниках, проживающих в СССР не имеет. Окончил гимназию К. И. Мая в Петрограде, школу Восточных языков в Лондоне, Гарвардский и Парижские университеты. По профессии востоковед. До 1917 года состоял в российском подданстве, в 1926 году подавал заявление о принятии в гражданство СССР, но выехал до окончательного оформления. Позже подавал ходатайство о гражданстве или въезде в СССР в 1939 году через посольство в Латвии, в июле 1941 года через посольство в Лондоне, в феврале 1948 года через посольство в Индии. В декабре 1916 года выехал из России в Финляндию, в 1926 году лето провёл в Москве и на Алтае, в сентябре 1926 года выехал в МНР по экспедиционному паспорту, визированному генконсульством СССР в г. Урумчи и по визе, выданной посольством МНР в Москве[20].

В ГАРФ сохранилась подборная автобиография Юрия Николаевича, уточняющая изложенные в анкете сведения. Из неё узнаём, что его отец состоял директором Школы Общества поощрения художеств (Мойка, 33). Среднее образование Ю. Н. Рерих получил в гимназии К. И. Мая

(14-я линия В. О.). 1917–1919 годы провёл в Финляндии (г. Сердобль, Выборг) и Швеции в связи с выставкой картин отца в Скандинавских странах. Осенью 1919 года переехал в Лондон, где занимался в Школе Восточных языков при Лондонском университете (персидское и санскритское отделение). Окончив второй курс школы, перевёлся в Гарвардский университет, где провёл 1921–1922 годы, занимаясь у знаменитого индолога профессора Ч. Ланмана (санскрит, язык пали, классический китайский). В августе 1922 года вернулся в Европу. В 1922–1923 годах работал в Парижском университете. Специально работал на Среднеазиатском и Тибето-монгольском отделениях Колледж де Франс и Школы Высших исследований при Парижском университете у профессора П. Пеллио, знаменитого историка и исследователя Средней Азии и Дальнего Востока и профессора Баке, известного тибетолога и исследователя Тибета. Одновременно занимался на военном и юридическо-экономическом отделениях университета и слушал курс китайского и персидского языков в Школе восточных языков. В ноябре 1923 года с родителями и братом Святославом выехал из Франции в Индию. Весь 1924 и январь–февраль 1925 года работал в Дарджилинге и Сиккиме, занимаясь тибетским языком. В 1925 году напечатал в Париже работу о тибетской живописи. В марте 1925 года переехал в Кашмир, где оставался до августа. В августе в составе экспедиции академика Н. К. Рериха выступил в Ладак, откуда через Каракорумский перевал прошёл в Синьзян, Китай. Зиму и весну 1925–1926 годов провёл в Синьзяне. В мае 1926 года в составе экспедиции выступил из г. Урумчи на Дурбульджин и 29 мая 1926 года перешёл границу Советского Союза через погранпункт Кузеунь (около озера Зайсан). Июнь и июль 1926 года провёл в Москве. В августе 1926 года был на Алтае (Бийск, с. Верхний Уймон). 9 сентября 1926 года выехал из Верхнеудинска (ныне Улан-Уде) в Улан-Батор (МНР), где пробыл до 13 апреля 1927 года. 13 апреля в составе экспедиции академика Н. К. Рериха выехал в Тибет. Пройдя через Тибет, экспедиция прибыла в конце мая 1928 года в Дарджилинг, Бенгал (Индия), где он пробыл до декабря 1928 года. В декабре 1928 года экспедиция была переброшена в западные Гималаи, долину Кулу. 19 мая 1928 года выехал с отцом и братом в Европу и США. До апреля 1930 года провёл в США, читая лекции в университетах. В апреле 1930 года выехал в Англию и Францию, где провёл летние месяцы до сентября 1930 года. Осень провёл в Пондишери (Французская Индия) и в декабре 1930 года вернулся в Кулу, где академиком Н. К. Рерихом был основан Институт гималайских исследований. С 1931 года по февраль 1934 года состоял директором названного института. В 1931 и 1932 годах летние месяцы провёл в Западном Тибете. В 1931 году напечатал труд «Пути по Средней Азии», вышедший на английском и французском языках. В 1932 году напечатал книгу

«Звериный стиль у кочевников Северного Тибета» (Прага) и в 1933 году исследование тибетского наречья Гаржа. В феврале 1934 года вновь выехал в научную экспедицию, сопровождая отца. В 1934–1935 годах работал в Японии, Манчжурии, Внутренней Монголии и Пекине. В декабре 1935 года через Шанхай и Сингапур вернулся в Индию. С 1935 по 1948 годы безвыездно прожил в Кулу, занимаясь научной работой. По 1942 год состоял директором Института гималайских исследований. В 1939 году во время боёв при Халхин-Голе выразил через Советское посольство в Латвии свою постоянную готовность защищать рубежи Родины. Такое же заявление было сделано в начале июля 1941 года, причём 23 июля 1941 года была получена телеграфная благодарность от советского посла в Лондоне И. М. Майского. Аналогичное заявление было сделано главному командованию Советских вооружённых сил в августе 1945 года при вступлении Советского Союза в войну с Японией. В январе 1948 года покинул Кулу и по май 1948 года проживал в Дели. В феврале 1948 года вместе с матерью и двумя воспитанницами матери Л. М. и И. М. Богдановыми, подал заявление через Советское посольство в Индии о возвращении на Родину. С мая 1948 года по февраль 1949 года проживал в Кхандале около Бомбея, ожидая решения о возвращении. В феврале 1949 года переехал с матерью в г. Калимпонг (Западный Бенгал), где и проживал на момент написания автобиографии в октябре 1956 года. В 1950–1954 годы вышел большой труд — перевод на английский язык тибетской хроники Синий Дебтер, напечатанный Азиатским обществом в Калькутте. С 1953 года руководил индо-тибетским семинарием для оставленных при университете для переподготовки к профессорскому званию. Далее Юрий Николаевич отмечал, что в ближайшее время ожидаются публикации его работ: «Грамматика со словарём современного тибетского языка» (издание Правительства Западного Бенгала), «Хождение в Индию Чаг лоцавы тибетского» (издание Научного Института имени К. П. Джаясвала в Патне) и монография «Наречия Амдо с текстами и словарём» (работа печатается в Риме). Состоит вице-президентом Индо-Китайской ассоциации (Калимпонгское отделение) и заведует курсами китайского и тибетского языков при ассоциации[21].

В заключении, подготовленном заведующим консульским отделом Посольства СССР в Индии И. Егоровым, который поддержал ходатайство о приёме в гражданство СССР Юрия Николаевича, в том числе отмечалось, что «по сведениям, полученным корреспондентом “Правды” О. Л. Орестовым, Рерих Ю. Н. является известным тибетологом и монголоведом. Его труды по Тибету представляют большой интерес для науки. Имеет большое желание вернуться в СССР. Во время Второй мировой войны Рерих Ю. Н. послал в СССР заявление о том, чтобы

его считали добровольцем Советской Армии, в ряды которой он готов вступить по первому зову. Скромный и трудолюбивый человек. Неоднократно высказывался, что он может успокоиться, только передав все свои труды и опыт Родине»[22].

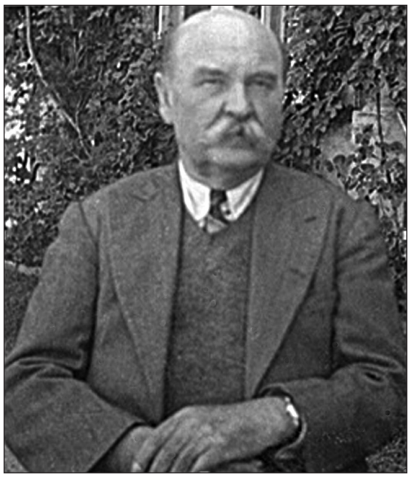
26 октября 1956 года МИД СССР обратился в Минкультуры СССР с просьбой высказать мнение о ходатайстве Ю. Н. Рериха, имея в виду, что «у него находится архив и ряд картин его отца академика и известного художника Рериха Н. К.»[23].

Из записки заместителя Министра иностранных дел СССР А. Захарова секретарю Президиума Верховного Совета СССР А. Ф. Горкину от 16 января 1957 года узнаём, что ранее возбуждённые Ю. Н. Рерихом, Л. М. и И. М. Богдановыми ходатайства о приёме в СССР были отклонены. Во время пребывания в Индии Н. А. Булганина и Н. С. Хрущёва Ю. Н. Рерих лично обратился к ним с просьбой разрешить ему и сёстрам Богдановым въезд в СССР на постоянное жительство. Н. А. Булганин положительно отнёсся к ходатайствам и дал указание посольству СССР в Индии оказать содействие Рериху и Богдановым во въезде в СССР[24].

В итоге заявление о приёме в советское гражданство Ю. Н. Рериха и «двух воспитанниц его семьи» сестёр Л. М. и И. М. Богдановых было удовлетворено, также было разрешено ввезти на льготных условиях в СССР имеющееся у Ю. Н. Рериха имущество, в том числе библиотеку, архив и картины[25].

В 1957 году Юрий Николаевич переехал на постоянное жительство в Москву, где сначала работал научным сотрудником Института востоковедения АН СССР, затем заведующим сектором индийской философии и культуры этого института, подготовил и издал ряд работ по Тибету и Монголии и проводил работу по созданию тибетско-санскритско-англо-русского словаря. По возращении в СССР Ю. Н. Рерих передал безвозмездно в собственность государства привезённые им 356 картин своего отца, в качестве благодарности за этот подарок Минкультуры СССР подарило Ю. Н. Рериху автомашину «Волга» и дачу. Вместе с ним из Индии приехали две его «приёмные сестры» И. М. и Л. М. Богдановы[26].

Юрий Николаевич умер 21 мая 1960 года. Распоряжением Совмина СССР от 5 августа 1960 года № 2338р[27] в 1968 году за счёт государства было установлено надгробие на Новодевичьем кладбище в Москве, а также 16 октября 1962 года мемориальная доска по Ленинскому проспекту, дом 62, где проживал Юрий Николаевич. Л. М. и И. М. Богдановым, длительное время находившимся у него на иждивении, были установлены пенсии в размере 1200 рублей в месяц каждой пожизненно и выданы единовременные пособия в размере 5000 рублей каждой.



А. Ф. Яловенко

Квартира, в которой жил Ю. Н. Рерих, была пожизненно закреплена за сёстрами, за ними сохранялась и дача, ранее предоставленная Рериху Минкультуры СССР.

Завершая обзор документов о приёме семьи Николая Константиновича Рериха в гражданство СССР, отметим, что его сын Святослав Николаевич, в отличие от других членов своей семьи возвращаться в СССР не хотел, «но желал бы временно посетить Советский Союз с тем, чтобы ознакомиться с нашим киноискусством»[28]. Желание Святослава Николаевича, очевидно, было продиктовано тем, что его жена внучатая племянница Рабиндраната Тагора Девика Рани Рерих была одна из первых основательниц кино-индустрии в Индии[29].

Вернуться на Родину изъявили желание и окружавшие Рерихов в Кулу люди: семейный врач Антон Фёдорович Яловенко и воспитанницы Елены Ивановны Рерих сёстры Богдановы.

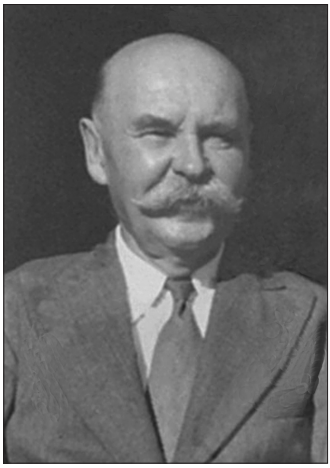
Приведём текст автобиографии, подготовленной **Антоном Фёдоровичем Яловенко** в числе документов для приёма в гражданство СССР[30]: «Сын крестьянина Фёдора Михайловича Яловенко. Родился 15 августа 1885 года, в слободе Зимовенка, Б.-Троицкого района, Курской области. В 12 лет окончил зимовенскую земскую школу с похвальным листом и поступил в школу садовых рабочих известного русского садовода Михаила Александровича Перотте, находившейся в селе Димитровка, Корочанского уезда Курской губернии. По окончании таковой был оставлен, как лучший ученик, при школе для дальнейшей работы и пополнений знания в этой интересной отрасли сельского хозяйства. До призывного возраста работал также в харьковских садоводствах в качестве рабочего и практиканта как то: Грикке, Кабешова и Кирсона. В конце 1906 года был призван на действительную военную службу. Начал службу в 12 Туркестанском стрелковом батальоне. Летом 1907 года был командирован в школу ротных фельдшеров при Скобелевском местном лазарете, каковую и окончил с высшими отметками в 1908 году, и был оставлен при лазарете для дальнейшего образования в этой области. В конце 1911 года был приглашён на должность фельдшера при амбулатории Российского генерального консульства в Кашгаре (Китайский Туркестан) куда и отбыл 1 января 1912 года.

А. Ф. Яловенко (слева) и В. А. Шибаев (справа). Наггар, Индия. 1940-е

В январе 1913 года выдержал экзамен на первый классный чин при Скобелевской мужской гимназии и в мае этого же года был зачислен в штат Министерства иностранных дел и откомандирован в качестве канцелярского служителя в Генеральное консульство в Кашгаре, где и находился вплоть до 20 сентября 1920 года, когда произошло закрытие Российского Генерального консульства. По прекращении консульских функций, я, единственный из чинов консульства остался в Кашгаре и на меня легла ответственность по охране столь богатого российского имущества. В декабре месяце 1920 года мною было получено предписание Российского посланника в Пекине передать всё имущество и здания Консульства китайским властям, что и было мною сделано 26 декабря 1920 года. После оформления передачи Консульства китайским властям, я тут же был назначен заведующим охраной Консульства, каковую должность и исполнял вплоть до прибытия Генерального консула СССР г. Думписа.

За время заведывания охраной Консульства, т. е. с 1 октября 1920 года по 1 сентября 1925 года, мне неоднократно приходилось бороться с теми же китайскими властями, которым очень хотелось поселиться в чистых европейских зданиях с прекрасными молодыми садами, но зная, во что они обратили консульские здания в других городах Синьцзяна, я всячески старался не допустить их. Особенно трудно пришлось мне в дни убийства Ма-Титая, когда в Кашгар ворвалась разнузданная не дисциплинированная военщина, которая с оружием в руках, требовала допуска их в Консульство, и лишь благодаря моему знакомству с Ма-Шао-ву, который командовал этой бандой, и благодаря моей специальности, как доктора, в чём они очень нуждались после боёв, я смог отстоять от разрушения Консульства и спасения молодых насаждений, к которым они всегда привязывают своих лошадей.

Не буду говорить, что я сделал для консульского участка до 20-го года, но должен сказать, что этот участок в 15-м году представлял из себя совершенно чистое поле люцерны, за исключением нескольких абрикосовых и грушевых деревьев в большом саду при квартире консула и нескольких штук тополей. Всё другое насаждение сделано моими руками. Точно я не могу сказать, сколько мною посажено и привито плодовых деревьев и цветущих кустарников до закрытия Консульства, знаю точно, что за время моего заведывания охраной до приезда г. Думписа, мною было посажено более 1000 декоративных и часть плодовых деревьев. Даже во время г. Думписа и по его просьбе, мною было посажено несколько десятков плодовых деревьев на бывшем конвойном дворе. Воображаю, как это всё там разрослось и как бы мне хотелось взглянуть на дела моих тогда ещё молодых рук.



А. Ф. Яловенко

После закрытия Консульства, я остался совершенно без всяких средств к существованию и мне пришлось обратиться с просьбой к Российскому Посланнику в Пекине, разрешить мне воспользоваться инвентарем и оставшимися медикаментами Консульской амбулатории, с условием, что всё будет возвращено вновь назначенному Консулу СССР, на что я и получил разрешение. Когда прибыл Генеральный Консул СССР г. Думпис, и после приёма им Консульства, я в свою очередь предложил ему принять от меня инвентарь и медикаменты, но г. Думпис, ссылаясь на то, что Консульство ещё не имеет врача, разрешил мне пользоваться таковым, впредь до прибытия штатного врача Консульства. Это была большая любезность со стороны г. Думписа, так как это мне дало возможность с помощью торгового агента г. Клидзина, обзавестись инвентарём и частью медикаментами, полученными из Москвы.

С самого начала прибытия чинов Консульства и торговых организаций, я всегда оказывал им медицинскую помощь, даже и после того, как прибыл штатный врач Консульства. Последняя моя помощь была в 1932 году, это была необходимая спешная ампутация ноги, одному из служащих торгпредства.

С прибытием врача Консульства, мною был передан весь инвентарь амбулатории, но от медикаментов Консульство отказалось, ссылаясь на то, что они всё равно были бы испорчены за столь продолжительное время.

Работая в собственной амбулатории с 1921 года, это дало мне возможность в 1929 году выехать в Европу для восстановления расшатанного здоровья трёхлетней болезнью и смертью моей жены. В Париже мне удалось устроиться в двух госпиталях, где я мог пополнить свои знания новыми методами лечения болезней, и в Институте Пастера, где я изучал лабораторные работы и новые реакции.

В конце 1930 года я вернулся в Кашгар, с новыми силами и новыми знаниями, для дальнейшей мною любимой работы, среди тёмного, но не плохого народа. Судьба сулила другое. В конце 1932 года в Синьцзяне вспыхнуло мусульманское восстание, и в начале 1933 года оно докатилось до Кашгарского даотайства. В марте месяце по просьбе китайских властей, мне пришлось отправиться на фронт для оказания помощи раненым и больным воинам. Эта командировка продолжа-

лась не более сорока пяти дней, и в конце апреля я вернулся в Кашгар. После взятия Кашгара повстанцами, мне пришлось работать более двух месяцев во вновь образовавшемся мусульманском госпитале. Руководители этого госпиталя оказались, как их называли, андижанскими басмачами. Это просто типы из разных шаек Тяньшаня, как то: Халходжи и других, и после разгрома их красными войсками [они] нашли убежище в Кашгарии. Эта шайка обложила население известными налогами, якобы в пользу госпиталя, но вся эта сумма почти что целиком уходила в их карманы. На одном из собраний по вопросу оказания местному населению медицинской помощи, я очень правдиво и резко высказался против этих руководителей. Это вызвало бешеную агитацию против меня не только устно, но и местной газетой, находящейся в руках этих же бандитов, обвиняя меня в преданности китайской власти и страстной ненависти к мусульманам. Эта пропаганда повела к тому, что после боя 16 августа 1933 года, моя амбулатория и квартира были разграблены, так называемой андижанской ротой, вернее теми же басмачами. В силу этих событий, я вынужден был покинуть Кашгар, где я прожил более 28 лет[31].

Вы, конечно, можете задать мне вопрос. Почему же я поехал в Индию, а не обратился за помощью к Советскому Консулу, так как из всего вышеизложенного видно, что у меня были неплохие отношения с Советским Консульством. Это правда. Но на это я должен Вам чистосердечно признаться в следующем: ещё в бытность представителя в Урумчах г. Озорнина, то есть в 1924 году, когда он вёл переговоры с Синьцзянским Губернатором о заключении торгового и политического договора, я писал ему о положении имущества и зданий Консульства в Кашгаре. Послал точную опись инвентаря; советовал, что привести для пополнения его и какие необходимы материалы для ремонта зданий Консульства. В то же время просил его прислать мне анкеты и указания для восстановления в Советском гражданстве, но быстрый отъезд не дал мне возможности привести это в жизнь. С прибытием чинов Консульства и торговых организаций в Кашгар, я полностью отдал себя в их распоряжение. Впредь до организации ими своего хозяйства, я предоставил им питание у себя, за что они были очень благодарны. Они были новые люди, без языка, не знали местных обычаев и порядков и вообще для них была это совершенно, как многие говорили, дикая страна. С первых же дней я начал помогать секретарю Консульства Н. К. Киселёву в организации консульского хозяйства, как то: наём служащих, покупка материалов для ремонта зданий, наём рабочих по ремонту зданий; заготовка дров; организация питания и вообще масса всевозможных мелочей, где нужен глаз и знание людей. Это может Вам подтвердить бывший в то время секретарь Консульства Николай Алексеевич Киселёв. Всё это

показывает, что я не был чужд новым начинаниям, но когда моя жена подала заявление с просьбой разрешить ей необходимую поездку в Россию для лечения её ужасного суставного ревматизма, то это заявление пролежало на столе г. Думписа до приезда его заместителя В. П. Постникова, то есть ровно три года, а моя жена как слегла в марте 1937 года, [так] и уже больше не поднялась. Такое отношение к моей просьбе так меня огорчило, что я постарался отойти в сторону от г. Думписа.

С прибытием В. П. Постникова мои отношения сразу восстановились со всеми чинами Консульства и торговой организации. В 1929 году как меня, так равно и г. Постникова постигло несчастье, мы оба потеряли почти что одновременно своих жён. Я уехал в Европу, а г. Постников в Москву для устройства своих семейных дел. По возвращении нашем в Кашгар, наши интересы встретились в одной и той же точке и это повело к охлаждению наших отношений. Вы скажете, что всё это личные дела, это верно, но печально то, что это пересекает путь Ваших стремлений. Ибо они идут через руки Ваших недругов.

Передать всё пережитое за эти годы очень трудно. Одно скажу, что я сделал очень большую ошибку, покинув Кашгар. Попав в страну, где нет нашего Представителя, к которому можно было бы обратиться со своей просьбой, и, не имея возможности выехать в другую страну, где таковой имеется, я решил в 1938 году обратиться с покорнейшей просьбой к Генеральному Консулу в Кашгаре прийти мне на помощь вернуться на старое пепелище, то есть в Кашгар, где бы я мог возбудить ходатайство о восстановлении меня в гражданстве и возвращении на Родину. Я мог бы обратиться к более ближайшему нашему представителю, как например, в Афганистане, но это заняло бы очень много времени о наведении справок о моей личности, тогда как в Кашгаре всё это было под руками. В консульском архиве были все данные о моей службе в нём, кроме того кашгарские жители так хорошо знали всю мою деятельность, что было бы легко собрать любые сведения, если таковые потребуются, как за, так равно и против. Ибо нет человека, у которого не было бы врагов и его жизненных ошибок, а если таковые и встречаются, то это значит, эти люди вообще в жизни ничего не делали. Не могу сказать получил ли кашгарский консул моё письмо, но знаю одно, что я на него не получил никакого ответа. Конечно, быть может, оно было задержано каким-нибудь учреждением и кончено не было доставлено по назначению, так как мы бедные скитальцы везде были и есть под известным наблюдением, а тем более, по сношениям со своей Родиной и её представителями.

Поданная просьба в феврале месяце 1948 года в Дели и полученный ответ об отклонении её в апреле минувшего года, очень сильно огорчило меня. Я никогда не думал, что моя просьба будет отклонена и не могу

А. Ф. Яловенко, С. Н. Рерих, Л. М. Богданова,
Д. Рани, Н. К. Рерих, Ю. Н. Рерих (слева направо)

себе представить, в чём же я виновен перед Родиной, часто мне приходит на мысль, не зачислили ли меня в семейство Н. К. Рериха, которого, как я слышал, обвиняют в каком-то мистицизме. К этому заключению я пришёл потому, что отклонена не только моя просьба, но и просьба малограмотных тружениц девушек Богдановых, которые были вывезены Рерихами из Урги, кажется в 1927 году, в качестве прислуг. Одно я знаю, что Н. К. Рерих был верующим человеком и чего-то искал в этой области, но, чтобы он был противник современной идеологии своей Родины, я никогда от него не слышал, знаю одно, что его белая эмиграция считала если не коммунистом, то, во всяком случае, сочувствующим идеологии на Родине. Что же касается г-жи Рерих, то я должен сказать, что она больной человек. Она больна нервной болезнью, которая называется — эпилептическая аура. Лица, страдающие этой болезнью, часто слышат какой-то невидимый голос и видят какие-то предметы. Зная его

глубокую привязанность, вернее любовь к своей жене, и благодаря его мягкосердию, он часто подпадал под её влияние и даже иногда верил в её сверхъестественные способности. Я часто говорил ему о болезни Елены Ивановны, но он как-то холодно относился к моим познаниям в этой области, но когда я ему дал книгу, то он попросил сделать выписки, в то же время просил не говорить об этой болезни Е. И. Знаю одно, что Н. К. был большой патриот и всё время думал подать просьбу о возвращении его и семейства на Родину. Но опять-таки, отсутствие нашего представителя в Индии его удерживало. Его сыновья такие же патриоты. И особенно старший Юрий Николаевич. Он готов был стать в ряды армии простым солдатом в последнюю войну с Германией, но его просьба была, насколько я помню, так же отклонена. Из этого Вы можете заключить, что никакого мистицизма здесь нет, а особенно у девушек Богдановых и лично у меня.

После подачи ходатайства о признании меня в Советское гражданство, в феврале месяце 48 года, я был отстранён от должности домашнего врача Рериха, в апреле уехал в Бомбей, в надежде скорого разрешения моего ходатайства, но выждав почти что год, не получая ответа на мою просьбу, я должен был принять от сыновей Н. К. Рериха должность заведующего их маленьким имением в долине Кулу, Нагар, где и проживаю до настоящего времени.

Вот вся моя чистосердечная биография. Если же Вы имеете какие-то другие обвинения против меня, то я готов всегда предстать перед справедливым народным судом моей Родины и, верю, что буду оправдан. Знайте одно, что среди простых тружеников, предателей и изменников своей Родины не бывает.

В заключении, я слёзно умоляю комиссию по восстановлении в гражданстве русских людей, дать мне возможность вернуться на Родину и по силе возможности принести свой труд на благо Великой моей Родины и её родного народа. А. Яловенко»[32].

Рассмотрев ходатайство А. Ф. Яловенко МИД СССР в письме от 14 июля 1952 года председателю Комиссии Президиума Верховного Совета СССР по рассмотрению вопросов приёма, выхода и лишения гражданства СССР А. Ф. Горкину отметил, что «первое ходатайство Яловенко о приёме в советское гражданство отклонено в 1948 году (протокол № 196 от 17 октября 1948 года). Посольство СССР в Индии ходатайство заявителя не поддерживает. Яловенко А. Ф. более 40 лет проживает за границей и с Советским Союзом ничем не связан, Министерство Иностранных Дел СССР не видит оснований к пересмотру ранее принятого решения об отклонении его ходатайства о приёме в гражданство СССР». Учитывая позицию МИД СССР прошение было отклонено (протокол от 17 октября 1949 года № 196)[33]. Позже решением Комис-

сии Президиума Верховного Совета СССР по рассмотрению вопросов приёма, выхода и лишения гражданства СССР ходатайство опять было отклонено (протокол от 5 января 1953 года № 56)[34].

Антон Фёдорович в третий раз изъявил желание быть принятым в гражданство СССР. На этот раз его автобиография была значительно короче и заканчивалась пассажами, что «после смерти Н. К. Рериха, вся его семья, и я лично с ними, покинули долину и выехали в Дели, где и подали наши заявления в Посольство с просьбой восстановить нас в гражданстве с выдачей виз на въезд в Россию. Отказ Правительства СССР в нашей просьбе заставил меня вернуться обратно в долину и занять должность управляющего и садовника маленького имения братьев Рерих, где и проживаю до настоящего времени. О всём пережитом за эти годы говорить не буду, оно Вам известно из предыдущей моей биографии. В заключение я покорнейше прошу Комиссию по восстановлению в гражданстве русских людей, дать мне возможность вернуться на Родину и по возможности принести свой труд на благо Великой моей Родины и её родного народа»[35].

Письмом МИД СССР от 6 августа 1955 года секретарю Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Пегову сообщалось, что «посольство СССР в Индии <...> ходатайство <...> поддерживает. Учитывая положительное заключение Посольства и то, что Яловенко А. Ф. уже дважды ходатайствовал о гражданстве СССР и искренне стремится возвратиться на свою родину, Министерство Иностранных Дел считает возможным его ходатайство о приёме в советское гражданство удовлетворить»[36].

Письмом КГБ при Совмине СССР от 8 октября 1955 года в адрес Н. М. Пегова сообщалось, что возражения против приёма в гражданство СССР А. Ф. Яловенко не имеется[37].

Интересна справка об Антоне Фёдоровиче, присланная начальнику канцелярии Президиума Верховного Совета СССР Н. К. Козлову сопроводительным письмом от 25 октября 1955 года. В этой справке сообщалось, что по социальному происхождению Яловенко из крестьян-середняков, «родители до и после революции занимались сельским хозяйством. Отец и мать умерли в 1919 году. Родной брат Яловенко Иван Фёдорович, 1879 г. р., по социальному происхождению колхозник, проживает в с. Зимовеньки Белянского совхоза. Во время немецкой оккупации проживал на оккупированной территории, но на руководящей работе у немцев как сам и его члены семьи не работали, а работали в своём хозяйстве. Второй брат Яловенко Дмитрий Фёдорович в селе Зимовенька до 1930 года занимался выделкой кож, имел батраков. В 1930 году был раскулачен, дом и движимое имущество изъято в колхоз. С 1931 года на территории Белянского совхоза не проживает, где в настоящее время находится для сельсовета не известно»[38].

И. М. Богданова

В архивном деле о приёме в гражданство отложилось и заявление Ивана Фёдоровича Яловенко (Яловенкова) от 3 октября 1955 года с просьбой на въезд «из заграничных районов то есть из Индии, на родину... о его прибытии на родину я ходатайствую издавна. О чём и прошу не отказать»[39].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 декабря 1955 года Антон Фёдорович был принят в гражданство СССР[40] и согласно письму консульского управления МИД СССР от 13 января 1956 года ему мог быть выдан советский заграничный вид на жительство. Этот вид дважды направлялся Антону Фёдоровичу, но не был получен им по причине его смерти в марте 1956 года[41].

У Антона Фёдоровича было шесть братьев (Василий, Иван, Иван, Дмитрий, Николай, Григорий) и 2 сестры (Евдокия, Ирина), все они родились в слободе Зимовенке[42].

В заключении, подготовленном заведующим консульским отделом Посольства СССР в Индии И. Егоровым, о котором мы упоминали, говоря о Ю. Н. Рерихе, было поддержано ходатайство **Ираиды Михайловны Богдановой**[43] из автобиографии которой узнаём, что она родилась 23 октября 1914 года в Троицкосавске, Забайкальской области. Родители Михаил и Мария Ил. Богдановы — жители с. Мурочи, Троицкосавского уезда, Забайкальской области. Отец и мать умерли. Начальное образование получила в советской школе 1 ступени в Улан-Баторе. Затем домашнее. До 1924 года проживала при матери в Троицкосавске. С 1924 по 1926 годы проживала при сестре Л. М. Богдановой в Улан-Баторе. С сентября 1926 года проживала при Е. И. Рерих. 13 апреля 1927 года выехала из пределов МНР в Тибет с экспедицией академика Н. К. Рериха по экспедиционному паспорту, выданному государственной внутренней охраной МНР в Улан-Баторе. 1927–1928 годы провела с экспедицией Н. К. Рериха в Ганьсу (Китай), Тибете, Сиккиме, Дарджилинге. С декабря 1928 года по январь 1948 года безвыездно проживала при Елене Ивановне Рерих в Нагаре, Кулу, Пенджаб, Индия. В январе 1948 года покинула Кулу с Е. И. Рерих и сестрой и по май 1948 года проживала в Дели. В феврале 1948 года вместе с Е. И. Рерих, Ю. Н. Рерих и сестрой Л. М. Богдановой, подала заявление через посольство СССР в Индии о возвращении на Родину. С мая 1948 года по февраль 1949 года проживала с Е. И. Рерих в Кхандале около Бомбея.

Л. М. Богданова

В феврале 1949 года с Е. И. и Ю. Н. Рерихами и сестрой Л. М. Богдановой переехала в Каллимпонг[44].

Также О. Л. Орестов уточнял, что «Рерихи вывезли Богданову И. М. в детском возрасте вместе с сестрой за границу. Обе сестры жили и продолжают жить сейчас в семье Рерихов на положении прислуги. Они жаловались на свою судьбу, сожалели, что Рерихи разлучили их с Родиной»[45].

Подобная судьба была и у **Людмилы Михайловны Богдановой**. Она родилась 26 сентября 1903 года в с. Мурочи, Троицкосавского уезда Забайкальской области. Начальное образование получила в Николаевском детском приюте (Троицкосавск). До 1923 года проживала при матери в Троицкосавске, в 1923–1927 (апрель) проживала в Улан-Баторе, с сентября 1927 года при Е. И. Рерих. Указывала, что в СССР проживает её сестра Анна, адрес которой Людмиле Михайловне неизвестен. Также, как и сестра Ираида, будучи наедине с О. Л. Орестовым, жаловалась на свою судьбу, и просила принять её в гражданство СССР[46].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ГАРФ. Ф. Р9576. Оп. 70. Д. 601. Л. 74.

[2] ГАРФ. Ф. Р9576. Оп. 70. Д. 601. Л. 73–74.

[3] См. например, записки Н. К. Рериха «Слава» (1943), «Летопись» (1944), «Русскому сердцу» (1944), «Русский век» (1944) — (ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 14. Д. 64. Л. 7–12об., 15–15об.). Так, в заметке «Русский век» Н. К. Рерих писал «Не только преуспела Русь на бранных полях славы, она успела в трудах и среди военных тягот теперь же строиться и ковать прекрасное будущее. И всё такое неслыханное достижение творится самобытно, своими особыми народными путями. Многие народы прислушались к действу русскому и приходят к тем же решениям... Народ Русский научился ценить прошлое. По завету Ленина русский народ сбережёт достижения строго знания, без них новой культуры не построить. “Знать, знать, знать”, “Учиться, учиться, учиться”».

[4] ГАРФ. Ф. Р9576. Оп. 70. Д. 601. Л. 73–74. В этой связи интересно обратиться к письму Н. К. Рериха к В. А. Шибаеву от 11 октября 1922 года: «После 1926–1927 годов развала, после событий 1928 года для России и для нашей работы важен 1931, а в 1936 году произойдёт ожидаемое событие» (Рерих Н. К. Дерзайте! Письма к В. А. Шибаеву и Н. В. Кордашевскому (1921–1925) // Абакан: Хакасское книжное издательство, 2012. С. 38).

[5] АВП РФ. Ф. 54. Оп. 16. Папка 453. Д. 6. Л. 7–8об.

[6] АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. Папка 138. Д. 2. Л. 274.

[7] АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. Папка 138. Д. 2. Л. 274. Док. 2.

[8] Рудзитис Р. Дневник. Зрелые годы: (1930–1960). Мн.: Звёзды Гор, 2003. С. 481.

[9] *Рерих Е. И.* Письмо Т. Г. Рерих. 5 мая 1948 года // ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 1. Д. (вр. №) 10406. Л. 7.

[10] Рерих Татьяна Григорьевна (1907—1953, в девичестве Овчинникова), архитектор. Вторая супруга младшего брата Н. К. Рериха — Бориса Константиновича Рериха. После смерти мужа, из СССР поддерживала связь с Рерихами. Ходатайствовала о возвращении Рерихов на Родину. Обращалась с прошениями к В. М. Молотову и А. Я. Вышинскому. Сохранила коллекцию картин Н. К. Рериха и архив, которые после её смерти были переданы в Государственную Третьяковскую галерею. Похоронена вместе с супругом на Даниловском кладбище в Москве.

[11] АВП РФ. Ф. 505. Оп. 9. Д. 17. Папка 860. Л. 28.

[12] АВП РФ. Ф. 505. Оп. 9. Д. 17. Папка 860. Л. 33.

[13] АВП РФ. Ф. 505. Оп. 9. Д. 17. Папка 860. Л. 109.

[14] АВП РФ. Ф. 505. Оп. 9. Д. 17. Папка 860. Л. 37.

[15] АВП РФ. Ф. 505. Оп. 9. Д. 17. Папка 860. Л. 54.

[16] ГАРФ. Ф. Р7523сч. Оп. 59. Д. 2951. Л. 1. АВП РФ. Ф. 505. Оп. 9. Д. 17. Папка 860. Л. 40 (анкета от 9 февраля 1948 года), 42.

[17] ГАРФ. Ф. Р7523сч. Оп. 59. Д. 2951. Л. 3.

[18] ГАРФ. Ф. Р7523сч. Оп. 59. Д. 2951. Л. 2.

[19] ГАРФ. Ф. Р7523сч. Оп. 88. Д. 3671. Л. 2.

[20] ГАРФ. Ф. Р7523сч. Оп. 88. Д. 3671. Л. 4–4 об.

[21] ГАРФ. Ф. Р7523сч. Оп. 88. Д. 3671. Л. 5, 6 (названия географических мест согласно тексту автобиографии).

[22] ГАРФ. Ф. Р7523сч. Оп. 88. Д. 3671. Л. 8.

[23] ГАРФ. Ф. Р7523сч. Оп. 88. Д. 3671. Л. 22.

[24] АВП РФ. Ф. 505. Оп. 9. Д. 17. Папка 860. Л. 104.

[25] ГАРФ. Ф. Р7523сч. Оп. 88. Д. 3671. Л. 25. См. также Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 марта 1957 года № 152/1 (ГАРФ. Ф. 7523сч. Оп. 88. Д. 5713. Л. 2).

[26] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 94. Д. 479. Л. 8.

[27] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 94. Д. 479. Л. 10.

[28] АВП РФ. Ф. 505. Оп. 9. Д. 17. Папка 860. Л. 113 (заключение Совпосольства в Индии от 19 октября 1948 года).

[29] АВП РФ. Ф. 505. Оп. 9. Д. 17. Папка 860. Л. 111, 112.

[30] Подробнее об А. Ф. Яловенко см. также: *Росов В. А.* Кашгарский доктор А. Ф. Яловенко: Забытая могила на склоне Гималаев // Дельфис. 2008. № 3 (55). С. 21–26; *Крылов П. И.* Индийский путь. СПб., 2015. С. 162–172. — Прим. ред.

[31] В другой автобиографии Антон Фёдорович уточнил историю своего нахождения в Индии. «Остановился в Сринагаре-Кашмир, в надежде на скорое возвращение на старое пепелище, но судьбе было угодно другое. В октябре 1936 года.

Я покинул Сринагар и переехал в долину Кулу, где в то время проживал наш, небезызвестный художник Н. К. Рерих, который принял меня очень любезно и гостеприимно, как и подобает всякому чисто русскому человеку, и предложил мне занять должность домашнего врача, каковую должность я и исполнял до самой его смерти, постигшей его 13 декабря 1947 года. После смерти Н. К. Рериха, вся его семья, и я лично с ними покинули долину и выехали в Дели, где и подали наши заявления в Посольство, с просьбой восстановить нас в гражданстве с выдачей виз на въезд в Россию. Отказ Правительства СССР в нашей просьбе заставил меня вернуться обратно в долину и занять должность управляющего и садовника маленького имения братьев Рерих, где и проживаю до настоящего времени» (АВП РФ. Ф. 50г. Оп. 9. Д. 17. Папка 860. Л. 19, 19об.).

[32] АВП РФ. Ф. 50г. Оп. 9. Д. 17. Папка 860. Л. 6–12.См. такую же автобиографию ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 68. Д. 1197. Л. 3–9.

[33] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 68. Д. 1197. Л. 1, 1об.

[34] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 68. Д. 1197. Л. 9об.

[35] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 88. Д. 1175. Л. 4, 4об.

[36] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 88. Д. 1175. Л. 1.

[37] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 88. Д. 1175. Л. 9.

[38] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 88. Д. 1175. Л. 11, 11об.

[39] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 88. Д. 1175. Л. 12.

[40] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 88. Д. 1175. Л. 12об.

[41] АВП РФ. Ф. 505. Оп. 9. Д. 17. Папка 860. Л. 16, 18.

[42] АВП РФ. Ф. 50г. Оп. 9. Д. 17. Папка 860. Л. 13. Интересно, что в статье Крылова П. И. «Доктор Яловенко» упоминается ещё одна сестра Антона Фёдоровича — Анна, дочь которой Полина Ивановна Сапоненко (Санкт-Петербург) сообщила информацию П. И. Крылову о А. Ф. Яловенко (см. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.lomonosov.org/medicine/medicine126.html).

[43] ГАРФ. Ф. Р7523сч. Оп. 88. Д. 3671. Л. 12.

[44] ГАРФ. Ф. Р7523сч. Оп. 88. Д. 3671. Л. 10.

[45] ГАРФ. Ф. Р7523сч. Оп. 88. Д. 3671. Л. 11.

[46] ГАРФ. Ф. Р7523сч. Оп. 88. Д. 3671. Л. 14–16. АВП РФ. Ф. 505. Оп. 9. Д. 17. Папка 860. Л. 45об.

И. Ю. АЛЕКСАНДРОВ

(Санкт-Петербургский государственный институт культуры; Санкт-Петербург)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКОГО НАСЛЕДИЯ СЕМЬИ РЕРИХОВ

В этой статье речь пойдёт в первую очередь о необходимости критического подхода к трудам Е. П. Блаватской. Проблема исследования формирования литературно-философского наследия Рерихов ещё более сложная. Но есть нечто общее в прочтении трудов Блаватской и Рерихов современными их последователями. Теософия и рериховское движение в нашей стране остаются своего рода субкультурой, в значительной мере оторванной от государственных структур. В конце 1980-х — начале 1990-х годов, когда из самиздата теософская литература и Учение Живой Этики вышли в свободную печать, начали возникать многочисленные теософские и рериховские общественные организации. Наряду с культурно-просветительской деятельностью по пропаганде трудов Е. П. Блаватской и наследия семьи Рерихов члены этих общественных организаций стремились и стремятся к созданию общинных структур в соответствии с высокими идеалами Учения Живой Этики. Учение не содержит конкретных сроков энергетических изменения условий на планете. В нём есть указание на то, что изменения эти должны были произойти до конца XX века. В 1990-е годы в рериховских обществах было много обсуждений всевозможных катаклизмов, как реакции планеты на неусвоение человечеством духовных основ жизни, на неспособность большинства людей ассимилировать «огненные» энергии, которые по неизвестным пока науке законам космоса в определённые сроки направляются жителям Земли. В те годы рериховцы стремились создавать общины, искали удобные для создания общин места, имеющие водоёмы с проточной водой на случай столкновения с огненной стихией. Однако сотрудничество рериховских организаций с государственными структурами в силу ряда обстоятельств было затруднено. Со стихийными бедствиями достаточно эффективно боролось Министерство по чрезвычайным ситуациям. А объяснения массовых лесных пожаров, наводнений и других стихийных бедствий в парадигме представлений об Армагеддоне для государственных чиновников звучали малоубедительно. Общин-

ные проекты рериховцев, оторванные от поддержки государства, утопичны. Это очевидно из анализа многочисленных параграфов Учения Живой Этики, выдвигающих идеал максимально широкой кооперации. Среди части рериховцев и в наши дни встречаются убеждённость в необходимости жизни на природе при максимальном отрыве от цивилизации с её наукой и техникой. Однако Учение Живой Этики предлагает не бежать от цивилизации, но духовно трансформировать её изнутри. Идеалы техники, работающей более эффективно благодаря применению психической энергии и гармоничного распределения людей по планете, не связаны с бегством от социума[1].

Так почему же идеи теософии Е. П. Блаватской и наследия семьи Рерихов так плохо усваиваются государством? Почему рериховское движение в современной России остаётся лишь субкультурой в её базовой культуре? У последователей теософии и Учения Живой Этики, разумеется, нет вызывающих причёсок или одежды характерных для молодёжных субкультур. Культурологи и социологи утверждают, что к субкультурам принадлежат люди со схожими вкусами, которые не удовлетворены общепринятыми стандартами и ценностями. Представители субкультур в отличие от представителей контркультуры не агрессивны к существующим формам жизни. Они скорее настроены даже на сотрудничество, но зачастую не находят такой возможности. Доминирующая культура поддерживает свой статус при помощи контроля за социальными институтами. Представители рериховского движения заинтересованы в принятии своих взглядов на уровне социальных институтов, но определённая фанатичность в их рядах зачастую подрывает сами основы возможного сотрудничества. И суть дела совсем не в спорах о том, что представляет собой культура, доминирующая в нашей стране. Суть дела не в консерватизме православных и не в излишнем либерализме сторонников западной массовой культуры. Государство наше остаётся светским, а значит язык, который может быть понятен государственным чиновникам — это язык науки. При всей возросшей роли православия в современной российской культуре базовыми ценностями остаются ценности науки. Было бы абсурдом переписать историю в угоду крайним православным догматикам, как и абсурдна, к примеру, была бы реклама тех или иных лекарств без ссылок на научные исследования, но с одобрения Церкви. Представляется неслучайным, что Рерихи утверждали вхождение Мира будущего, Мира Высшего «в доспехе лучей лабораторных»[2]. Конечно же, было бы неправомерным сужением Учения трактовать его исключительно при помощи научных понятий. В той же мере узкими были бы интерпретация Учения как исключительно религии или интерпретация творчества Рерихов только как живописцев. Учение Живой Этики подчёркивает принципиальную

роль синтеза, людей синтетического мышления в наступающую эпоху. Синтез, многогранность творчества Рерихов не позволяют их недоброжелателям поставить окончательные, узкоспециальные оценки, тем самым ограничив этот творческий синтез прошлым и давно ушедшим временем. Повторюсь, что интерпретация творческого наследия Рерихов через призму науки хороша для адаптации их идей на уровне социальных структур. И нам есть чему поучиться у организаторов первых Рериховских чтений 70-х годов XX века, ведь в условиях тотальной советской идеологии учёным удалось показать привлекательность наследия Рерихов, его огромный эвристический потенциал.

«Тайная доктрина» Е. П. Блаватской имела подзаголовок «Синтез науки, религии и философии». Учение Живой Этики представляет собой синтез науки, религии и искусства, синтез современных научных достижений Запада и вековой мудрости философии Востока. Синтез хорош своей простотой, доступностью для восприятия. Если представить себе, что Учение, которое было дано Махатмами, начиная со второй половины XIX века, не было бы сейчас известно искателям истины, каждому такому искателю пришлось бы проделать колоссальную работу по анализу многочисленных философских текстов. Наверно, наиболее упорные в своих исканиях открыли бы для себя Основы вечной философии. «Тайная доктрина» Е. П. Блаватской и Учение Живой Этики Рерихов даны были для всех в максимально доступной форме. По-видимому, этим обстоятельством вызвано несоблюдение Е. П. Блаватской требований к написанию научных работ. Основные трудности прочтения трудов Е. П. Блаватской связаны с тем, что основательница современного теософского движения безоговорочно принимает постулаты философии своих духовных Учителей и стремится интерпретировать историю философии, историю культуры и историю в самом широком понимании, исходя из этих представлений. Для Блаватской вся мировая философия, так или иначе, восходит к Учителям человечества. Основы философии искажаются человеческим рассудком, так что через несколько столетий трудно узнать изначально данное в конкретных историко-культурных условиях людям Учение.

Само слово «теософия» Блаватская со ссылкой на книгу члена теософского общества профессора А. Уайлдера связывает с Аммонием Саккасом и его учениками неоплатониками[3]. Иван Лапшин в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона связывает слово «теософия» с сочинениями, приписываемыми Дионисию Ареопагиту, наиболее ранние случаи цитирования сочинений которого приходятся на начало VI века н. э. Согласно Лапшину, необходимо отличать теософию в позднейшем понимании от теософии как синониме «теологии» у Псевдо-Дионисия Ареопагита. Если теология представляет собой систему зна-

ний о божестве, основанную на откровении и догматах, то теософическое богопознание, по мнению Лапшина, опирается на непосредственные данные мистического восприятия, но от мистиков теософы отличаются стремлением придать своим индивидуальным мистическим откровениям форму законченной и связной системы. К достоинствам теософии Лапшин относит «силу религиозного одушевления, поэтическую роскошь фантазии, богатый образный язык». Но, по мнению Лапшина, «символизм, обилие аналогий, сравнений, метафор, взамен строгой логической доказательности, лишают этот род произведений серьёзного научного изучения»[4]. Для Ивана Лапшина теософия — это не более чем драгоценный психологический материал для изучения особенностей мистического воображения, а к самой теософии он относит Якоба Бёме, Валентина Вейгеля, Парацельса, Сен-Мартена, Сведенборга, то есть мыслителей XVI–XVIII веков, но никак не неоплатоников и гностиков первых веков нашей эры. Особое понимание теософии сформировал в XIX веке Шеллинг, впервые подчеркнувший в понятии теософии равноправность мистического и рационального элемента в богопознании. Но Шеллинг критиковал «теософизм» как род мистицизма, исключающий возможность научного познания и противопоставлял ему теософию, являющуюся синтезом мистического богопознания с философским разумным познанием. Шеллинговское понимание теософии усвоил и Владимир Соловьёв, который понимал под ней «цельное знание» — высший синтез рационального и эмпирического знания с мистическим. В противоположность традиционной теософии свободная теософия Соловьёвым задумана как продукт критической мысли, опыта и мистического откровения. Вслед за Соловьёвым Лапшин характеризует теософию Е. П. Блаватской как «необуддизм». Традиционный буддизм при этом он характеризует как «атеистическую религию». Блаватскую и её последователей Лапшин вслед за Соловьёвым упрекает в тауматургии — неком общении с таинственными силами, дающем возможность совершать чудеса. Если теософия есть богомудрие, то теософское общество Е. П. Блаватской носит ошибочное название, убеждены Соловьёв и Лапшин[5].

Очевидно, что Соловьёв с Лапшиным в своей оценке теософии Е. П. Блаватской исходят из неких штампов, ошибочных стереотипов восприятия. Узнать труды Е. П. Блаватской в этих ярлыках известных русских философов практически невозможно. При чтении статьи Лапшина о теософии Блаватской создаётся ощущение, что речь идёт о чём-то постороннем. Теософия рассматривает развитие психических сил человека как естественный процесс, но не как волшебство или магию. Мало-мальски знакомый с содержанием теософской доктрины и Учения Живой Этики читатель знает, что произведение необычных феноменов не приветствуется в Учении Махатм, — феномены эти

ни коим образом не являются свидетельством духовности производившего их человека. Да и упрёк Соловьёва с Лапшиным в неправильном названии общества, созданного Е. П. Блаватской, абсурден. Если следовать логике рассуждения этих философов, теософией может называться рациональное представление об устройстве мира, опирающееся на креационизм. Критике представлений о своевольном, капризном ветхозаветном Творце этого мира посвящены многочисленные страницы трудов Е. П. Блаватской. Упрекая буддизм в атеистичности, Соловьёв с Лапшиным должны были бы перенести свой упрёк и на представления о божественном древнегреческих философов. Невозможно представить себе философию Соловьёва и Лапшина, к примеру, без породившей всю европейскую традицию философии Платона, но ведь Демиург Платона — это не личностный ветхозаветный Бог. Греческая философия знала божественное, но не имела ничего общего с капризным Богом еврейского народа, сотворившим этот мир из ничего. Само принятие известным русским философом тезиса о творении мира из ничего? заставляет усомниться в критичности «свободной теософии» В. С. Соловьёва. Вместе с тем нужно отметить, что критическое рассмотрение истории теософии, которое попытались осуществить В. С. Соловьёв и И. И. Лапшин, необходимо для адекватного восприятия этого направления религиозно-философской мысли самими теософами.

Очевидно, что создание теософского общества и его программы были встречены философией второй половины XIX века не слишком доброжелательно. Можно спорить о том, критичен ли в своих воззрениях Парацельс или критичен Соловьёв. Но всегда ли критична сама Е. П. Блаватская? Насколько справедливо, например, сближение теософии XIX века с неоплатонизмом и гностицизмом? В статье «Ключ к теософии» Е. П. Блаватская опирается на авторитетное для неё мнение члена теософского общества профессора А. Уайлдера, который само понятие «теософия» связывает с Аммонием Саккасом и его учениками-неоплатониками. Но насколько это обоснованно? В известном письме Генри Олькотту Махатма Кут Хуми утверждал, что «Тайная Доктрина» была внушена Е. П. Блаватской её духовными Учителями[6]. Но, по-видимому, реальное содержание трудов Е. П. Блаватской значительно сложнее. Оно никак не вписывается в воспринятое на веру многими теософами и рериховцами представление о том, что каждый тезис её книг восходит к Махатмам. Одна из методологических задач, которая стоит, на мой взгляд, перед исследователями теософской литературы заключается в бережном отделении восходящих к Махатмам утверждений от утверждений, которые Е. П. Блаватская заимствовала из многочисленных книг, зачастую без должного критичного к ним отношения. Книга Уайлдера содержит целый ряд утверждений, которые нуждаются

хотя бы в элементарном обосновании, чего не сделал её автор. К сожалению, утверждения эти попали без какого-либо критического разбора в статью Е. П. Блаватской «Ключ к теософии». Удивляет слепое перенесение Е. П. Блаватской представлений Уайлдера о школе «филалетов»[7] на александрийский неоплатонизм. В истории философии не сохранилось сведений о школе «филалетов». Школа неоплатоников общеизвестна. По словам Е. П. Блаватской, «хотя теософию или эклектическую теософскую систему, обычно относят к третьему веку, всё же, если можно доверять Диогену Лаэртскому, её источник значительно древнее, поскольку он приписывал эту систему египетскому жрецу Пот-Амуну, жившему в ранний период династии Птолемеев. Тот же автор сообщает нам, что название это коптское и обозначает то, что посвящено Амуну, богу мудрости»[8]. Но в самой книге Диогена Лаэртского каких-либо сведений о Пот-Амуне или посвящённом «Амуке»[9], о котором Е. П. Блаватская пишет в «Теософском словаре»[10] найти не удаётся. Ещё неожиданней то обстоятельство, что Диоген Лаэртский упоминает философа второй половины I века до н. э. — начала I века н. э. Потамона[11] Александрийского: «К этим школам не так давно Потамон Александрийский прибавил ещё одну, эклектическую, отобрав от всех школ то, что ему хотелось»[12]. Возникает вопрос: неужели Е. П. Блаватская вслед за теософом Уайлдером перепутала, судя по всему, неизвестного науке египетского жреца Пот-Амуна с создателем школы эклектической философии Потамоном Александрийским? Известно, что его эклектическое учение сочетало разнородные элементы, — главным образом стоические и перипатетические[13]. Известно, что Потамон написал трактат «Основы». Написал он и комментарий к «Государству» Платона. Но к платоникам едва ли его можно причислить, в то время как для Уайлдера с Блаватской эклектическая школа александрийской философии это почти синоним александрийского неоплатонизма. Отмечу также, что время жизни Потамона Александрийского, когда была создана эклектическая школа философии, это всё-таки не эпоха первых Птолемеев.

Содержательно философия эклектической школы тоже имеет очень мало общего с представлениями эклектической теософии Уайлдера и Блаватской. Под эклектикой[14] в философии принято понимать хаотический способ изложений сведений о предмете без их отбора и систематизации. Эклектика допустима на начальной, аналитической стадии исследования, но на синтетической стадии она подменяет метод всестороннего рассмотрения предмета[15]. Эклектичность философской мысли в целом характерна для эпохи эллинизма, но сближение Уайлдером и Блаватской неоплатонизма с эклектической школой представляется неправомерным. У Блаватской понятие эклектики в значительной мере теряет негативный смысл. Вероятно, создательница теософского

общества, так широко распространяя понятие «эклектической теософии», хотела подчеркнуть систематичность теософских знаний «Тайной Доктрины» в противоположность хаотичности такого рода отдельных верных представлений в различные века. Е. П. Блаватская выделяет три составные части эклектической теософии: 1) Вера в единое абсолютное, непостижимое и высшее Божество, или бесконечную сущность, корень всей природы и всего сущего — видимого и невидимого. 2) Вера в вечную бессмертную природу человека, которая в силу того, что является излучением Всеобщей Души, единосущна ей. 3) Теургия, «божественная работа», или выполнение работы богов[16]. Нужно отметить, что представления неоплатоников, отнюдь не эклектичны, но весьма строги и систематичны. Бросаются в глаза и неточности с датами рождения философов. Так Е. П. Блаватская утверждает, что «непосредственные ученики Аммония Саккаса, которых называли теодидактосами, «богом наученными», — такие как Плотин и его последователь Порфирий, — поначалу отвергали теургию, но затем примирились с ней благодаря Ямвлиху»[17]. Очевидно, что Плотин не мог «примириться с теургией» Ямвлиха уже потому, что скончался в 270 году н. э. На момент смерти Плотина Ямвлиху было по одним данным 20, а по другим 25 лет. Существует версия и более позднего рождения Ямвлиха в 280 году н. э., но она в настоящее время оспаривается учёными[18]. Можно обсуждать различия в понимании теургии Порфирием и Ямвлихом, а также последующими платониками, но сам термин «теургия», как и производное от него «теург» и «теургический» у Плотина совсем не встречается[19]. По словам А. Ф. Лосева, Порфирий «стоит на позиции конструктивно-диалектической мифологии Плотина, поскольку всё мифическое и вообще всё материальное рассматривается и квалифицируется у него пока ещё умозрительно. В этом отношении полной противоположностью Плотина будет Ямвлих, для которого миф и вся материальная сторона действительности уже будет предметом не только умозрения, но буквального обожествления, предметом теургии, сплошным чудом, магией и волшебством. Порфирий пока ещё чужд такого теургического, или, вообще говоря, теософского понимания действительности»[20]. По-видимому, Уайлдер и Блаватская вслед за ним ориентировались на какие-то устаревшие исследования учёных-античников XIX века.

Не исключено, что эти представления о связи неоплатонизма со школой эклектиков Потамона в работах Уайлдера и Блаватской восходят даже не к сильно устаревшим историко-философским исследованиям начала XIX века, а к статье «Эклектизм» Дидро из Энциклопедии. Дидро в этой статье превозносит эклектизм, который в его интерпретации чем-то напоминает философию Декарта с её скептицизмом и независимостью от традиции. Даже метод эклектика он разъясняет при

помощи математического примера. Статья Дидро не отличается уравновешенностью. В ней уже чувствуется дух приближающийся революции во Франции. В дальнейшем от такого толкования истории философии многое у Дидро заимствовали марксисты. Слово «партии» уже мелькает в этой статье. Через сто лет после Энциклопедии Дидро и Даламбера Маркс с Энгельсом подменят философию идеологией и сделают философию «партийной». Очень вольные трактовки философских понятий в этой статье сочетаются с упрёками в сектанстве. Правда Ф. Коплстон в своей «Истории философии» о школе Потамона написал, что «согласно Диогену Лаэртскому, школа называлась «Секта эклектиков»[21], но не стоит очень уж цепляться за слово «секта», тем более что в переводе М. Л. Гаспарова под общей редакцией А. Ф. Лосева книги Диогена Лаэртского этого слова совсем нет[22]. Дидро иным образом использует слово «секта». Чего стоит, например, следующее определение из этой статьи: «Сектант — это человек, избравший доктрину какого-нибудь философа; эклектик, наоборот, человек, не признающий учителя <...>»[23]. Представления Дидро о школе эклектиков не историчны. В частности он утверждает, что «эклектизм выродился при последователях Аммония в отвратительную теургию (магию)»[24]. Здесь важно отметить не только негативное отношение Дидро к теургии, — в представлениях многих историков античной философии XVIII и XIX веков неоплатонизм это не глубокие философские системы, а сплошная магия и что-то ненаучное. Здесь важно подчеркнуть само стремление Дидро связать неоплатонизм с эклектической философией Потамона, о которой известен лишь один фрагмент из первой книги Диогена Лаэртского[25]. Фрагмент этот не даёт никаких оснований утверждать преемственность неоплатонизма от философии Потамона. Любопытно, что Энциклопедия Дидро и Даламбера не содержит статей «Платонизм» и «Неоплатонизм», а все сведения о неоплатониках Аммонии Саккасе, Плотине, Порфирии, Ямвлихе укладываются в содержание этой статьи «Эклектизм». Впрочем, в этой же статье содержатся богатые фантазии Дидро об использовании Пифагором для создания своей системы знаний «теологов Египта» и «художников Финикии». Про Зенона (стоика) сказано, что он «ограбил и пифагоризм, и платонизм, и гераклитизм, и кинизм»[26]. Эклектическая философия предстаёт у Дидро чуть ли не вершиной философской мысли, из толком неизвестного и не оказавшего влияния на последующее развитие философской мысли Потамона он сделал главу ведущей школы. К сожалению, общее между статьёй Дидро и работой Уайлдера, а за ним и статьями Е. П. Блаватской заключается в превращении эклектической школы Потамона в своего рода парадигму последующей философии. По-видимому, А. Уайлдер опирался при написании своих работ на такие примитивные историко-философские сведения, как статья

Дидро в Энциклопедии. К сожалению, «эклектической» школу неоплатоников называет Е. П. Блаватская и в Теософском словаре. Представление это попало в многочисленные теософские и рериховские издания. Хотя бы какой-то критический разбор истории понятия «эклектической философии» в этих изданиях отсутствует, что и способствует, в частности, восприятию в научных кругах теософии и рериховского движения как своего рода субкультуры, функционирующей по собственным принципам и понятиям.

Историография исследований, посвящённых философии Плотина, обстоятельно рассмотрена в вышедшей в 1918 г. книге П. П. Блонского «Философия Плотина». Блонский рассмотрел трансформацию идей, восходящих к Плотину, в истории европейской философии. В частности, было показано, с какими ошибочными представлениями связано учение об «александрийской философии». Как показал Блонский, «к концу XVIII века легенда о Плотине окончательно устанавливается. Сводку обычных мнений о Плотине даёт Мейнерс (1782). Обычно, говорит он, считают неоплатоническую школу создавшейся в Египте на грани II–III вв. благодаря эклектику Потамону и врагу христианства Аммонию, причём последний-де в борьбе с христианством стремился объединить в своём эклектизме различные языческие системы и дать мистико-аллегорическую апологию политеизма»[27]. Сам Мейнерс не разделяет эту упрощённую характерстику, но и для него неоплатонизм — это «греческая Каббала». Можно констатировать, что легенда о влиянии Потамона Александрийского на становление неоплатонизма, от которой не свободны представления Уайлдера и Блаватской, возникла в европейской историографии ещё в XVIII веке или даже раньше. В книге Блонского есть ещё одно упоминание Аммония: «Очень часто выводят Плотина из “эклектизма”. Но если под эклектизмом понимать ту специфическую философскую школу, которая связана с именем Потамона (таково было мнение многих старых исследователей, а в ближайшее время — Ибервега), то, во-первых, мы почти ничего не знаем о Потамоне и его учении, и, во-вторых, мы ничего, кроме фантастических предположений, не знаем о хронологической и логической связи Потамона с Плотином. Если же под эклектизмом понимать поздний платонизм, то этот платонизм, как мы видели, является отнюдь не беспринципным эклектизмом, но рядом вполне определенных течений»[28]. Блонский подчёркивает, что сведений о Потамоне Александрийском кроме упомянутых выше из книги Диогена Лаэртского не существует. Блонский критичен к представлениям Буттервейка, рассуждавшего об «александрийской философии» и трёх её направлениях.

Во многом ошибочны и представления такого крупного учёного-античника XIX века как Э. Целлер. Согласно Целлеру, многочислен-

ные данные свидетельствуют, что «в Александрии впервые возникли те умозрения, которые после тысячелетнего развития в конечном итоге вылились в неоплатонизм»[29]. По мнению этого исследователя, эклектизм возник именно из того, что возражения скептиков пошатнули доверие к философским школам[30]. Можно согласиться с его рассуждениями о «римском духе», который во многом определял то, что под философией понималось в поздней античности. Римлянам свойственно было судить о всяком воззрении скорее по его ценности для практической жизни, чем по его научной основательности. Эти культурные условия должны были содействовать развитию склонности к слиянию философских школ, к ослаблению частных различий между ними, и к подчёркиванию общего между ними, главным образом в практических вопросах. Но чтобы иметь возможность выбирать истинное или вероятное из различных и непосредственно несоединимых воззрений, нужно было уже заранее обладать критерием для этого; и таким путём возникла мысль об известных убеждениях, которые, казалось, бесспорны для каждого до всякого доказательства и истинность которых удостоверяется именно их всеобщим признанием, consensus gentium[31]. Целлер склонен переоценивать роль естествознания в ущерб религиозно-мистической составляющей философии. Он резко негативно оценивает падение уровня научности в эпоху эллинизма. «В такую эпоху нужен был лишь лёгкий толчок, чтобы вывести дух, ищущий правду, за пределы естественного познания и подвести его к мнимо высшим источникам истины»[32]. С точки зрения Целлера, греческое мышление получило такой толчок, по-видимому, начиная с IV века — отчасти благодаря распространению мистерий, отчасти в силу соприкосновения с восточными воззрениями, средоточием которых была Александрия[33]. Город этот, в котором только каждый седьмой житель был греком, справедливо можно назвать родиной эклектизма. Целлер и в первые века после Р. Х. главным местопребыванием эклектизма считает по-прежнему платоновскую школу. Неоправданно сближал Целлер неоплатонизм, возникший в III веке н. э., с Филоном Александрийским. Явно недостаточно для этого сближения указание на то, что «система Плотина аналогично системе Филона исходит из идеи Божества и завершается требованием единения с Божеством»[34]. О Потамоне Александрийском Целлер пишет следующее: «Этот философ сам называл свою школу эклектической. То, что нам известно о его учении — поверхностном сочетании чужих мыслей, — больше напоминает Антиоха»[35]. Антиох из Аскалона, руководивший Академией в I веке до н. э., вернул эту крупнейшую античную философскую школу скептицизма к догматизму. Во всяком случае, Потамон у Целлера не предстаёт главой значительной философской школы, которая могла бы оказать влияние на становление неоплатонизма.

Критический обзор представлений о позднеантичном эклектизме представлен в статье А. Ф. Лосева. Лосев показал, что представления об эклектизме Филона являются явно устарелыми. Временные рамки античного эклектизма, которые устанавливает А. Ф. Лосев, это II век до н. э. — II век н. э., — неоплатонизм к этому периоду не относится. По словам Лосева, «многие течения и представители позднеантичной философии, обычно относимые к эклектизму (в особенности Целлером), могут считаться таковыми лишь в незначительной, мере, поскольку в них явно преобладает какая-либо одна философская система. Поэтому об античном эклектизме следует говорить более как об исторически-плодотворной тенденции, нежели как о сложившемся самостоятельном направлении греко-римской философии. В особенности это относится к так называемому эклектизму I–II веков, определённо базирующемся на платонизме и приводящем к возникновению в III в. неоплатонизма, положившего конец эклектизму»[36]. В этой же статье, написанной для Философской энциклопедии, Лосев отмечает, что «относить к эклектизму, как это делает Целлер, таких убеждённых стоиков или стоических платоников, как Мусоний Руф, Эпиктет, Сенека и Марк Аврелий, совершенно нелепо. Почти все другие мыслители I–II веков, именуемые обычно эклектиками, являются либо стоическими платониками в духе Посидония, либо просто платониками. Платоников I–II веков до н. э. можно в известном смысле считать эклектиками, однако и здесь следует видеть постепенное назревание неоплатонизма. Только при игнорировании текстов можно именовать эклектиками таких несомненных платоников, как Плутарх, Апулей из Мадавры, Альбин, Теон Смирнский, Максим Тирский, Гарпократион или Аттик. Через Нумения и Аммония Саккаса, которых часто тоже именуют эклектиками, мы прямо подходим к Плотину. Таким образом, античный эклектизм вовсе не эклектичен в том смысле, как это часто говорят о несистематически мыслящих философах Нового времени»[37]. Лосев показал также, что представления об эклектизме Филона Александрийского являются явно устаревшими[38].

Неоплатоников учеников Аммония Саккаса Е. П. Блаватская вслед за Уайлдером называет также аналогетиками[39]. Известно, что жанр экзегетики был развит неоплатониками, которые искали глубинные эзотерические смыслы в текстах Гомера. Блаватская вслед за Уайлдером утверждает, что неоплатоников называли аналогетиками «из-за практики интерпретации всех священных легенд и повествований, мифов и мистерий по принципу аналогии и соответствия, так что события, о которых рассказывалось как о случившихся во внешнем мире, рассматривались как выражающие действия и опыт человеческой души»[40]. Понятие аналогисты, действительно имеет отношение к александрий-

ской эллинистической науке, однако оно не имеет отношения к философии и к неоплатонизму в частности. Известно, что в Александрии науки о языке впервые выделились из философии. Если в эпоху Платона обучали чтению и письму, то в эпоху Эллинизма проблемой стало само сохранение греческого языка в империи Александра Македонского, в которую вошли разные племена. Спор аналогистов и аномалистов это лингвистический, а не философский спор. Суть спора в том, можно ли вмешиваться в язык и исправлять образовавшиеся в нём ошибки и случайности. В представлениях аналогистов язык — это система строгих правил, в идеале не знающая исключений. С точки зрения аномалистов, исправлять язык нельзя, всё в нём случайно, а норма может быть выведена из живого использования языка, которое не подчиняется никаким правилам. Последняя точка зрения представлена в труде Секста Эмпирика «Против учёных»[41]. Позицию аналогистов поддерживал известный римский грамматик I века до н. э. Марк Теренций Варрон. В противоположность «аналогистам» александрийской школы, пергамская школа, указывая на многочисленные исключения из правил грамматической аналогии, утверждала, что в языке господствует «аномалия». Длительный спор между аналогистами и аномалистами способствовал развитию античной грамматической науки, но это не философский спор и к неоплатоникам он не имел никакого отношения.

По-видимому, по недоразумению Е. П. Блаватская вслед за А. Уайлдером называет неплатоников филалетами. Весь вопрос в том, кто кроме А. Уайлдера, написавшего книгу «Неоплатонизм и алхимия», называл александрийских философов «филалетами». Существуют сведения о том, что в трудах Аристотеля и Плутарха встречается слово φιλαλήθης — «любитель истины»[42]. Но очевидно, что слово это активно использовалось уже в Новое время и не имеет сколько-нибудь значимого отношения к античной философии. В Новое время псевдоним Евгений Филалет использовал алхимик Томас Воган (1622–1666). Сведения о «подлинном» Евгении Филалете или Иринее Филалете очень противоречивы и скудны. Е. П. Блаватская цитирует трактат 1669 года Иринея Филалета[43]. Томас Воган к тому времени уже умер. Сведения о путешествиях и загадочном исчезновении Филалета не вписываются в известные биографические сведения о Томасе Вогане. Позднее псевдоним Филалет взял масон и алхимик Роберт Самбер (1682–1745). Томас Воган перевёл на английский язык манифест розенкрейцеров «Fama Fraternitates» и вполне мог принадлежать к тайному обществу. Известный исследователь истории оккультизма М. П. Холл отождествлял Евгения Филалета с Томасом Воганом[44]. Несмотря на очень уважительное отношение Рерихов к исследованиям Мэнли Холла, автор этот — человек увлекающийся, его работы нуждаются в критическом

прочтении. Чего стоит одно лишь отождествление Мэнли Холлом Фрэнсиса Бэкона с Шекспиром[45]. Мэнли Холл к тому же отождествляет Фрэнсиса Бэкона с Иоганном Валентином Андреа[46]. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона сообщает о филалетах, что «так назывались члены состоявшей из 12 ступеней или классов масонской ложи “des amis réunis”, основанной в 1773 году. Они отличались мистически-моральными и в то же время научными стремлениями. В 1782 году их статуты были приняты 20 другими ложами. Кроме того, филалетами назывались неизвестные авторы сочинений “Entwurf einer Bittschrift an deutsche Fürsten” и “Grundsätze der religiösen Wahrheitsfreunde” (Киль, 1830). В обоих сочинениях авторы проектировали новое общество, не связанное никакими общепризнанными религиозными догматами, но беспрекословно исполняющее законы государства. Ввиду революционных движений 1830 года это общество разрешено не было. В 1842 году филалеты возобновили просьбу, но опять не имели успеха»[47]. Если принять положение теософии о труде на общее благо подвижников разных времён, вдохновляемых Братством Учителей, то можно согласиться с тем, что эти подвижники филалеты — «любящие истину». Но историко-философская концепция Е. П. Блаватской не выдерживает критики. Культурные реалии поздней античности отличаются от культурных реалий XVII–XIX веков, когда алхимики и масоны философствовали при помощи «огня». Очевидно, что античные неоплатоники не были алхимиками, а алхимики и масоны XVII–XIX веков не утруждали себя углублённым чтением диалогов Платона и обретением философской культуры.

Теософия и рериховское движение остаются субкультурой в современной российской культуре по той простой причине, что до сих пор не происходит должного диалога с академической наукой. Рериховские и теософские порталы интернета переполнены несуществующими цитатами из Пифагора или кем-то недавно придуманными высказываниями Парацельса о будущем России. Интересует ли рериховцев, что Пифагор не написал ни строчки? Для многих людей, которые относят себя к рериховскому движению, это не существенно. Ведь всегда можно сослаться на яснослышание и тому подобные способы получения знаний. Интересует ли теософов история науки? Многие теософы и рериховцы ограничивают себя представлениями «Тайной Доктрины» Блаватской и не задаются вопросом о том, насколько эти доступные только духовной интуиции величественные сведения об истории планеты и человечества стыкуются со знаниями, накопленными учёными. Очень часто представители рериховского движения судят об известных философах только на основании сведений, которые содержатся в трудах Блаватской и Рерихов. Не отвергая эти ценные сведения — например, собирательный образ Мыслителя в книге «Надземное» существенно дополняет извест-

ные диалоги Платона — отмечу необходимость критических изданий трудов Блаватской и Рерихов. Не буду отрицать и того, что работа в этом направлении уже идёт не первый год. Существует острая необходимость издания «Тайной Доктрины» и других трудов Блаватской с научными комментариями. Необходимо сопоставить, какие сведения этих трудов подтверждаются современными научными знаниями. Но рассматривать теософские труды и труды Рерихов как истину в конечной инстанции, означает превратить их исключительно в религиозные тексты. Параграфы Учения Живой Этики — это горизонты для настоящих и будущих научных исследований, людям предстоит раскрыть содержание этих параграфов, тем более что наука в наследии Рерихов понимается максимально широко, без отрыва от жизни людей. Если же ответы на все вопросы сводятся исключительно к цитированию этих параграфов, в этом случае рериховское движение соответствует представлениям социологов и культурологов о субкультуре в культуре. В этом случае теософы и рериховцы живут в своём обособленном мире, верят содержанию книг, внушённому Махатмами Блаватской и Рерихам, но при этом не стремятся ни к диалогу, ни к сопоставлению научных и оккультных представлений.

Некоторые выводы этой статьи

1. Теософия второй половины XIX века — это культурный феномен, который необходимо изучать с учётом достижений науки того времени и религиозно-философских идей, обсуждавшихся в те годы. Необходимо отличать теософию Е. П. Блаватской как от её источников, таких как гностицизм и неоплатонизм, так и от теософии европейских мистиков XVI–XVIII веков, а также от «рациональной» теософии Шеллинга и В. С. Соловьёва. Литературно-философское наследие Рерихов нуждается в анализе различных культурных напластований, творчески переработанных членами этой семьи в цельное Учение.

2. Вопреки принятому на веру многими теософами и рериховцами представлению о том, что каждый тезис книг Е. П. Блаватской так или иначе восходит к Махатмам, содержание её книг формировалось более сложным путём. Наряду со стройной теософской доктриной и благородными задачами теософского общества, труды эти содержат ряд фактических ошибок и неточностей. Блаватская для обоснования своих взглядов цитирует приписываемый Аристотелю алхимический трактат, превращая Аристотеля в алхимика. Она сближает без достаточных на то оснований теософию с эклектической александрийской философией, сближая с ней и позднюю новоевропейскую алхимию и масонство. Школа «аналогистов» на деле оказывается лингвистической и не имеющей отношения к философии и в частности к гносеологии, основанной на принципе аналогии, характерном для оккультизма.

Египетский жрец Пот-Амун, который якобы создал «эклектическую теософскую систему» в ранний период династии Птолемеев, на деле оказывается незначительным философом второй половины I века до н. э. — начала I века н. э. Потамоном Александрийским, который создал эклектическую щколу, не имевшую никакого отношения к неоплатонизму III–VI веков н. э. Такого рода представления Е. П. Блаватской попадают во все теософские и рериховские издания, а в результате отсутствия критики содержания авторитетных теософских трудов теософы и рериховцы живут в оторванном от академических знаний мире своих представлений об истории философии. Перед исследователями теософской литературы стоит задача бережного отделения восходящих к Махатмам утверждений от утверждений, которые Е. П. Блаватская заимствовала из многочисленных книг, зачастую без должного критичного к ним отношения.

3. История культуры и история философия, как они представлены в трудах Блаватской и Рерихов, имеет существенные отличия от академической истории культуры и истории философии. Диалог этих исторических концепций мог бы быть очень продуктивен как для оккультизма, так и для академической науки. Отрыв от академических научных знаний замыкает теософские общества, а также рериховские центры и группы в своеобразную субкультуру со своим языком, понятиями и представлениями.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Правильно думаете, что без достижений техники невозможна община. Каждая община нуждается в технических приспособлениях, и Нашу Общину нельзя мыслить без упрощения жизни. Нужна явленная возможность применять достижения науки, иначе мы обратимся в обоюдную тягость». Цит. по: Учение Живой Этики (Агни-Йога). Община. 1926. § 119. Учение Живой Этики: в 3-х т. Т. I. СПб.: Просвещение, 1993. С. 284.

[2] «...Новый Мир требует новых понятий, новых форм и определительных. Всё происходящее ясно указывает, куда направляется эволюция. Создаётся эпоха общего сотрудничества, общего дела и коллективной солидарности всех трудящихся, вне всяких классов. И самая насущная задача, встающая сейчас перед человечеством, есть именно синтезирование духовного с материальным, индивидуального с универсальным и частного с общественным. Лишь когда будет осознана односторонность узкоматериальных земных опытов, наступит следующая ступень стремления к объединению мира плотного с миром тонким. И новые достижения в науке, новые исследования и нахождение законов психической энергии потребуют не отречения от “небес”, но нового открытия и понимания их. Именно нахождение законов психической энергии поможет установить новое устремление жизни; связь миров станет очевидной. Истинно Мир будущий, Мир Высший грядёт в доспехе лучей лабораторных. Именно, лаборатории

укажут на преимущества энергии высшей и не только установят превосходство излучений человека над всеми до сих пор известными лучами, но параллельно будет уявлена наглядно разница в качестве таких излучений, и, таким образом, значение духовности будет установлено в полной мере. Техника будет подчинена духу, результатом чего будет познание высших законов, а отсюда и познание высших целей, которое поведёт к преобразованию всей материальной природы. Преображенная природа, преображённый дух народа подскажет и новые лучшие формы устроения жизни». Цит. по: Рерих Е. И. Письма. В 9 т. Т. IV (1936). М.: МЦР, 2002. С. 127.

[3] *Alexander Wilder*. New Platonism and Alchemy. — Minneapolis: Wizards Bookshelf., 1975. P. 2.

[4] Теософия / *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Большой Энциклопедический Словарь в 82 т. Т. XXXII-A (64). СПб.: Типография Акционерного Общества «Издательское дело», Брокгауз-Ефрон, 1901. С. 912.

[5] Там же.

[6] «Я также обратил внимание на ваши мысли о “Тайной Доктрине”. Будьте уверены: то, что она не снабдила примечаниями из научных и других трудов, мы дали и внушили ей. Каждая ошибка или ошибочное представление, исправленные и объяснённые ею из сочинений других теософов, были исправлены мной или по моему поручению. Этот труд более ценен, чем предшествующий, это — конспект оккультных истин, которые сделают его источником информации и наставлений для серьёзно изучающих его в течение длительного времени в будущем». Цит. по: Письма Мастеров Мудрости (1870–88). / Сборник. — Пер. с англ. М.: «Сфера», 1997. С. 62.

[7] От греч. jilέω — «люблю» и ΄αλήθεια — «истина».

[8] *Блаватская Е. П.* Ключ к теософии. / Пер. с англ. К. А. Зайцева. М.: РИПОЛ классик, 2005. С. 7.

[9] Возможно, это случайное совпадение слов, но Амука — еврейское поселение на севере Израиля, в котором похоронен мудрец эпохи Мишны рабби Йонатан бен Узиэль.

[10] *Блаватская Е. П.* Теософский словарь / Электронная библиотека Донецкого Рериховского вестника «Орифламма». — Раздел: Труды Е. П. Блаватской. — Электронный ресурс. Режим доступа в сети Интернет (дата обращения 25.10.2016): http://roerich.com/7_2.htm.

[11] Это имя уж точно не коптское. По гречески ποταμός означает «река». По-видимому, от этого слова происходит имя Потамон (греч. Ποτάμων).

[12] *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. С. 60.

[13] Потамон Александрийский // Античная философия: Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 613.

[14] От греч. ἐκλεκτικός — «выбирающий». Автором этого термина считается Потамон.

[15] Эклектика / Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. IV. (Т–Я). М.: Мысль, 2010. С. 422. Существуют и альтернативные представления об эклектике. Так Л. А. Микешина сближает понятия эклектизм и синкретизм и находит позитивные проявления эклектизма и синкретизма в современной философии. *Микешина Л. А.* Эклектика и синкретизм: к вопросу о системности

философского знания. / Эпистемология и философия науки. 2013. Т. XXXVIII. № 4. С. 27–43.

[16] *Блаватская Е. П.* Ключ к теософии / Пер. с англ. К. А. Зайцева. М.: РИПОЛ классик, 2005. С. 8.

[17] Там же.

[18] *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Последние века. Книга I. М.: Искусство, 1988. С. 122.

[19] Там же. С. 410.

[20] Там же. С. 45.

[21] *Коплстон Ф.* История философии. Древняя Греция и Древний Рим. Т. II. М., 2003. — Режим доступа в сети Интернет (Дата обращения 25.08.2015): http://www.telenir.net/istorija/istorija_filosofii_drevnjaja_grecija_i_drevnii_rim_tom_ii/index.php.

[22] Греч. αίρεσις может означать наряду с выбором образа мысли или образа жизни также и «школу» или «секту». Последнее слово получило негативное значение далеко не сразу в христианские времена.

[23] *Дидро Д.* Эклектизм / Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера. М.: Наука, 1994. С. 618.

[24] Там же. С. 622.

[25] *Диоген Лаэртский.* Указ. соч. С. 69.

[26] *Дидро Д.* Указ. соч. С. 619.

[27] *Блонский П. П.* Философия Плотина. М.: Товарищество Типографии А. И. Мамонтова, 1918. С. 262–263.

[28] Там же. С. 294–295.

[29] *Целлер Э.* Очерк истории греческой философии. М.: Канон, 1996. С. 266.

[30] *Целлер Э.* Указ. соч. С. 261.

[31] Там же. С. 240.

[32] Там же. С. 266.

[33] Там же. С. 266.

[34] Там же. С. 282, 284.

[35] *Холл М. П.* 246.

[36] *Лосев А. Ф.* Эклектизм / Философская энциклопедия. В 5 т. Т. V. М.: Советская энциклопедия. Под ред. В. Ф. Константинова, 1970. С. 542–543.

[37] Там же.

[38] *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Поздний эллинизм. М.: Фолио, 2000. С. 124–132.

[39] *Блаватская Е. П.* Ключ к теософии. С. 7.

[40] Там же.

[41] *Секст Эмпирик.* Сочинения в двух томах. Т. II. М.: Мысль, 1976. С. 60–121.

[42] *Liddell H. G. & Scott R. A.* Greek-English Lexicon. New York: Oxford University Press, 1968. P. 1931. Цит. по: Электронный ресурс. — Режим доступа в сети Интернет (Дата обращения 6.09.2015): https://ru.wikipedia.org/wiki/Филалеты.

[43] *Блаватская Е. П.* Алхимия в девятнадцатом веке. / *Блаватская Е. П.* Фрагменты оккультной истины. М.: Эксмо, 2007. С. 472–474. Отмечу, что и здесь Е. П. Блаватская не критична к цитируемым первоисточникам. Вслед

за А. Уайлдером без каких-либо критических замечаний она цитирует ошибочно приписываемый в Средние века Аристотелю алхимический трактат. Арабский средневековый трактат «Аристотелевы врата» или «Тайная тайных» (в латинском переводе «Secreta secretorum») представляет собой поучения Аристотеля (псевдо-Аристотеля) Александру Македонскому. Главы или врата затрагивают вопросы алхимии, астрологии, физиогномики, свойств драгоценных камней, медицины и т. д.

[44] *Холл М. П.* Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. М.: АСТ: Астрель, 2004. С. 333.

[45] *Холл М. П.* Указ. соч. С. 304–305, 389. Отмечу, что в письме Учителя К. Х. Синнету (Письмо 125) упоминается «тайна Бэкона и Шекспира» без каких-либо разъяснений. Письма Махатм. Самара: Рериховский Центр духовной культуры, Российское Теософское Общество, 1993. С. 590. Отмечу также, что в Письмах Махатм Френсис Бэкон выступает скорее консерватором, чем прогрессивным мыслителем. Так в письме К. Х. Синнету (Письмо 1) Учитель упрекает Бекона в том, что тот назвал «алхимиками фантастической философии» Парацельса и Агриппу и, будучи крупным государственным чиновником, раскритиковал великий труд «De Magnete» — «Небесная белая Дева» (Акаша). Письма Махатм. Самара: Рериховский Центр духовной культуры, Российское Теософское Общество, 1993. С. 13–14.

[46] *Холл М. П.* Указ. соч. С. 327.

[47] Филалеты / *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Указ. соч. Т. XXXV-A (70). 1902. С. 733.

П. И. КРЫЛОВ
(Санкт-Петербург)

О КАРТИНЕ Н. К. РЕРИХА «СОЛОВЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ» (1923)

На дне всех миров, океанов и гор
Цветёт, как душа, адамантовый бор, —
Дорога к нему с Соловков на Тибет,
Чрез сердце избы, где кончается свет,
Где бабкина пряжа — пришельцу веха...
Николай Клюев «Белая Индия». 1916 (?)[1]

В 1923 году Н. К. Рерих написал картину «Соловецкий монастырь» (ил. 1). Эту картину, в частности, мы видим на хорошо известной фотографии Н. К. Рериха, стоящего на лестнице своего музея в Нью-Йорке, она висит прямо под «Сокровищем ангелов» (ил. 2). Смотря на картину, невольно задаёшься вопросами: а что побудило художника обратиться к образу монастыря, в котором сам он никогда не бывал, и почему это произошло именно в 1923 году? Данная статья посвящена поиску ответов на эти вопросы.

Хотя Н. К. Рерих не был на Соловках (по крайней мере, свидетельств такой поездки не сохранилось), но должен был хорошо представлять их. Соловецкий монастырь не раз привлекал внимание художников — современников Н. К. Рериха, с творчеством которых он был прекрасно знаком.

Летом 1894 года путешествие на барке по Северной Двине (от Устюга до Архангельска) и по Белому морю (до Соловков) предпринял **Василий Васильевич Верещагин** (1842–1904) с женой и ребёнком. Результатом этой поездки стали многочисленные живописные этюды, зарисовки внешнего вида и интерьеров храмов, стоявших по берегам Северной Двины. А вот от посещения Соловецкого монастыря остались только две зарисовки. Кроме того, Верещагин резко раскритиковал росписи стен монастыря. «Все церкви монастыря донельзя перепорчены позднейшими переделками и украшениями безвкусного характера; живопись, покрывающая стены, ниже всякой критики. Ещё галерея, покрытая картинами мучений грешников в аду — картинами в полном смысле ужасными, составляющими неистощимый предмет любопытства, удивления и восхищения паломников, — представляет нечто более или менее оригинальное по замыслу, хотя и лубочное по исполнению; но большие

Ил. 1. Н. К. Рерих. Соловецкий монастырь. 1923
Холст, темпера. 65 × 198 см. ЧС, США

Ил. 2. Николай Рерих на входе в Музей Рериха, Нью-Йорк
Июнь–октябрь 1929. Архив МНР, Нью-Йорк

Ил. 3. А. А. Борисов. Вид Соловецкого монастыря. 1912
Архангельский областной музей изобразительных искусств

картины на стенах главной церкви суть не что иное, как плохие копии с гравюр Рубенса, Штейбена и других — всё пёстро, кричаще, лубочно...»[2].

С Соловецким монастырём была тесно связана молодость первого русского «певца вечных льдов», соученика Н. К. Рериха по мастерской А. И. Куинджи художника и исследователя русской Арктики **Александра Алексеевича Борисова** (1866–1934).

А. А. Борисов родился в крестьянской семье в деревне Глубокий Ручей Сольвычегодского уезда Вологодской губернии (ныне —Красноборский район Архангельской области). По легенде, в детстве на него упал воз с дровами. Родители дали обет: если мальчик поправится, отправить его в монастырь. Правда ли это — не известно, но в пятнадцать лет Саша Борисов пришёл в Соловецкий монастырь. В те годы это была распространённая практика — оставлять юношей в монастыре на год работниками, без оплаты, за кров и еду. Борисов начал работать на рыболовной тоне, а позже устроился учеником в иконописную мастерскую.

На работы Борисова обратили внимание посещавшие Соловки президент Академии художеств Великий князь Владимир Александрович и известный собиратель живописи генерал Андрей Андреевич Боголюбов, служивший в штабе Петербургского военного округа. Они помогли Александру: ему была выделена стипендия, и 20 сентября 1886 года он приехал в Санкт-Петербург. Здесь он учился в Рисовальной школе Общества поощрения художеств (1886–1888) и в Академии художеств (1888–1897). Технику рисунка и живописи Борисов постигал сначала в мастерской И. И. Шишкина, а после его ухода из Академии — у А. И. Куинджи.

А. А. Борисов ввёл новую тему в русский пейзаж: свыше 500 его картин воспевают эпическую красоту Крайнего Севера. Возможно, главную роль в привязанности художника к Северу сыграл Соловецкий монастырь и его люди.

В рамках этой статьи невозможно описать его жизнь, полную путешествий и приключений, иногда чуть не стоивших ему жизни. Заинтересованный читатель может быть адресован к довольно обширной литературе о художнике[3].

Более 60 ранних произведений художника приобрёл П. М. Третьяков для своей галереи. В наши дни около 400 работ этого художника находятся в собрании музейного объединения «Художественная культура Русского Севера». В это объединение входят Архангельский музей изобразительных искусств, Музей художественного освоения Арктики имени А. А. Борисова в Архангельске и Дом-усадьба А. А. Борисова в деревне Городищенская Красноборского района Архангельской области. В этом доме, созданном по собственному проекту, Борисов с 1909 года бывал наездами, а с 1914 по 1934 годы жил постоянно. Кроме того, его работы имеются в Русском музее, музеях Владивостока, Вологды, Екатеринбурга, Казани, Краснодара, Ельца, Нижнего Новгорода, Великого Устюга, Пензы, Смоленска, Петрозаводска, Томска, Чебоксар, Якутска, в Музее Арктики и Антарктики в Санкт-Петербурге и в частных коллекциях.

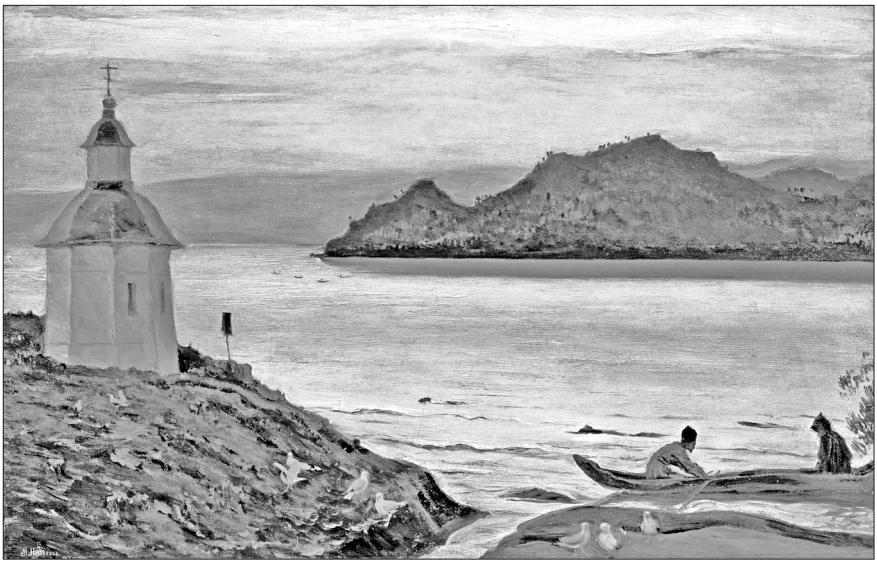
Ил. 4а, б. А. А. Борисов. Соловецкий монастырь со стороны Петербургской гостиницы. Лицевая и адресная стороны открытки Издание «Ришар», 1912–1913. Собрание Н. А. Мозохиной

Ил. 5а, б. А. А. Борисов. Соловецкий монастырь со стороны гавани
Лицевая и адресная стороны открытки. Издание «Ришар», 1912–1913
Собрание Н. А. Мозохиной

В течение жизни А. А. Борисов не один раз приезжал на Соловки. Написанные там картины находятся в Архангельских музеях. Они также известны по шести открыткам, изданным издательством «Ришар» в 1912–1913 гг. (ил. 3, 4а, б, 5а, б)[4].

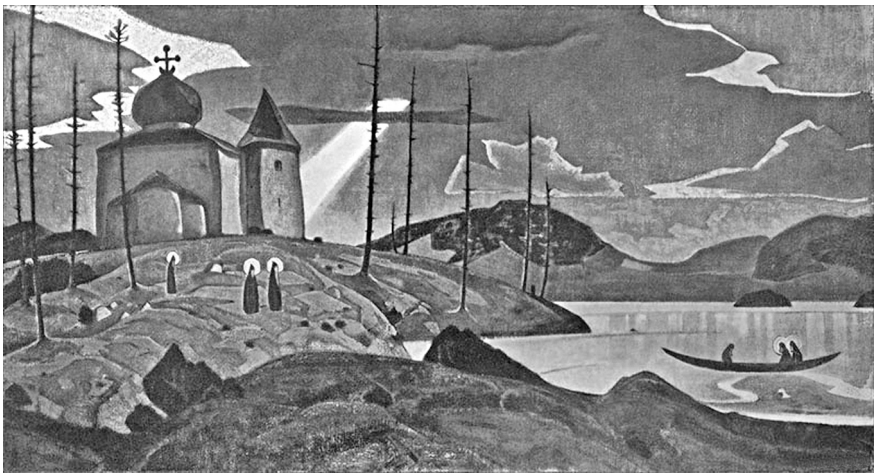
«По свежести цвета и энергичной, уверенной манере письма сродни многим работам Рериха пейзажи его соученика по мастерской Куинджи А. Борисова. А такие работы последнего, как «Соловецкий монастырь со стороны гавани» (1912), «Крепость вокруг монастыря», «Монастырские башни» (обе 1911–1912), напоминают архитектурные этюды Рериха. Но Рерих чувствует, конечно, архитектуру острее, во всей совокупности её объёмов, силуэта, материала, украшений, в гармонии с окружающей природой. У Борисова же всё-таки преобладает пейзаж, да он и не ставил перед собой, как Рерих, «архитектурных» задач, его стихия — Крайний Север России, снега, ледяные торосы», — так писал об А. А. Борисове известный исследователь творчества Н. К. Рериха А. Д. Алёхин[5].

Ещё один знаменитый художник, в творчестве которого звучала «соловецкая тема» — **Михаил Васильевич Нестеров** (1862–1942). Отношения Н. К. Рериха и М. Н. Нестерова не были близкими. Обжёгшись на «Мире искусства», Нестеров стал избегать как любых объединений художников, так и всяких иных форм социальной активности, к которым тяготел Н. К. Рерих[6].

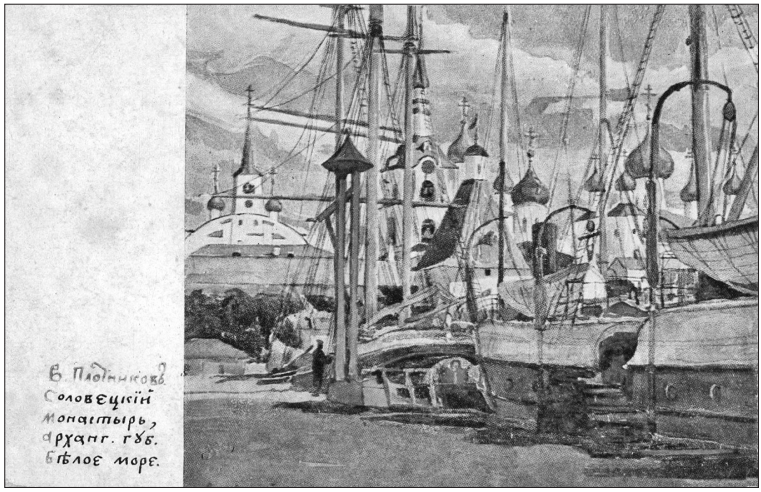


Ил. 6а. М. В. Нестеров. Соловки. 1917
Луганский областной художественный музей

Но отношение к человеку и отношение к его творчеству — не одно и то же. Так, например, все произведения Н. К. Рериха, которые находятся сегодня в Башкирском государственном художественном музее имени М. В. Нестерова в Уфе, родном городе Нестерова, поступили туда из его собрания[7].



Ил. 6б. Н. К. Рерих. Святые гости. 1923. Национальный музей Сербии, Белград

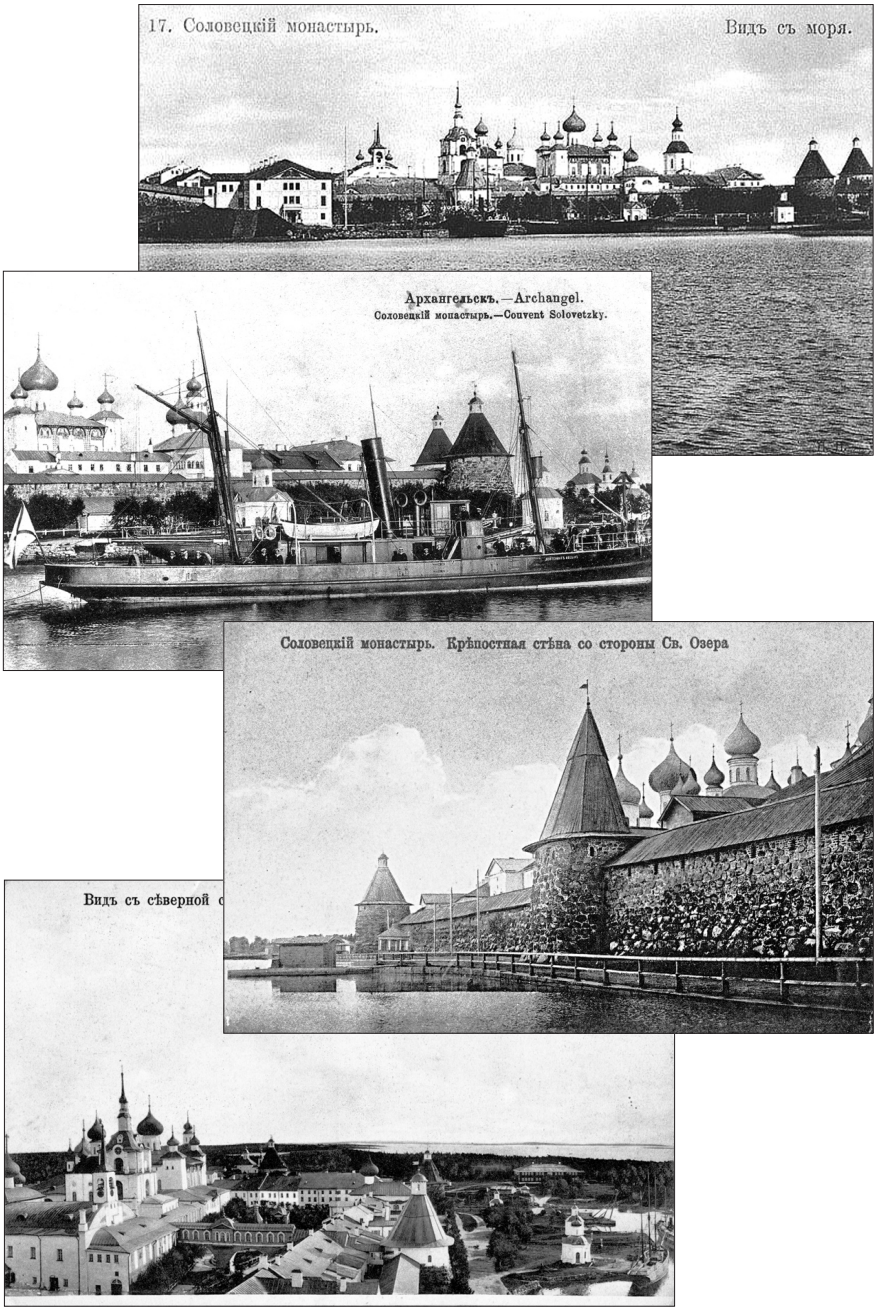


Ил. 7. В. А. Плотников. Соловецкий монастырь, Арханг[ельская] губ[ерния] Белое море. Открытка Общества возрождения художественной Руси. 1915 Собрание Н. А. Мозохиной

И Рерих, и Нестеров стремились к утверждению в обществе права светского художника писать картины религиозного содержания. Только они двое создали не одну, а целую серию картин, посвящённых св. Сергию Радонежскому[8]. Поэтому нет необходимости доказывать, что и творчество Нестерова было прекрасно известно Рериху. В том же 1923 году Рерих написал картину «Святые гости». Все исследователи считают, что она была создана по впечатлениям художника от поездок на остров Валаам. Это, видимо, совершенно справедливо. Однако если сравнить её с картиной Нестерова «Соловки», то сходство очевидно, по крайней мере композиционное (ил. 6а, б).

Конечно, помимо работ этих художников были известны и другие многочисленные изображения Соловецкого монастыря. Встречались виды Соловецкого монастыря и на открытках. Так, мы видим этот монастырь на рисунке **Владимира Александровича Плотникова** (1866–1917), правда, в ином ракурсе, чем у Н. К. Рериха (ил. 7). Эта открытка В. А. Плотникова вошла в его серию «Древнее строительство нашего Севера», изданную в 1915 г. Обществом возрождения художественной Руси (Н. К. Рерих был в числе его учредителей, а С. С. Митусов одним из членов)[9]. Также в то время были распространены и фотооткрытки с различными видами монастыря, издававшиеся в Архангельске и Москве (ил. 8а, б, в, г).

Так что Н. К. Рерих должен был хорошо представлять себе монастырь. Вероятно, какие-то его изображения были и у него в собрании.



Ил. 8а, б, в, г. Фотооткрытки с видами Соловецкого монастыря начала XX века

Как складывалась судьба Н. К. Рериха и его семьи после революции?

В середине мая 1917 года Рерихи уехали из Петрограда в Финляндию, в карельский Сердоболь (Сортавалу). По понятным причинам в советский период было принято говорить и писать, что после октябрьской революции и объявления Финляндией независимости (первая декада декабря 1917 г.), Рерихи оказались отрезаны от Петрограда и стали «вынужденными эмигрантами». Анализ имеющихся документов показал, что это не совсем так — эмиграция Рерихов была добровольной и сознательной. В последний раз Н. К. Рерих, беспокоившийся о судьбе Рисовальной школы Общества поощрения художеств, приезжал в Петроград в конце декабря 1917 г., а вернулся к семье в Сердоболь в начале января 1918-го[10].

К началу октября 1918 г. Рерихи переехали из Сердоболя в Выборг, а в начале мая 1919 направились в Швецию, чтобы оттуда в июле 1919 г. по приглашению С. П. Дягилева уехать в Англию. Рерих плодотворно работал в Англии; оттуда семья рассчитывала отправиться в Индию. Однако банкротство Томаса Бичема, финансировавшего «Русские сезоны» Дягилева, по чисто финансовым причинам изменило эти планы[11]. Рерихи приняли приглашение Чикагского института искусств провести серию выставок в США и отплыли в Америку.

В США они провели 1921, 1922 и почти половину 1923 года. Восьмого мая на пароходе «Мавритания» они отправились из Нью-Йорка в Европу, в Париж. Всё лето они путешествовали по Италии, Франции и Швейцарии. С 21 августа до середины ноября жили в Париже (1, rue de Messine). Из Парижа уехали в Марсель, откуда 17 ноября пароход «Македония» увёз их в Бомбей, в Индию.

А что после революции происходило на Соловках? Что случилось там в 1923 году, когда Рерихом была написана картина? События на островах, как известно, развивались драматически.

В 1918 году на Соловках впервые появились отряды красногвардейцев, произошла конфискация части продовольственных запасов монастыря. В 1920 году на Соловки прибыла комиссия М. С. Кедрова. Соловецкий монастырь был ликвидирован, его руководство сослано. На месте монастыря были организованы совхоз «Соловки» и лагерь принудительных работ. Культурные ценности монастыря и большие запасы продовольствия подлежали реквизиции (ил. 9).

В 1920 году лагерь на территории монастыря вместе с конвоем насчитывал 350 человек. После закрытия монастыря около 60 человек братии добровольно оставались в лагере в качестве вольнонаёмных. Они работали «инструкторами» на монастырских промыслах.

Ил. 9. «Эксперты» за оценкой предметов церковной утвари Соловецкого монастыря. Фото начала 1920-х

Конечно, изъятие церковных ценностей и продовольственных запасов монастыря производилось по указу «сверху». Но к рукам «экспроприаторов», видимо, прилипало многое. «Администрация крала, что хотела и сколько хотела <...> Александровский[12] вывозил из монастыря лес, рыбу, старые запасы монастырских продуктов, машины, церковную утварь, предметы старины, руководствуясь <...> принципом коммунистической власти — “грабь награбленное”»[13].

В начале 1923 года ГПУ РСФСР, сменившее ВЧК, предложило умножить количество северных лагерей, создав новый большой лагерь на Соловках.

Можно предположить, что перспектива скорого появления на Соловках нового начальства испугала прежнее, боявшееся быть уличённым в хищениях. И монастырь загорелся.

Пожар начался в ночь на 26 мая 1923 года и произвёл в Соловецком кремле невосполнимые разрушения. Огонь бушевал трое суток. Пожар уничтожил большую часть кремлёвских построек: сгорела трапезная палата с часовой башней, шатёр колокольни и деревянные балки, на которых висели колокола. Сами колокола упали, некоторые расплавились и спеклись бесформенными слитками. Большой колокол треснул насквозь (ил. 10а, б). А главное — сгорели все книги учёта, и нельзя было определить, как много и чего именно пропало[14].

Ил. 10а, б. Соловецкий монастырь
после пожара 26–28 мая 1923

Это вызвало подозрения даже у ГПУ. Было начато следствие для установления причин пожара, который, почему-то, прежде всего уничтожил канцелярию Александровского. «Следственная комиссия (в составе начальника архангельского губернского ГПУ Отулитова и помощника прокурора того же ГПУ Абрамовского) не нашла состава преступления в том, что насквозь было пропитано преступностью!»[15]. По другим данным, в поджоге были обвинены остававшиеся на острове монахи-«инструкторы».

Вскоре на основании постановления СНК СССР от 13 октября 1923 года Северные лагеря ГПУ были ликвидированы и на их базе организовано Управление Соловецкого лагеря принудительных работ особого назначения ОГПУ (печально известный УСЛОН или СЛОН). Лагерю было передано в пользование всё оставшееся имущество Соловецкого монастыря. Первые заключённые прибыли на Соловки ещё до официального принятия постановления, в середине лета.

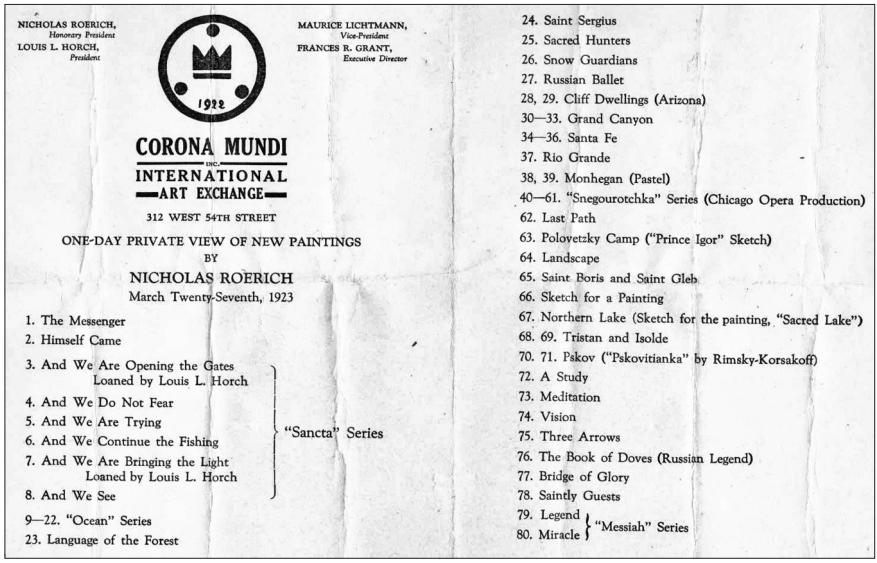
Несколько лет назад, впервые задумавшись над историей картины Н. К. Рериха «Соловецкий монастырь», я предположил, что известие о страшном майском пожаре в Соловецком монастыре могло дойти до Рерихов, в то время путешествовавших по Европе. Что это известие и побудило художника запечатлеть монастырь, причём таким, каким он был до пожара. Мною был даже сделан доклад на эту тему[16].

Чтобы подтвердить или опровергнуть это предположение, необходимо было выяснить, где же была написана картина «Соловецкий монастырь» — в Америке или в Европе? Я обратился за помощью к директору Музея Николая Рериха в Нью-Йорке Гвидо Трепше.

Первый из найденных им документов, казалось, подтверждал моё предположение.

Двадцать седьмого марта 1923 года в Нью-Йорке прошёл «частный однодневный показ новых картин Николая Рериха», своего рода его «прощание с Америкой». Был издан буклет этой выставки со списком 80 произведений, написанных в США (ил. 11). Это картины 1921–1923 годов, составившие серии «Океан», «Sancta», а так же такие известные произведения, как «Сам вышел», «Звериная речь», «Книга голубиная», пейзажи, написанные по впечатлениям от поездок в Аризону и Нью-Мехико и многие другие.

Под номерами 72–75 и 77–80 в списке «прощальной выставки» перечислены картины, созданные в 1923 году. Это «Размышление» («Meditation»), «Видение» («Vision»), «Этюд» («A Study»), «Три стрелы» («Three Arrows»), «Святые гости» («Saintly Guests»), «Мост славы» («Bridge of Glory»), «Легенда» («Legend») и «Чудо» («Miracle»). В авторский список 1923 года Н. К. Рерихом включено 14 художественных произведений, из них пять этюдов, написанных в Швейцарии



NICHOLAS ROERICH, *Honorary President*
LOUIS L. HORCH, *President*

MAURICE LICHTMANN, *Vice-President*
FRANCES R. GRANT, *Executive Director*

1922

CORONA MUNDI
INC.
INTERNATIONAL
ART EXCHANGE

312 WEST 54TH STREET

ONE-DAY PRIVATE VIEW OF NEW PAINTINGS
BY
NICHOLAS ROERICH
March Twenty-Seventh, 1923

1. The Messenger
2. Himself Came
3. And We Are Opening the Gates Loaned by Louis L. Horch
4. And We Do Not Fear
5. And We Are Trying
6. And We Continue the Fishing
7. And We Are Bringing the Light Loaned by Louis L. Horch
8. And We See

"Sancta" Series

9—22. "Ocean" Series
23. Language of the Forest
24. Saint Sergius
25. Sacred Hunters
26. Snow Guardians
27. Russian Ballet
28, 29. Cliff Dwellings (Arizona)
30—33. Grand Canyon
34—36. Santa Fe
37. Rio Grande
38, 39. Monhegan (Pastel)
40—61. "Snegourotchka" Series (Chicago Opera Production)
62. Last Path
63. Polovetzky Camp ("Prince Igor" Sketch)
64. Landscape
65. Saint Boris and Saint Gleb
66. Sketch for a Painting
67. Northern Lake (Sketch for the painting, "Sacred Lake")
68. 69. Tristan and Isolde
70. 71. Pskov ("Pskovitianka" by Rimsky-Korsakoff)
72. A Study
73. Meditation
74. Vision
75. Three Arrows
76. The Book of Doves (Russian Legend)
77. Bridge of Glory
78. Saintly Guests
79. Legend
80. Miracle

"Messiah" Series

Ил. 11. Буклет со списком картин Н. К. Рериха, представленных на выставке в Нью-Йорке 27 марта 1923
Архив МНР, Нью-Йорк

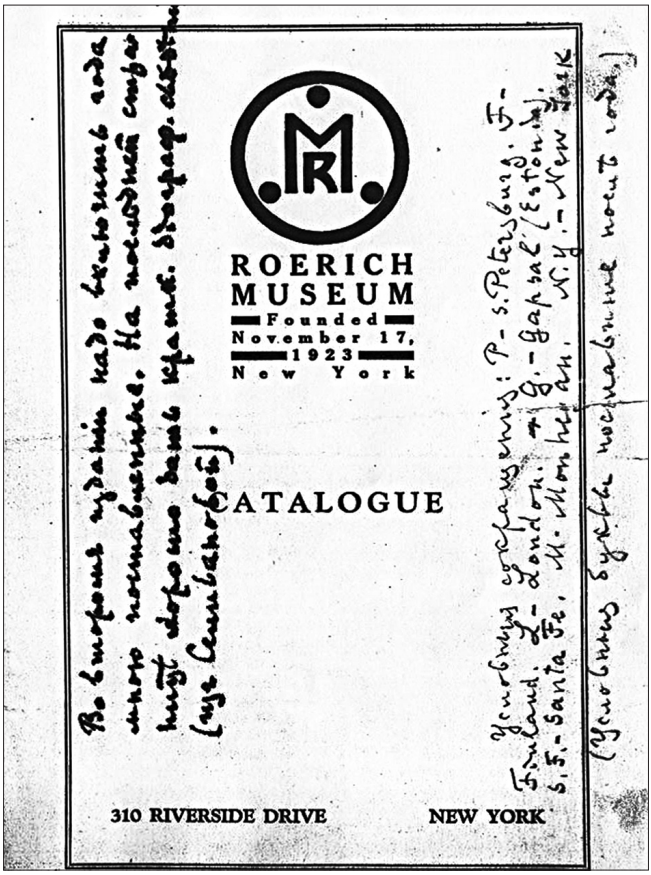
(«St. Moritz», «Mont Blanc»)[17]. Если сопоставить два этих списка, становится ясно, что на выставке в Нью-Йорке были представлены все картины 1923 года, кроме одной, — «Соловецкого монастыря».

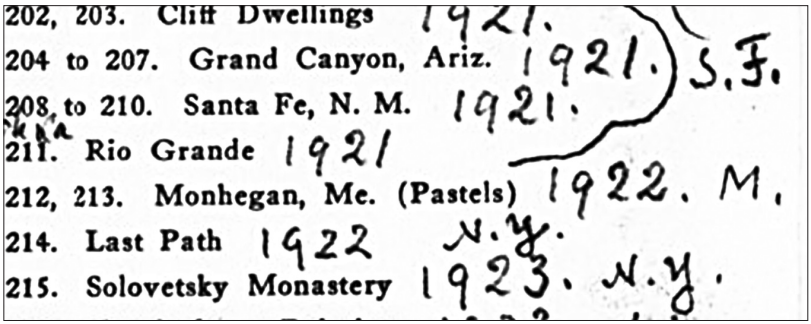
Таким образом, казалось, что каталог выставки 1923 года в Нью-Йорке — если и не доказательство, то серьёзный аргумент в пользу того, что картина «Соловецкий монастырь» была написана в Европе.

Однако фотокопия следующего документа, найденного Гвидо Трепшей, опровергла его. Это было издание каталога картин Н. К. Рериха с его рукописными пометками (ил. 12а, б). «Соловецкий монастырь» числится в нём под номером 215, а рядом, рукой художника, приписка «1923. N. Y.», то есть «1923 год, Нью-Йорк».

Так что, как и все остальные картины 1923 года, «Соловецкий монастырь» был создан в Америке, а в Европе Рерихом были написаны только этюды Альп.

Но это не означает, что сведения о печальной судьбе монастыря на Соловках не доходили и до Америки, до Нью-Йорка с его большим числом русских эмигрантов, до семьи Рерихов. Уже с 1920 года было ясно, что монастырь погиб. Так что, возможно, всё же подобные известия и побудили Н. К. Рериха к созданию в 1923 году картины «Соловецкий монастырь».



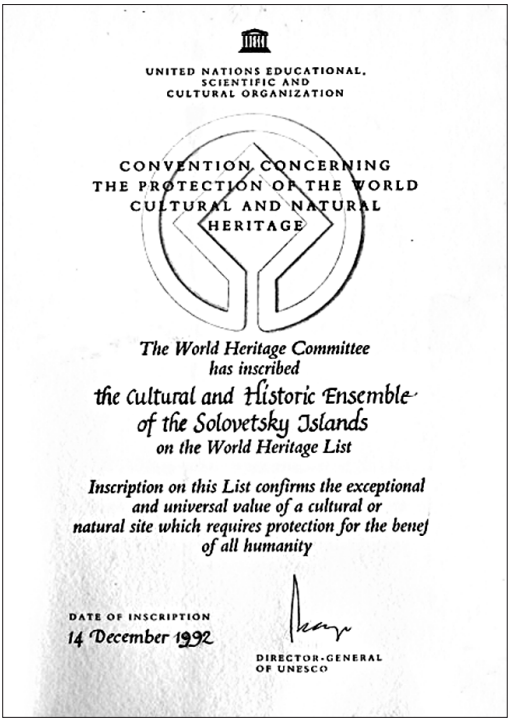


Ил. 12а, б. Каталог Музея Рериха в Нью-Йорке с правками Н. К. Рериха
Лицевая сторона обложки (вверху) и и фрагмент текста (внизу) с упоминанием картины «Соловецкий монастырь» (№ 215). Архив МНР, Нью-Йорк

Ил. 13. М. В. Нестеров. Лисичка. 1914. ГТГ

В заключение не могу не упомянуть о двух вопросах, с картиной Н. К. Рериха не связанных, но относящихся к Соловкам и выяснившихся при подготовке этой статьи.

Образы прошлого — как литературные, так и художественные — подчас довольно причудливо вплетаются в нашу современную культуру. Много поколений людей во всём мире наслаждаются новеллами Пу Сун-лина (1640–1715). Их первое ксилографическое издание состоялось в 1766 году, но уже задолго до этого они широко расходились по Китаю в списках. Теперь они издаются и переиздаются регулярно, в том числе на русском языке[18]. Большое число этих новелл тематически объединяется в сборник «Лисьи чары». Нет сомнений, что именно героини этих рассказов, лисички-оборотни, вдохновили Хольма ван Зайчика на создание фантастического приключенческого романа «Дело лис-оборотней» из цикла «Плохих людей нет» (2001)[19]. Однако было непонятно, почему действие романа ван Зайчика происходит именно на Соловках. И только готовя материалы для этой статьи, я обратил внимание на одну из «соловецких» картин М. В. Нестерова под названием «Лисичка» (ил. 13). «В конце концов, обитавшие у скитов лисы перестали бояться людей и заходили в кельи к знакомым монахам. Это приводи-


UNITED NATIONS EDUCATIONAL,
SCIENTIFIC AND
CULTURAL ORGANIZATION

CONVENTION CONCERNING
THE PROTECTION OF THE WORLD
CULTURAL AND NATURAL
HERITAGE

The World Heritage Committee
has inscribed
the Cultural and Historic Ensemble
of the Solovetsky Islands
on the World Heritage List

Inscription on this List confirms the exceptional
and universal value of a cultural or
natural site which requires protection for the benef
of all humanity

DATE OF INSCRIPTION
14 December 1992

DIRECTOR-GENERAL
OF UNESCO

Ил. 14. Сертификат о включении ансамбля Соловецкого монастыря в список Объектов всемирного культурного наследия ЮНЕСКО

ло в изумление писателя и страстного охотника Пришвина, как, впрочем, и художника Нестерова (картина “Лисичка”)»[20]. «Лисичка»Нестерова могла бы стать прекрасной иллюстрацией к событиям, описанным в романе Хольма ван Зайчика.

В 1992 году ансамбль Соловецкого монастыря был включён в список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО (ил. 14). На той же 16-й сессии Комитета по всемирному наследию в список были включены архитектурные ансамбли Новгорода, Владимира и Суздаля, а также целый ряд объектов в других странах. Интересно, что местом проведения этой сессии был выбран город Санта-Фе в американском штате Нью-Мехико, а одним из объектов, включённых в список в 1992 году, стало расположенное в том же штате индейское пуэбло Таос. В Санта-Фе семья Рерихов провела конец лета и часть осени 1921 года, Н. К. Рерих создал там целый ряд картин, в том числе изображающих это пуэбло[21]. Это, конечно, простое совпадение, но, мне кажется, по-своему примечательное.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Клюев Н. А.* Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1977. С. 309–312.

[2] *Верещагин В. В.* На Северной Двине. По деревянным церквам. СПб., 1895. Цит. по: Литвинцев Д. Соловецкие острова. Режим доступа: http://solovki–monastyr.ru/abbey/development/1503/.

[3] *Борисов Н. П.* Художник Вечных льдов. Жизнь и творчество А. А. Борисова. 1866–1934. Л.: Художник РСФСР, 1983. 268 с.; *Вехов Н.* Певец природы русского Севера // Московский журнал. 1999. 1 сентября. — Режим доступа: http://www.rusk.ru/st.php?idar=800202; Александр Алексеевич Борисов (1866–1934): альбом-каталог / сост. Е. Ружникова. Архангельск, 2006. 136 с: ил. и другие.

[4] Вся информация по теме «Соловецкие острова на дореволюционных открытках» предоставлена автору Н. А. Мозохиной (Государственный Русский музей, Санкт-Петербург). Автор пользуется возможностью выразить ей свою искреннюю признательность.

[5] *Алёхин А. Д.* Творческий метод Н. К. Рериха // Н. К. Рерих. Жизнь и творчество. М.: Изобразительное искусство, 1978. С. 40–61.

[6] *Климов П. Ю.* М. В. Нестеров и «Мир искусства» // Петербургский Рериховский сборник. Вып. IV. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 488–493.

[7] *Тютюгина Н. В.* Рерих и Нестеров // Новая эпоха. 1999. № 4 (23). С. 40–46.

[8] Там же.

[9] *Чувьюров А. А.* В. А. Плотников — художник, собиратель. Рябининские чтения-2007: Материалы научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера // Отв. ред Т. Г. Иванова. Музей-заповедник «Кижи». Петрозаводск, 2007. Музей «Кижи»: электронная библиотека. http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007/376.html; *Мозохина Н. А.* Открытые письма Общества возрождения художественной Руси и издательство Общины Святой Евгении // Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие». Т. XIII. СПб., 2014. С. 415–434.

[10] *Соболев А. П.* Предисловие // Н. К. Рерих. 1917–1919: Материалы к биографии. СПб.: Фирма Коста, 2008. С. 5–10; *Ешалова О. И.* К вопросу о начале эмиграции Н. К. Рериха из России // Там же. С. 11–36.

[11] *Соболев А. П.* Предисловие // Н. К. Рерих. 1919–1920: Материалы к биографии. СПб.: ИПК «Коста», 2011. С. 5–14.

[12] Александровский — коммунист из рабочих, назначенный Комиссариатом Земледелия заведующим Соловецким хозяйством (прим. А. Клингера).

[13] *Клингер А.* Соловецкая каторга. Записки бежавшего. Берлин: Издательство Г. В. Гессена, 1928. — Электронная версия: http://www.solovki.ca/memo/a_klinger.php).

[14] Там же.

[15] Там же.

[16] *Крылов П. И.* 2013. О картине Н. К. Рериха «Соловецкий монастырь» (1923) // Тринадцатая Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие». Тезисы конференции. СПб., 2013. С. 90–91.

[17] *Трепша Г., Борисов Ю.* Авторский список художественных произведений (картин) Н. К. Рериха за 1917–1924 гг. // Рериховский век: Каталог выставки. Т. 1. Живопись, графика. СПб.: Золотой век, 2009. С. 50.

[18] *Пу Сун-лин.* Рассказы Ляо Чжая о необычайном. М.: Художественная литература, 1983 и многие другие издания.

[19] *Зайчик Х. ван.* Дело лис-оборотней: Роман. СПб.: Азбука-классика, 2001. 352 с. Хольм ван Зайчик — совместный псевдоним петербургских учёных-китаеведов и писателей Вячеслава Михайловича Рыбакова и Игоря Александровича Алимова.

[20] *Джафарли А.* Особенность Соловецкой охоты // Культура. 1998. № 14 (7125). 16–22 апреля. С. 3.

[21] Подробнее о жизни Рерихов в Санта-Фе см.: *Дрэйер Р.* Санта-Фе // *Крылов П. И.* Индийский путь. СПб., 2015. С. 250–257.

М. Ю. МИРОНОВА
(Музей Николая Рериха, Нью-Йорк)

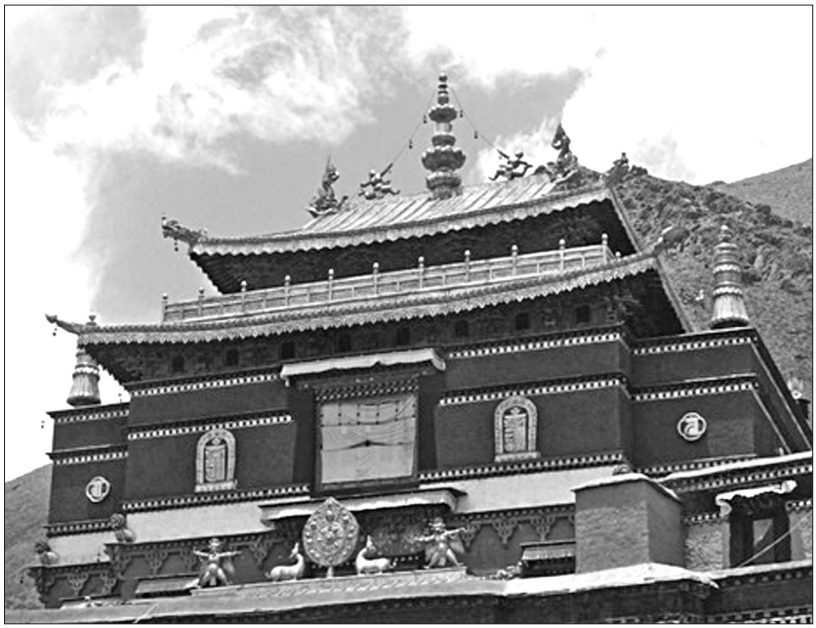
ВРЕМЯ МАЙТРЕЙИ. СОТРУДНИЧЕСТВО Н. К. РЕРИХА С ВЫДАЮЩИМИСЯ ДЕЯТЕЛЯМИ БУДДИЗМА В ДЕЛЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КУЛЬТА МАЙТРЕЙИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Ил. 1. Таши-лама IX Тхуптэн Чокьи Ньима (1883–1937)

Важнейшей темой в жизни и творчестве Николая Рериха является тема провозвестия скорого прихода Майтрейи, грядущего Будды. Приезд семьи в Индию совпал со значимым историческим событием в жизни Азии — бегства Таши-ламы — главного идеолога культа Майтрейи из своей резиденции в Шигадзе[1]. Часть единомышленников Таши ламы, свидетелей события, прибыла в Индию, в Дарджиллинг. Рерихам были переданы подробности эпохального события из первых уст. «Высокий беглец» ознаменовал своим поступком начало исполнения пророчеств, столь значительных для будущего (ил. 1).

Мессианские настроения, возникшие в начале XX века в некоторых уголках земли, проявлялись и в Тибете[2]. В Ташилумпо (ил. 2) по указу Таши-ламы в 1914 году была создана, а несколькими годами позже освящена в новом храме величественная статуя Майтрейи (ил. 8).

Этим поступком Таши-лама публично объявил народу о культе Будды Майтрейи, распространяя его повсеместно, возрождая старые надежды[3]. Освящение этой статуи ознаменовалась необычайным событием, свидетелем которого стало множество людей[4]. Это событие послужило отправной точкой начала «времени Майтрейи и Шамбалы». Монастырь Гхум (Йига Чёллинг) в Дарджилинге, в котором в своё время останавливалась Е. П. Блаватская перед своим визитом в Сикким[5],



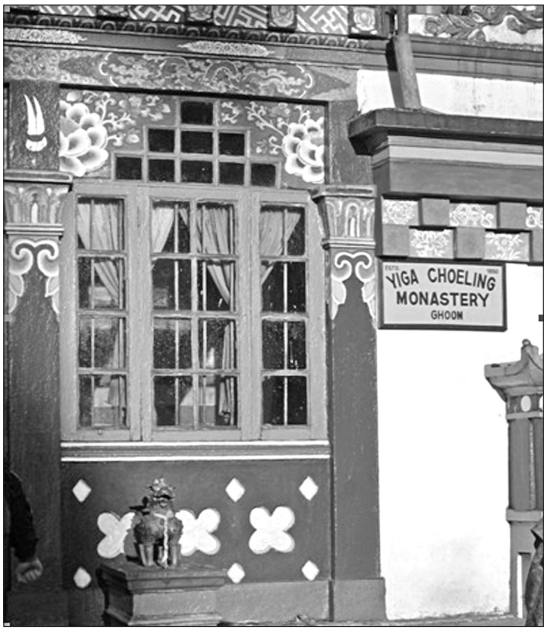
Ил. 2. Монастырь Ташилумпо

и который поддержал традицию Ташилумпо возведением в своём храме статуи Майтрейи (ил. 9), для семьи Рерихов стал знаковым местом (ил. 3, 4). Здесь, под скалой Гхума, было заложено «Пророчество о Шамбале»[6], здесь происходили важные встречи с единомышленниками. Рерихи и ламы обменивались пророчествами о грядущей эпохе (ил. 5).

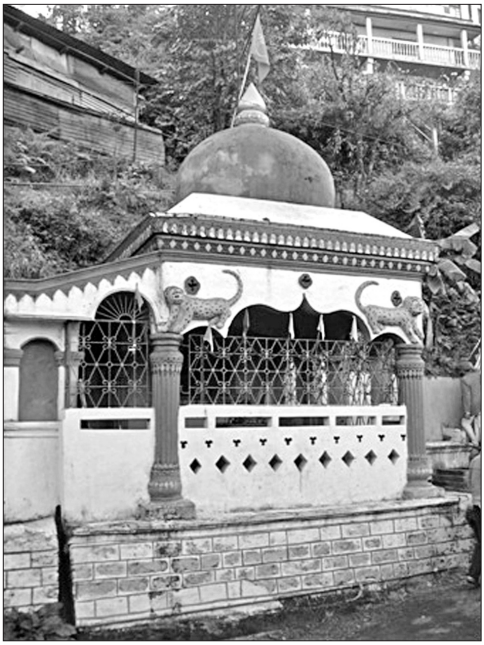
«Предание, издавна известное в монастырях, гласит, что придёт время, когда Таши-лама всенародно объявит культ нового Будды Майтрейи, или, как его называют, Владыки Шамбалы. А через три года, говорится в рукописях, этот святой человек, в котором сконцентрированы религиозные судьбы его народа, исчезнет из монастыря, и на Востоке начнут происходить большие события, которые закончатся приходом Владыки Шамбалы»[7].

«Нужно побывать здесь, чтобы понять происходящее. <...> Нужно заглянуть в глаза этих приходящих, чтобы понять, как насущно для них значение Шамбалы»[8].

Стремясь к распространению культа Майтрейи, Николай Рерих как художник нёс эту идею в своих картинах. Им была создана галерея живописных образов Майтрейи, серия картин, посвящённых ожиданию его прихода, а также значительное количество картин, посвящённых теме Шамбалы и всего того, что с ней связано (ил. 6).



Ил. 3, 4. Монастырь Гхум (Йига Чёллинг)



Ил. 5. Храм, около которого по преданиям состоялась встреча Рерихов с одним из Учителей

Ил. 6. Н. К. Рерих. Майтрейя Победитель. 1925. НГХМ

Ил. 7. Донгкар (монастырь Белой раковины) в Чумби. Фото начала XX века

Рерих-мыслитель писал о приходе грядущего Будды в своих очерках и статьях, приводил пророчества о приходе Новой Эры. Одно из этих пророчеств было заложено «под скалой Гхума». Николай Рерих как великий деятель реализовывал свои идеи в разнообразных культурных и общественных проектах, которые были направлены на Общее Благо и утверждали значение Шамбалы. И можно с уверенностью сказать, что вся сознательная жизнь Николая Рериха была направлена на служение Шамбале и Майтрейе. В этом священном деле он не был одинок, взаимодействуя в духовном сотрудничестве с людьми, активно преследующими схожие цели. До настоящего времени некоторые события и встречи Рерихов азиатского периода, как и их выдающиеся собеседники, полные имена которых Николай Константинович не всегда упоминает, оставались неизвестными, или недостаточно освещёнными в литературе.

Личность Ринпоче из Чумби[9], одной из ярких фигур в деле распространения культа будущего Будды, до недавнего времени оставалась загадкой для большинства русскоязычных последователей Н. К. Рериха. И хотя биографические данные Геше не сохранились полностью из-за событий китайской революции, в настоящее время мы имеем возможность узнать о нём больше подробностей.

Знакомство Николая Рериха с Кьябдже Томо Геше Ринпоче Нгаванг Калсангом[10], четверным по величине духовным лицом Тибета, настоятелем монастыря Донгкар в тибетской долине Чумби и ряда

других монастырей, которого современники считали воплощением Цзонкапы, состоялось в 1924 году в Дарджилинге (ил. 7). Впоследствии оно вылилось в дружбу и сотрудничество, которое продолжалось до самой смерти ламы в 1936 году.

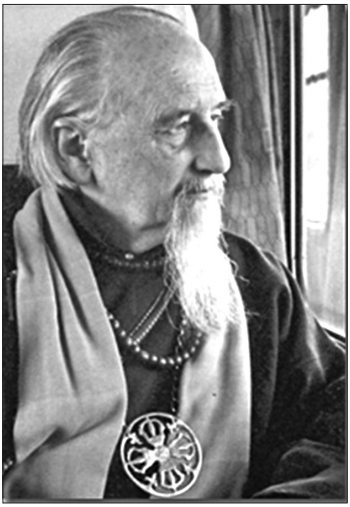
Ил. 8. Статуя Майтрейи в монастыре Ташилумпо

«Мне вспоминаются беседы с нашим покойным другом геше Ринпоче из Чумби. Мы встречались с ним не только в Гхуме и в Дарджилинге, он также навещал наш институт Урусвати в долине Кулу. Почтенный священник много говорил о Калачакре и Шамбале». <...> “Воистину”, — говорил наш старый друг, — “только через учение Калачакры и Шамбалы можно достичь совершенства наикратчайшим путём”»[11].

Томо Геше, двенадцать лет проживший в уединении в пещере в Гималаях, приобретя бесценный духовный опыт, не стал пожизненным отшельником, а вернулся в долины и стал неутомимым деятелем, исполнителем древних пророчеств, ибо свято верил в Будущее. «Сознание Геше глубоко. Он видит далёкие события. Выходя как бы из полудремоты сосредоточения, он говорит о самых неожиданных действиях, о дальних отсутствующих людях»[12]. На протяжении всей своей жизни Томо Геше неустанно работал, чтобы распространить традицию Ламы Цзонкапы. Везде, где Томо Геше путешествовал, он возводил статуи грядущего Будды, возвещая о приходе времени Майтрейи[13]. Любимый простым народом за свою отзывчивость, широту взглядов и целительские способности, он нёс учение о Майтрейе в Индию и Китай, Непал и Тибет.

Ил. 9. Статуя Майтрейи в монастыре Гхум

Томо Геше возводил монастыри в бесплодных, диких местах, а также возродил буддийские практики в Бодхгае, где Будда достиг просветления,



Ил. 10. Лама Анагарика Говинда

у ступы Махаботхи, которая тогда ещё была в заброшенном состоянии. Здесь же впоследствии он сотрудничал в деле возрождения буддизма с выдающимся буддистом и теософом Анагарикой Дхармапалой[14], в молодости — учеником Е. П. Блаватской и Г. Олькотта. Анагарика Дхармапала, основатель общества Махаботхи, был корреспондентом Н. К. Рериха. Возрождение Бодхгаи также было одним из этапов исполнения суждённого — Учение должно было вернуться к своим истокам (ил. 11).

«Истинно, наступает время, когда Учение Благословенного опять придёт с Севера на Юг. Слово Истины, которое начало свой великий путь в Бодхгае, опять вернётся в те же места. Надо принять это просто, как есть, то, что истинное учение оставит Тибет и опять появится на Юге»[15].

Национальный герой Шри-Ланки, Анагарика Дхармапала (1864–1933), так же как и Н. К. Рерих и Томо Геше Ринпоче, стремился к полной самоотдаче ради человечества и деятельно трудился во имя Всемирного Братства, видя в Учении Благословенного объединяющий элемент. Он принёс Учение Будды на Запад, в Англию, тем самым приближая приход Новой Эпохи Майтрейи.

«Действительно, наступают великие события. Вот Вы приходите с Запада и приносите весть о Шамбале. Мы, поистине, должны это принять. Видимо, луч башни Ригден Джапо достиг всех стран».

После смерти Анагарики Дхармапалы, Николай Рерих продолжал сотрудничать с обществом Махаботхи, посылая им свои труды, а в 1939 году подарил свою картину «Благословенный (Панацея)»[16].

Томо Геше Римпоче Нгаванг Калсанг стал главным прототипом загадочного Ламы из «Шамбалы Сияющей», и мы можем предположить всю глубину духовного взаимодействия его и Мастера, последователей Учения Шамбалы и её вестников. «...Учение Калачакры <...> было названо Учением Огня. Индийцы знают о великом Агни — Древнем Учении, которое, несмотря на древность, будет новым Учением Новой Эры. Мы должны думать о будущем; и Учение Калачакры, мы знаем, содержит весь материал, который может быть применён для величайшей пользы». «Когда тебе говорят, что кратчайший путь лежит через Шамбалу, через Калачакру, это значит, что исполнение не есть недостижимый идеал,

а есть нечто, что может быть достигнуто искренним и усердным устремлением здесь, на этой самой земле и в этом самом воплощении. Это — Учение Шамбалы. Истинно, каждый может достичь этого, каждый может услышать зов Калагия». «Учение о Шамбале — живое, данное для земных воплощений человека»[17].

Ил. 11. Анагарика Дхармапала

После знакомства с Рерихами Томо Геше Ринпоче стал более открыто относиться к иностранцам, в частности, его учеником стал выдающийся буддийский деятель Анагарика Говинда (1898–1985), увековечивший имя своего Гуру в книге «Путь белых облаков»[18] (ил. 10). Говинда, как и Н. К. Рерих[19], понёс провозвестие о наступающей эре Майтрейи на Запад, организовав по завету учителя в 1933 году общество «Арья Майтрейя Мандала». В 1952 году это общество распространило свои филиалы в южной Индии и Европе, а потом и по всему миру[20]. Как и Томо Геше, который был сторонником движения обновления в буддизме, Анагарику Говинду «захватила идея нести учение Просветлённых <...> всему миру, людям любой расы, касты, цвета кожи и вероисповеданий»[21].

Самой главной задачей ламы Говинды было приобщение людей Запада к духовной культуре Востока, обращая их внимание на концепцию бодхисатвы, на «солидарность всех существ». В ордене «Арья Майтрейя Мандала» бодхисатва Майтрейя представляется не только как образец для подражания, но и как символ планетарного единства. При этом, каждый народ, по мнению Говинды, должен выработать свои методы и формы выражения буддийских истин, так как «каждая эпоха и каждая страна должны найти собственную форму выражения и собственные методы проповеди для того, чтобы сохранить живой идею буддизма»[22].

Сотрудничество таких выдающихся личностей в деле распространения культа Майтрейи, как Н. К. Рерих, Томо Геше Римпоче, Анагарика Дхармапала, Анагарика Говинда, несмотря на неосуществление заповеданного события в заявленный срок, всё же сделало своё дело. Имя Майтрейи стало известно в западном мире, а надежды людей, сопровождающие то незабываемое время, вылились в устное народное творчество и создание произведений религиозного искусства, а, главное, идеи о грядущем приходе Майтрейи остались жить в сердцах людей, по прежнему ожидающих его приход в уже в новом веке.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Рерих. Н. К.* Алтай — Гималаи. М.: Рипол Классик, 2001. С. 99.
[2] *Рерих. Н. К.* Искусство Тибета // *Рерих Н. К.* Шамбала. М.: МЦР, 1994. С. 66.
[3] *Грант Ф.* «Владыка Шамбалы — надежда Азии». Нью-Йорк, 1924. — Режим доступа в сети Интернет: http://rerich9.sitecity.ru/ltext_0204010156.phtml?p_ident=ltext_0204010156.p_1604201350.
[4] *Дэвид-Ниль А.* Мистики и маги Тибета. Ростов-на-Дону: Журналист, 1991. С. 250–251.
[5] *Блаватская Е. П.* Письмо князю Дондукову-Корсакову. 1.10.1882 // Электронный ресурс. Режим доступа в сети Интернет (дата обращения 25 октября 2016 года): http://www.ivorr.narod.ru/blavatsk/nasled/blav_Epistol/dk09.html.
[6] *Рерих. Н. К.* Алтай — Гималаи. С. 36.
[7] *Грант Ф.* Указ. соч.
[8] *Рерих Н. К.* Алтай — Гималаи. С. 99.
[9] Там же. С. 26–27.
[10] *Bernis U.* Kyabje Domo Geshe Rinpoche Ngawang Kalsang. Dungkar Gonpa Society, 2002. — Режим доступа в сети Интернет: http://www.domogesherinpoche.org/domo-geshe-rinpoche-ngawang-kalsang.html.
[11] *Рерих. Н. К.* Священные Ашрамы // Гималаи — Обитель Света. Адамант. Самара: Агни, 1996. — Режим доступа в сети Интернет: http://etikavomne.agni-age.net/gallery/content/301.htm; *Рерих. Н. К.* Алтай — Гималаи. С. 27.
[12] *Рерих. Н. К.* Алтай — Гималаи. С. 295.
[13] *Bernis U.* Ibid. P. 7, 27.
[14] *Андросов В. П.* Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь: монография / В. П. Андросов; М.: Ориенталия, Самадхи, 2011. С. 223.
[15] *Рерих. Н. К.* Шамбала сияющая // *Рерих Н. К.* Шамбала. М.: МЦР, 1994. С. 26.
[16] *Крылов П. И.* «Благословенный» из Сарнатха // Дельфис. 2002. № 1 (29). С. 24–27.
[17] *Рерих. Н. К.* Шамбала сияющая. С. 41–42.
[18] *Говинда А.* Путь белых облаков. Буддист в Тибете. М.: Сфера, 1997. 437 с.
[19] Лама Анагарика Говинда переписывался с Н. К. Рерихом и написал в 1940 году прекрасную статью о его творчестве «Искусство как путь будущего: приветствие творчеству и вести Николая Рериха» (Культура и время. 2012. № 1 (43). С. 64–71). См. также: *Крылов П. И.* Индийский путь. СПб., 2015. С. 244–248; 258–263. — Прим. ред.
[20] *Перекатиева Н. В.* Орден «Арья Майтрея Мандала»: Восток на Западе // Традиции Востока. Вып. 1. Санкт-Петербург. — Режим доступа в сети Интернет: http://anthropology.ru/ru/text/perekatieva-nv/orden-arya-maytreya-mandala-vostok-na-zapade.
[21] Там же.
[22] Там же.

В. Г. ШАРОНОВА
(Институт Дальнего Востока РАН, Учёный совет Центра изучения России Шанхайского университета иностранных языков; Москва)

Н. К. РЕРИХ В ШАНХАЕ

Среди многочисленных беженцев из России, оказавшихся в изгнании в Китае в начале 20-х годов прошлого века, было немало представителей российской интеллигенции — писателей, поэтов, художников, архитекторов, театральных деятелей и музыкантов. Оказавшись в сложных условиях адаптации к незнакомой и чуждой европейскому человеку среде, русская эмиграция стремилась сохранить ценности и традиции русской культуры. Эмигранты с большим интересом и вниманием знакомились с произведениями в области литературы, музыки, живописи, созданными представителями русской диаспоры. Русская эмиграция в Китае стремилась вести русский образ жизни, поддерживать русский дух и образ мысли. Они осознавали себя частью России и верили, что вернутся в неё.

Будучи ещё совсем молодыми людьми, шанхайские деятели русской культуры стояли во главе духовного образования покинувших родину соотечественников. Их было очень мало, но они держались вместе, открывая литературные объединения, содружества, театры, выпуская ежедневные газеты. Они создавали ту духовную пищу, которая была так необходима страдающим от тоски по родине русским эмигрантам. И здесь была очень важна роль наставника, помогавшего им пройти этот сложный путь.

Николай Константинович Рерих — именно он был тем нравственным кумиром для шанхайской творческой интеллигенции. Общаясь с Учителем, они сами становились учителями и несли знание и крепость духа другим.

Его писем ждали, переписывали их от руки, распространяли и цитировали. Эти строки волновали тогда и волнуют современников до сих пор: «Итак, бодро переходите трудные потоки — ведь Армагеддонные годы трудны всем — тем более нужно объединить все культурные силы, ибо служители тьмы весьма организованы»[1].

В этих письмах содержались советы молодым писателям, которые давались искренне, с большим уважением, неизменной похвалой и добрыми пожеланиями: «Помимо отличного слога Вы умеете так бережно выявить все прекрасные стороны великих характеров, что для молодого поколения Ваши книги будут ведущими вехами. Каждый писатель

и художник в своих произведениях являет и свою характеристику. Один увидит мрак, а другой увидит свет. Говоря о других, писатель невольно говорит о том, что ему самому близко и даёт в образах им излюбленных и свою характеристику»[2].

Заканчивая свои письма, Николай Константинович писал «Духом с вами!», эта фраза поддерживала и вселяла надежду.

Именно с ним они не стеснялись делиться своими личными переживаниями, писали ему как отцу, ведь у многих из них отцов уже давно не было. А он поддерживал, успокаивал и учил, как смотреть на непростую ситуацию по-новому, как принять её с пользой для себя и своего творчества:

«Радуйтесь, если всякие завистники злобствуют. Ведь такая злоба есть не что иное, как “обезьяньи ласки”. Хуже было бы, если злошептатели не обращали бы внимания. По-своему они воздают Вам честь, ибо похвала их была бы уже бесчестием для Вас. Именно творите и творите <...>. Ещё раз скажу, не смущайтесь ни завистью, ни клеветою»[3].

Собираясь в своём первом творческом кружке «Понедельник», русская молодёжь обсуждала полученные письма, следовала советам, и не случайно, что эти встречи собирали большое количество людей. Потому что само слово наставника помогало обрести силы и нести бремя духовных лидеров. После тяжёлых будней эти вечерние чаепития проходили очень бурно и насыщенно. Члены кружка читали свои произведения, делись впечатлениями, разбирали тексты коллег. И в такие вечера забывалось, что за окном шумит желтолицый и жаркий Шанхай. Наоборот, казалось, что за этим окном — петербургская мостовая, разноголосый Невский, и стоит только выйти из дома, как вновь очутишься в родном городе. Члены кружка засиживались обычно допоздна, вместе расходились по улочкам Французской концессии, напоминая друг другу фразу из недавнего письма Николая Константиновича: «ЕДИНЕНИЕ является самым мощным фактором, и только людское недомыслие не соображает, какое непоправимое разрушение вносится каждым разъединением. Итак, начинайте с Богом в твёрдой вере, что культурное объединение неотложно нужно»[4].

В сентябре 1935 года Николай Константинович Рерих посетил Шанхай. Русские эмигрантские газеты пестрили заголовками о его приезде, а у отеля «Астор-хаус» ещё задолго до приезда собралась толпа.

На вокзале своего учителя встречал Яков Лукич Лихонос (1891–1942). Ожидая пекинский экспресс на перроне, он вспоминал, как после учебных занятий в военном училище прапорщиков шёл на Большую Морскую в Рисовальную школу при Императорском Обществе поощрения художников, в которой обучался за свой счёт. Родом Яков Лукич был из крестьянской семьи, жившей под Екатеринославлем. Вся его

дальнейшая жизнь должна была быть связана с армией, но каждую свободную минуту он посвящал любимому делу. На талантливого студента Рисовальной школы сразу же обратил внимание Николай Константинович Рерих, уделяя ему особое внимание.

Встреча на шанхайском перроне прошла очень тепло, Николая Константиновича в поездке сопровождал его сын Юрий. По дороге в отель Яков Лукич пригласил посмотреть учителя своё детище — Кафедральный собор во имя иконы Божьей матери — Споручницы всех грешных, постройка которого уже подходила к концу. После короткого отдыха в осаждаемом поклонниками номере 311, Николай Константинович отправился в город. Прежде всего, заехали в Свято-Николаевскую церковь на рю Корнейль, оттуда пешком прошлись по авеню Жоффр, направляясь к месту строительства собора.

Вместе с Лихоносом они осмотрели Кафедральный собор. Николай Константинович высказался, что общий контур ему нравится. Внутри отметил исключительные возможности для росписи. Дал авторитетные указания по поводу внутренней отделки по убранству храма в беседе со строителями. Потом учитель и ученик пили чай во Французском клубе, а затем отправились в студию Лихоноса посмотреть работы Якова Лукича. Как писали газеты: «Николай Константинович тепло обласкал своего ученика, с большой похвалой он отозвался о работах ученика по стеклу. Долго рассматривал композиции и, весьма лестно отозвался о целой серии последних этюдов художника Лихоноса, вывезенных им минувшим летом из Чифу. Давая ряд технических поощрительных указаний, Рерих сказал, что китайское небо требует особой трактовки для того чтобы передать его своеобразную выразительность. Знаменитому художнику понравились также работы художника Лихоноса из цикла китайских храмов. Одобрил несколько этюдов к театральным декорациям и похвалил картину, изображающую лес. “Продолжайте работать дальше вы на правильном пути”. Лихонос был взволнован и тронут вниманием»[5].

В гостинице продолжилось паломничество журналистов. Среди посетителей был художник Л. В. Сквирский. Рерих интересовался его новыми работами в области художественной фотографии. Ненадолго в номер 311 заглянул молодой поэт Михаил Спургот, известный своими стихами шанхайской публике. Беседа была недолгой, но очень важной, и сыграла большую роль в жизни Спургота. Михаил Цезаревич, уроженец Гродно, в раннем возрасте оказался во Владивостоке, часто проводя время в Харбине, где работал его отец. Как истинный поэт даже свою биографию он излагал с неизменной таинственностью, указывая, что его отец был управляющим чайной плантации, и постоянно менял места своего рождения. Обосновавшись в Шанхае в конце 1920-х годов,

Спургот быстро устроился на работу и вскоре стал одним из самых популярных и богемных поэтов Шанхая. Ему присвоили титул «мистера ХЛАМ»[6], ещё одного творческого объединения. Он был знаменит не только своими стихами и поэмами, но и разными приключениями и чудачествами, свойственным весёлым и раскрепощённым молодым людям. Встреча с Николаем Константиновичем изменила сознание Михаила Цезаревича. Он серьёзно увлекся эзотерическими учениями, перестал быть героем забавных скандалов. Его произведения из шутливых песенок превратились в серьёзные и вдумчивые стихи.

Вечерние встречи в номере 311 в «Астор-хаусе» закончились очень поздно. А уже наутро Николай Константинович вместе с сыном отправились на пароход. Вещи отправили с возницей, а сами прошлись пешком по консульскому кварталу до порта, любуясь уютными особняками, самым красивым из которых было здание бывшего Императорского генерального консульства России. В порту на берегу реки Хуанпу Рерихов уже ожидали и приветствовали русские шанхайцы. На борт парохода им помог подняться любимый местной публикой писатель Павел Северный. Николай Константинович принял в подарок несколько книг Павла Александровича. Он был о нём уже наслышан: сын немецкого барона фон Ольбриха, управляющего одного из уральских заводов, чудом избежавший расстрела, который с армией Колчака добрался до Харбина. Время в интересной беседе пролетело незаметно, Павел Александрович тепло попрощался и пожелал Николаю Константиновичу и Юрию Николаевич счастливого пути[7].

После отхода корабля публика долго не расходилась, обсуждала визит Николая Константиновича в Шанхай и сожалела, что он был таким кратким.

Прошли годы. По-разному сложилась судьба у тех, кому удалось в тот сентябрьский день провести недолгое время с Учителем.

Яков Лукич Лихонос достроил свой собор, ставший самым монументальным религиозным сооружением в Шанхае. Его жизнь оборвалась в холодную зиму 1942 года, когда он, несмотря на непогоду, проводил каждый день «на лесах», реставрируя стены, которые страдали от влажного шанхайского климата. Его вдова и сын вернулись в СССР, прах Якова Лукича был перезахоронен на одном из ташкентских кладбищ. Его картины до сих пор украшают коллекции многих российских музеев, в том числе Музея Востока.

Павел Александрович Северный приехал на родину вместе с сыном и женой. Прожив положенный срок на целине, и настрадавшись от тяжёлых условий жизни, им удалось поселиться в Подольске под Москвой. Павел Александрович создал много интересных и популярных исторических романов и повестей, став членом Союза писателей СССР.

Михаил Цезаревич Спургот также вернулся на родину. Он был арестован в Перми и осуждён на 25 лет лишения свободы. Остаток жизни Спургот прожил в Советске Калининградской области, работая в кукольном театре, больше никогда не написав ни строчки стихов. Он стал учителем, неся знания Николая Рериха советской молодёжи. До сих пор его последователи вспоминают о нём с большой сердечностью и теплотой.

Николай Рерих... и три судьбы заброшенных в Шанхай молодых людей. Как мало времени у них было на общение в тот его короткий приезд в город на Хуанпу, и как много стоило его слово для каждого из них, которое они передали с любовью и трепетом всем тем, кто нуждался в нём и хранил его в своём сердце всю жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Из письма Н. К. Рериха Павлу Северному 27 января 1937 года. Здесь и далее письма цитируются по изданию: Н. К. Рерих. Письма писателю Павлу Северному // Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие». Том X. СПб., 2013. С. 185–187.

[2] Там же.

[3] Из письма Н. К. Рериха Павлу Северному 10 мая 1937 года.

[4] Там же.

[5] Шанхайская заря. 1935. 24 сентября. № 3174.

[6] «Объединение ХЛАМ» (то есть объединение художников, литераторов, артистов и музыкантов) было основано М. Спурготом в 1933 году.

[7] Подробнее о П. Северном см.: *Северный А. П.* Павел Северный (Павел Александрович фон Ольбрих) // Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие». Том X. СПб., 2013. С. 181–185; *Ржевская Н. Ф.* В прошлое — на трамвае (В гостях у сына писателя П. А. Северного) // Там же. С. 187–195.

В. Л. МЕЛЬНИКОВ
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

МОЛИТВЕННЫЕ ГОРКИ Н. К. РЕРИХА

...Видел ворон и другое!.. Пировал он также остатками богатой яствы, что бывала на лесных холмах, далеко от жилья, куда собирались люди молиться, приносить жертвы богам. Уже и кресты были на шеях, а всё посещались давние излюбленные места...

Н. К. Рерих. На кургане.
В Водской Пятине (СПб. губ.). 1898

Н. К. Рерих с самого начала своей археологической деятельности стремился освоить все типы памятников того или иного региона, целого народа, или даже определённого исторического периода. Ему был свойственен так называемый «панорамный» метод изучения культуры[1]. Среди того, что он исследовал на Восточно-Европейской равнине, были: средневековые поселения и селища, города и городища; неолитические стоянки; погребальные и культовые памятники разных видов, включая курганы и сопки, монастыри и отдельные храмы, «святочтимые» кресты, камни, рощи и отдельные деревья; поля сражений и крепости; водные пути и сухопутные дороги. Среди всего этого набора он очень рано познакомился и с **молитвенными горками** — типом памятников, в равной степени близких и археологии, и этнографии. В научном наследии Н. К. Рериха первым обратил внимание на них известный археолог **Глеб Сергеевич Лебедев** (1943–2003), развивавший применительно к этим холмам мысль о «сакральных объектах Древней Руси, до сих пор в должной мере не изученных, и лишь в последние годы осваиваемых археологами»[2]. Первое опубликованное известие об исследовании Н. К. Рерихом этих объектов принадлежит его наставнику **Александру Андреевичу Спицыну** (1858–1931)[3]. При этом в современной «Археологической карте Ленинградской области»[4] ни одна из выявленных Рерихом «молитвенных горок» не зафиксирована в силу продолжающегося обсуждения их типологического статуса.

Сам Н. К. Рерих несколько раз публиковал своё мнение о культурно-историческом значении этих сакральных по назначению объектов. В 1898 году в статье «На кургане. В Водской Пятине (СПб. губ.)» он писал: «По всей окрестности известны многие лесные холмы, обыкновенно обильно покрытые камнем; на глубине $^1/_4$ арш. — $^1/_2$ арш. находит-

ся обильный уголь и зола. Предметов на подобных холмах не найдено. Про них в народе ходит смутное предание, что “тут что-то было”, “собирались молиться”»[5]. В черновиках Николая Константиновича имеется ещё одна запись об этих возвышенностях: «Существование их по всей местности, красивое их положение обыкновенно вблизи воды и отсутствие вблизи каких-либо курганов наводит на мысль, что эти холмы места мольбищ, куда могли сходиться окрестные жители для совершения общих обрядов»[6].

К 1897 году 22-летний художник-археолог выявил уже три «молитвенные горки» в окрестностях родительского имения Извара, в Сосницкой волости Царскосельского уезда Санкт-Петербургской губернии. Это «Плитная горка» у деревни Сосново, Куделова или Куделева гора (она же «Куделово урочище» и «Кудельская горка») у деревни Сосницы и холм в имении Калитино, наибольший по размерам. В дальнейшем Н. К. Рерих обнаружил подобные объекты и в соседних уездах губернии.

Об осмотре «Плитной горки» в 1893 году он сообщал в заявлении, полученном 16 мая 1894 года Императорской Археологической комиссией[7]. В дневнике раскопок, очевидно, прямо на месте записал:

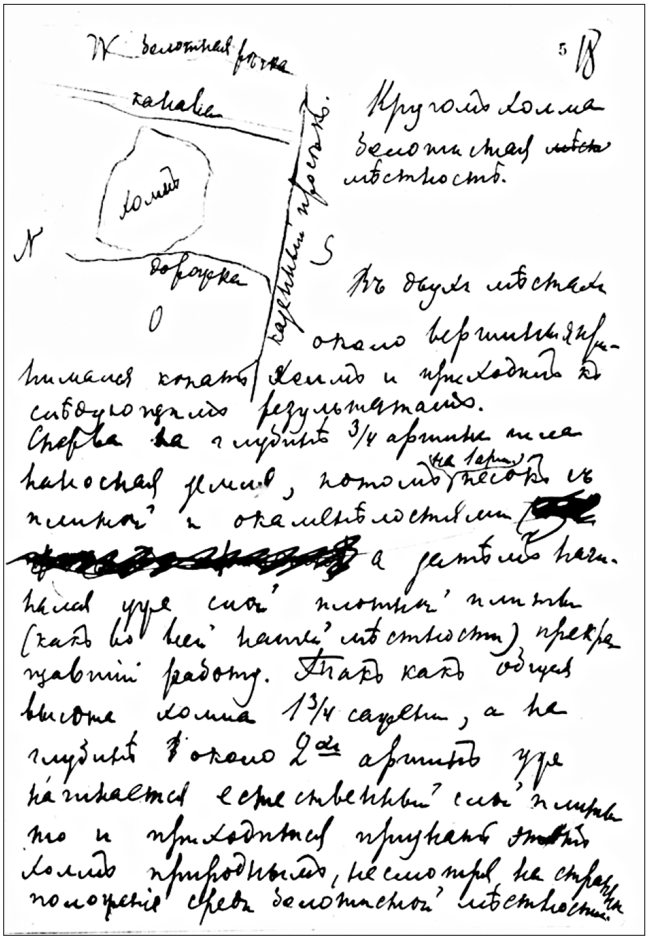
«Кругом холма болотистая местность.

В двух местах около вершины я принимался копать холм и приходил к следующим результатам.

Сперва на глубине $^3/_4$ арш. шла наносная земля, потом на [глубине] 1 арш. песок с плитой и окаменелостями, а затем начинался уже слой плотной плиты (как во всей нашей местности), прекращавший работу. Так как общая высота холма $1^3/_4$ саж., а на глубине около 2 арш. уже начинается естественный слой плиты, то и приходится признать этот холм природным, несмотря на странное положение среди болотистой местности»[8].

Это запись, включившая в себя схематичный набросок плана холма (ил. 1), датируется 30 июля 1895 года. «Плитную горку» он зарисовал ещё 17 июля 1893 года (ил. 2). Тогда же были сделаны рисунки других подобных мест: «Около Собачьей горы в Сосницах» (9 июня 1893) (ил. 3), «Подъём на Куделеву гору около дороги в Силище (место жертвоприношений)» (12 июня 1893) (ил. 4), «Старое кладбище в Сосново (около часовни)» (18 июля 1893) (ил. 5) и ряд других[9]. В дальнейшем планиметрический рисунок Куделовой горы (ил. 6) художник-археолог включил в «Прибавление к отчёту о раскопках 1896 года, произведённых Н. К. Рерихом»[10], сопроводив его следующим описанием:

«Куделова гора, находящаяся на расстоянии 1 версты к Югу от деревни Сосницы, Царскосельского уезда, представляет из себя каменистый

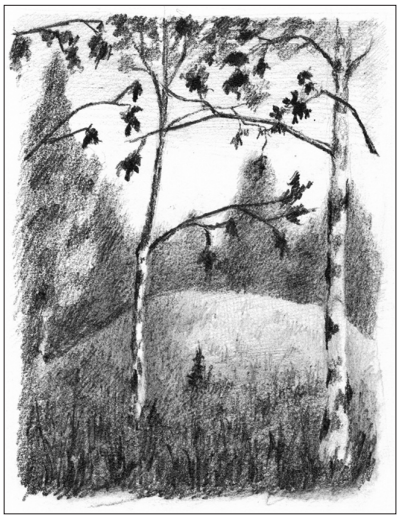


Ил. 1. Н. К. Рерих. Запись о «Плитной горке» у деревни Сосново из дневника раскопок. 30 июня 1895. Оригинал в РО НА ИИМК РАН

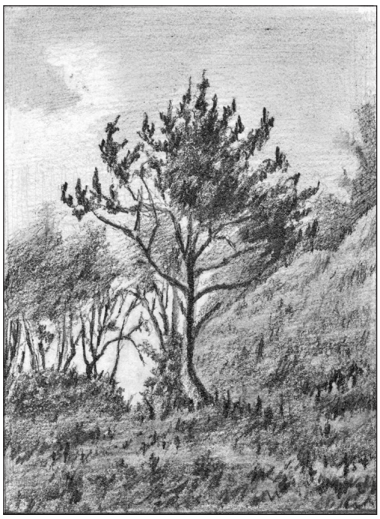
холм (см. чертёж) высотою до 4 $^1/_2$ саж., диаметром до 40 саж., неправильной формы, имеющий склон на Юге, т. е. к реке, а к Северу значительно крутой.

Известна также под названиями Куделова урочища и Кудельской горки.

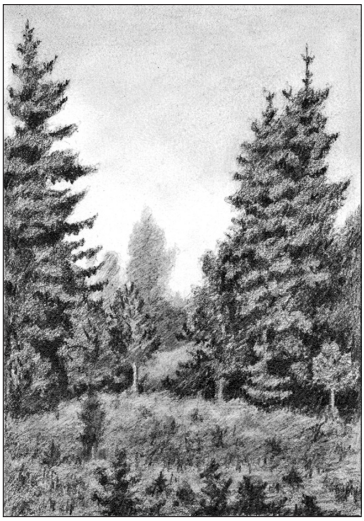
В конце Августа я осмотрел это место. Весь холм усеян плитою, лежащею то еле видными, вросшими кучами, местами обугленными, то одиночно. В различных местах горки, как показано на чертеже, были сделаны пробные колодцы, причём среди чрезвычайно твёрдого грунта и плиты (настолько твёрдою, что рабочие единогласно утверждали, что



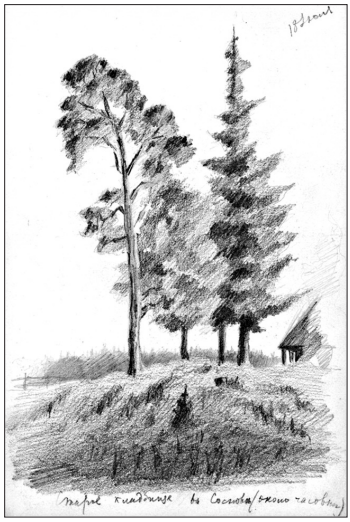
Ил. 2. Н. К. Рерих. Плитная горка 17 июля 1893. Рисунок с надписью: «Выш. саж. 3–4. Плитная горка. 1 $^{1}/_{2}$ версты от Соснова. 17 июля». Ориг. в МНР



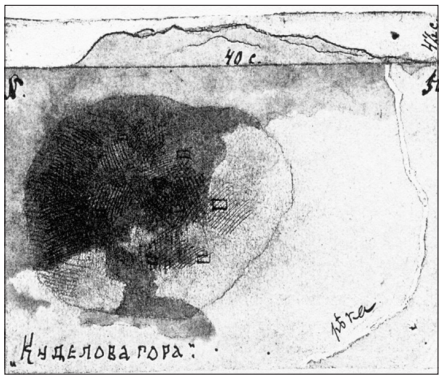
Ил. 3. Н. К. Рерих. Около Собачьей горы в Сосницах. 9 июня 1893 Рисунок с авторской надписью. Оригинал в МНР



Ил. 4. Н. К. Рерих. Подъём на Куделеву гору около дороги в Силище (место жертвоприношений). 12 июня 1893 Рисунок с авторской надписью. Оригинал в МНР



Ил. 5. Н. К. Рерих. Старое кладбище в Сосново (около часовни). 18 июля 1893 Рисунок с авторской надписью Оригинал в МНР



Ил. 6. Н. К. Рерих. Куделова гора. 1896 «Чертёж» из «Прибавления к отчёту о раскопках 1896 года, произведённых Н. К. Рерихом» Оригинал в РО НА ИИМК РАН

это материк) на глубине [от] $^3/_4$ до 1 арш. был обнаружен уголь и обожжённые камни в беспорядке[11]. Уголь попадался маленькими, отдельно лежавшими крупинками и точками. На глубине 1 $^1/_4$ мы наткнулись на естественный слой плиты. В других ямах наблюдалось то же самое, а в яме, особенно зачерченной на чертеже и находящейся на наиболее возвышенном месте холма, встречено особенно много угля и также зола, прерывающимся слоем на глубине 10 вершков. Весь холм зарос очень частым молодым ельником, кроме некоторых слишком каменистых площадок. Ямы на этих площадках давали большее количество угля, нежели ямы в более низких местах.

Ввиду обширных размеров холма, требующих для систематической раскопки много рабочих рук, я прекратил работу, уверив рабочих, что тут ничего найти нельзя, чтобы крестьяне не попортили этого места, в надежде найти клад. По словам местного священника отца Александра Румянцева[12], покойный Лев Константинович[13] был весьма заинтересован этим местом и думал непременно его исследовать, ровно как и возвышенность между Сосницами и Чёрной, носящую название "Городок"»[14].

Место написания этого текста — Извара, дата — 1 сентября 1896 года. Николай Константинович продолжал исследовать Куделову гору ещё целый год — в период с начала сентября 1896 года по начало сентября 1897-го. Об этом свидетельствует разница в числе указанных колодцев, сделанных на горе, в документах 1896 и 1897 годов. На рисунке 1896 года отмечено 10 таких колодцев (ил. 6). Выступая 19 сентября 1897 года на заседании Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического общества[15], Н. К. Рерих упоминал уже о «более 12 колодцах», кроме этого, он уточнил и другие параметры холма, например, его высоту:

«Я хотел указать некоторые места Санкт-Петербургской губернии, связанные с преданиями и имеющие, по-видимому, археологическое значение. Во-первых, холмы. О них существует какое-то смутное предание, что тут "собирались — молиться". Таких холмов мне известно пять. Три в Царскосельском уезде между собой на расстоянии 15, 20 верст. Один в Петергофском и один в Ямбургском. Осмотренные мной четыре

подобных холма расположены в лесу, отличительным признаком их служит близость воды и масса камня на поверхности. Озерко около Калитинского холма имеет четырёхугольную форму и носит характер вырытого пруда, хотя выкидной земли около не заметно. Наиболее типичен холм Куделова гора близ деревни Сосницы. Он представляет из себя плитную возвышенность высотою до 5 саж., диаметром до 30 саж., неправильной формы; общий склон на Юг к речке, протекающей у подошвы его. Северный спуск значительно [более] крутой. Весь холм усеян плитняком и булыжником, где кучами, где одиночно. В разных местах холма было взято более 12 колодцев, причём на $^3/_4$ или 1 арш. среди чрезвычайно плотного плитного грунта были обнаружены угольные точки и обожжённые мелкие плитянки. Под этим тонким угольным слоем скоро начинался естественный слой плиты. Наибольшее количество угля найдено на высшей точке холма. Весь холм густо зарос молодым ельником, кроме нескольких особенно каменистых площадок. Калитинский холм ещё больших размеров, на поверхности же меньше камня»[16].

В последующие годы к пяти известным исследователю молитвенным горкам добавились и другие подобные объекты, на которые он всегда обращал внимание. В 1899–1903 годы, в период его деятельности по составлению «Археологической карты Санкт-Петербургской губернии» к нему стекалась информация обо всех объектах культурно-исторического значения в регионе. Среди собранной им документации — народные предания Северо-Запада России в изложении конкретных людей из глубинки, не всегда профессионально подготовленных. В 2001 году мы предприняли попытку классифицировать эти сообщения, разделив на 12 тематических групп, причём первая группа — это «предания об особых возвышенностях»[17]. Приведём здесь три фрагмента из этой группы.

1. Доломанова могила[18]

Близ деревни Хреля[19], на юго-восток от погоста Доложского[20], в шести верстах от него, возвышается холм, называемый «Доломанова могила». По преданию, этот Доломан был страшный разбойник XVII столетия; шайка его гнездилась здесь в глубоком, на несколько вёрст протягивающемся овраге; он слыл волшебником, которого нельзя было убить пулею, и он был убит серебряною пуговицею.

Источники: 1. *Полосухин Г. П.*, учитель Доложского земского училища. [Сообщение об окрестностях погоста Доложского Константиновской волости учителя Доложского земского училища]. Без даты. Автограф. РО НА ИИМК РАН. Ф. 37 («Н. К. Рерих»). Д. 1. Л. 3; 2. Кильчевский [Гдовский уездный исправник]. Сведения об археологических древностях по городу Гдову и Гдовскому уезду. Без даты. Автограф. РО НА ИИМК РАН. Ф. 37 («Н. К. Рерих»). Д. 2. Л. 2 об.

2. Братское кладбище в деревне Ивне[21]

Курганов и могил в приходе (в деревнях Ивне и Глухове[22]) много. Кроме сего, в деревне Ивне [есть] гора под названием «Братское кладбище», на которой имеется каменный крест и всегда зеленеющая площадка, — [гора] столь высока и в диаметре обширна, что считаю себя не компетентным сообщить о её виде и форме, не имея для этого необходимых инструментов. Не лишним считаю присовокупить, что не напрасно выехал бы по этим делам в деревню Ивню нарочито командированный чиновник, который мог бы на месте осмотреть эти сопки и опросить старожилов о находках, бывших здесь, как выражаются, «до воли».

Источник: Рапорт священника Симеона Ивановича Трипольского. Чупрова Гора Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии. 2 ноября 1900. Автограф. РО НА ИИМК РАН. Ф. 37 («Н. К. Рерих»). Д. 6. Л. 13–13 об.

3. Ложатся на землю и слушают[23]

Дорогой от деревни Заполье в село Передольское[24], с левой её стороны, господствует над всей окружающей местностью огромная сопка; по окружности 98 саженей, по откосу от низа до верха 13 саженей, форма её — усечённый конус. От низа до верха идёт винтообразно въезд шириной около 2 саженей 4 вершка. На речной стороне сопки растёт 15 елей, которые считаются заповедными. Сопка расположена в саженях 300 от села Передольского на юг и в саженях 30 на запад от кладбищенской церкви. С нею связано много сказочных рассказов, ходят крестьяне, страдающие глухотой и головными болями, ложатся на землю и слушают. Уверяют, что слышится гул и шум, что внутри неё — пустота, что там имеется сруб и находятся драгоценности. На Всех Святых на вершину сопки совершается Крестный ход.

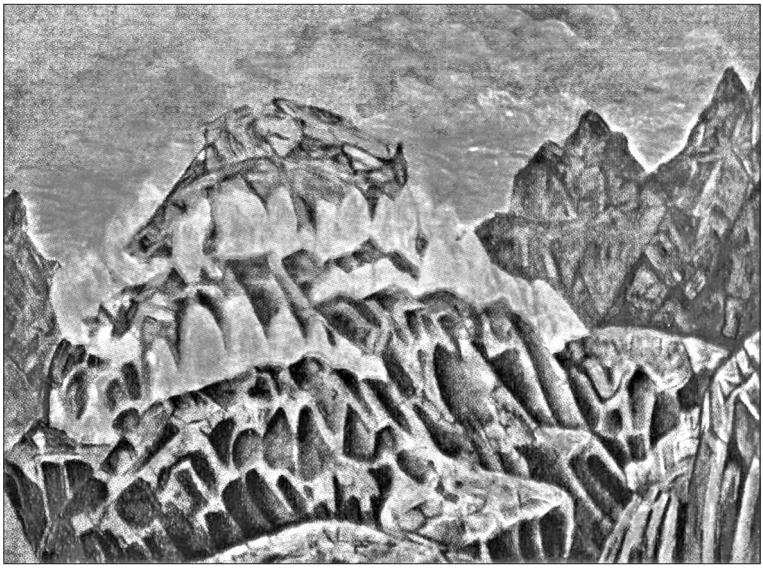
Источник: *Целепи Л. Н.* К археологической карте Санкт-Петербургской губернии. Восточная часть Лужского уезда. Шелонская пятина. Без даты. Автограф. РО НА ИИМК РАН. Ф. 37 («Н. К. Рерих»). Д. 7. Л. 2–2об.

Не все предания из этой группы относятся к молитвенным горкам, но всё же мы привели здесь эти примеры, чтобы показать, насколько глубоко Н. К. Рерих владел информацией об «особых возвышенностях», обращая внимание с самого начала своей деятельности на этнографические материалы, связанные с ними.

Обратимся теперь к художественному наследию Н. К. Рериха. Образ молитвенной горки, особой возвышенности, которая почиталась народом той или иной местности — это один из самых любимых и часто встречающийся в его творчестве, причём как в станковых картинах, так и в театрально-декорационном искусстве, или, например, в книжной

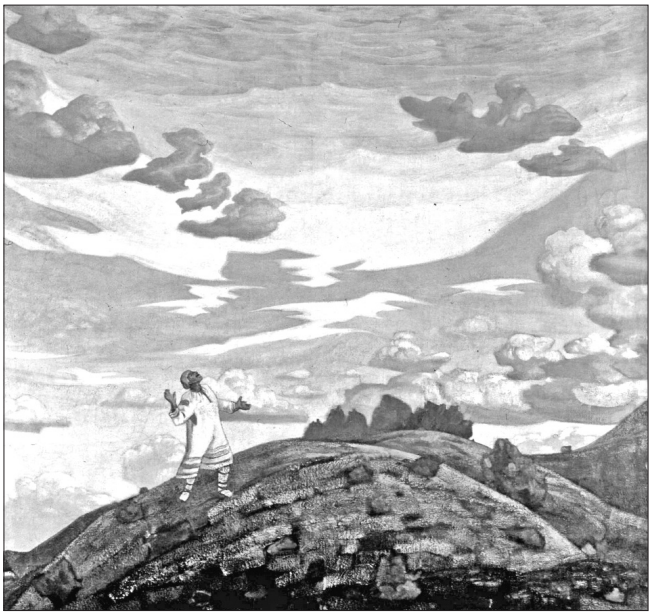
Ил. 7. Н. К. Рерих. Ярилина долина. 1908. Эскиз декорации к пьесе А. Н. Островского и опере Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка» Собрание Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника

Ил. 8. Н. К. Рерих. Поцелуй Земле. 3-й вариант. Этюд. 1912. Эскиз декорации к балету И. Ф. Стравинского «Весна священная». Собрание Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина (Москва)



Ил. 9. Н. К. Рерих. Заклятие огня. 1907. Эскиз декорации
к опере Рихарда Вагнера «Валькирия». Местонахождение неизвестно

Ил. 10. Н. К. Рерих. Заклятие земное. 1907
Собрание Государственного Русского музея (Санкт-Петербург)



Ил. 11. Н. К. Рерих. Знамение. 1915
Собрание Одесского художественного музея

Ил. 12. Н. К. Рерих. Могила великана. 1915
Собрание Государственного музея Рериха (Москва)

Ил. 13. Н. К. Рерих. Берег. 1916
Собрание Государственного Русского музея (Санкт-Петербург)

графике. У молитвенных горок в представлении Н. К. Рериха разворачиваются священные обряды, запечатлённые в условной театральной сценографии оперой Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка» (ил. 7) и балетом И. Ф. Стравинского «Весна священная» (ил. 8). Над эскизами декораций к этим постановкам Николай Константинович работал практически сорок лет, в 1900–1940-е годы. И все представленные им образы взяты им не из стилистических фантазий модного и вычурного модерна, а из строго задокументированной археолого-этнографической практики на Восточно-Европейской равнине.

Отдельная группа его художественных произведений связана с обрядами из цикла заклинаний. Перед нами — уникальная попытка художника-мыслителя реконструировать в зримых образах, сделать ясным «неясное предание, что тут “что-то” было», представить на полотне, что делали на молитвенных горках те люди, которые «собирались туда молиться». Таковы его картины «Заклятие огня» (1907) (ил. 9), «Заклятие земное» (1907) (ил. 10), «Знамение» (1915) (ил. 11), «Могила великана» (1915) (ил. 12), «Берег» (1916) (ил. 13), «Весна священная» (1945) (ил. 14) и многие другие.

Сохранившаяся в научном архиве Н. К. Рериха информация о том, что приходящие на сакральные холмы вот уже многие века люди «ложатся на землю и слушают», нашла свою реминисценцию и в литературном наследии Н. К. Рериха. Вспомним поэтические строки его стихотворения в прозе «Неотпитая чаша» (1915): «Припадая к земле, мы слышим. Земля говорит, всё пройдёт, потом хорошо будет. И там, где природа крепка, где природа не тронута, там и народ твёрд и степенен, без смятения»[25]. Как завет великого человека, прославившего свою ро-

Ил. 14. Н. К. Рерих. Весна священная. 1945
Собрание Государственного музея Рериха (Москва)

дину во всём мире славными делами, звучат слова Н. К. Рериха: «“Город строят!” И какой чудесный мощный! Не в суеверии, но в знании прислушался народ. Приложил к земле ухо богатырское. Осмотрел в кулак холмы окрестные»[26].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. также: *Мельников В. Л.* О культурологических идеях Н. К. Рериха (По материалам Императорской Археологической комиссии) // *Рерих Н. К.* Археология: Книга первая. Материалы Императорской Археологической комиссии. 1892–1918 / Сост., примеч. и коммент. В. Л. Мельникова. Самара, 1999. (Петербургский Рериховский сборник. № 2–3.) С. 750.

[2] *Лебедев Г. С.* Петербург как центр региональной археологии // Санкт-Петербург и отечественная археология: Труды семинара «Проблемы истории и историографии археологической науки». СПб., 1995. Вып. 1. С. 62.

[3] *Спицын А. А.* Раскопки художника Н. К. Рериха в Петербургской губернии: («Материалы по доисторической археологии России») // Записки Императорского Русского Археологического общества. Новая серия. СПб., 1899. Т. IX. Вып. 1–2. С. 329–330.

[4] *Лапшин В. А.* Археологическая карта Ленинградской области. Л., 1990. Ч. 1. Западные районы. 126 с.; *Лапшин В. А.* Археологическая карта Ленинградской области. СПб., 1995. Ч. 2. Восточные и северные районы. 232 с.

[5] *Рерих Н. К.* Собрание сочинений: Книга первая. М.: изд. И. Д. Сытина, 1914. С. 20.

[6] Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 32.

[7] Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН (далее — РО НА ИИМК РАН). Ф. 1. Д. 74/1894. Л. 1, 2. Опубликовано:

Рерих Н. К. Археология: Книга первая. Материалы Императорской Археологической комиссии. 1892–1918 / Сост., примеч. и коммент. В. Л. Мельникова. Самара, 1999. (Петербургский Рериховский сборник. № 2–3.). С. 39–42.

[8] РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 74/1894. Л. 18. Опубликовано: Рерих Н. К. Указ соч. С. 44.

[9] Хранятся в Музее Николая Рериха в Нью-Йорке.

[10] РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 56/1896. Л. 31–43. Опубликовано: *Рерих Н. К.* Указ. соч. С. 64–74.

[11] В статье «На кургане. В Водской Пятине (СПб. губ)» (1898) Н. К. Рерих приводит иную глубину слоя: «на глубине $^1/_4$ арш. — $^1/_2$ арш. находится обильный уголь и зола» (*Рерих Н. К.* Собрание сочинений: Книга первая. М.: изд. И. Д. Сытина, 1914. С. 20). Правда, в данном случае он имеет в виду среднюю глубину подобных слоёв на всех «молитвенных горках», им исследованных.

[12] О священнике Петропавловской церкви села Грызово Александре Васильевиче Румянцеве см.: Памятная книга по Санкт-Петербургской епархии / Под ред. Н. М. Кутепова. СПб., 1899. С. 354.

[13] Лев Константинович Ивановский (1845–1892) — военный врач, археолог и антрополог. Ассистент Медико-хирургической академии.

[14] РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 56/1896. Л. 33–33об. Опубликовано: *Рерих Н. К.* Археология: Книга первая. Материалы Императорской Археологической комиссии. 1892–1918 / Сост., примеч. и коммент. В. Л. Мельникова. Самара, 1999. (Петербургский Рериховский сборник. № 2–3.) С. 69–71.

[15] *Мельников В. Л.* Николай Рерих и Императорское Русское Археологическое Общество // Санкт-Петербургский университет. 1997. 10 февраля. № 3. С. 20.

[16] РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 54/1897. Л. 15–15об. Здесь и далее текст из оригинальных документов конца XIX — начала XX века приводится в современной орфографии и пунктуации с сохранением стилистических особенностей оригинала.

[17] *Мельников В. Л.* Предания Северо-Запада в научном архиве Н. К. Рериха // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. Т. I. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2002. С. 428.

[18] Опубликовано: *Мазаева-Каненга А. К., Мельников В. Л.* К вопросу о развитии культурно-образовательных маршрутов Музея-института семьи Рерихов (Ещё двенадцать преданий из архива Н. К. Рериха) // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. Т. XII. СПб., 2014. С. 502–516.

[19] Деревня в Константиновской волости Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии (бассейн озера Долгого). Находится в современном Сланцевском районе Ленинградской области.

[20] Доложский, он же Михайловский, погост находится в селе Заручье Сланцевского района Ленинградской области. На погосте восстанавливается церковь Успения Пресвятой Богородицы, в которой некогда хранилась чудотворная икона, явленная в Доложских пещерах. В нескольких километрах от села Заручье, не доезжая до деревни Лужки, на реке Долгой находятся развалины

Свято-Успенского скита на месте явления Богородицы. Возле скита в русле реки находится камень со следом стопы Богородицы.

[21] Публикуется впервые.

[22] Деревни в приходе Параскевинской церкви села Чупрова Гора в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии.

[23] Опубликовано: *Мельников В. Л.* Предания Северо-Запада в научном архиве Н. К. Рериха // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. Т. I. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2002. С. 428.

[24] Во времена исследований Н. К. Рериха — в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии. Ныне относится к Батецкому району Новгородской области.

[25] *Рерих Н. К.* Неотпитая чаша // Биржевые ведомости. СПб., 1915. 3 (16) августа. Утренний выпуск. № 15003. С. 3.

[26] *Рерих Н. К.* Великому народу русскому (Гималаи. 24 июня 1940) // Наш современник. М., 1969. Июль. № 7. С. 108.

В. Е. ЧЕРНЯВСКИЙ
(Портал forum.roerich.info, правление Благотворительного фонда сохранения и развития культурных ценностей «Дельфис»; Москва)

МЕМОРИАЛЬНЫЙ КАБИНЕТ Ю. Н. РЕРИХА В ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ

Мемориальный кабинет Ю. Н. Рериха в Институте народов Азии Академии наук СССР[1] был официально открыт 12 августа 1960 года. Через четыре дня Юрий Николаевич должен был отметить свой 58-й день рождения, но тремя месяцами ранее его не стало. Открытие кабинета, которое стало одной из первых вех по увековечиванию памяти учёного и передачи его наследия научному сообществу[2], проходило в присутствии участников XXV Международного конгресса востоковедов[3].

Создание мемориального кабинета стало возможным благодаря усилиям учеников и сотрудников Юрия Николаевича по Институту народов Азии, где он трудился два с половиной года после возвращения на родину[4], и брата учёного — художника Святослава Николаевича Рериха.

Юрий Николаевич ушёл из жизни 21 мая 1960 года. Через несколько дней ученики и коллеги Юрия Николаевича из Института народов Азии обратились к С. Н. Рериху с просьбой передать библиотеку из квартиры Ю. Н. Рериха (Ленинский проспект, 62) в Институт для создания мемориального кабинета[5].

Уже в конце июня 1960 года началась опись библиотеки[6]. Было решено, что в Институт будет передана часть библиотеки, находящаяся в рабочем кабинете Юрия Николаевича, а в квартире останется та часть, что размещалась в его спальне[7].

С. Н. Рерих поручил создание описи передаваемых книг кабинета ленинградской аспирантке Юрия Николаевича М. И. Воробьёвой-Десятовской[8] и К. А. Молчановой[9]. Описью книг из спальни занималась Л. С. Митусова[10]. К отъезду С. Н. Рериха в Индию 13-го июля[11] были последовательно описаны библиотека тибетских ксилографов, книги из кабинета и оттиски публикаций Ю. Н. Рериха. В течение июля состоялась передача всех материалов в Институт, главное здание которого тогда располагалось в доме № 2 по Армянскому переулку[12]. Усилиями учеников Ю. Н. Рериха (Е. С. Семеки[13], Н. Ю. Лубоцкой, Ю. Я. Цыганкова) книги были расставлены в течение недели. Формальный акт передачи «на ответственное хранение и пользование» был подписан 5 августа 1960 года[14]. Представительницей владельца выступила И. М. Богда-

нова[15]. Со стороны Института — директор библиотеки Института А. И. Бендик[16], М. И. Воробьёва-Десятовская и Н. Ю. Лубоцкая.

Всего было передано 4927 книг и брошюр, а также собрание тибетских ксилографов, 15 тибетских живописных икон (тханок)[17], рукописи на пальмовых листьях, монеты и предметы декоративно-прикладного искусства. Основу книжного фонда составили издания по тибетологии, буддологии, философии, истории, языкознанию. Особо стоит выделить 168-томное издание тибетских ксилографов — собрание канонических произведений тибетского буддизма, 12-томное оксфордское издание отчётов шведских экспедиций, 28-томное собрание тибетских религиозных текстов, коллекцию трудов Ю. Н. Рериха.

С. Н. Рерих выражал желание, чтобы в создаваемом мемориальном кабинете ответственным хранителем была назначена К. А. Молчанова. Об этом Святослав Николаевич известил заместителя министра культуры СССР А. Н. Кузнецова, который выразил намерение решить вопрос положительно. Однако в итоге первым заведующим кабинета была назначена ученица Юрия Николаевича Наталья Юлиановна Лубоцкая[18].

Мемориальный кабинет начал работать как самостоятельное подразделение отдела Индии (далее — в структуре Центра индийских исследований). Был назначен научный совет кабинета под председательством директора Института Б. Г. Гафурова[19]. С 1967 г. более сорока лет кабинетом заведовал историк-индолог Ю. Я. Цыганков[20]. С 2010 года заведующий кабинетом — С. Ч. Офертас.

Уже в ноябре 1960 года в стенах кабинета начали проводиться заседания сектора философии и религии[21]. С 1961 года на базе кабинета стали проходить ежегодные заседания памяти Ю. Н. Рериха[22] и ежегодные Рериховские чтения[23], к работе которых привлекались как сотрудники Института, так и сотрудники других научных учреждений, учёные из-за рубежа. В 1961 году в кабинете возобновил работу семинар по индийской культуре[24]. В том же году был издан сборник статей, посвящённый памяти Ю. Н. Рериха[25]. Кабинет стал центром активности и рабочим местом как учеников Ю. Н. Рериха, а впоследствии крупных учёных: А. М. Пятигорского, В. В. Вертоградовой, В. А. Богословского, Т. Я. Елизаренковой, Ю. М. Алихановой, Г. М. Бонгард-Левина, О. Ф. Волковой, Е. С. Семеки, В. В. Выхухолева, Э. Д. Талмуда, А. В. Герасимова, И. М. Кутасовой, Ю. М. Парфионовича, В. С. Дылыковой, так и уже состоявшихся востоковедов, сотрудников Института: Н. П. Шастиной, Е. П. Челышева и других. Многие книги, находящиеся в кабинете, нельзя было найти в библиотеках России, а в кабинете, кроме того, они были собраны в одном месте и доступны для работы (ил. 1).

В 1961 году в кабинете регулярно работали 20 научных сотрудников Института, а в целом за год его посетило более 1500 учёных

Ил. 1. Работа в мемориальном кабинете Ю. Н. Рериха (Армянский переулок), 1960-е годы

из различных научных учреждений страны и из-за рубежа. За год выдавалось в пользование более 6000 книг (включая повторные выдачи). В кабинете постоянно работали группы составителей тибетского и непальского словарей. В 1961 году были составлены алфавитный и систематический каталоги книжного фонда кабинета[26]. 15–16 октября 1962 года Институт торжественно отметил научной сессией 60-летие со дня рождения Ю. Н. Рериха[27]. В 1967 году сотрудниками Института был подготовлен к изданию сборник избранных трудов Ю. Н. Рериха[28].

С первых лет работы кабинета его фонды стали пополняться научной литературой. Так, только в 1963 году в кабинет поступили 166 томов буддийского канона «Трипитака» и 50 книг советских и зарубежных учёных[29].

С 1964 года кабинет стал основным рабочим местом ученика Ю. Н. Рериха Ю. М. Парфионовича[30] и его супруги В. С. Дылыковой[31]. Им удалось завершить и подготовить к изданию 11-томный «Тибетско-русско-английского словарь с санскритскими параллелями»[32], над которым Ю. Н. Рерих работал всю жизнь, и материалы к которому в виде карточек хранятся в кабинете до сих пор. В то же время, Т. Я. Елизаренкова, получившая первые уроки ведического санскрита у Юрия Николаевича, смогла завершить труд всей своей жизни и издать трёхтомные русские переводы «Ригведы» и «Атхарваведы».

Мемориальный кабинет посещал С. Н. Рерих во время приездов в СССР. Кабинет стал местом знакомства многих рериховедов с худож-

ником[33], местом общих встреч с ним. С. Н. Рерих неизменно интересовался тем, что там происходит. В 1960-х годах заведующие кабинетом отправляли ему ежегодные отчёты о проведённой работе[34], постоянно велась переписка[35].

За 55 лет существования кабинета на его материалах выросло несколько поколений востоковедов. Мемориальный кабинет сыграл свою роль и в становлении учёных Института, не связанных напрямую с Древней Южной Азией или буддологией, в частности ираниста Н. И. Пригариной и историка-востоковеда Т. Л. Шаумян, которые работали в нём и пользовались его уникальной библиотекой.

В кабинете также работали будущие академики АН СССР В. В. Иванов, Ю. В. Рождественский, Е. П. Челышев, Г. М. Бонгард-Левин, известные в будущем востоковеды Ю. Я. Глазов, И. Н. Комарова, А. Я. Сыркин, Г. И. Яковлев, В. П. Туркин, Б. Б. Бадараев, Н. Ц. Мункуев, Л. В. Митрохин, аспирант Ю. Н. Рериха и будущий академик АН МНР Ш. Бира[36]. Свои воспоминания о работе в кабинете оставили так же монгольские востоковеды П. Хорлоо и Д. Цэрэнсодном[37]. Доктор филологических наук Т. А. Гуриев вспоминает о том, что кабинет был для него любимым местом работы. О своей работе в кабинете (в «святая святых советской буддологии») пишет в мемуарах и доктор филологических наук Б. С. Дугаров.

В кабинете хранятся материалы ежегодных Рериховских чтений. Это обширные по тематике сообщения российских учёных и учёных со всего бывшего Советского Союза. Доклады охватывают практически

Ил. 2. В мемориальном кабинете Ю. Н. Рериха (Армянский переулок) 16 октября 1962 года во время научной сессии, посвящённой 60-летию Ю. Н. Рериха. Первый ряд (слева направо): И. М. Кутасова, неустановленное лицо, Н. Ю. Лубоцкая. Второй ряд: П. Ф. Беликов, И. М. Богданова, неустановленное лицо, М. П. Бабкина, А. Я. Сыркин. Третий ряд: В. А. Богословский, Ю. М. Цыганков, Е. С. Семека, А. Герасимов. Четвёртый ряд: В. С. Дылыкова

все области гуманитарного знания: философию, религиоведение, лингвистику, историю, этнографию.

Чтения были основной «лабораторией», где оттачивался и воплощался в конкретные результаты разработанный самим Ю. Н. Рерихом «Кушанский проект», приведший к крупнейшим открытиям буддийских памятников и надписей в Кара-тепе и Фаяз-тепе, навсегда изменивший представления об истории буддизма и путях распространения буддийских письменностей. На основе материалов Чтений было выпущено четыре сборника трудов — в 1961, 2002, 2004 и 2012 годах.

Кабинет сотрудничает с Государственным музеем Востока (Москва), Международным Центром Рерихов (Москва) и Музеем-институтом семьи Рерихов (Санкт-Петербург). Государственный музей Востока неоднократно использовал материалы и предметы кабинета при организации тематических выставок. Первая подобная выставка, посвящённая 80-летию Ю. Н. Рериха, открылась в Музее Востока в ноябре 1982 года[38], а последняя — в сентябре 2014 года[39]. В апреле 1994 года отдельные исторические документы кабинета (вместе с документами Сектора философии и истории религии Индии) были переданы Т. Я. Елизаренковой в Музей имени Н. К. Рериха при Международном Центре Рерихов и образовали отдельный фонд в архиве музея[40]. В составе фонда имеются отчёты о работе кабинета за 1961 и 1963 годы, выписки из каталога книг кабинета, переписка об использовании материалов кабинета. В 2002 году Т. Я. Елизаренковой и сотрудниками фонда «Рериховское наследие» (Санкт-Петербург)[41] был составлен и издан второй сборник трудов Рериховских чтений[42], подготовленный к столетнему юбилею Ю. Н. Рериха и II Международной конференции «Рериховское наследие».

Кабинет переживал разные времена. При его открытии сотрудникам пришлось бороться за вывешенный в кабинете портрет Ю. Н. Рериха. Кабинет был на грани закрытия в конце 60-х в связи с делом «подписантов»[43] и в начале 70-х — в связи с новыми гонениями на буддологию[44]. В 1977 году существование кабинета снова оказалось под угрозой при переезде Института в новое здание[45]. Т. Я. Елизаренковой, Ю. М. Парфионович и В. С. Дылыковой пришлось бороться за сохранение кабинета. С. Н. Рериху было написано письмо с просьбой о помощи в этой ситуации. Новое помещение под кабинет было всё же выделено, хотя и меньшей площади — в нём уже нельзя было развесить столь украшавшие ранее кабинет тханки. В 1981 году С. Н. Рерих встречался с директором института Е. М. Примаковым уже в новом помещении кабинета.

В 1993 году Д. Рани-Рерих, вдова С. Н. Рериха, писала новому директору Института М. С. Капице: *«Как член семьи Рерихов, как единственная законная наследница наследия семьи Рерихов, я хочу сообщить Вам, что Вы можете пользоваться всеми правами, данными Вам моим покойным мужем д-ром С. Рерихом на его собственность, которая со-*

Ил. 3. В мемориальном кабинете Ю. Н. Рериха. 1981 год. Слева направо: Е. М. Примаков, С. Н. Рерих, неустановленное лицо, Ю. Я. Цыганков, Ю. М. Парфионович, В. С. Дылыкова, Ю. М. Алиханова, Н. М. Сазанова (справа крайняя), В. В. Вертоградова. Спиной стоит Т. Я. Елизаренкова

ставляет сейчас "Мемориальный кабинет Ю. Н. Рериха" и была передана в Ваш институт д-ром С. Рерихом после смерти его брата, известного учёного Ю. Н. Рериха в 1960 году».

В 1990-е годы Кабинет, так же как и вся Россия, переживал спад. Но в 2010 году в нём был сделан ремонт, и он зажил новой жизнью.

В настоящее время кабинет располагается на третьем этаже центрального здания Института на Рождественке, 12. Его Фонд постоянно пополняется за счёт даров организаций и частных лиц. Кабинет по-прежнему остаётся рабочим местом как для сотрудников Института, так и для студентов. Продолжаются ежегодные Рериховские чтения, проводятся исследования находящихся в нём коллекций[46]. Кабинет продолжает жить и работать на благо отечественного востоковедения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воробьёва-Десятовская М. И.* Мемориальный кабинет Ю. Н. Рериха. // Ю. Н. Рерих: Материалы юбилейной конференции. М.: МЦР, 1994.
2. *Молчанова К. А.* Воспоминания о Юрии Николаевиче Рерихе. // Сборник. По материалам конференции в Новосибирске, посвящённой 90-летию со дня рождения Юрия Николаевича Рериха. Новосибирск: СибРО, 1994.
3. *Митрохин Л. В.* Юрий Рерих, Великий исследователь Гималаев. // Там же.
4. *Ольховая О.* К 110-летию Ю. Н. Рериха. «Будем неутомимо трудиться на Указанном Пути». Часть 2 // Восход. 2012. № 9 (221).

5. *Офертас С. Ч.* История и деятельность Мемориального кабинета Ю. Н. Рериха в Институте востоковедения РАН // Исторические и духовные связи Тибета с Россией, Индией, Монголией. Материалы круглого стола 12 ноября 2014 года.
6. Индия–Тибет: текст и феномены культуры: Рериховские чтения 2006–2010 в Институте востоковедения РАН / Сост. и отв. ред. В. В. Вертоградова; Ин-т востоковедения. М.: Языки славянской культуры, 2012. 328 с.: ил.
7. *Соколова Н.* Мемориальные кабинеты Института востоковедения РАН. По материалам персонального сайта. — Режим доступа: http://sokolova18.narod.ru/.
8. *Ревякин Д. Ю.* Гибнущее наследие: Московская квартира Ю. Н. Рериха: Каталог. Фотохроника. Архивные документы. М.: МЦР, 2010.
9. *Рудзитис Р. Я.* Встречи с Юрием Рерихом. Мн.: УП «Лотаць», 2002. 224 с.
10. *Митусова Л. С.* О прожитом и судьбах близких: Воспоминания. СПб.: Рериховский центр СПбГУ; Вышний Волочёк: Изд-во «Ирида-прос», 2013.
11. «Радость искусству. Выставки С. Н. Рериха в 1960 году: Сборник посвящён 110-летию со дня рождения С. Н. Рериха». СПб.: СПбГБУК «Музей-институт семьи Рерихов», 2014.
12. *Семека Е.* Два года с Юрием Рерихом // Журнал «Лига Культуры» № 4, 2014. Одесса: Астропринт.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ныне — Институт востоковедения РАН.

[2] Другие мероприятия по увековечиванию памяти Ю. Н. Рериха были определены распоряжением Совета Министров СССР 2338р от 5.07.1960. Из девяти пунктов плана мероприятий, предложенных Министерством культуры, Председатель Совета Министров согласовал только три. В план не вошёл, в том числе, пункт о передаче библиотеки для Мемориального кабинета, так как у Совмина были возражения насчёт С. Н. Рериха как владельца наследия квартиры и в том числе — библиотеки, а так же предложенный пункт о предоставлении жилплощади в Москве М. И. Воробьёвой-Десятовской и К. А. Молчановой (см.: Дело № 37–14/1 Управ. Делами СМ СССР. ЦГОР СССР, Ф. 5446. Оп. 94. Ед. 479). Согласно плану 16.10.1962 года на стене дома, где жил последние три года Ю. Н. Рерих (Ленинский проспект, 62), была установлена мемориальная доска (скульптор А. И. Григорьев), а в 1968 году состоялось открытие памятника Ю. Н. Рериху на Новодевичьем кладбище, выполненного по проекту С. Н. Рериха. Ещё один памятник Ю. Н. Рериху был открыт уже в постсоветское время в 2007 году на родине Ю. Н. Рериха в посёлке Окуловка (Новгородская область). В 2004 году на территории музея Международного Центра Рериха установлен бюст Ю. Н. Рериха.

[3] Конгресс проходил 9–16 августа 1960 года в Москве. К нему Ю. Н. Рерих подготовил доклад «Сказание о Раме в Тибете». Доклад был написан и обсуждён в Институте в конце 1959 года. Опубликован: *Рерих Ю. Н.* Сказание о Раме в Тибете. М., 1960. (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР).

[4] Ю. Н. Рерих был зачислен в штат Института 19 сентября 1957 года старшим научным сотрудником сектора истории и философии отдела Индии и Пакистана. В течение 1958 года он был включён в состав Учёного совета института и его филологической секции, а также Учёного совета Института китаеведения АН СССР. 5 ноября 1958 года назначен зав. сектором философии и истории религии. 17 апреля 1959 года был введён в состав академического Научного совета.

[5] По свидетельству академика РАН Е. П. Челышева вопрос о создании в Институте отдельного кабинета с библиотекой Ю. Н. Рериха директор Института Б. Г. Гафуров поднимал ещё в 1957 году при устройстве Ю. Н. Рериха на работу.

[6] Предположительно — 26 июня, т. к. С. Н. Рерих выехал в Москву из Ленинграда 24 июня, а Л. С. Митусова — 25 июня.

[7] К сожалению, эта часть библиотеки была в дальнейшем распродана в частные руки. В 2012 году остатки библиотеки были куплены Международным центром Рериха.

[8] Воробьёва-Десятовская Маргарита Иосифовна (род. 28.01.1933) — доктор исторических наук. С 1956 года сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (ныне Институт восточных рукописей РАН). Работала в тибетском фонде, затем в секторе Южной и Юго-Восточной Азии, руководила Рукописным отделом (1982–2005).

[9] Молчанова Кира Алексеевна (1931–2015) — родственница и сотрудница известного биографа семьи Рерихов — П. Ф. Беликова. В постсоветское время — председатель Эстонского общества Рериха. По желанию С. Н. Рериха, должна была заведовать оставшимся наследием семьи Рерихов в бывшей квартире Ю. Н. Рериха на Ленинском проспекте.

[10] Митусова Людмила Степановна (1910–2004) — троюродная сестра Ю. Н. и С. Н. Рерихов, основательница Музея-института семьи Рерихов в Санкт-Петербурге.

[11] Дата отъезда несколько раз переносилась. До отъезда С. Н. Рерих провёл ряд встреч с представителями Министерства культуры СССР и Института, где обсуждались и вопросы функционирования мемориального кабинета.

[12] С 1980 года в здании было размещено представительство Армянской ССР, а с 1994 — посольство Республики Армения в России.

[13] Семека Елена Сергеевна — секретарь Ю. Н. Рериха с 1958 года, в дальнейшем буддолог, к. ф. н., автор монографий «История буддизма на Цейлоне: (сангха в древности и в средние века)» (М.: Наука, 1969) и «Дело Дондарона» (Firenze, 1974).

[14] Акт передачи на ответственное хранение Институту народов Азии библиотеки Ю. Н. Рериха от 5 августа 1960 года для организации кабинета имени Ю. Н. Рериха // РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 41. Д. 5. Л. 2.

[15] Богданова Ираида Михайловна (1914–2004) — воспитанница семьи Рерихов, прибывшая из Индии в СССР вместе с Ю. Н. Рерихом и старшей сестрой — Людмилой.

[16] Бедник Александр Исакиевич (1903–1978) — востоковед-библиограф, экономист, дипломат. В 1957–68 годах заведующий библиотекой ИВ АН СССР, с 1968 заведующий отделом ИНИОН.

[17] Коллекция тханок Ю. Н. Рериха, привезённых им в СССР, насчитывала не менее 70 единиц, основная часть которых оставалась в квартире Ю. Н. Рериха.

С 1967 года 44 тханки находятся в коллекции Эрмитажа. Оставшиеся тханки поступили в коллекцию МЦР и другие частные коллекции.

[18] Лубоцкая Наталья Юлиановна — секретарь Ю. Н. Рериха, санскритолог. Под влиянием Рериха стала заниматься изучением шастр. Защитила по данной теме кандидатскую диссертацию.

[19] Приказ 154 по Институту народов Азии Академии наук СССР от 15.12.1960.

[20] Цыганков Юрий Яковлевич (1924–2010) — в 1956 году поступил в аспирантуру Института, занимался тамильским языком с А. М. Пятигорским. Был зачислен младшим научным сотрудником Института, впоследствии сосредоточился на выполнении обязанностей заведующего мемориальным кабинетом Ю. Н. Рериха.

[21] ОР МЦР. Ф. 4. Д. 12. Протоколы заседания сектора от 02.11.1960 года, 14.11.1960 года, 19.12.1960 года, 09.06.1961 года, 20.10.1961 года.

[22] ОР МЦР. Ф. 4. Д. 13. Протокол заседания памяти Ю. Н. Рериха. Дата не выявлена; ОР МЦР. Ф. 4. Д. 37. Упоминается заседание к годовщине смерти Ю. Н. Рериха 21.05.1961 года.

[23] См.: Индия–Тибет: текст и вокруг текста: Рериховские чтения 2002 (юбилейные) в Институте востоковедения РАН / Отв. ред. и сост. В. В. Вертоградова; Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит., 2004. С. 7. Указывается, что чтения начали работу с 1961 года.

[24] Секретарём семинара была избрана Е. С. Семека. К работе семинара были привлечены В. Н. Топоров, В. В. Иванов, Т. Я. Елизаренкова, А. Я. Сыркин, П. А. Гринцер, В. А. Богословский, Ю. М. Парфионович, Н. П. Аникеев, Рабинович (ОР МЦР. Ф. 4. Д. 12). ОР МЦР. Ф. 4. Д. 37. Протокол заседания сектора от 02.01.1961 года.

[25] Сборник памяти Ю. Н. Рериха. Краткие сообщения ИНА №№ 57. // Восточная литература, 1961. С. 154. Сост. сб. А. Пятигорский. В том же году увидела свет монография Ю. Н. Рериха «Тибетский язык» (М.: Наука, 1961).

[26] ОР МЦР. Ф. 4. Д. 38. Отчёт о работе мемориального кабинета Ю. Н. Рериха за 1961 год.

[27] По свидетельству рериховеда П. Ф. Беликова сессия собрала большое количество учёных. К открытию в адрес Института поступило множество посланий из различных стран, особенно из Индии. Была открыта специальная фотовыставка, иллюстрировавшая жизнь и деятельность Ю. Н. Рериха и Н. К. Рериха. На второй день сессии зачитывались доклады в мемориальном кабинете, а так же состоялось открытие мемориальной доски на доме, где жил Ю. Н. Рерих.

[28] *Рерих Ю. Н.* Избранные труды / АН СССР. Ин-т народов Азии. М.: Наука, 1967; (текст на англ. яз.).

[29] ОР МЦР. Ф. 4. Д. 37. Отчёт о работе мемориального кабинета Ю. Н. Рериха за 1963 год.

[30] Парфионович Юрий Михайлович (1921–1990) — советский учёный-тибетолог, кандидат филологических наук. С 1953 по 1990 год работал в Институте Востоковедения АН СССР. Ученик Ю. Н. Рериха. С 1964 до конца жизни совместно с супругой — В. С. Дылыковой, работал над завершением Тибетско-русско-английского словаря с санскритскими параллелями Ю. Н. Рериха.

[31] Дылыкова Вилена Санджеевна (1938 г. р.) — российский востоковед, тибетолог, синолог, кандидат филологических наук. Работала в Институте Востоковедения с 1962 по 2005 годы. Состоит в родстве с видным буддийским деятелем

начала XX века — Агваном Дорджиевым. С Ю. Н. Рерхом познакомилась в 1958 году, будучи студенткой, через своего отца С. Д. Дылыкова, который был коллегой Ю. Н. Рериха по Институту Востоковедения. С 1964 по 1993 годы совместно с супругом — Ю. М. Парфионовичем, работала над завершением Тибетско-русско-английского словаря с санскритскими параллелями Ю. Н. Рериха.

[32] *Рерих Ю. Н.* Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями / под ред. Ю. Парфионовича и В. Дылыковой. М.: Главная редакция восточной литературы, 1983–1993. Вып. 1–11. 3719 с.

[33] В частности, профессор иранистики Н. И. Пригарина вспоминает свою первую встречу с С. Н. Рерихом именно в этом кабинете.

[34] Известны, по крайней мере, два отчёта за 1961 год. (ОР МЦР. Ф. 4. Д. 38) и 1963 год (ОР МЦР. Ф. 4. Д. 37).

[35] В письме учёного секретаря Института Ю. В. Ганковского от 1964 году упоминается поздравление С. Н. Рериха с Новым годом, направленное в адрес Института (ОР МЦР. Ф. 4. Д. 37).

[36] Бира Шагдарын — аспирант Ю. Н. Рериха с 1957 по 1960 годы. В будущем — академик АН Монголии Народной Республики. Под руководством Ю. Н. Рериха разработал и защитил диссертацию «Опыт историографического исследования “Сэр-гидэп-тэра” Дамдина (к вопросу об изучении монгольской тибетоязычной исторической литературы)» (1960 год).

[37] Работал над своей диссертацией с В. С. Дылыковой в Мемориальном кабинете.

[38] Кроме фондов кабинета выставка включала коллекцию тханок из Государственного Эрмитажа (Ленинград) и предметы из фондов Музея Востока.

[39] Выставка «Свет Шамбалы. Центральная Азия в жизни и творчестве Рерихов», проходила в музее с 15.09.2014 по 16.11.2014 год. Кроме фондов кабинета выставка включала экспонаты Музея Востока и Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

[40] ОР МЦР. Ф. 4. Д. 1–50.

[41] Сотрудники фонда составили основу штата Музея-института семьи Рерихов в Санкт-Петербурге, основанном в 2001 году.

[42] Сборник вышел в серии «Петербургский Рериховский сборник», Вып. 5. СПб.: СПбГУ, 2002.

[43] В 1968 году сотрудники Сектора истории индийской религии и философии подписали два письма в Прокуратуру СССР в защиту Гинзбурга и Галанского, и в связи с вводом советских войск в Чехословакию. Впоследствии многие из них эмигрировали, а кабинет приобрёл славу «антисоветского гнезда».

[44] В 1972 году в Бурятии было открыто дело против Б. Д. Дандарона — выдающего буддиста и буддолога, сотрудника Ю. Н. Рериха. Подверглись преследованию не только буддисты, но и буддологи.

[45] Институт переезжал из Армянского переулка на Рождественку, 12 (тогда — улицу Жданова).

[46] См.: *Огнева Е. Д.* «Достославная медноцветная гора, рай Падмасамбхавы». — Танка из собрания кабинета Ю. Н. Рериха ИВ РАН. / Индия — Тибет: текст и феномены культуры: Рериховские чтения 2006–2010 в Институте востоковедения РАН. / Сост. и отв. ред. В. В. Вертоградова; Ин-т востоковедения. М. : Языки славянской культуры, 2012. 328 с.: ил.

А. А. НОВИКОВ
(Медицинский колледж № 4 Департамента здравоохранения; Москва)

К ВОПРОСУ О СОЗНАНИИ ЧЕЛОВЕКА В УЧЕНИИ ЖИВОЙ ЭТИКИ И В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В Учении Живой Этики человеческое сознание рассматривается как трёхуровневая энергетическая система, образованная низшим сознанием (подсознанием), средним сознанием (бодрствующим сознанием, интеллектом) и высшим сознанием (сверхсознанием).

В философии Рерихов низшее сознание человека часто встречается под названием инстинкта, функционирование которого связывается с проявлением человеческих привычек и тех действий и поступков, которые совершаются непроизвольно. Подсознание рассматривается в Живой Этике как хранилище приобретённых человеком с момента рождения навыков и знаний, которые к настоящему времени забыты и находятся вне сферы бодрствующего сознания, однако в случае необходимости (достаточно часто это происходит в экстремальных ситуациях) оказывающихся в его распоряжении.

В отличие от подсознания, человеческий интеллект характеризуется способностью познания посредством рассуждения и анализа. Он предоставляет человеку возможность познавать самого себя. С функционированием интеллекта связывается логическое мышление.

Для науки имеет существенное значение вопрос о природе человеческого интеллекта, его работе и влиянии на условия человеческого бытия.

В Учении Живой Этики интеллект рассматривается как мыслительный принцип в человеке. Его часто сравнивают с радиоприёмником, воспринимающим и передающим различные мысли. В этой связи в «Гранях Агни Йоги» говорится, что «сознание, подобно радиоприёмнику, может быть настроено на любой волне, и восприятия пойдут соответственно. Древнее положение, что человек даёт отчёт за каждую мысль, имеет под собою действительное основание. Придёт время, и этот процесс можно будет проследить при помощи аппаратов, фиксирующих излучения живых организмов»[1].

В своей философии Рерихи особое значение придавали мысли. Это обусловливается тем, что в Живой Этике мысль по своей природе рассматривается как энергия, способная производить существенные изме-

нения в человеке и в природе, играть решающую роль в трансформации человеческого существа.

«Двигатель эволюции есть мысль», — утверждается в одной из книг Живой Этики[2]. «Мысль есть жизнь, — писала Е. И. Рерих, — и жизнь движима мыслью. Мысль есть энергия. Мысль есть двигатель. Мысль есть закон Мира. Мысль создаёт Миры. Мысль есть молния. Струны пространства подчинены мысли, и не существует препятствий для сосредоточенной человеческой мысли»[3].

Взгляд на то, что сознание человека, его мышление, обусловливают изменения в физическом мире, был присущ ещё древним философам. Так, в своё время великий Платон утверждал, что идеи управляют миром, а во многих школах древнеиндийской философии были разработаны специальные приёмы и методы, позволяющие посредством мысли производить изменения в природе.

В процессе развития философии и науки, в зависимости от доминирования той или иной антропологической и общей мировоззренческой парадигмы, подходы к решению вопроса о мышлении и его роли в жизни получали различную трактовку. Сейчас мы не будем проводить анализ разных историко-философских концепций, а раскроем некоторые научные взгляды на данную проблему.

Как известно, в науке мышление и сознание человека связываются с деятельностью его мозга. При этом, как правило, ни мышлению, ни сознанию не придаётся собственного онтологического статуса. Однако среди учёных имели и имеют место альтернативные позиции по данному вопросу. Так, некоторые представители российской науки XX столетия проводили исследования природы мышления. Однако идеологическая политика советской власти стала причиной прекращения этой деятельности, а публикация научных трудов по данному вопросу была запрещена. Поэтому результаты их исследований в настоящее время широкому кругу почти неизвестны.

Среди учёных, занимавшихся проблемой сознания, в первую очередь, следует выделить академика В. М. Бехтерева, многие из работ которого, касающиеся мировоззренческой проблематики, до последнего времени не переиздавались.

В результате проведения множества научных экспериментов В. М. Бехтерев пришёл к выводу о существовании определённой автономности сознания от физического тела человека, а также установил возможность непосредственной передачи мысли на расстояние. «Возможно ли, — писал В. М. Бехтерев, — непосредственное индуцирование одного индивида другим, то есть влияние одного лица на другое без посредства каких-либо знаков или других посредников в этом деле.

Вопрос, поставленный таким образом, как мне кажется, удалось разрешить в положительном смысле»[4].

Рассматривая вопрос сознания, обратимся к научным трудам выдающегося русского учёного-космиста А. Л. Чижевского, в которых он пишет про процесс человеческого мышления: «Акт мышления сопровождается физико-химическою реакциею, которая обнаруживает периодичность. Эти реакции, имеющие место в нервных центрах коры головного мозга, сопутствуемы появлением периодических электродвижущих сил, вызывающих электромагнитные процессы в окружающем пространстве»[5]. А. Л. Чижевский полагает, что так как с мышлением человека связано появление электромагнитного излучения, то в таком случае другой человек при помощи своих центров может непосредственно воспринимать мысли. Он подчёркивает, что возможность непосредственной передачи мысли подтверждена многими исследователями, которые проводили соответствующие эксперименты над животными и людьми. Среди них — Рише Лехманн, В. М. Бехтерев и другие. В этой связи, А. Л. Чижевский объясняет феномен внушения (как единичного, так и массового) посредством воздействия электромагнитного излучения одного человека на соответствующие нервные центры другого[6].

Среди трудов современных учёных, занимающихся вопросом человеческого сознания, приведём работы А. В. Иванова. В статье «К проблеме онтологического статуса явлений сознания» он подчёркивает факт существования данных по телекинезу, то есть способности человеческой мысли непосредственно совершать работу над физически недосягаемыми человеком предметами. Эти данные, согласно А. В. Иванову, были многократно подтверждены в различных странах мира. Кроме того, он ссылается на опыты К. Бакстера, произведённые им над комнатными растениями, которые также указывают на возможность влияния человека посредством мысли на окружающую его действительность. А. В. Иванов утверждает, что «фактом являются способности индийских йогов мысленно управлять физиологическими процессами собственного тела вплоть до облегчения его физического веса, изменения температуры и даже химического состава клеток. Эти факты физической действенности идеальной мысли вынужден был признать даже такой авторитет в области физиологии мозга, как Р. У. Сперри». На основании всего этого А. В. Иванов выдвигает предположение, что сознание человека представляет собой «непосредственную материальную силу в Космосе, которую мы только-только начинаем научно изучать и которой пока не научились сознательно владеть»[7]. В этой связи отметим, что созвучную А. В. Иванову мысль относительно природы человеческого сознания высказывал в своё время ещё В. М. Бехтерев, который писал, что созна-

ние «является непосредственным выражением скрытой энергии наших центров»[8].

Таким образом, представление о том, что мысль, мышление человека имеют энергетическую природу, было распространено среди учёных. Поэтому несомненно, что представления об энергетической природе мышления, о возможности непосредственной передачи мысли на расстояние заслуживают пристального внимания. Необходимо проведение тщательных объективных научных исследований для решения обозначенного вопроса, так как в случае научного подтверждения данной концепции произойдут коренные изменения в существующей в настоящее время научной антропологической парадигме.

Как было отмечено ранее, в Учении Живой Этики представление о природе человеческого сознания не ограничивается интеллектом. Помимо подсознания и интеллекта, в структуре человеческого сознания выделяется область сверхсознания. Высшее сознание человека позволяет получать знания посредством озарения, то есть мгновенного целостного восприятия сущности познаваемого явления. Оно «даёт человеку способность прозрения, способность проникать в сущность вещей не путём рассуждения или логического мышления, но путём мгновенного озарения <...>» — писал А. И. Клизовский[9].

Важная особенность сверхсознания — синтетическое восприятие действительности. В противоположность интеллекту, характеризующемуся аналитическими способностями, проявляющимися в расчленении исследуемого явления на части, сверхсознание воспринимает все проявления Космоса как единое органическое целое. Ему свойственно ощущение единства всего сущего. В Учении Живой Этики онтологическое пребывание сверхсознания связано с сердцем человека. Поэтому учение о сердце занимает центральное место в философии Рерихов. «Сердце есть храм», — утверждается в Живой Этике[10]. А также: «Сердце, это солнце организма, есть средоточие психической энергии». В исследуемом Учении сердце считается центром духовности человека.

В настоящее время далеко не всеми учёными признаётся наличие в человеке сверхсознательного, а многие проявления, исходящие из данной области человеческого сознания, сводятся к функционированию подсознания.

Однако некоторые учёные уже признали, наряду с подсознанием, факт существования сверхсознания. Так, сотрудница Центра исследований человека (Ла-Хойя, Калифорния, США), М. В.-Б. Боуэн пишет: «Представители науки также начинают постулировать существование внутренней мудрости. Согласно Б. Браун, исследователи, посвятившие свою жизнь изучению мозга с той осторожностью, которая приличествует настоящим учёным (Дж. Экклз, Р. Сперри, У. Пенфилд, Г. Селье

и К. Прибрам), свидетельствуют о проявлениях могущественного внутреннего разума, существующего отдельно от органического вещества мозга. Б. Браун выдвигает предположение, что разум является энергетической сущностью, обладающей значительной степенью независимости от продуцирующих его материальных субстратов. Она приводит серьёзные основания существования высшего интеллекта в каждом человеке, разума, порождённого мозгом, но существующего отдельно от него, "разума с экстраординарным и ещё невыявленным потенциалом и диапазоном действия". М. В.-Б. Боуэн отмечает, что философия, наука, искусство, религия и психология имеют дело с существованием источника мудрости и знания, выходящего за пределы рассудка. При этом она высказывает предположение, что данный источник взаимосвязан с энергией Универсума»[11].

Вопросами, касающимися сверхсознания, занимались и другие учёные. Так, А. В. Иванов в своей докторской диссертации пишет, что «сверхсознательное подразумевает преимущественно целевую детерминацию, связанную с духовными императивами существования в виде творческих озарений и движущих идеалов деятельности»[12].

Из приведённого видно, что наука в лице некоторых учёных также приступила к исследованию сверхсознания. Это даёт основание предположить, что дальнейшее изучение данного вопроса сможет значительно изменить существующие научные представления о человеке и его сознании.

В этой связи отметим, что нам представляется недопустимым смешение проявлений подсознательного и сверхсознательного, характерное многим научным школам, поскольку это приводит к неадекватному представлению о природе человека. Однако психология, как правило, оперирует понятием бессознательного, включающим в себя все психические явления, не затрагивающие сферу бодрствующего сознания. А это, на наш взгляд, лишает её необходимой ясности.

Важнейшим мировоззренческим положением Учения Живой Этики является тезис о значительной степени автономности человеческого сознания от физического тела. Рассмотрим данную сторону этой концепции с точки зрения современной науки.

В науке понятие человека традиционно ограничивается представлением о его физическом теле. При этом множество проблем, связанных с его духовной и психической жизнью, остаются нерешёнными. Так, например, вопросы, связанные с проявлением интуиции, памяти, определёнными особенностями функционирования головного мозга, желёз и нервной системы человека, а также с непосредственной передачей информации от индуктора перципиенту, не получили убедительного объяснения в рамках традиционной научной парадигмы. В отношении

сознания человека в научной литературе можно встретить множество различных теорий, большинство из которых не в состоянии дать исчерпывающую интерпретацию многим факторам человеческой психики. Возьмём, например, память человека.

В традиционной науке память определяется как способность к воспроизведению прошлого опыта[13]. При этом стремление понять механизм работы памяти с позиции традиционных научных представлений обусловливает появление множества вопросов.

Известно, что физическое тело человека пребывает в состоянии постоянного обновления. Входящие в его состав клетки периодически отмирают, а на их месте появляются новые. В процессе человеческой жизни многочисленные связи между клетками многократно рвутся. Однако память человека при этом сохраняется. Помимо памяти, сохраняются также качества человека и некоторые другие внутренние факторы его бытия. Общеизвестно, что с течением времени определённые устремления человека могут даже возрастать (например, стремление к познанию). При ограничении его природы лишь биологической формой, закономерно появляется вопрос, требующий объяснения обозначенным выше явлениям.

Рассматривая в своей работе процесс постоянного обновления тела, известный английский биолог Стивен Роуз подчёркивает, что «любая компьютерная память перестанет существовать, если все детали машины подвергнутся такой же замене. Память, связанная со структурами мозга и происходящими в них процессами, сохраняется так же, как сохраняются формы тела, несмотря на непрерывный круговорот его молекулярных компонентов»[14].

Обратимся теперь к статье американского психолога и нейрофизиолога, лауреата Нобелевской премии Р. У. Сперри, в которой он рассматривает вопрос сознания человека и обосновывает несводимость сознания к мозговым процессам. Р. У. Сперри пишет, что «согласно новой логике соотношения сознания и мозга, сознание появляется в причинной цепи мозговых процессов на более высоких (когнитивных) уровнях как нередуцируемое эмерджентное свойство»[15]. Далее Р. У. Сперри отмечает, что принцип эмерджентной «нисходящей» причинности может быть применим ко всей природе, что он изменяет научные представления не только о человеке, его сознании и мозге, а также их взаимоотношении, но и об эволюционном процессе, физическом мире и мироздании в целом.

Среди трудов российских учёных выделим работы Л. В. Лескова. Так, в своей статье «Семантическая Вселенная» Л. В. Лесков, затрагивая некоторые психологические эффекты (интуицию, феномен практически неограниченной памяти, который был описан А. Р. Лурией, и др.),

не получившие достаточного объяснения с позиции традиционной научной парадигмы, подчёркивает, что информационная ёмкость каждого нейрона головного мозга человека для обеспечения этих эффектов должна быть не менее 100 000 000 бит. «Учитывая молекулярную структуру нейрона, — пишет Л. В. Лесков, — приходится сделать вывод, что он не в состоянии хранить такой объём информации»[16]. В этой же статье Л. В. Лесков говорит о значительном количестве экспериментов, проведённых под строгим научным контролем, которые позволяют признать реальность парапсихологических явлений «как минимум в качестве рабочей версии. Признание данного комплекса явлений автоматически означает подтверждение гипотезы об автономности сознания, трансперсонального характера парапсихологических эффектов и снятие категорического запрета на выход человеческого сознания за пределы соматической капсулы».

Подчёркивая в своих статьях невозможность убедительной интерпретации ряда явлений в рамках существующей научной парадигмы, Л. В. Лесков приходит к выводу о неизбежности изменения традиционных научных представлений о мире и человеке и необходимости принятия одной из альтернативных гипотез: «1. Сознание представляет собой автономный по отношению к соме феномен, несводимый к атомно-молекулярным нейрофизиологическим процессам в коре головного мозга. 2. Существует фундаментальная системообразующая протоструктура Вселенной, которая обеспечивает возникновение и эволюцию двух взаимосвязанных слоёв реальности — мира материи и мира сознания»[17].

Проведённый нами сравнительный анализ указал на наличие определённых соответствий между идеями о сознании человека, содержащимися в Учении Живой Этики, и научными представлениями о нём. Надеемся, что дальнейшие научные исследования в данной области смогут пролить больше света на существующую в настоящее время загадку сознания.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Грани Агни Йоги. 1964 год. Новосибирск: Полиграфист, 1994. С. 32.

[2] Учение Живой Этики: Беспредельность. В 2-х ч. Ч. II. М.: МЦР, 1995. С. 220.

[3] *Рерих Е. И.* У порога Нового Мира. М.: МЦР, 2000. С. 284.

[4] Цит. по: *Чижевский А. Л.* Физические факторы исторического процесса. Калуга: 1-я Гостиполитография, 1924. С. 57–58.

[5] Там же. С. 57.

[6] Там же.

[7] *Иванов А. В.* К проблеме онтологического статуса явлений сознания // Вестник Московского университета: серия 7. Философия, М., 2002. № 2. С. 24–25.

[8] *Бехтерев В. М.* Избранные труды по психологии личности. В 2-х т. Т. I. СПб.: Алетейя, 1999. С. 63.

[9] *Клизовский А.* Основы миропонимания Новой Эпохи. В 3-х т. Т. I. Рига: Виеда, 1991. С. 46.

[10] Учение Живой Этики: Сердце. М.: МЦР, 1995. С. 12–13.

[11] *Боуэн М.* Духовность и личностно-центрированный подход // Вопросы психологии. 1992. № 3–4. С. 27–28.

[12] *Иванов А. В.* Природа сознания: онтологические основания, гносеологическая структура, культурно-синтетический потенциал / Диссертация на соискание учёной степени доктора философских наук. М., 1998. С. 57.

[13] Память // Российский энциклопедический словарь. В 2 кн. Кн. 2. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 1135.

[14] *Роуз С.* Устройство памяти. От молекул к сознанию. М.: Мир, 1995. С. 10.

[15] *Сперри Р. У.* Перспективы менталистской революции и возникновение нового научного мировоззрения // Мозг и разум. М.: Наука, 1994. С. 21.

[16] *Лесков Л. В.* Семантическая Вселенная // Вестник Московского университета: серия 7. Философия. М, 1994. № 2. С. 6–7.

[17] *Лесков Л. В.* Философия нестабильности // Вестник Московского университета: серия 7. Философия. М., 2001. № 3. С. 52.

Р. А. ОВЧИННИКОВ

(Московский областной базовый музыкальный колледж им. А. Н. Скрябина; Электросталь, Московская обл.)

А. Н. СКРЯБИН И УЧЕНИЕ ЖИВОЙ ЭТИКИ

Одной из характерных индивидуальных особенностей А. Н. Скрябина, великого русского композитора, была его исключительная устремлённость, направленность, нацеленность сознания в будущее .«Я в сущности живу только одним будущим», — говорил он и, как свидетельствует Б. Ф. Шлёцер, «эту фразу он [А. Н. Скрябин] часто повторял»[1].

Неудивительно, что своими идеями, своим творчеством композитор предвосхитил новую и также обращённую в будущее систему миропонимания — Учение Живой Этики.

Появление Учения Живой Этики связано с семьёй Рерихов, с которой А. Н. Скрябин был знаком. Об этом вспоминает С. Н. Рерих: «У нас в Петербурге <...> дом был широко открыт, бывали всякие люди, люди искусства, и Скрябин бывал <...> Николай Константинович к нему очень хорошо относился»[2]. Сам Н. К. Рерих пишет: «Предполагалось наше сотрудничество по инсценировке его [А. Н. Скрябина] симфоний»[3]. Это сотрудничество, к сожалению, не состоялось. «Ничтожная неосторожность вызвала отравление и унесла композитора в самый расцвет его творческих сил»[4]. В литературных работах Н. К. Рериха, в письмах Е. И. Рерих находим весьма высокую оценку творчества А. Н. Скрябина, признание его необычайного дара.

Так Н. К. Рерих характеризует его творчество как «тончайшее»[5]. В очерке, специально посвящённом композитору, он пишет, что симфонии А. Н. Скрябина открыли «новые дали мировой музыке», что «“Экстаз” Скрябина сохранится среди самых победных достижений»[6].

Пожалуй, самое значительное упоминание композитора в письмах Е. И. Рерих сопряжено с темой Беспредельности и одноимённой книгой Учения: «Книга “Беспредельность” — сколько духовного подъёма даёт она нам! — пишет Е. И. Рерих. — Всем духом вливаюсь в эту красоту космического огненного творчества Беспредельности, в этот несущийся огненный призыв к Бытию, к созиданию, к вечному беспредельному исканию! Всё пространство, каждый атом становится звучащим, и как чувствую эти несметные раздирающие и ликующие призывы. Хотелось бы выразить эти призывы в грандиозной симфонии объединённых оркестров и назвать её “Зовы Пространства”». И далее: «Но нужен для неё новый и ещё более мощный Скрябин»[7].

Так А. Н. Скрябин, имя которого — его и только его, хотя и с оговоркой, — вспоминает Е. И. Рерих, оказался ближе, чем кто-либо из композиторов, к претворению в музыке подобных — запредельных, надмирных — образов. В самом Учении Живой Этики встречаем упоминание музыканта, в характеристике которого, определённо, угадывается облик А. Н. Скрябина:

«Урусвати знает, что должен народиться великий мастер музыки, который даст человечеству отзвуки симфоний сфер. Приходит время, когда люди особенно нуждаются в симфониях пространства, когда гармония звучаний явится действительной панацеей. Не раз уже приходили послы звуков, но мало удавалось запечатлеть слышанное ими в тонких сферах».

И далее: «В Моей стране был уявлен сильный талант, который знал ценность гармонии, но он не уберёгся и отошёл, не дав лучших достижений»[8].

Поясним ассоциацию слов Учения с композитором. Так А. Н. Скрябин был, безусловно, уникальной, выдающейся творческой личностью («сильный талант»). Он родился и жил («был уявлен») в России («в Моей стране»). Его неожиданная смерть застала его в момент, когда его творчество находилось на подъёме, не выказывая признаков спада или кризиса («не уберёгся и отошёл, не дав лучших достижений»).

По мнению Н. Д. Спириной, исследователя творчества семьи Рерихов, организатора одного из крупнейших центров рериховского движения в нашей стране, в приведённом фрагменте имеется в виду именно А. Н. Скрябин[9].

К Учению Живой Этики А. Н. Скрябин во многом приблизился и, так сказать, внутренне. Сама траектория эволюции его представлений подводила его к Учению, как будто направляла к нему. Так в становлении скрябинской картины мира исключительную роль сыграла теософия Е. П. Блаватской — концепция, с которой Учение Живой Этики преемственно связано.

Вместе с тем, как свидетельствует текст «Предварительного действия» — последнего крупного замысла композитора, оставшегося незавершённым, — его взгляды эволюционировали далее. Упомянутый текст содержит, в частности, новую интерпретацию этического начала. На это обращает внимание Б. Ф. Шлёцер, отмечая продвижение композитора от «исключительно натуралистического характера» этики к её «религиозно-мистической» концепции[10].

Предвосхищение Учения, называемого иначе «Агни-Йогой», можно усмотреть и в глубинном, экзистенциальном переживании А. Н. Скрябиным стихии Огня. На это указывают, прежде всего, записи композитора, в которых встречаем, в частности, такие слова: «Я хочу быть самым

ярким светом, самым большим (одним) солнцем, я хочу озарять (вселенную) своим светом <...>»[11]. «Я свет / Я творческий порыв, / То нежно ласкающий, / То ослепляющий, / То сжигающий <...>»[12]. «Я пожар»[13]. «Я пожар, охвативший вселенную <...>»[14].

Приведём также несколько свидетельств тех, кто знал А. Н. Скрябина лично.

Так весьма показательный эпизод запечатлел в своих воспоминаниях Л. Л. Сабанеев. Будучи вместе с композитором на представлении оперы «Гибель богов» Р. Вагнера, он стал свидетелем особого восхищения, которое вызвало у А. Н. Скрябина музыкально-сценическое претворение образа Огня. Л. Л. Сабанеев пишет: «Но его [А. Н. Скрябина] возбуждение достигло крайних пределов в сцене “Feuerzauber’a”. Когда эти огнедышащие звуки соединились со светами вспыхивающих огней, Александр Николаевич привскочил на стуле. Я заметил, что на глазах у него были слёзы. Он прошептал мне: Как возбуждают эти пламена! эти огненные языки! Ах, что у меня будет в Мистерии!..»[15].

О. Монигетти приводит признание А. Н. Скрябина весьма яркого и императивного переживания им стихии Огня: «Я чувствую в себе такой свет, такой огонь! Я должен принести его людям! Должен!»[16].

Образы стихии Огня в музыке А. Н. Скрябина приобрели со временем особый статус. Прежде всего, сам импульс его стилевой эволюции уже был связан со стремлением добиться «света в музыке». К «огненным» звучаниям, открытым композитором, принадлежит, в частности, Прометей-аккорд[17] — комплекс звуков, ставший интонационной основой его музыки в последний период его творчества.

Образ Огня в сочинениях этого периода предстаёт как нечто всеобъемлющее, проникающее в самые недра звуковой материи, — определяющее её этос. В части opus’ов этого времени Огонь как будто прорывается «вовне»: образы данной стихии прямо обозначены в нотных ремарках, а также в программных названиях произведений: симфоническая поэма «Прометей» («Поэма огня») ор. 60, фортепианная поэма «К пламени» ор. 72, танец «Тёмные пламена» ор. 73 № 2. Пример «объективации» Огня являет также цветосветовая партия (Luce) в поэме «Прометей».

Представление А. Н. Скрябина о том, как должна быть реализована цветосветовая часть его поэмы, оказывается весьма близким тому, чего он добился в музыке. Это желание достичь всеприсутствия Света-Огня, проницающего материю до самого её основания: «Свет должен наполнить зал»[18]. «Свет должен наполнить весь воздух, пронизать его до атомов». «Вся музыка и всё вообще должно быть погружено в этот свет, в световые волны, купаться в них»[19].

В самых последних сочинениях А. Н. Скрябина претворение образов стихии Огня эволюционирует к ещё более утончённой форме. Композитор добивается такого высветления звуковой ткани, что как бы преобразует её в некую бесплотно-имматериальную — световую субстанцию.

Проведём некоторые параллели между творчеством А. Н. Скрябина и Учением Живой Этики.

А. Отмеченное выше стремление композитора привнести элемент Огня в звуковую «плоть» его музыки можно, в определённой мере, соотнести с инстинктивным поиском-распознанием «огненосности» человеком, восчувствовавшим данную стихию, — о чём говорит Учение: «Огненные объятия значат оформление планеты, когда комплекс химических агрегаций посылает своё сотрудничество объятиям Огня. Разве человек, как микрокосм, не должен стремиться к объятиям огненным?»

И далее: «Через огненные объятия человек приобщается к высшим пониманиям. Он начинает и во всём окружающем искать огненосность. Так он подбирает около себя огненные созвучия, в самых различных предметах он узнаёт близкое начало. <...>»[20]. Можно предполагать, что степень и качество огненности звуковых образований были для А. Н. Скрябина не просто значимым, но основным критерием их поиска и отбора.

Б. Прометей-аккорд, одна из открытых А. Н. Скрябиным, как было замечено выше, световых звуковых структур, генетически восходит к доминанте классико-романтической гармонии. Вместе с тем, будучи звукокомплексом обертоновой природы, имеющим глубинное акустическое обоснование, Прометей-аккорд должен рассматриваться как консонанс, — несмотря на довольно сложный фонизм[21]. Но именно сочетание доминанты и консонанса упоминается в Учении Живой Этики как жизнетворная сила, сопряжённая одновременно с явлениями Красоты и Света-Огня: «Если для увеличения потенциала растения нужно открытое, светло-звучащее сердце, то в звуковом воздействии нужен консонанс и все комбинации доминанта. <...> Поистине, роза будет символом консонанса, и доминант света розы будет соединён с сиянием сердца»[22].

В. Художественная ткань самых последних сочинений А. Н. Скрябина — высветленная и опрозрачненная — являет собой глубинное, исходящее от истока взаимопроникновение элементов звука и цвета-света, ассоциируясь в силу этого с образом тончайшей материи, упоминаемой в Учении Живой Этики, — Материи Люциды. Это материя, принадлежащая Надземным сферам, — субстанция, которая «облекает своим сиянием все формы Мира Высшего»[23]. С ней связывается

качество светимости. Так среди её характеристик — «светоносная»[24], «дающая Свет»[25].

Она же наделяется качеством звучания. Её метафора — «арфа света»[26]. Как сказано в «Гранях Агни Йоги»: «Материя Люцида обладает степенью созвучия, которое выражается звучанием, называемым музыкой сфер»[27].

Г. В «прометеическом» стиле А. Н. Скрябина происходит принципиальное обновление эмоционального содержания. Лирические эмоции, унаследованные композитором от эпохи романтизма, в горниле его «огненной» звучности «выгорают», преобразуясь в трансцендентные, сверхличные переживания, неведомые музыке ранее. То есть, пользуясь терминами Учения Живой Этики, можно сказать, что эмоциональное содержание музыки А. Н. Скрябина эволюционирует от астральных ощущений и чувств — к Огненным.

Д. Предметные образы в музыке А. Н. Скрябина данного периода изменяются столь же существенно. В качестве примера можно привести образ леса из Десятой сонаты (начальная тема)[28]. Сравнив его с формально близкими ему образами из музыки композиторов предшественников и старших современников А. Н. Скрябина (см., например, образы леса в музыке Ф. Листа, Р. Вагнера), можно видеть их весьма значимое различие. Образ А. Н. Скрябина более энигматичен, «непостижим», композитор раскрывает не столько внешний, сколько внутренний аспект явления, прозревая его скрытое, метафизическое и, — что при его стиле неизбежно — огненное основание.

В то же время, именно «огненную основу Природы»[29] утверждает Учение Живой Этики: «Особо трудно людям понять огненную природу вещей. Каждый камень полон огня. Каждое дерево насыщено огнём. Каждый утёс, как бы столб пламени»[30]. «Стихия огня скрыта во всём как основа сущего», — читаем в «Гранях Агни Йоги». Причём, как говорится далее, это сокровенное, огненное начало может быть опознано через звук: «В природе звучит всё, и всё имеет свою ноту, но нота эта будет явлением огненным. Огневселенная в огненном аспекте своём высшему пониманию человека тайну свою раскрывает. Можно даже говорить об огненном созвучии атомов, соединяющихся в более сложные образования нескончаемой песни жизни материи. Вселенная звучит, величественная симфония Космоса в музыке сфер уявляется и наполняет пространство огненным звучанием Высших энергий»[31].

Е. Эволюцию «прометеического» стиля А. Н. Скрябина можно подразделить на два этапа. Первый характеризуется сложностью музыкального языка, его явной новизной, экспериментальностью. Второй, начиная приблизительно с Восьмой сонаты ор. 66 , был обусловлен по-

степенным прояснением стиля, приобретавшего всё более классические очертания.

Некогда собственно классический стиль в музыке стал отражением миропонимания, обращённого, прежде всего, к явно-осязаемому, посюстороннему аспекту сущего. И именно так воспринимал его и А. Н. Скрябин. «Классическая музыка была для него [А. Н. Скрябина], — по словам Л. Л. Сабанеева, — синонимом реализма и материальности»[32].

Соответственно, элементы классичности, проступавшие по мере эволюции «огненного» стиля композитора, можно интерпретировать как проявление особого реализма, как претворение такого видения Мира Высшего, в котором он предстаёт как область, наполненная земными по виду формами, но наделёнными тонкой, сублимированной материальностью, формами, преображёнными Светом-Огнём.

Это вполне соответствует представлению о Мире Высшем — Огненном в Учении Живой Этики, — имеющем, как сказано, «все признаки Бытия»: «Цветы огненные отличаются сиянием, но их можно сравнивать со строением роз; малые вихревые кольца образуют как бы сочетания лепестков. Так и запах, как преображённый озон, может дать как бы воздух хвои.<...> так и лучи, как потоки и водопады <...>»[33].

Очевидно, приведённые параллели между творчеством А. Н. Скрябина и идеями, образами Учения Живой Этики неполны. Однако даже в их свете музыка русского композитора обнаруживает новый содержательный и выразительный потенциал.

Подобный подход — с позиций Учения Живой Этики — безусловно приближает к постижению творчества А. Н. Скрябина, подлинное открытие и осознание которого, как представляется, принадлежит будущему.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Шлёцер Б. Ф.* А. Скрябин: Монография о личности и творчестве. Т. I. Берлин: Грани, 1923. С. 58.

[2] Встречи с С. Н. Рерихом // «Всё главное внутри нас»: [Беседы с С. Н. Рерихом, записанные Т. и Н. Качановыми]. — Электронный ресурс. — Режим доступа: http: forum.roerich.info/showthread.php?t=18454.

[3] *Рерих Н. К.* Листы дневника. 2-е изд. Т. III: 1942–1947. М.: МЦР, 2002. С. 404.

[4] Там же.

[5] *Рерих Н. К.* Указ. соч. Т. II: 1936–1941. С. 36.

[6] Там же. С. 366–367.

[7] *Рерих Е. И.* Письма. Т. I: 1919–1933. М.: МЦР, 1999. С. 47.

[8] Учение Живой Этики (Агни-Йога). Надземное. 1938. § 608.

[9] Автор настоящего сообщения благодарит Н. В. Жукову, искусствоведа (г. Новосибирск), за предоставление данной информации.
[10] *Шлёцер Б. Ф.* Указ. соч. С. 355.
[11] Записи А. Н. Скрябина // Рус. пропилеи: Материалы по истории рус. мысли и лит. Т. VI. — М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1919. С. 139.
[12] Там же. С. 141.
[13] Там же. С. 138.
[14] Там же. С. 142.
[15] *Сабанеев Л. Л.* Воспоминания о Скрябине. 2-е изд. М.: Классика-XXI, 2000. С. 120 (Музыка в мемуарах).
[16] *Монигетти О.* [Воспоминания] // Александр Николаевич Скрябин. 1915–1940: Сб. к 25-летию со дня смерти. М., Л.: Гос. муз. изд-во, 1940. С. 45.
[17] См.: *Сабанеев Л. Л.* Указ. соч.С. 256.
[18] *Сабанеев Л. Л.* Указ. соч. С. 68.
[19] Там же. С. 69.
[20] Учение Живой Этики (Агни-Йога). Мир Огненный. Ч. I. 1933. § 648.
[21] Перефразируя выражение А. Шёнберга, можно сказать, что А. Н. Скрябин эмансипировал консонанс, найдя его новые, — быть может, парадоксальные и неожиданные формы.
[22] Учение Живой Этики (Агни-Йога). Сердце. 1932. § 66.
[23] *Рерих Е. И.* Письма. Т. VI: 1938–1939. М.: МЦР, 2006. С. 203.
[24] Учение Живой Этики (Агни-Йога). Агни Йога. 1929. § 144.
[25] Учение Живой Этики (Агни-Йога). Иерархия. 1931. § 3.
[26] Учение Живой Этики (Агни-Йога). Община. 1926. § 42.
[27] Грани Агни Йоги. Т. 8. § 324.
[28] См.: *Сабанеев Л. Л.*. Указ. соч. С. 195, 263.
[29] Учение Живой Этики (Агни-Йога). Мир Огненный. Ч. III. 1935. § 435.
[30] Там же.
[31] Грани Агни Йоги. 1954 год. § 336.
[32] *Сабанеев Л. Л.* Указ. соч. С. 118.
[33] Учение Живой Этики (Агни-Йога). Мир Огненный. Ч. II. 1934. § 179.

Г. Н. ЛУКЬЯНЕНКО
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

«И НЕСЁМ СВЕТ...»: О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОСОБЕННОСТЯХ БИБЛИОТЕКИ МУЗЕЯ-ИНСТИТУТА СЕМЬИ РЕРИХОВ

Библиотека в переводе с греческого языка — хранилище книг. Николай Константинович Рерих библиотеки называл «Первыми Вратами Просвещения»[1]. И как естественно созвучны глубокие по смыслу картины этого великого художника-мыслителя с нашим бесценным богатством, которое называется таким знакомым всем и добрым словом «библиотека»: «Жемчуг исканий», «Гнездо преблагое», «Клад захоронённый», «Сосуд нерасплесканный», «И несём Свет»...

Конечно же, все библиотеки — источники Красоты и Знания, а значит и источники основ всей Культуры. Но наш источник всё-таки особенный. Издания практически по всем областям знаний поселились в тёплом и уютном Библиотечном доме на фундаменте Мемориального собрания Степана Степановича Митусова. Блестяще образованный и всесторонне одарённый род Рерихов — Шапошниковых — Голенищевых-Кутузовых — Митусовых своим богатейшим по содержанию наследием определил ориентиры, проставил убедительные указатели направлений к познанию, к самосовершенствованию.

Как не затеряться в этом информационном лабиринте, как найти в многотысячном собрании те несколько или одну, но именно «свою» книгу, нужный журнал, статью, иллюстрацию или цитату? Помочь добыть «сокровенное слово для просвещения ищущего духа»[2], произвести «истинное чудо просвещения»[3] — в этом видим мы смысл нашей работы и делаем всё возможное, чтобы легко и без потерь «провести ладью искателя через волны безбрежного печатного океана»[4]. Для этого мы стараемся сделать поиск информации максимально качественным, а это значит полным и точным.

С появлением компьютеров, с внедрением автоматизированных систем в библиотечные технологии возможности поиска информации значительно расширились. Электронные базы данных (библиографические и полнотекстовые электронные каталоги книг и периодики; электронные ключи-указатели к тематическим каталогам) позволяют в считанные секунды создавать как формальные, так и тематические базы данных по любым запросам. А это значит, нет необходимости

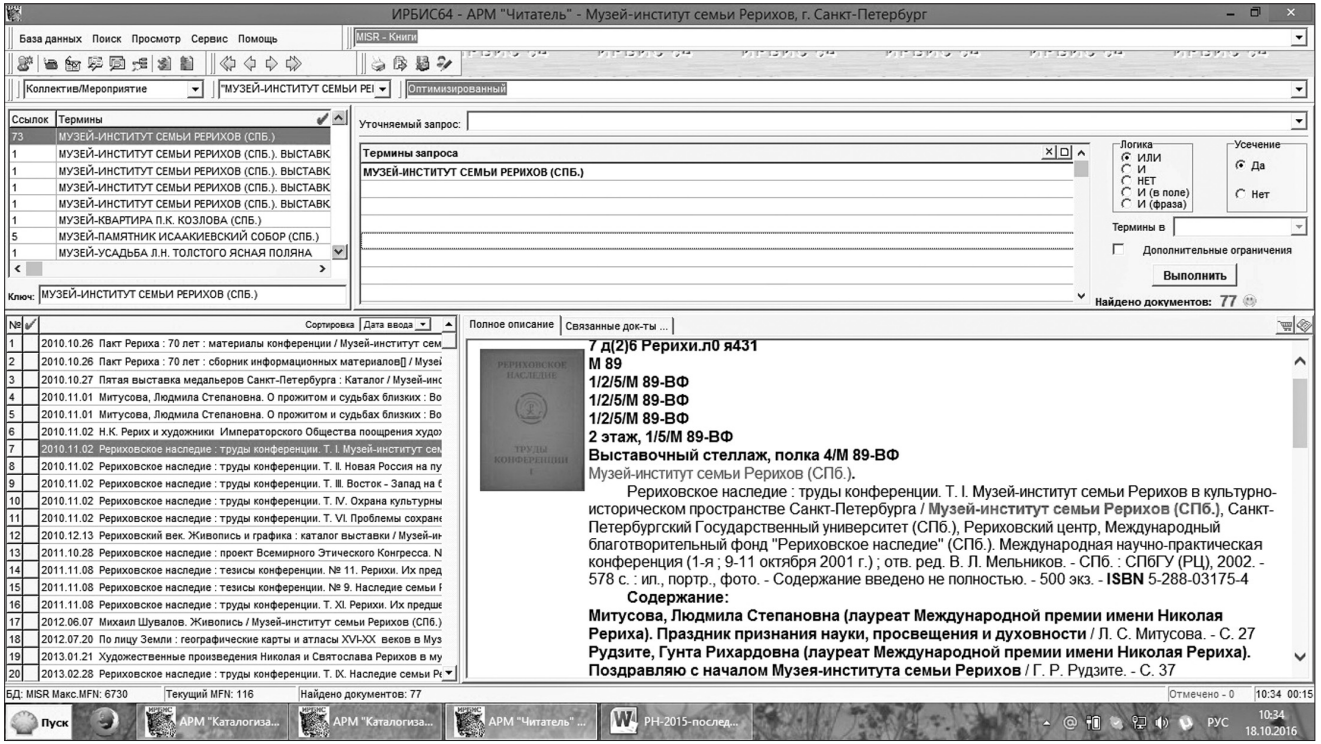


Рис. 1. В нижнем левом углу список в виде коротких БО, отсортированный в данном случае по году их выхода, справа — полное БО издания, выделенного в этом списке, которое дополнительно включает в себя сложный индекс ББК, адекватный содержанию издания, места расположения всех экземпляров сборника в фонде библиотеки, а также избранные статьи сборника.

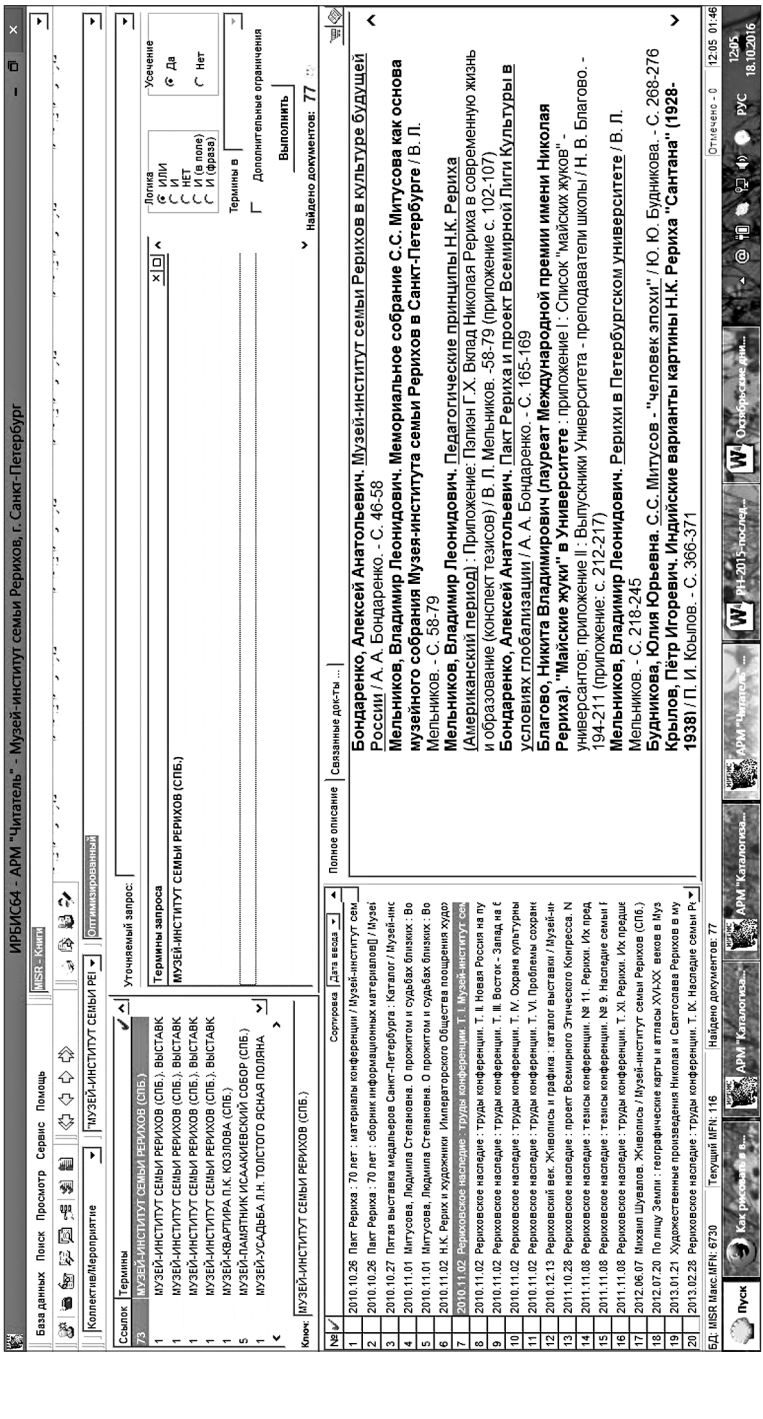

ИРБИС64 - АРМ "Читатель" - Музей-институт семьи Рерихов, г. Санкт-Петербург
База данных Поиск Просмотр Сервис Помощь
MSR-Книги
Коллектив/Мероприятие
МУЗЕЙ-ИНСТИТУТ СЕМЬИ РЕ
Оптимизированный
Ссылок Термины
73 МУЗЕЙ-ИНСТИТУТ СЕМЬИ РЕРИХОВ (СПБ.)
1 МУЗЕЙ-ИНСТИТУТ СЕМЬИ РЕРИХОВ (СПБ.), ВЫСТАВК
1 МУЗЕЙ-ИНСТИТУТ СЕМЬИ РЕРИХОВ (СПБ.), ВЫСТАВК
1 МУЗЕЙ-ИНСТИТУТ СЕМЬИ РЕРИХОВ (СПБ.), ВЫСТАВК
1 МУЗЕЙ-ИНСТИТУТ СЕМЬИ РЕРИХОВ (СПБ.), ВЫСТАВК
1 МУЗЕЙ-КВАРТИРА П.К. КОЗЛОВА (СПБ.)
5 МУЗЕЙ-ПАМЯТНИК ИСААКИЕВСКИЙ СОБОР (СПБ.)
1 МУЗЕЙ-УСАДЬБА Л.Н. ТОЛСТОГО ЯСНАЯ ПОЛЯНА
Уточняемый запрос:
Термины запроса
МУЗЕЙ-ИНСТИТУТ СЕМЬИ РЕРИХОВ (СПБ.)
Логика
ИЛИ
И
НЕТ
И (в поле)
И (фраза)
Усечение
Да
Нет
Термины в
Дополнительные ограничения
Выполнить
Найдено документов: 77
Ключ МУЗЕЙ-ИНСТИТУТ СЕМЬИ РЕРИХОВ (СПБ.)
Сортировка Дата века
Полное описание
Связанные док-ты ...
№ ✓
1 2010.10.26 Пакт Рериха : 70 лет : материалы конференции / Музей-институт семь
2 2010.10.26 Пакт Рериха : 70 лет : сборник информационных материалов] / Музей
3 2010.10.27 Пятая выставка медальеров Санкт-Петербурга : Каталог / Музей-инс
4 2010.11.01 Митусова, Людмила Степановна. О прожитом и судьбах близких : Во
5 2010.11.01 Митусова, Людмила Степановна. О прожитом и судьбах близких : Во
6 2010.11.02 Н.К. Рерих и художники Императорского Общества поощрения худо
7 2010.11.02 Рериховское наследие : труды конференции. Т. I. Музей-институт сем
8 2010.11.02 Рериховское наследие : труды конференции. Т. II. Новая Россия на пу
9 2010.11.02 Рериховское наследие : труды конференции. Т. III. Восток - Запад на
10 2010.11.02 Рериховское наследие : труды конференции. Т. IV. Охрана культурны
11 2010.11.02 Рериховское наследие : труды конференции. Т. VI. Проблемы сохран
12 2010.12.13 Рериховский век. Живопись и графика : каталог выставки / Музей-ин
13 2011.10.28 Рериховское наследие : проект Всемирного Этического Конгресса. N
14 2011.11.08 Рериховское наследие : тезисы конференции. № 11. Рерихи. Их пред
15 2011.11.08 Рериховское наследие : тезисы конференции. № 9. Наследие семьи
16 2011.11.08 Рериховское наследие : труды конференции. Т. XI. Рерихи. Их предше
17 2012.06.07 Михаил Шувалов. Живопись / Музей-институт семьи Рерихов (СПб.)
18 2012.07.20 По лику Земли : географические карты и атласы XVI-XX. веков в Муз
19 2013.01.21 Художественные произведения Николая и Святослава Рерихов в му
20 2013.02.28 Рериховское наследие : труды конференции. Т. IX. Наследие семьи Ри
Бондаренко, Алексей Анатольевич. Музей-институт семьи Рерихов в культуре будущей России / А. А. Бондаренко. - С. 46-58
Мельников, Владимир Леонидович. Мемориальное собрание С.С. Митусова как основа музейного собрания Музея-института семьи Рерихов в Санкт-Петербурге / В. Л. Мельников. - С. 58-79
Мельников, Владимир Леонидович. Педагогические принципы Н.К. Рериха (Американский период) : Приложение: Пэлиэн Г.Х. Вклад Николая Рериха в современную жизнь и образование (конспект тезисов) / В. Л. Мельников. -58-79 (приложение с. 102-107)
Бондаренко, Алексей Анатольевич. Пакт Рериха и проект Всемирной Лиги Культуры в условиях глобализации / А. А. Бондаренко. - С. 165-169
Благово, Никита Владимирович (лауреат Международной премии имени Николая Рериха). "Майские жуки" в Университете : приложение I : Список "майских жуков" - университантов; приложение II : Выпускники Университета - преподаватели школы / Н. В. Благово. - 194-211 (приложение: с. 212-217)
Мельников, Владимир Леонидович. Рерихи в Петербургском университете / В. Л. Мельников. - С. 218-245
Будникова, Юлия Юрьевна. С.С. Митусов - "человек эпохи" / Ю. Ю. Будникова. - С. 268-276
Крылов, Пётр Игоревич. Индийские варианты картины Н.К. Рериха "Сантана" (1928-1938) / П. И. Крылов. - С. 366-371
БД: MSR Макс.MFN: 6730 Текущий MFN: 116 Найдено документов: 77 Отмечено - 0
Пуск
Как рисовать в ...
АРМ "Каталогиза...
АРМ "Каталогиза...
АРМ "Читатель" - ...
РИ-2015-послед...
Октябрьские дни...
РУС
12:05 18.10.2016

Рис. 2

ИРБИС64 - АРМ "Читатель" - Музей-институт семьи Рерихов, г. Санкт-Петербург

База данных Поиск Просмотр Сервис Помощь

MISR - Книги

Коллектив/Мероприятие | "МУЗЕЙ-ИНСТИТУТ СЕМЬИ РЕІ | Оптимизированный

№ | Сортировка | Дата ввода

1 2010.10.26 Пакт Рериха : 70 лет : материалы конференции / Музей-институт сем
2 2010.10.26 Пакт Рериха : 70 лет : сборник информационных материалов[] / Музеі
3 2010.10.27 Пятая выставка медальеров Санкт-Петербурга : Каталог / Музей-инс
4 2010.11.01 Митусова, Людмила Степановна. О прожитом и судьбах близких : Во
5 2010.11.01 Митусова, Людмила Степановна. О прожитом и судьбах близких : Во
6 2010.11.02 Н.К. Рерих и художники Императорского Общества поощрения худо
7 2010.11.02 Рериховское наследие : труды конференции. Т. I. Музей-институт сем
8 2010.11.02 Рериховское наследие : труды конференции. Т. II. Новая Россия на пу
9 2010.11.02 Рериховское наследие : труды конференции. Т. III. Восток - Запад на б
10 2010.11.02 Рериховское наследие : труды конференции. Т. IV. Охрана культурны
11 2010.11.02 Рериховское наследие : труды конференции. Т. VI. Проблемы сохране
12 2010.12.13 Рериховский век. Живопись и графика : каталог выставки / Музей-ин
13 2011.10.28 Рериховское наследие : проект Всемирного Этического Конгресса. N
14 2011.11.08 Рериховское наследие : тезисы конференции. № 11. Рерихи. Их пред
15 2011.11.08 Рериховское наследие : тезисы конференции. № 9. Наследие семьи Р
16 2011.11.08 Рериховское наследие : труды конференции. Т. XI. Рерихи. Их предше
17 2012.06.07 Михаил Шувалов. Живопись / Музей-институт семьи Рерихов (СПб.)
18 2012.07.20 По лицу Земли : географические карты и атласы XVI-XX веков в Муз
19 2013.01.21 Художественные произведения Николая и Святослава Рерихов в му
20 2013.02.28 Рериховское наследие : труды конференции. Т. IX. Наследие семьи Ре
21 2014.02.13 Рериховское наследие : труды конференции. Т. III. Восток - Запад на б
22 2014.02.17 Рериховское наследие : программа конференции. № [2]. Культурная
23 2014.02.17 Рериховское наследие : труды конференции. Т. VII. Н.К. Рерих. Творин
24 2014.03.13 Б.П. Коваленко : Тропою Рерихов. Экз. № 4 / Музей-институт семьи Р
25 2014.03.27 Рериховское наследие : труды конференции. Т. VIII. Н.К. Рерих и его с
26 2014.03.27 Рериховское наследие : труды конференции. Т. X. Результаты и перс
27 2014.04.17 "Лишь культурными ценностями живо Человечество" : Программа кр
28 2014.04.24 Н.К. Рерих и Эстония : каталог / Музей-институт семьи Рерихов (СПб
29 2014.05.16 "Весна священная" : Возвращение : путеводитель по выставке / Муз
30 2014.05.16 "Красота по-индийски" : Открытки из фондов музея и частной коллек
31 2014.05.16 "Люби меня, как теперь, всегда..." (Н.К. и Е.И. Рерихи) : путеводитель
32 2014.05.16 Б.М. Кустодиев [1878-1927] в Музее-институте семьи Рерихов / Музе

Полное описание | Связанные док-ты ...

поэтического сборника "Цветы Мории" и поэмы "Наставление ловцу, входящему в лес" (1911-1921) / Ю. Ю. Будникова. - С. 413-423
Мельников, Владимир Леонидович. Предания Севера-Запада в научном архиве Н.К. Рериха / В. Л. Мельников. - С. 426-433

ББК
7 д(2)6 Рерихи.л0 я431
(2
(...)6
.д
Рерихи
.л0
.я431
.я434

Доп. точки доступа:
Мельников, Владимир Леонидович\отв. ред.\
Санкт-Петербургский Государственный университет (СПб.). Рериховский центр
Международный благотворительный фонд "Рериховское наследие" (СПб.)
Международная научно-практическая конференция (9-11 октября 2001 г.)

Имеются экземпляры в отделах:
ВФ (02.11.2010г. Инв.116 - 121 р.) - свободен
ВФ (02.11.2010г. Инв.116/1 - 121 р.) - свободен
ВФ (02.11.2010г. Инв.116/2 (колл. Дар Аникиных (семьи)) - 121 р.) - выдан
ВФ (02.11.2010г. Инв.116/3 - 121 р.) - свободен
ВФ (15.09.2011г. Инв.116/4 (колл. Дар Коваленко Б.П.) - 121 р.) - свободен
Копия издания в базе ЭК (без оглавления)
Оглавление в базе ЭК
Копия издания в свободном доступе (без оглавления)

БД: MISR Макс.MFN: 6730 | Текущий MFN: 116 | Найдено документов: 77 | Отмечено - 0 | 12:08 01:49

Пуск | Как рисовать в в... | АРМ "Каталогиза... | АРМ "Каталогиза... | АРМ "Читатель" ... | РН-2015-послед... | Октябрьские дни... | РУС | 12:08 18.10.2016

Рис. 3

тратить время на создание отдельных картотек коллекций и библиографических указателей (списков, обзоров, бюллетеней) различной тематики. Достаточно, например, ввести в поле «Ключ» простого поиска по словарю «Коллектив/Мероприятие»: «Музей-институт семьи Рерихов», и вся коллекция изданий Музея-института из 77 книг, введённых в электронный каталог (ЭК), появится в виде списка библиографических описаний (БО) различных форматов: короткого (автор, заглавие, год издания, объём), информационного (табличная форма основных областей БО), оптимизированного (полное описание с изображением обложки) и машиночитаемых (коммуникативные для конвертирования в другие форматы) (рис. 1). Список отобранной коллекции можно распечатать так же в различных вариантах: с коротким или полным БО, с обложкой или без неё, а так же в виде набора карточек для любого типа каталога. Все эти возможности заложены в самой библиотечной программе.

Полное БО даёт абсолютно всю информацию о конкретном издании. В демонстрируемом примере мы видим не только все основные данные об издании, но и часть содержания сборника: избранные статьи сотрудников Музея-института, некоторые из которых (они выделены другим цветом) можно оперативно открыть (прочитать или распечатать) (рис. 2).

На рис. 3 видна информация о наличии издания в библиотеке на данный момент, видны ссылки с пояснительным текстом для оперативного прочтения всего издания (копии или текста), а также показано поэлементное индексирование, соответствующее поисковому образу документа (запроса) для тематического поиска, речь о котором пойдёт ниже.

В библиотеке Музея используется автоматизированная библиотечная система ИРБИС. Мы настроили эту прекрасную программу под свои потребности и успешно наполняем её безмерное пространство хранимым «светом». При описании книг, журналов, газет, статей, буклетов, открыток, электронных и др. изданий в ИРБИС поля библиографической записи заполняются с предельной аккуратностью и математической точностью. Это достигается путём использования при вводе данных меню-справочников, встроенных в систему, и динамичных словарей, формирующихся в процессе каталогизации. Термины в этих словарях располагаются в алфавитном порядке (следует иметь в виду, что цифры и знаки предшествуют буквам, а латинские буквы предшествуют кириллице). При всём этом автоматически формируются все виды традиционных, но в тоже время, качественно новых библиотечных каталогов: алфавитный (по автору и заглавию), топографический (по месту хранения), нумерационный (по инвентарным номерам), издательский

(по названию издательств), географический (по месту издания), лингвистический (по языку текста), систематический (по форме и содержанию: по отраслям науки и производства; историческим периодам; территориям: страноведческий и краеведческий; этническому и языковому признаку). Таким образом, ЭК библиотеки Музея представляют собой универсальный справочно-библиографический аппарат, имеющий все необходимые инструменты для поиска различной информации. ЭК не только информируют о наличии того или иного документа своим библиографическим описанием. Они являются каталогами-поисковиками, каталогами-посредниками между читателем и запрашиваемым документом. Идеальным результатом этого диалога является получение непосредственно самого документа, соответствующего предмету (теме) запроса. Из 6702 книг 1219 имеют цифровую копию или полный текст в цифровом формате, из 1428 журналов и газет — 746, а из 240 статей — 60. По сути, мы создаём электронные каталоги-библиотеки (ЭК-Б), где ЭК выполняют функцию поисковой системы.

В структуре нашей внутренней библиотечной системы пять баз данных (БД) в формате IRBIS64:

— **три библиографические базы** — электронные каталоги книг и периодики (журналов и газет, и отдельных статей);

— **алфавитно-предметный указатель (АПУ)** — ключ для предметно-тематического входа во все ЭК, выполняющие функцию систематических каталогов;

— **полнотекстовая база данных всех ЭК** — файлы в форматах *pdf, *fb2, *djvu, *jpg (отсканированные документы или тексты изданий, находящихся в свободном доступе).

Формирование библиографических баз происходит в полном соответствии со стандартами. Их структура обеспечивает возможность быстрого поиска книги и периодики по любому элементу библиографической записи (БЗ). Наличие различных видов поиска (по основному словарю, комплексного, последовательного, по связи и уточняющего), а также использование логических операторов («или», «и», «нет») и переключателя «Усечение» («да» и «нет») позволяет находить ответы на сложные вопросы.

Простым поиском по конкретным словарям нашего ЭК не составит труда быстро ответить, например, на такие вопросы, как:

— издания Музея-института семьи Рерихов (как коллективного автора и как издающей организации);

— книги с автографами;

— издания из фонда «Мемориальная библиотека семьи Митусовых» и др. фондов;

— коллекции изданий, подаренных конкретными лицами и организациями — друзьями Музея;

— издания с текстами на иностранных языках;

— издания определённых стран мира;

— труды Н. К. Рериха и членов его семьи;

— книги по сериям («Малая Рериховская библиотека», «Большая Рериховская библиотека», «ЖЗЛ»и др.);

— книги, выпущенные определёнными издательствами («Звёзды гор», «Агни», «Искусство» и др.);

— книги, изданные в заданных хронологических рамках (XIX век, в начале XX и др.);

Можно легко найти самую старую книгу или собрать все книги, имеющие отношение к эпосу «Махабхарата», а также ответить на многие другие вопросы, список которых практически бесконечен.

Сочетание этих простых вопросов в различных комбинациях усложняет задачу, но она легко решается с помощью такого вида поиска, как комплексный (по разным словарям), т. е. вводятся несколько элементов различных видов поиска в один запрос (сценарий). Вот несколько примеров поступавших запросов с использованием комплексного поиска:

— все труды Н. К. Рериха в серии «Большая Рериховская библиотека» (автор + серия);

— все книги «Учения Живой Этики», изданные в Риге (ключевые слова + место издания);

— статья Ю. Ю. Будниковой в трудах одной из конференций «Рериховское наследие» о поэзии С. С. Митусова (автор + заглавие + ключевые слова);

— каталог выставки, посвящённой Сергию Радонежскому и его обители, в Государственном историческом музее, купленный в 2010-е годы (канал поступления + коллектив/мероприятие + ключевые слова);

— сборник материалов конференции, посвящённой 120-летию Н. К. Рериха, проходившей в Нижнем Новгороде в 1994 году (мероприятие + ключевые слова + место издания + год издания);

— книга Н. К. Рериха на английском языке о его Центральноазиатской экспедиции, изданная в Индии (автор + язык текста + ключевые слова + страна издания) и др.

Рассмотрим на последнем примере технологию усложнённого (комплексного) поиска в программе АРМ «Читатель» (АРМ — «автоматизированное рабочее место»). Открываем комплексный поиск и последовательно отбираем известные из нашего запроса

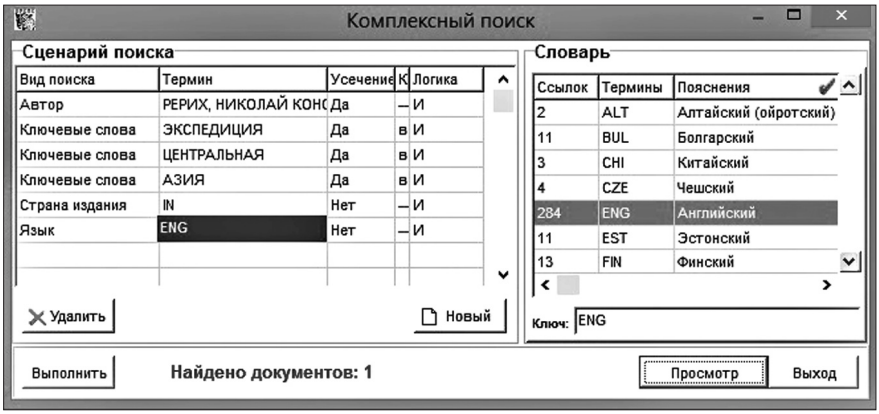


Рис. 4. Пример поиска книги по нескольким элементам библиографической записи (комплексный поиск)

термины авторы, ключевые слова, страна издания и язык) в один запрос (сценарий поиска). Виды поиска выбираются из появляющихся меню, а термины (элементы) — из соответствующих терминологических словарей:

Вид поиска	Термины
Автор:	Рерих Николай Константинович
Язык текста:	английский
Ключевые слова:	экспедиция, Центральная, Азия
Страна издания:	Индия

Затем определяем полноту терминов индикатором «Усечение» («да» и «нет») и требование присутствия термина индикатором «Логика» («и»). Нажимаем последовательно кнопки «Выполнить» и «Просмотр» (рис. 4).

После нажатия кнопки «Просмотр»на интерфейсе АРМ «Читатель» появляется вся информация о запрашиваемой книге — полная библиографическая запись (БЗ) (Рис. 5). В описаниях (рис. 1, 2, 3) даются подробные пояснения по элементам БЗ.

По сути дела приведёнными примерами проиллюстрирован поиск по метаданным БЗ изданий, которые автоматически создают терминологические поисковые словари. Одним из таких поисковых словарей является словарь классификационных индексов ББК, которые отражают содержание издания, т. е. систематизируют издания по тематике и форме (рис. 6–11):

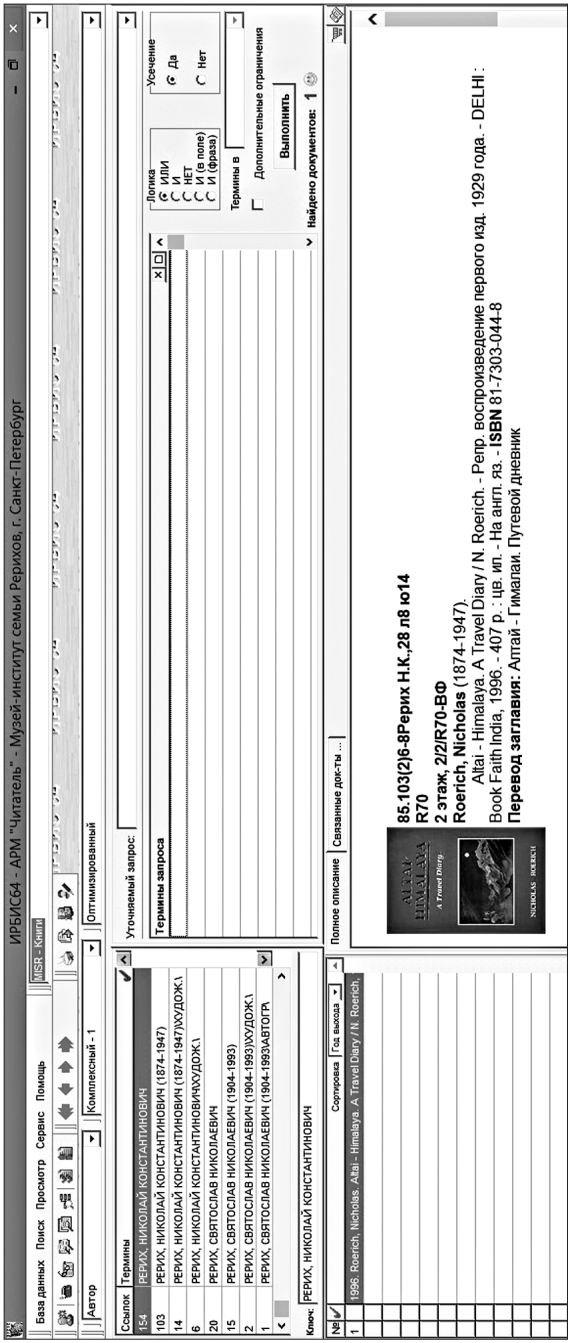


Рис. 5. Результат поиска. Вид полного библиографического описания найденного издания

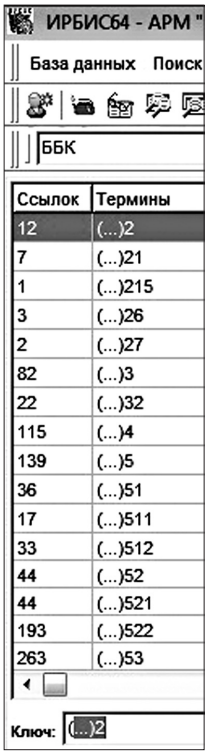


Рис. 6

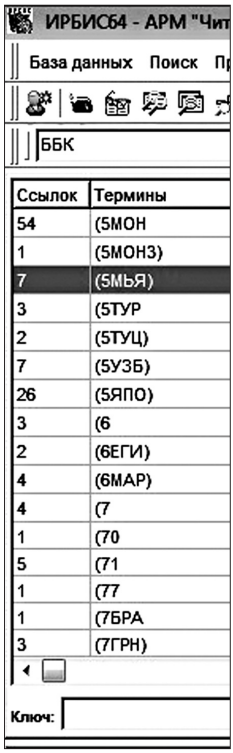


Рис. 7

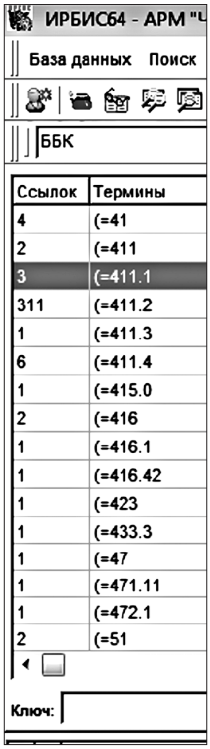


Рис. 8

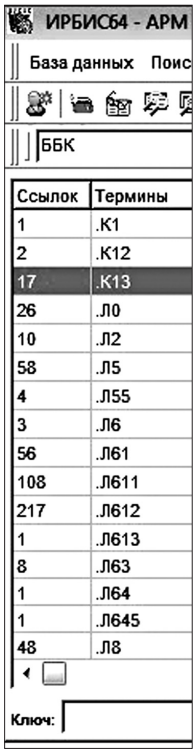


Рис. 9

Рис. 6 (исторические периоды — ИП);
Рис. 7 (территориальнотиповые деления — ТТД);
Рис. 8 (этнические типовые деления — ЭТД);
Рис. 9 (общие типовые деления — ОТД);
Рис. 10 (языковые типовые деления — ЯТД);
Рис. 11 (специальные типовые деления — СТД).

Этот словарь также формируется автоматически в процессе систематизации (индексации) описываемых изданий. От качества составленного в этом процессе поискового образа документа (ПОД) зависит качество выполнения любого библиографического запроса. Возможность сделать поиск информации максимально полным и точным даёт разработанный нами универсальный метод тематической обработки документов — метод поэлементного индексирования с использованием Национальной классификационной системы России, вошедшей в ряд крупнейших в мире универсальных систем Библиотечно-библиографической классификации (ББК).

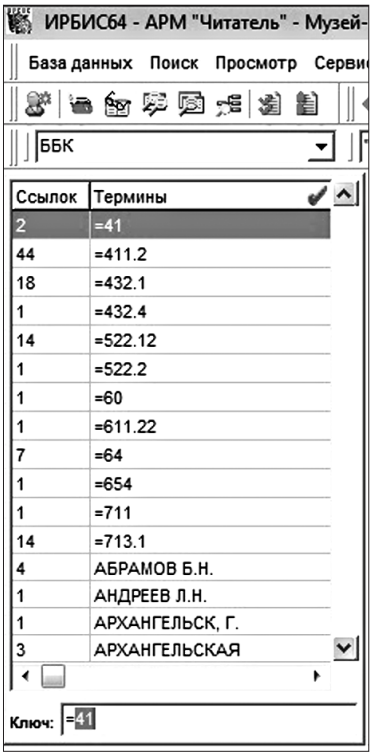


Рис. 10

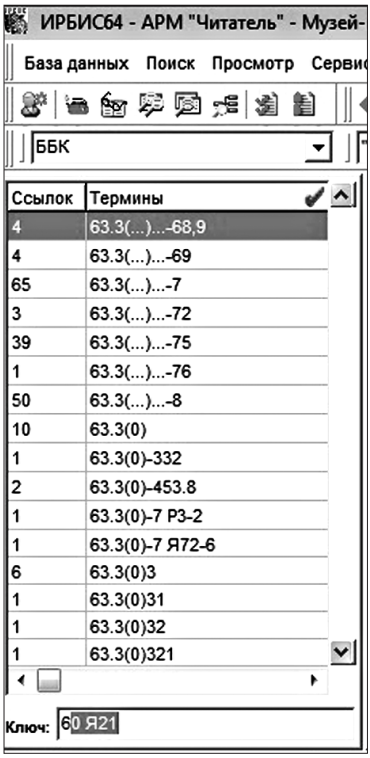


Рис. 11

Милтон Эриксон, известный американский учёный XX века, сказал, что мы можем открыть новый для себя мир, когда научимся задавать верные вопросы. И наш оригинальный метод систематизации, метод поэлементного индексирования, позволяет не только легко находить ответы на верные вопросы, но и помогает эти вопросы формулировать[5]. Он помогает привести в порядок свои знания во всех областях науки и практики и в полной мере обеспечивает выполнение основных функций каждой библиотеки — просветительской и образовательной. Для этого достаточно открыть так называемый поиск «для умников» и, с помощью ключа к темам (предметам) запроса — алфавитно-предметного указателя к систематическому каталогу, «открыть дверь» в бесконечное Прекрасное и, не спеша, вдумчиво «гулять по дорожкам знаний» (предметным рубрикам ББК), находя искомые источники самосовершенствования в обширных пространствах любой области знаний.

Самое время представить эти обширные пространства, рассказать о богатом внутреннем содержании нашей библиотеки, чтобы в полной

мере почувствовать ту радость, которую испытываешь при совершении какого-то открытия.

В настоящее время фонды научной библиотеки составляют свыше 10 тысяч печатных единиц[6]. Это — фонд Мемориальной библиотеки семьи Митусовых (МБСМ), вспомогательный фонд (ВФ), фонд редких изданий (ФРИ) и фонд периодических изданий (ФПИ).

На русском и иностранных языках собраны:

— Труды Н. К. Рериха, Е. И. Рерих, Ю. Н. Рериха, С. Н. Рериха и литература об их жизни и деятельности, в т. ч. книги Учения Живой Этики в различных изданиях (1927–2014), альбомы, посвящённые живописи Николая Константиновича и Святослава Николаевича, журналы Института Гималайских исследований (Journal of Urusvati Himalayan Research Institute). Известную ценность представляют ксерокопии первых изданий книг Живой Этики (1924–1937), сборников очерков Н. К. Рериха и других книг из архива П. Ф. Беликова, с любовью сделанные, переплетённые и подаренные библиотеке другом музея Сергеем Ивановичем Мартыновым. В отличие от оригиналов этих изданий, находящихся в фондах музея-института, с ними может работать любой читатель;

— Книги разных периодов времени по истории, философии, религии, культуре, искусству России, Индии и других стран Востока и Запада. Среди них сочинения Е. П. Блаватской, Б. Н. Абрамова, Н. А. Уранова, Е. Ф. Писаревой, А. Безант, труды Л. В. Шапошниковой, труды российских мыслителей Н. А. Бердяева, А. Ф. Лосева, Н. О. Лосского, В. В. Розанова, В. С. Соловьёва, П. А. Флоренского и других; жизнеописания Сергия Радонежского, Серафима Саровского, Иоанна Кронштадского; пятитомник «Добротолюбие»; труды Р. Тагора, Рамакришны, Вивекананды, Шри Ауробиндо, Кришнамурти, Матери, Дж. Неру, Ганди, и других. Это «Махабхарата», «Рамаяна», Веды, Упанишады и другие;

— Книги естественнонаучного профиля: труды К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского, труды современных учёных по открытиям и разработкам в области физики, химии, биологии, космоса, медицины, экологии и др.;

— Тезисы и труды научных и общественных конференций (1951–2013), в том числе конференции «Рериховское наследие» (2001–2016);

— Авторефераты диссертаций различных специальностей, в том числе научных сотрудников Музея-института семьи Рерихов;

— Издания Музея-института семьи Рерихов (2001–2016);

— Каталоги и буклеты прошедших выставок, проходивших в нашем, а также в других отечественных и зарубежных музеях;

— Классика мировой художественной литературы;

— Справочная литература: энциклопедии, словари, всевозможные справочники;

— Журналы на русском языке различной тематики;

— Журналы на иностранных языках;

— Номера газет 1990-х годов со статьями рериховской тематики;

— Газетные и журнальные статьи о Рерихах, их окружении и последователях (1934–2016).

Погружаясь в эту информационную бездну, иерархическая лестница рубрик ББК (в «поиске для умников» это алфавитно-предметный указатель — АПУ), являясь ключом для тематического входа в ЭК, позволяет отобрать книги по самым узким вопросам с обобщением до отраслевого уровня, регулируя их по полноте, точности и глубине. Ниже приведены несколько примеров тематических запросов, удовлетворить которые достаточно нескольких секунд. Для наглядности примеры представлены вместе с полными индексами поисковых образов запроса (ПОЗ), главные тематические и формальные элементы (рубрики) которых выделены жирным шрифтом (в примере 1 показана тематическая иерархия).

Пример 1. Иллюстрированные и неиллюстрированные каталоги выставок в музеях России произведений Н. К. Рериха.

85.103(2)6-8Рерих Н.К.,4 л612 я26 я61 + 85.101.3(2)-2 я26 я61 — полный индекс поискового образа запроса (ПОЗ), состоящий из 2-х сложных индексов и в сумме из 20-ти элементов, входящих в 10 тематических рубрик:

85.103 — ИСТОРИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

85.10 — ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО В ЦЕЛОМ

85.1 — ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА

85 — ИСКУССТВО. ИСКУССТВОЗНАНИЕ

(2) — РОССИЯ. СССР. РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ (ТТД)

(...)6 — XX век

85...(...)...-8...,4 — ТВОРЧЕСТВО ДЕЯТЕЛЯ ИСКУССТВА (СТД)

85...(...)...-8 — ПЕРСОНАЛИИ ДЕЯТЕЛЕЙ ИСКУССТВА (СТД)

Рерих Н.К. — ФАМИЛИЯ ДЕЯТЕЛЯ ИСКУССТВА

л612 — ВЫСТАВКИ (ОТД)

л61 — МУЗЕИ. ВЫСТАВКИ (ОТД)

л6 — УЧРЕЖДЕНИЯ ПО ХРАНЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ ПРИРОДЫ, ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ (ОТД)

л — ОРГАНИЗАЦИИ И УЧРЕЖДЕНИЯ (ОТД)

я26 — КАТАЛОГИ. ПЕРЕЧНИ (СПИСКИ) ПРЕДМЕТОВ, ЯВЛЕНИЙ (ОТД)

я2 — СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ (ОТД)

я61 — ИЗОИЗДАНИЯ: альбомы и др. (ОТД)

я6 – НЕТЕКСТОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ (ОТД)

85.101.3 – ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ ИСКУССТВА, ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МУЗЕИ, КОЛЛЕКЦИИ И СОБРАНИЯ МИРА И ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

85.101 – ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ ИСКУССТВА. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МУЗЕИ, КОЛЛЕКЦИИ И СОБРАНИЯ

85.101.3(…)-2 – ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МУЗЕИ, КОЛЛЕКЦИИ И СОБРАНИЯ (СТД)

Отобрав в АПУ все 10 главных элементов (рубрик) полного индекса ПОЗ и включив логику «и» для участия их всех одновременно в поиске, результат порадует ищущего: все найденные издания полностью соответствуют теме запроса. В данном случае выявлены все иллюстрированные каталоги, но, удалив из поискового списка рубрику общего типового деления (элемент индекса) “ИЗОИЗДАНИЯ: альбомы и др. (ОТД) – .я61”, Читатель получит список всех каталогов: иллюстрированных и неиллюстрированных.

Выделить только неиллюстрированные каталоги также не составит большого труда: для подобного случая в ИРБИС предусмотрен уточняемый запрос, который с помощью логических операторов (“И”, “ИЛИ”, “НЕТ”) управляет присутствием (или отсутствием) любого элемента индекса. Исключив из запроса с помощью логического оператора «нет» элемент индекса “.я61”, читатель получит список каталогов выставок без иллюстраций.

Пример 2. Индийская поэзия XX века

84(5Инд)6 – полный индекс поискового образа запроса (ПОЗ), состоящий из 4-х элементов, входящих в 3 тематические рубрики:

84 – ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА (ПРОИЗВЕДЕНИЯ)

(5Инд) (ОТД) – ИНДИЯ

(…)6 – XX век

Пример 3. Искусство древнетюркских народов

63.521(=630)-72 – полный индекс поискового образа запроса (ПОЗ), состоящий из 8-и элементов, входящих в 3 тематические рубрики:

63.521 – ЭТНОЛОГИЯ СЕМЕЙ, ГРУПП И ОТДЕЛЬНЫХ НАРОДОВ

(=630) – ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ НАРОДЫ (ЭТД)

63.5…(…)-72 – НАРОДНОЕ ИСКУССТВО (СТД)

Пример 4. История декоративно-прикладного искусства Алтая

85.123(253.37) – полный индекс поискового образа запроса (ПОЗ), состоящий из 9-х элементов, входящих в 2 тематические рубрики:

85.123 – ИСТОРИЯ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА

(253.37) – АЛТАЙ В РОССИИ (ТТД)

Пример 5. Сборники трудов конференций, посвящённых Ю.Н. Рериху

7 д(2)6 Рерих Ю.Н.я431 – полный индекс поискового образа запроса (ПОЗ), состоящий из 8-и элементов, входящих в 6 тематических рубрик:

7 – КУЛЬТУРА. НАУКА. ПРОСВЕЩЕНИЕ

.д – ПЕРСОНАЛИИ РАЗЛИЧНЫХ СФЕР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ОТД)

(2) – РОССИЯ. СССР. РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ (ТТД)

(...)6 – XX век

Рерих Ю.Н. – ФАМИЛИЯ ДЕЯТЕЛЯ КУЛЬТУРЫ, НАУКИ, ПРОСВЕЩЕНИЯ

.Я431 – ТРУДЫ КОНГРЕССОВ, СЪЕЗДОВ, КОНФЕРЕНЦИЙ, СОВЕЩАНИЙ, ЧТЕНИЙ (ОТД)

Пример 6. Н.К. Рерих о нравственном воспитании

85.103(2)6-8Рерих Н.К.,3 + 74.005.1 + 87.772 + 87.813.2– полный индекс поискового образа запроса (ПОЗ), состоящий из 4-х сложных индексов и в сумме из 22-х элементов, входящих в 8 тематических рубрик:

85.103 – ИСТОРИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

(2) – РОССИЯ. СССР. РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ (ТТД)

(...)6 – XX век

85...(...)...-8...,3 – МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕЯТЕЛЯ ИСКУССТВА (СТД)

Рерих Н.К. – ФАМИЛИЯ ДЕЯТЕЛЯ ИСКУССТВА

74.005.1 – НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ

87.772 – МОРАЛИСТИКА И НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

87.813.2 – ПРЕКРАСНОЕ И НРАВСТВЕННОЕ

Можно гордится сколь угодно прекрасной библиотекой, но как жаль, когда, к примеру, любознательный читатель, озабоченный проблемами сохранения цивилизации на Земле, не найдёт такую книгу, как труд русского учёного-физика Ильи Львовича Герловина(1919–1993) «Основы единой теории всех взаимодействий в веществе». В ней делается попытка подсказать человечеству, как помириться с Природой и избежать экологической катастрофы. Эта книга проиндексирована так,

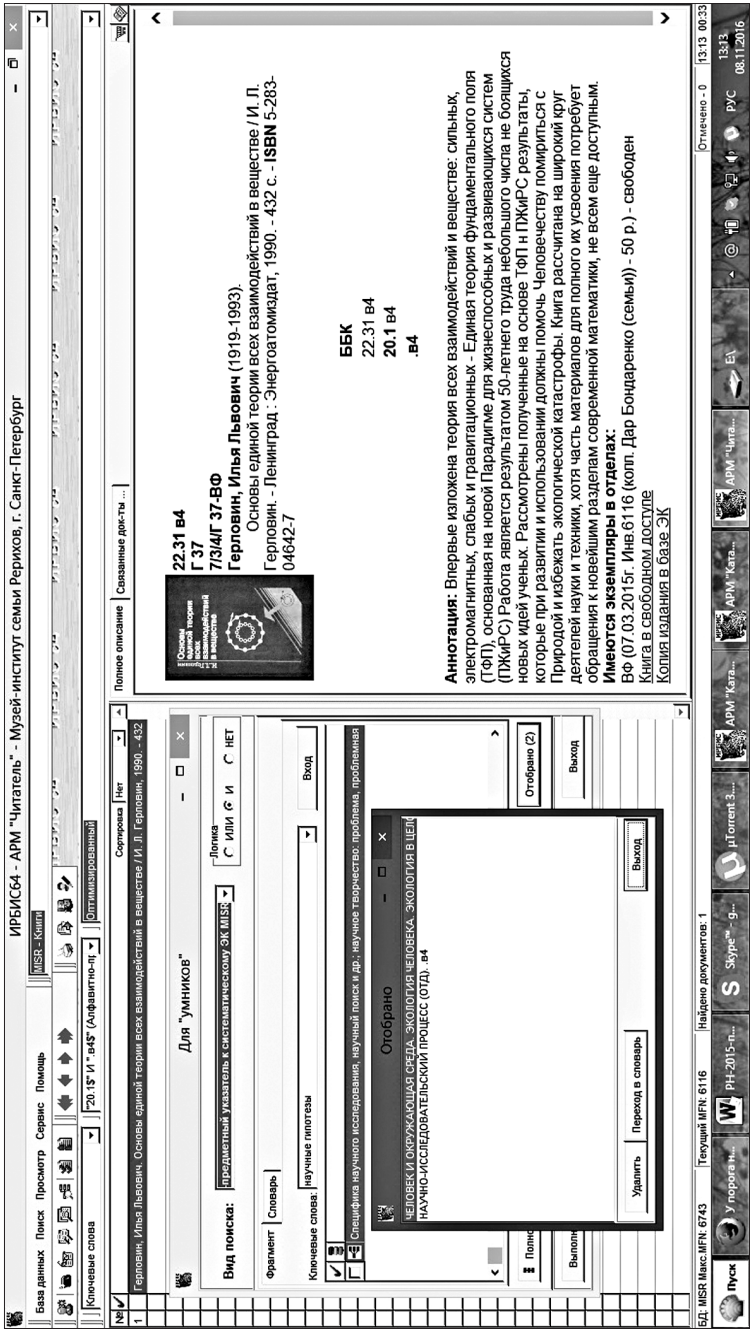


Рис. 12. Поиск книги по 8-и элементам полного индекса ББК, адекватного её содержанию

что читатель найдёт её по любой из следующих рубрик ББК, на которые его выведет либо иерархия системы (предпочтительно для начинающего пользователя нашим электронным систематическим каталогом для лучшего ознакомления и ориентировки), либо через любой фрагмент этих рубрик, вплоть до одной лексической единицы из них (рис. 12):

— ЧЕЛОВЕК И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА. ЭКОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА. ЭКОЛОГИЯ В ЦЕЛОМ (Взаимодействие человека с природной средой и средой, созданной самим человеком: окружающая среда и НТП, концепция экоразвития и др. Экологическое воспитание и образование населения. Урбоэкология. Сельскохозяйственная экология в целом. Инженерная (промышленная) экология в целом. Экология литосферы, гидросферы и атмосферы в целом. Глобальная экология, глобальные кризисные явления в экологии: опустынивание Земли, исчезновение многих видов растений и животных, деградация многих тысяч рек и озёр и др. Экологические катастрофы. Ноосфера. Статистика окружающей среды) — 20.1;

— ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В ЦЕЛОМ — 20;

— ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ФИЗИКА (Квантовая теория поля или теория квантованных полей: квантовая электродинамика и др.) — 22.31;

— НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЦЕСС (Специфика научного исследования, научный поиск и др.; научное творчество: проблема, проблемная ситуация, научное открытие, гипотеза: проверка, подтверждение, опровержение и др.) (ОТД) — .в4

Таким образом, пользователям нашим электронным каталогом предоставляется уникальная возможность осуществить поиск как вербальный (доступный, простой и оперативный), так и классификационный (вдумчивый, позволяющий рассмотреть структуру ББК и полную базу знаний нашей библиотеки). Любознательному читателю мы вручаем инструмент в виде электронного систематического каталога с предметным входом в него через иерархическую базу АПУ.

«...Вполне естественно желание каждого мыслящего человека жить в стране Культуры. Но для этого каждый мыслящий человек должен неустанно вносить культурные основы как в общественную, так и в личную жизнь. Богатство само по себе ещё не даёт Культуры. Но расширение и утончение мышления и чувство Красоты дают ту утончённость, то благородство духа, которым и отличается культурный человек. Именно он может строить светлое будущее своей страны»[7]. «Культура покоится на Красоте и Знании»[8].

И мы счастливы возможности дать всем желающим чудесный ключик к «Сокровенным Вратам» в этот удивительный духовный мир под названием «Научная библиотека Музея-института семьи Рерихов». Добро пожаловать!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Рерих Н. К.* Сокровище дома. Обращение к Конвенции библиотекарей в Нью-Йорке 1930 года // *Рерих Н. К.* Держава Света. М.: Сфера, 1999. С. 173.

[2] Там же. С. 172.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 173.

[5] *Лукьяненко Г. Н.* Электронный каталог как поисковая система // Библиотека. 2011. № 1. С. 26–31 (Информационные технологии); *Лукьяненко Г. Н.* Поэлементное индексирование по ББК (на примере электронной Лермонтовской библиотеки) // Труды международного библиографического конгресса (Санкт-Петербург, 21–23 сентября 2010 г.). Ч. 2. СПб.: Российская нац. б-ка, 2012. С. 251–259.

[6] В этом обзоре рассматриваются издания из собрания научной библиотеки, не включающие Фонд редкой книги (ФРК) СПб ГМИСР — Прим. ред.

[7] *Рерих Н. К.* Держава Света. Москва: Сфера, 1999. С. 153.

[8] Там же. С. 227.

П. И. КРЫЛОВ
(Санкт-Петербург)

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КНИГИ «ИНДИЙСКИЙ ПУТЬ», ВЫПУЩЕННОЙ В СЕРИИ «ЩЕДРЫЙ ДАР» МУЗЕЕМ-ИНСТИТУТОМ СЕМЬИ РЕРИХОВ (2015)

(Стенограмма выступления на конференции «Рериховское наследие»)

Дорогие друзья!

Я не буду пересказывать эту книгу. Мне кажется, что пересказывать книгу — занятие неблагодарное. Это всё равно, что, например, пересказывать фильм или сон. Фильмы и сны надо смотреть, книги — читать. Мы поступим иначе. Во время этого короткого выступления на экране будут сменять друг друга иллюстрации из книги. В книге они маленькие и чёрно-белые, а на экране — большие и цветные. По ним можно будет составить общее впечатление о содержании «Индийского пути», о включённых в книгу статьях и очерках.

Тем временем мне хотелось бы поговорить немного о другом. В процессе работы у меня не раз возникал вопрос: а нужно ли вообще писать подобные книги? Если да, то кому они нужны, кому должны быть адресованы?

У меня, человека, который сформировался в основном в советское время, в голове до сих пор много мифологем того времени типа «его имя навечно в памяти народной». С возрастом понимаешь, что это не так, потому что, во-первых, навечно вообще ничего не бывает — материки опускаются, вместе с ними целые цивилизации оказываются на дне океана... Во-вторых, «память народная» по сути очень короткая. Если постоянно не подновлять её, не делать этой памяти «инъекции» — она исчезает.

Вы можете сказать, что я сгущаю краски. Приведу в качестве примера случай, который произошёл уже достаточно давно — лет восемь, если не больше назад. Одной моей знакомой дети подкинули внучку. Внучка маленькая, недавно научилась читать и с удовольствием поглощала одну за другой детские книжки. Бабушка, чтобы чем-то её занять, дала книги, которые нашла дома. Вскоре внучка прибегает и спрашивает: «Бабушка, бабушка! Книжка очень интересная, я только одного не поняла — кто такой “юный ленинéц”?» Уже восемь-десять лет назад для маленькой девочки «юный ленинец» был абстрактным понятием, как, скажем, «добрый молодец».

Вы можете мне возразить, что с Рерихами этого произойти не может. Рерихи уж точно навечно в памяти народа. Мы же есть. Мы же жрецы этого имени, мы делаем всё, что можно, чтобы этого не случилось. А что, собственно, мы делаем? Вот мы собираемся на ежегодных конференциях, но ведь на них и так все всё про Рерихов знают. Потом Владимир Леонидович [Мельников — ред.] издает зелёные сборники «Рериховское наследие». Хорошие сборники, спору нет, только вопрос — кто их читает? Правильно, мы же сами и читаем.

Я приведу ещё один пример. Выставочный зал «Манеж», 2010 год, выставка «Рериховский век». Финальный аккорд — такое ежегодное спортивное молодёжное мероприятие, которое называется «Ночь музеев». В этом соревновании побеждает та команда, которая за ночь умудрится посетить больше музеев, чем другие. Я немножко утрирую, но спортивный элемент присутствует, не раз в этом убеждался. Хотя, конечно, лучше так побывать в музее, чем никак. И вот, 2010 год, «Манеж». Я дежурил в одном из залов. В середине ночи меня ненадолго подменили, и я спустился вниз, в кафе. Кафе не работало, но можно было сесть на стул и вытянуть ноги. Не успел я сесть, как за соседний столик с шумом плюхается небольшая компания мальчишек лет по двенадцать-тринадцать. И один возбуждённо обращается к друзьям: «Нет, вы поняли? Этих Рерихов было целых пять! Старший, как его... Борис. У него был сын Юрий. Дальше... дальше забыл». Вы понимаете, это ведь не уличная шпана! Это дети из культурных семей, которые решили провести ночь, путешествуя по музеям, потратили родительские деньги на билеты, а не на что-нибудь там ещё. Так что не будем обольщаться по поводу Рерихов.

Вы не хуже меня знаете, что сейчас, в связи со всеми последними событиями, в сети Интернет очень широко обсуждается рериховская тема, тема рериховского наследия, тема рериховского движения. Одна женщина написала: «А вы посмотрите на средний возраст участников современного рериховского движения!». И я подумал: а ведь она права! Смотришь заседание в Общественной палате РФ и думаешь: знакомые всё лица, и они, увы, не молодеют. Молодёжи нет... То есть она, конечно, есть, но в виде того исключения, которое, как известно, подтверждает правило. Так что рериховское движение, видимо, скоро исчезнет — по чисто демографическим причинам. Та же дама в дискуссии сравнила современное рериховское движение с банкой со скорпионами. Мол, молодёжь подходит, но, увидев её, отходит, не приблизившись...

И вот о чём ещё я подумал. Согласитесь, что у людей моего поколения (шестидесяти плюс-минус пяти лет), не говоря уже про людей, которые старше, интерес и любовь к Рерихам сформировались в то время, когда Рерихи в СССР были запрещены. Не совсем, конечно запрещены, как вы понимаете. Но тогда невозможно было представить, что на при-

лавках будут открыто лежать книги Живой Этики, «Основы буддизма», «Криптограммы Востока»... Все они копировались и распространялись подпольно. Как известно, запретный плод сладок, и элемент запретности в формировании рериховского движения сыграл немалую роль. Вот если сейчас взять и запретить Рерихов и Живую Этику, книги из библиотек изъять, сайты заблокировать, за хранение на дому ввести статью уголовного кодекса... Это шутка, но я уверен, что через несколько лет появилась бы новая генерация молодых рериховцев, которые стали бы дело делать, а не выяснять отношения друг с другом.

Я не принадлежу ни к какой организованной форме рериховского движения, это не моё... Моё дело — «инъекции памяти».

Мне очень хотелось, чтобы «Индийский путь», оставаясь достаточно серьёзной книгой, был бы интересным. Я очень благодарен Маргарите Фёдоровне Альбедиль, автору многих (интересных!) книг об Индии, индуизме и буддизме, которая написала замечательное предисловие. В нём она заметила, что «Индийский путь» по увлекательности может соперничать с детективом. Это, конечно, сильное преувеличение. Насколько книга получилась интересной — судить вам. А, кроме того, моя мечта, чтобы она вышла из довольно герметичного рериховского круга, чтобы её прочитали и другие люди.

Благодарю за внимание!

Е. С. СОБОЛЕВА

(Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН; Санкт-Петербург)

ПРОГРАММЫ ПО ВОСТОКОВЕДЕНИЮ В РАБОТЕ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО РАДИОУНИВЕРСИТЕТА В 1920-Е ГОДЫ[1]

В тяжёлые годы послевоенной и послереволюционной разрухи в России удалось ликвидировать неграмотность широких народных масс. В 1920–1930 годы было реализовано несколько беспрецедентных проектов с использованием всего культурного фонда страны. Так, Отдел внешкольного образования Комиссариата Народного Просвещения 14 ноября 1918 года обратился к администрации музеев г. Петрограда с просьбой, чтобы музеи были *«открыты всю неделю и непременно все праздничные и воскресные дни и четверги для обзора их экскурсантами и всеми желающими»*. При этом *«добавочная плата служащим, если таковая испрашивается, будет произведена Комиссариатом Народного Просвещения, согласно ставкам профессиональных союзов»*[2].

Кампания по ликвидации неграмотности разворачивалась в России последовательно и упорно. С 1919 года декретом Совнаркома ставилась задача обучить началам грамоты всё население страны в возрасте от 8 до 50 лет. Изначально упор делался на обучение трудящихся (прежде всего, рабочих), а во второй половине 1920 годов — крестьян, поскольку уровень грамотности городского и сельского населения разительно различался. В программы ликбеза («ликвидации безграмотности») вводился курс политграмоты.

В этих условиях в Ленинграде в 1924 году начал разрабатываться уникальный проект использования средств радиовещания для просветительских целей. Его задачи и основные направления развития раскрывают документы Санкт-Петербургского Филиала Архива РАН, особенно подробно представлены материалы начального периода (1928 года).

В декабре 1924 году в Ленинграде образовано Северо-Западное областное отделение акционерного общества «Радиопередача»; с 1928 года — широковещательный радиоузел (в 1930 году преобразован в Ленинградский радиоцентр Северо-Западного управления связи; с 1931 года — Ленинградский областной комитет по радиофикации и радиовещанию при Леноблисполкоме) [**1**, 83]. 1 июня 1927 года писатель Николай Николаевич Никитин[3] и профессор Николай Петрович Каменщи-

ков[4] предложили организации проект Народного Радиоуниверситета *«для обслуживания широких масс рабоче-крестьянского молодняка, имеющего самый минимальный объём знаний (сельская школа)»*. Предлагалось одновременно создать Рабочий факультет и Крестьянский факультет, 8-месячный курс занятий с 1 октября по 2 июня, читать по радио две лекции по 30 минут в день (всего следовало транслировать 384 лекции), Ленинградскому Радиоузлу Народного Комиссариата Почт и Телеграфов СССР и издательству выпустить параллельно лекциям краткие конспекты с добавочными учебными пособиями. Один курс охватывал точные и естественнонаучные предметы, второй — общественно-политические предметы; для крестьян предстояло подготовить *«вопросы науки и сельского хозяйства (агрономия)»*[5].

Учебный план включал общеобразовательные предметы (биология, физика, химия, математика, астрономия, география, русская литература — всего 166 часов, рабочий факультет — 185 часов), общественно-политические предметы (политическая экономия, экономическая политика, история революционного движения в России (ВКП(б)), методика самообразования — 100 часов), дополнительное (профсоюзное движение, диалектический материализм, гигиена и физкультура — 40 часов), дополнительно сельское хозяйство (агрономия, советское строительство (революционная законность), Политпросвет в деревне, гигиена и физкультура, кооперативное строительство — 24 часа) [**1**, 2].

В 1928 году в Ленинграде сложились технические условия для создания Радиоуниверситета. По инициативе ВЛКСМ в стране начался т. н. культпоход. В стране проходила массовая радиофикация, конечной целью которой было установить радиоточки в каждом доме. Появились радиособрания, радиомитинги в поддержку новых планов пятилеток. Каждое лицо, имеющее радиоприёмник, обязано было зарегистрировать его и получить специальную карточку регистрации, которую следовало отметить в домоуправлении.

5 августа 1928 года инициативная группа (тт. Рафаил[6], Мерварт, Конрад, Подкопаев, Каменьщиков, Натансон, А. Криштофович[7], Гурвич, Стириус[8], Аронсон) обсудила проект Народного Радио-Университета и предложила тов. Гурвичу и Рафаилу написать письмо в газету «Ленинградская правда». «Красная газета» 5 августа 1928 года в вечернем выпуске объявила об открытии первого в СССР радиоуниверситета; начало курса, состоящего из 7 лекций, назначено на октябрь [**4**].

Решено было готовить лекции, рассчитанные на 40 минут эфира, на 5 дней в неделю, т. е. 160 курсовых и 32 эпизодических лекций в учебный год. В Совет будущего Радио-Университета вошло 15 чел., в состав

Правления — 5 чел., в Комиссию для образования плана — 5 чел. (Рафаил, Мерварт, Каменьщиков, Натансон, Подкопаев), представитель Радиовещательного узла — Стириус[9].

Отметим, что в совещании участвовали не только журналисты и партийные работники, но и немало сотрудников Академии наук. Учёный хранитель, заведующий отделом Индии Музея антропологии и этнографии (далее — МАЭ) Александр Михайлович Мерварт (1884–1932), в частности, имел богатый практический опыт полевой этнографической работы, преподавания в вузах разного профиля, научной и музейно-просветительской практики, как в России, так и за рубежом. Он внёс несколько предложений: на первый год ограничиться 4–5 дисциплинами, исходя из вопросов современности, например, в связи с политическими событиями в Индии и Китае всесторонне осветить Восток; в целях морального укрепления народного университета со временем связать его с Академией наук; возможно, через несколько лет вообще весь университет будет пользоваться радио[10].

А. М. Мерварт возглавил сектор «Культуроведение». Он разработал подробную программу первого цикла А по курсу «Развитие культуры человечества», рассчитанную на 2–3 года и призванную *«осветить начало и первые шаги на пути культурного развития»*. Подготовить лекции согласились сотрудник МАЭ антрополог Б. Н. Вишневский[11] (11 лекций «От зверя к человеку / естественная история человечества»), проф. ЛГУ Б. Л. Богаевский[12] (11 лекций «Первые культурные завоевания (доисторические культуры)»), проф. И. И. Мещанинов[13] (6 лекций «Возникновение и распространение языка») и сам А. М. Мерварт (12 лекций «Жизнь современных первобытных обществ (введение в этнографию)»). На второй год предполагалось продолжение ряд курсов по развитию хозяйственной культуры (техники, торговли, ухода за телом, строительства и т. д.), на третий год — по развитию общественных форм и мысли.

По второму циклу Б сектора «Культуроведение» — «Проблемы современного Востока и Запада» предполагалось подготовить два курса. По одному согласился выступить проф. Н. И. Конрад[14] («Проблемы Дальнего Востока», т. е. историко-бытовой очерк Китая, Кореи и Японии и их взаимоотношений за последнее время, всего 8 лекций). А к другому курсу «Тихоокеанские проблемы» (также 8 лекций) предполагалось привлечь членов и сотрудников Тихоокеанского Комитета АН.

Заметим, что Постоянный Тихоокеанский комитет АН СССР был учреждён 30 ноября 1927 года. На 16–25 мая 1929 года в Батавии и Бандунге на о-ве Ява был намечен Четвёртый Тихоокеанский научный конгресс (Fourth Pacific Science Congress). О современной ситуации в этом регионе в нашей стране было известно мало. Дипломатические отно-

шения между Нидерландами и советской Россией были разорваны ещё в 1918 году, и гражданам СССР получить визу в Нидерландскую Индию было практически невозможно. Дирекции МАЭ в конце XIX — начале XX веков удалось приобрести значительные коллекции из островной Юго-Восточной Азии. Заведующая отделом Индонезии МАЭ Людмила Александровна Мерварт (1888–1965) выявляла, изучала и публиковала индонезийские собрания в музеях СССР, сумела организовать покупку для МАЭ коллекции яванских театральных принадлежностей (1926), а затем обмен этнографическими коллекциями и публикациями между МАЭ и лейденским Государственным Музеем народоведения (1928). Так что включение в лекционный курс проблематики по тихоокеанскому региону делало программы Радиоуниверситета ещё более актуальными и оперативными.

Третий цикл сектора «Культуроведение» — «Русская и западноевропейская литература» предполагалось читать *«не по хронологическим периодам, а по темам, причём основой темы может служить или содержание литературных произведений, или какой-нибудь формальный признак (роман, драма, лирика и т. д.)», например, «Общественники и революционеры в русской литературе»*[15].

С октября 1928 года Народный Радио-Университет в документах называется «Рабоче-Крестьянский Радио-Университет» (далее — РКРУ). Ректором его стал Н. Н. Никитин, заведовали факультетами: естественно-историческим — проф. Н. П. Каменьщиков, культурологическим — проф. А. М. Мерварт, радиотехники — проф. Петровский[16] и инженер Окинин[17], сельскохозяйственным — тов. Зиньковский. Открытие Университета было намечено на 16 октября 1928 года, трансляция лекций — ежедневно, кроме воскресенья, от 18.20 до 19 час.

А. А. Петровский разработал программу по проблеме «электричество» на 30 и 9 тем[18]. Но опыта обучения техническим дисциплинам по радио практически не было. Гуманитарные темы были более разработаны.

В заседании 18 сентября 1928 года тов. Мерварту и Каменьщикову было поручено предоставить к 1 октября 1928 года список лекторов по программе двух циклов РКРУ и расписание лекций на ближайший месяц. Тексты лекций должны быть представлены, как правило, в напечатанном виде (около 25 000 печатных знаков (13 стр.) на машинке, 1 сторона, в 2 переноса) на 1 месяц в 2 экз., оригиналы возвращать автору. В крайнем случае, вместо автора текст лекции мог прочесть диктор. Всем лекторам заблаговременно разослать приглашения, отмечая, что право авторства на лекции остаётся за лектором, а преимущество печатаного издания — за РКРУ[19]. Гонорар за предоставление текста устанавливался в 35 руб., за устную лекцию — 20 руб.[20]. Для лекторов

были составлены методические записки относительно «составления лекций для радио»[21].

А. М. Мерварт предложил следующий план радиолекций для Народного Радио-Университета по сектору «Культуроведение»:

I. Развитие человеческой культуры.

1) От зверя к человеку 5 час. — Б. В. Вишневский: а) развитие органов, творящих культурные ценности; б) типы человечества и расселение их по земле; в) человек и окружающая его природа (климат, географические условия).

II. Развитие хозяйственных форм и материальной культуры.

2) На заре человеческой культуры 7 час. — проф. Б. Л. Богаевский: а) быт человека древнекаменного века, б) новокаменного века, в) роль меди, бронзы и железа в развитии культуры, г) главные типы и центры распределения доисторической культуры, д) доисторические торговые пути и торговые отношения, е) доисторические верования.

3) Современные первобытные общества 9 час. — А. М. Мерварт: а) быт собирателей, б) охотников, в) мотыжных земледельцев, г) скотоводов, д) плужных земледельцев, е) первобытная техника и ремёсла, ж) торговые отношения.

4) Покорение природы (развитие техники) (блок), разные лекторы по специальности: а) технические достижения древности и средних веков, б) от средних веков к веку пара, в) технические достижения, связанные с использованием пара, г) изменения жизни человека в век электричества, д) достижения наших дней и их дальнейшие возможности, е) развитие торговых путей и сношений.

III. Развитие общественных форм — 10 час. (разработка этого курса предоставляется Сектору Обществоведения).

IV. Развитие словесной и художественной культуры.

1) Языки и письмо — 4 часа: а) язык и культура, б) происхождение языка, в) основные формы языков, г) движение языков по земле — М. И. Мещанинов.

2) Развитие литературы: а) основные формы народного литературного творчества (фольклор) — А. И. Никифоров[22].

3) Советская литература — 12 час.

4) Искусство и социалистический строй — 8 час.

5) Проблемы империализма — 15 час.: а) проблемы Востока — 1. Дальне-Восточная проблема — 6 час., 2. Ближний Восток — 3 час. б) проблемы Запада — 6 час.[23].

Программа А. М. Мерварта «Хозяйство и быт современных первобытных племён» была рассчитана на 3–4 лекции:

а) Причины культурной отсталости многих племён. Географическое распределение первобытных племён в настоящее время. Вымирание пер-

вобытных племён. Связь между хозяйством, общественными формами и религиозными представлениями.

б) Племена собирателей и охотников. Племена кубу на Суматре и андаманцы как пример этой ступени хозяйственного быта.

в) Зачаточное или мотыжное земледелие.

г) Скотоводческие племена. Приручение животных. Преобладание мужского труда над женским. Возникновение групп, возглавляемых старшим мужчиной (патриархат). Основные элементы религиозных представлений у скотоводов. Примеры тода в Южной Индии и тунгусские племена Сибири.

д) Быт земледельческих племён. Их общественные организации. Влияние осёдлости на культурное развитие. Возникновение основных ремёсел и их специализация. Земледельческие культы.

е) Пути сообщения, транспорт и торговля первобытных племён. Способы передачи сведений на расстояние у бесписьменных племён. Первобытные деньги» [**1**, 54–55].

Эти темы он уже раскрыл в своих лекциях и хотел развить в предполагавшихся книгах и учебниках по истории и культуре Индии.

9 октября 1928 года А. М. Мерварт представил концепцию цикла «Культуроведение» для 1-го Рабоче-Крестьянского Университета по радио:

«Первый цикл лекций нового Радио-Университета заканчивается описанием человека как последнего звена в бесконечно долгом развитии жизни на земле. К нему естественно примыкает круг лекций, в которых человек рассматривается уже не как один из родов животных, а как создатель культурных ценностей. В этом цикле делается попытка в очень сжатом виде и в то же время доступном виде дать представление о том многовековом тяжёлом пути, который человеку пришлось пройти до наших дней. Самое важное и трудное в развитии человеческой культуры — это первые шаги. Величайшие завоевания, обеспечившие человеку победу над другими животными и над природой, были сделаны безвестными гениями в бесконечно отдалённые эпохи. Самое важное в этом процессе было образование производственных групп. Таким путём совместная организация работы, вырабатывая рабочую дисциплину, повиновения более ловким и опытным человеку удалось добиться того исключительного места в природе, которое он сейчас занимает. На этой необходимости общения между собой для производства возник язык как наиболее целесообразное средство для организации работы. С осложнением трудовых процессов происходит разделение труда, образуются классы и дифференцируется общество. Это в свою очередь отражается на общественных формах, на развитии языка, литературы и искусства.

На этих основных идеях построена программа цикла культуроведения. Сначала будут сообщаться сведения об эволюции тех качеств, которые выделяют человека в особую группу животных, о древнейших типах человека и возникновении человеческих рас. К этому курсу, рассчитанному на 6 часов, примыкает естественно группа лекций, в которых будут излагаться первые культурные достижения: создание орудий из разных материалов: кремня, меди, бронзы и железа — развитие жилища и т. д., соответственно с этим эволюция и древних общественных форм, и возникновение разных представлений о природе или видимом мире. Так как наши сведения о древних людях — т. н. доисторическом человеке — строятся исключительно на тех случайных остатках, которые благодаря устойчивости материала сохранились в земле в течение тысяч и десятков тысяч лет, мы дополняем наши познания о первобытном человеке теми наблюдениями, которые мы сейчас ещё можем делать над разными племенами, отставшими в культурном развитии. Поэтому 3-я группа лекций (8 ч.) посвящается первобытным хозяйственным формам от дикарей, живущих собиранием лесных плодов и корений, вплоть до земледельцев, обрабатывающих земли сохой. На примере целого ряда первобытных племён будет показана генетическая связь между формами хозяйства и общественными формами с одной стороны и всеми проявлениями культуры с другой стороны. К последним относятся язык и народное творчество, основные элементы которых в связи с хозяйственным бытом будут выявлены в двух группах лекций, по 4 часа каждая. Следующая группа, рассчитанная на 16 час., должна ввести слушателей в те грандиозные успехи техники, благодаря которым человек завершает свою победу над природой и вследствие которых в корне изменились формы хозяйственной жизни. Естественным результатом переворотов в хозяйственной жизни является выдвижение новых классов, руководящих обществом и создающих свои формы социальных взаимоотношений. Поэтому заключительной темой лекций по эволюции культуры является "Развитие общественных форм" (8 час.).

Наряду с этими лекциями, цель которых дать сжатую картину эволюции культуры, предполагается также дать популярно-научное освещение тех явлений и проблем, которые выдвигаются нашей современностью. В нынешние годы будет дано обозрение главных течений современной русской литературы с анализом её общественной значимости.

Успех этих лекций будет в значительной мере зависеть от сотрудничества т. т. слушателей, т. е. от числа и продолжительности тех вопросов, которые они будут ставить в письменном виде нашим лекторам. Только таким образом будет установлен тот живой контакт, в котором мы видим залог успеха молодого культурного начинания»[24].

Грандиозный план преподавания постепенно приобретал более конкретные формы, усиливалась идеологическая составляющая:

«Естественные науки.

1) Законы и процессы Вселенной. 1. Число, мера и землемерие — 6 часов. 2. Строение вещества и основные законы природы — 16 час. 3. Звёздный мир и эволюция Вселенной — 10 час. 4. Наша земля — 8 час.

2) Возникновение и развитие жизни. 1. История земли — 10 час. 2. Происхождение жизни — 7 час. 3. Жизнь растений — 6 час. 4. Живёт мир и человек — 9 час. 5. Строение и работа человеческой машины — 8 час.

Культуроведение.

А 1. От зверя к человеку — 5 час. 2. На заре культуры — 6 час. 3. Современное первобытное общество — 7 час. 4. Возникновение и развитие речи — 4 час. 5. Народное творчество — 4 час. 6. Покорение природы — 16 час. 7. Развитие общественных форм — 8 час.

Б. Современная литература 12 час.

Обществоведение.

А. Ленинизм. 1. Теория революции и вопросы экономической политики — 5 час. 2. Крестьянство и пролетарская революция — 3 часа. 3. Национальные освободительные движения — 2 часа. 4. Строительство социализма в СССР — 1 час. 5. Партия и Коминтерн — 2 часа. 6. Вопросы текущей политики — 3 часа.

Б. Хозяйство СССР и вопросы экономической политики — 16 час.

В. Современный Восток. 1. Европа и Америки на Востоке — 2 часа. 2. Китай — 4 часа. 3. Япония — 2 часа. 4. Современная Манчжурия — 1 час. 5. Монголия — 1 час. 6. Бытовая и политическая жизнь Индии — 4 часа. 7. Восток и мировая революция — 2 часа» [**1**, 24].

Позже А. М. Мерварт разработал план курса «Социология искусства»:

I. Происхождение искусства.

Происхождение танцев. Происхождение живописи. Обработка орудий труда. Происхождение песни, музыки и поэзии. Характер первобытного искусства.

II. Феодальное и дворянское искусство.

Искусство Египетских землевладельцев. Феодальная Греция. Европейское феодальное искусство (Романский стиль). Характеристика искусства классов натурального хозяйства. Абсолютизм. Придворное искусство Франции XVIII века. Дворянское искусство в России.

III. Искусство ремесленников и торгово-промышленной буржуазии. Византийская Греция. Искусство средневековых цехов и гильдейской буржуазии (готика). Ренессанс, Голландия XVII век. Ампир. Буржуазный романтизм. Импрессионизм.

IV. Мелкобуржуазное искусство XIX и XX века.

Европейский реализм половины XIX века. Русское передвижничество. Кубизм. Искусство «круга и квадрата», супрематизм. Футуризм. Экспрессионизм. Беспредметничество. Характеристика мелкобуржуазного искусства.

V. Развитие типов искусства и их формально-технические стороны.

Монументальное и станковое искусство. Портрет. Религиозно-мифический жанр. Бытовой жанр. Пейзаж и натюрморт. Изображение движения. Перспектива и свет краски.

VI. Форма и содержание в искусстве.

Материал, форма и содержание в искусствах. Задачи и содержание в искусстве. Теория «чистого» и «утилитарного» искусства. Форма в искусстве. Значение формы и содержания. Относительность понятия красоты[25].

Эти далеко идущие планы А. М. Мерварта позволяли планировать тематику лекций по радио на несколько лет вперёд.

Отметим, что темы народной жизни в странах Востока освещались специалистами в самых первых радиопередачах, в них не могла не звучать тема международного положения. А. М. Мерварту удалось привлечь ведущих востоковедов страны. Его программа «Современный Восток» предполагала 16 лекций: «Европа на Дальнем Востоке» и «Америка на Дальнем Востоке (или — Проникновение Американского капитала на Дальний Восток)» (проф. Д. М. Позднеев[26]), «Быт китайской деревни» и «Городская жизнь в Китае» (проф. Н. В. Кюнер[27]), «Современное финансовое и экономическое положение Китая» (зав. Отделом науки Леноблисполкома В. М. Штейн[28]), «Политические перспективы Китая» (М. А. Рафаил, Лебеденко[29], Бородин[30], П. И. Воробьёв), «Быт японского города» (проф. Н. И. Конрад), «Аграрный вопрос в Японии» (проф. О. В. Плетнер[31]), «Современная Манчжурия» и «Монголия» (проф. Д. М. Позднеев, П. И. Воробьёв[32]), «Быт индийской деревни» и «Городская жизнь в Индии» (А. М. Мерварт), «Национальное и освободительное движение в Индии» (сотрудник Облпрофсовета М. Рафаил), «Восток и мировая революция»[33].

Их труды были включены в список изданий, рекомендуемых слушателям по факультету культуроведения для самостоятельного изучения[34].

Показательно расписание с 14 октября по 20 ноября 1928 года. Радиопередачи шли в эфир в воскресенье (16–16.30, 18.30–19), понедельник (17.40–18, 20–20.40), вторник (18.30–19, 20–20.40), среду (20–20.40), четверг (18.30–19), пятницу (17.40–18, 20–20.40).

16 октября 1928 года о начале работы в Ленинграде первого в СССР Рабоче-Крестьянского Радио-Университета сообщалось в вечернем вы-

пуске «Красной газеты» [4]. Вступительные лекции раскрывали вопросы метода заочного обучения в Радио-Университете (Н. Н. Никитин, А. Соленик[35]). Первыми в эфире прозвучали следующие лекции: 21 октября Д. М. Позднеев «Европа на Дальнем Востоке», А. Соленик — методическая лекция; 28 октября П. С. Коган[36] — Лекция о литературе, 18.30–19 А. М. Мерварт «Об использовании музеев»; 4 ноября Д. М. Позднеев «Америка на Дальнем Востоке». Ответы на вопросы; 11 ноября П. С. Коган — Лекция о литературе. Ответы на вопросы; 18 ноября Н. И. Кюнер «Быт китайской деревни». Ответы на вопросы[37]. В ноябре — декабре 1928 года лекции прочли П. С. Коган («Октябрь и буржуазная и дворянская литература», «Революционная литература и первые годы пролетарской диктатуры», «Литературные течения эпохи военного коммунизма»), Д. М. Позднеев («Америка на Дальнем Востоке»), Н. И. Кюнер («Аграрный вопрос в Китае», «Промышленная жизнь Китая»)[38].

Следующим шагом стал план увязать работу РКРУ с музеями как наглядными пособиями, наметить экскурсии по естественно-историческому и культуроведческому факультетам, а также создать печатное приложение к газете «Ленинградская правда», где публиковать информационные сообщения за месяц до мероприятия[39]. 23 октября 1928 года правление добивалось организованных экскурсий радио-студентов в музеи по письменной записи в РКРУ (план Черепниной, Мерварта, Аронсона), и того, чтобы посещение музеев связать с экскурсионной работой Политпросвета[40].

Опыта подобной работы не было ни в России, ни за рубежом. Правление ясно видело и проблемы, и перспективы РКРУ, обучение в котором было рассчитано на пять циклов: 1. Естественно-исторический. 2. Культуроведческий. 3. Обществоведческий. 4. Сельскохозяйственный. 5. Радиотехнический: а. для начинающих; б. для подготовленных.

Анализируя опыт первых месяцев работы, правление РКРУ (председатель, секретарь, заведующие циклами (деканы), заведующий Консультационным пунктом) сочло, что ориентироваться надо на грамотных рабочих и крестьян, а также на слои советских и торговых служащих. Лекции были повторены несколько раз. Слушателям рекомендовалось выбрать цикл, слушать его и конспектировать. Им надо было рекомендовать литературу (в минимальном количестве, лучше популярное и занятное чтение), сборник с методическими указаниями, решать практические вопросы, водить их на экскурсии. Учёт и проверку обучения вёл Консультационный пункт (зав. — А. Соленик), расположенный по адресу: Ленинград, ул. Герцена, 37. Свои вопросы слушатели должны были посылать по почте, в письмах без марок (отметим особо этот момент: заочное образование предусматривало бесплатную переписку), на слушателя заводилась карточка[41]. Консультации начались с 19 ноября

1928 года, культуроведческие — с 21 ноября, и проводились по средам с 19 до 21 ч. [**1**, 46].

Работа РКРУ шла в постоянном поиске, естественно, не без сбоев. Приведём «Отчёт о деятельности факультета культуроведения 1-го Рабоче-Крестьянского Радио-Университета в Ленинграде за 1928–29 годы» А. М. Мерварта:

«В отличие от остальных факультетов Радио-Университета, факультет культуроведения носил довольно разнородный, сборный характер. Одна, главная половина, мыслилась как продолжение и надстройка циклов естествоведческого факультета. По замыслу в этих лекциях должна быть дана картина культурного развития человечества от момента ответвления человеческого типа от приматов до последних успехов техники. Эту программу удалось выполнить только отчасти. За сокращением лекционных часов не были прочитаны лекции о языке, и удалось осуществить только две лекции из цикла развития современной техники. Т. о. получилась неполная, куцая картина. Связь со слушателями была слаба. Ответов на вопросы было мало, хотя, с другой стороны, не было нареканий на содержание и форму лекций со стороны слушателей. Полученные немногие отзывы носят одобрительный характер. Неудовлетворительно обстояло дело с доставкой лекций, хотя не во всех случаях. Чаще всего лекции доставлялись или накануне чтения, или — в некоторых случаях — в самый день чтения. Объясняется это, прежде всего, крайней перегруженностью самих лекторов. Две лекции по истории техники не состоялись, потому что лектор оба раза был вызван неожиданно в Москву по спешному делу государственной важности. Может быть, было бы уместно выбрать лекторов из числа менее ответственных и менее перегруженных учёных. С точки зрения методологии лекции были в общем удовлетворительные. Вначале были недочёты в смысле указаний литературы, контрольных вопросов. Но достаточно было указать литераторам на эти недочёты, чтобы их устранить. Всего по этому циклу было прочитано 23 лекции, вместо предположенных 40. Вторая часть лекций к культуроведческому факультету была посвящена современной русской литературе. Лекции читались по воскресеньям одним литератором — тов. Коганом. Они имели безусловный успех и возбудили интерес»[42].

4 декабря 1928 года в 19.00 состоялось собрание лекторов факультета культуроведения (ул. Мойка, 61, 3 этаж). Обсуждались: 1) методика и приёмы радиовещания. 2) печатание радио-лекций. 3) связь со слушателями. Гонорар за участие в заседании составлял 5 руб.[43].

Но дальнейшие события осложнили работу РКРУ. В 1929 году началась чистка госаппарата, затем — Академическое дело (А. М. Мерварт и Н. М. Окинин были арестованы), реформа Академии наук и т. п.

Как видим, проект обучения широких масс с помощью радиовещания разрабатывала группа практиков, работавших в средствах массовой информации и пропаганды. Им удалось привлечь первоклассных специалистов из разных сфер науки и просвещения, опытных лекторов и преподавателей.

Как свидетельствуют документы, А. М. Мерварт стремился включить в программу Радиоуниверситета по возможности актуальные темы, близкие и понятные малограмотным слушателям. Приглашённые им специалисты сами побывали в странах Дальнего Востока и могли интересно рассказать о текущей ситуации на местах. Несомненно, опыт публичных выступлений на разных языках помог А. М. Мерварту распределить материал так, чтобы аудитория могла его усвоить. Он учитывал и опыт просветительской и лекционной деятельности в России и за рубежом российских учёных и путешественников, в т. ч. Рерихов и др. Их любовь к Востоку передавалась широким массам слушателей теперь и посредством радиовещания.

Роль радио в деле просвещения населения СССР трудно переоценить. Со временем радиоуниверситетов стало несколько: помимо рабоче-крестьянского, начали работать коммунистический, комсомольский и др. [**2**] В 1930 году появился ИЗОР — институт заочного обучения по радио [**3**, 34]. Обучение это приравнивалось к заочному отделению, слушатель мог получить диплом. Все эти меры позволили в 1930 году ввести в стране всеобщее начальное обучение.

Несомненно, выступление учёных и специалистов по радио импонировало слушателям, а обращение к актуальным темам современности расширяло их образовательный и культурный горизонт. Становится понятно, почему и в городах, и в отдалённых деревнях СССР люди знали о событиях в мире, искренне сочувствовали жителям стран Востока, боровшихся за независимость, оказывали им помощь, что ярко проявилось во время событий 1930–1940 годах. Программы Радио-Университета оказали значительное воздействие на отечественную публичную дипломатию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Деревянко С. С.* Документы по личному составу Ленинградского радиокомитета (1930–1940-е гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 24. СПб.: Наука, 1993. С. 83–106.
2. Семь достижений советского радио // Российская газета 19 марта 2014 года. — Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.rg.ru/2014/03/19/radio-site.html.
3. Радио в СССР, 1934.

4. Материалы для составления хроники культурной жизни Ленинграда на рубеже 1920-х и 1930-х годов. / Сост. вступительная статья Н. А. Гуськова; материалы вечерней «Красной газеты» за 1928 год обработаны и предоставлены К. Б. Егоровой. — Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=LcbyDIUEeWk%3D&tabid=10460.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Настоящая работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 13-01-00168 «Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918 годы: История. Коллекции. Научное наследие».

[2] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1918 год). Ед. хр. 1. Л. 1.

[3] Николай Николаевич Никитин (1895–1963) — писатель, драматург. Сотрудник газеты «Ленинградская правда» (1923–1925).

[4] Профессор Николай Петрович Каменщиков (Каменьщиков) (1881–1939) — географ, астроном, педагог.

[5] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1918 год). Ед. хр. 10. Л. 1.

[6] М. А. Рафаил — главный редактор «Ленинградской правды» (с 1926 года).

[7] Африкан Николаевич Криштофович (1885–1953) — учёный-геолог, палеоботаник. Старший геолог Геолкома. Преподавал в Ленинградском государственном университете, в Горном институте. Знаком с А. М. и Л. А. Мерварт (1918–1924) во время пребывания на Дальнем Востоке (во Владивостоке).

[8] Макс Жанович Стириус (1902–1937) — один из ведущих сотрудников Ленинградского радио; инструктор Обкома ВКП(б) (с 1927) с 1928 года. руководил Радиоцентром.

[9] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1928 год). Ед. хр. 10. Л. 3, 6.

[10] Там же. Л. 5, 6.

[11] Борис Николаевич Вишневский (1891–1965) — антрополог, археолог, этнограф, географ. Учёный хранитель МАЭ (с 1923 года), зав. Отделом антропологии. Преподавал в Ленинградском восточном институте.

[12] Борис Леонидович Богаевский (1882–1942) — филолог, историк, археолог. Профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира (с 1926) Ленинградского государственного университета.

[13] Иван Иванович Мещанинов (1883–1967) — языковед, археолог. Преподавал в Ленинградском восточном институте.

[14] Николай Иосифович Конрад (1891–1970) — российский востоковед, специалист по японскому языку и литературе, истории и философии Японии и Китая. Профессор Ленинградского восточного института, Географического института ЛГУ.

[15] Там же. Л. 7–7об.

[16] Алексей Алексеевич Петровский (1873–1942) — учёный, радиотехник, геофизик. Первый профессор по радиотехнике в России. Организовал в Петрограде первый в СССР радиолюбительский кружок (1922), радиосекцию в Электротехническом институте (1923).

[17] Н. М. Окинин — помощник заведующего Радиоцентром по технической части.

[18] Там же. Л. 28.

[19] Там же. Л. 2–12об.

[20] Там же. Л. 41.
[21] Там же. Л. 49–53.
[22] Александр Исаакович Никифоров (1893–1942) — фольклорист, этнограф. Записал северорусские сказки во время экспедиций 1926, 1927 и 1928 годах. в Заонежье и по рекам Пинеге и Мезени.
[23] Там же. Л. 13.
[24] Там же. Л. 17–18.
[25] Там же. Л. 22.
[26] Профессор Дмитрий Михайлович Позднеев (1865–1937) — востоковед, специалист по истории и экономике Японии и Китая. Преподавал в Ленинградском государственном университете, Ленинградском восточном институте, в Военной академии РККА им. Фрунзе в Москве и др.
[27] Николай Васильевич Кюнер (1877–1955) — востоковед, специалист по истории и культуре стран Дальнего Востока. Профессор Ленинградского государственного университета, Ленинградского восточного института. Вместе с А. М. и Л. А. Мерварт (1918–1924) преподавал в Дальневосточном университете во Владивостоке.
[28] Виктор Морицевич Штейн (1890–1964) — востоковед, специалист по экономической и политической географии стран Азии. Финансовый советник Национального правительства Китая (1926–1927).
[29] Вероятно, Александр Гервасьевич Лебеденко (1892–1975) — бывший офицер царской армии, журналист, писатель. В редакции «Ленинградской правды» (1920–1925) — ответственный выпускающий секретарь. Как корреспондент газеты совершил ряд поездок, участник дальнего перелёта Москва — Пекин через Урал — Сибирь — Дальний Восток (1924–1925) (А. Г. Лебеденко «Перелёт Москва — Монголия — Пекин». Л.: Прибой, 1925).
[30] Вероятно, Бородин Михаил Маркович (1884–1951) — советский революционер, дипломат. В 1923–1927 — политический советник ЦИК Гоминьдана («Китайская национальная народная партия»).
[31] Олег Викторович Плетнер (1893–1929) — востоковед, специалист по японскому языку, истории и экономике Японии. Профессор Ленинградского государственного университета. (О. В. Плетнер. Аграрный вопрос в Японии. Исследования и материалы. Л., 1927.)
[32] Павел Иванович Воробьёв (1892–1937) — востоковед, музеевед, специалист по истории и культуре Маньчжурии, Монголии. Сотрудник Ленинградского Восточного института. Директор Русского музея (с 1926 года).
[33] Там же. Л. 21.
[34] Там же. Л. 54.
[35] Возможно, Антон Францевич Соленик (1896–?) преподаватель социально-экономических дисциплин, лектор ЛВО.
[36] Пётр Семёнович Коган (1872–1932) — литературовед, переводчик.
[37] Там же. Л. 27.
[38] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1928 гол). Ед. хр. 10. Л. 45.
[39] Там же. Л. 31.
[40] Там же. Л. 42–43.
[41] Там же. Л. 34–38.
[42] Там же. Л. 58–58об.

Е. В. ФАЛЁВ

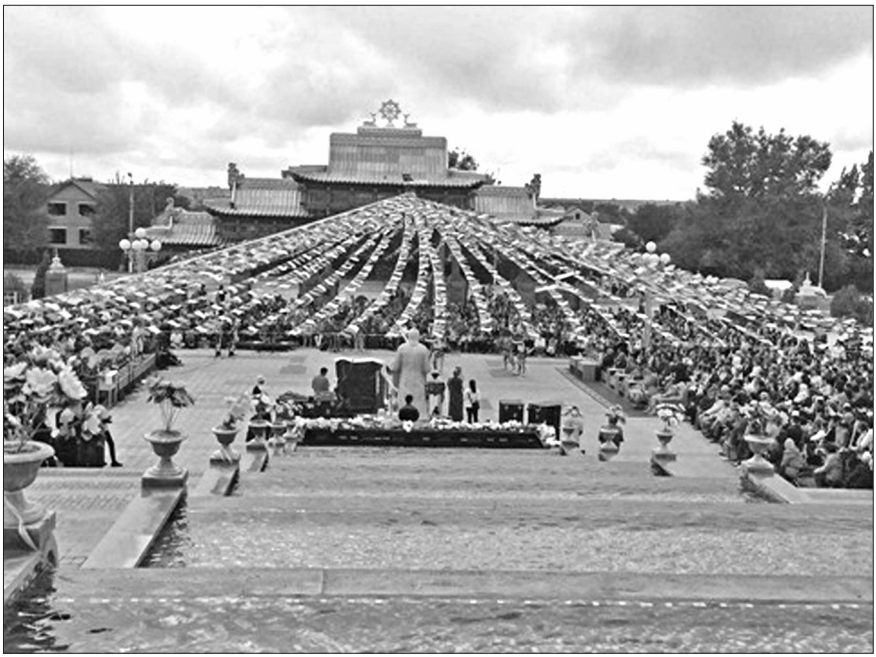
(Философский факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; Москва)

МИСТЕРИЯ ЦАМ И БУДДИЙСКИЙ ФОРУМ В ЭЛИСТЕ

В сентябре 2015 года исполнилось десять лет со дня открытия Центрального Хурула «Золотая обитель Будды Шакьямуни» в Элисте, Калмыкия (ил. 1, 2). Главная заслуга в возведении этого храма-монастыря принадлежит главе буддистов Калмыкии шайджин-ламе Тэла-Тулку-ринпоче, признанному Далай Ламой XIV перерождением великого индийского учителя Тилопы (X–XI века). Сам Далай Лама также участвовал в возведении этого храма своим благословением, конкретными советами и денежным пожертвованием. Тэла-Тулку является официальным представителем Далай Ламы в Калмыкии, Бурятии, Монголии и в странах СНГ, что свидетельствует о высоком доверии, которое Тэла-Тулку вполне оправдывает (ил. 3).

По благословению Далай Ламы Тэларинпоче стремится не просто возродить буддизм в Калмыкии как традиционную религию, способную

Ил. 1



Ил. 2

Ил. 3. Тэла-Тулкуринпоче

исправно исполнять все требы населения, но и сделать Калмыкию одним из важных духовных центров буддизма не только в России, но и за её пределами. Понятие «духовного центра» в буддизме предполагает, с одной стороны, осуществление духовных практик, как внешних, ритуальных, так и внутренних, медитативных; с другой стороны — институт духовного просвещения, очаг философской и научной мысли и образовательный центр. Оба эти аспекта, религиозный и философский, в буддизме неразрывно связаны, так как без активной духовной практики невозможно постижение сути Учения (Дхармы), а без понимания сути Учения никакие практики не могут быть действенными.

Именно поэтому Тэларинпоче соединил в рамках празднования десятилетия Центрального хурула Элисты научно-философскую и ритуальную части. В рамках первой проходил международный форум «Буддизм в диалоге культур Востока и Запада: прошлое, настоящее и будущее». В ритуальной части наиболее значимое место занимала мистерия Цам.

Мистерия Цам — это ритуальный танец, имеющий очень древнюю историю и глубокое мистическое значение. У него не-буддийское происхождение, он восходит изначально к шаманским экстатическим пляскам, а ближайшим образом — к ритуальным танцам добуддийской религии Тибета, Бон, принесённой в Тибет, как считают учёные, около V века до н. э. переселенцами из Ирана. Мистическое значение танца состояло в том, что актёры должны были визуализировать в своём сознании образы соответствующих божеств, как бы предоставлять им своё тело для проявления, принятия даров от верующих и ответного благословления. Это своеобразный «танец силы», который должен был обеспечить зрителям, так же как и всей местности, магическую защиту от враждебных сил. Среди этих враждебных человеку духов важнейшее место занимали локапалы, защитники местности, охраняющие её покой и всячески препятствующие хозяйственной деятельности человека. Ритуальный танец в образе локапалов служил в религии Бон важным подношением этим духам и действенным средством их умилостивления.

Хотя буддизм проник в Тибет из Индии ещё около 173 года до н. э., на протяжении нескольких веков он не получал там широкого распространения, именно в силу противодействия традиционной религии Бон. Перед лицом могучих природных стихий Тибетского нагорья народы Тибета ощущали необходимость не столько в духовном просвещении, сколько в магической защите и покровительстве духов. В раннем буддизме, однако, магические эффекты отбрасывались как уводящие с прямого пути к Просветлению (ил. 4).

И здесь вступает в действие главный буддийский метод духовного просвещения — «искусность в уловках», или учение о «целесообразной

Ил. 4

истине» (upāya kauśalya). В Агни-Йоге этот же принцип выражается в формуле «Господом твоим». Если кратко, этот принцип состоит в том, что «истинным» считается лишь то, что освобождает, то есть ведёт к пробуждению сознания данного конкретного человека. У каждого человека есть представление о Священном, при этом соединённое с некоторыми предрассудками и устойчивыми формами, обусловленными традицией. Буддизм берёт эти традиционные формы и наполняет их новым, более глубоким содержанием, при этом, не отрицая старое понятие Священного, а очищая и возвышая его. Так сам Будда, согласно Дхаммападе, переосмыслял понятие «брахман», т. е. жрец индуизма: «Брахманом становятся не из-за спутанных волос, родословной или рождения. В ком истина и дхамма, тот счастлив и тот брахман»[1].

Происхождение образов и хореографии танца возводится к мистическому опыту буддийских монахов. Все традиции мистериального танца основывались на видениях, получаемых монахами при занятиях глубокой духовной практикой. Дакини являлись Падмасамбхаве, а позже и другим буддийским мистикам, вплоть до настоящего времени[2], чтобы указывать и корректировать действенные фигуры в хореографии священного танца Цам. Великий Далай Лама V также внёс свой вклад в развитие традиции мистерии Цам. «Далай Лама V в своих текстах

Ил. 5. Боги в масках на празднике «Цам»
Почтовая карточка. Начало XX века

подчёркивает различие между провидческими видениями — рассматриваемыми как правомочный источник танцевальной хореографии — и воображением и фантазией, которые таковыми источниками не являются. Но способ различения между этими двумя состояниями ума разъяснялся лишь в закрытых, тайных наставлениях»[3].

Бонский ритуальный танец был использован буддийским учителем Падмасамбхавой при освящении места построения монастыря Самье в Тибете. Ряд препятствий, как природного, так и социального характера, не давали возможности осуществить строительство, пока Падмасамбхава не исполнил на месте строительства ритуальный танец Ваджракилья с магическими клинками Ваджракила (пурба). Считается, что своей магической силой и силой этого танца Падмасамбхава обратил в буддизм локапал, суровых духов-хранителей местностей, и превратил их в дхармапал, защитников Учения, сокрушающих его врагов. Так буддизм доказал свою магическую действенность, препятствия для строительства монастыря Самье были устранены, и он был успешно возведён в 767 году н. э.

Магические силы Падмасамбхавы и его пурба привлекаются в танце всякий раз, когда исполняется мистерия Цам[4]. Можно сказать, что событие священной истории — обращение могучих духов в защитников Учения — воспроизводится и подтверждается каждый раз посредством

Ил. 6. Ламы — исполнители Цама в Гусино-озёрском дацане в Бурятии

танца Цам. Так что эта мистерия есть живая мистическая традиция, но именно поэтому она не закостенела в старых формах, но видоизменяется в соответствии с новым мистическим опытом.

В каждом тибетском монастыре, кроме того, была своя версия Цама, несколько отличающаяся как по деталям хореографии, так и по набору изображаемых божеств. Исполнялся Цам и в буддийских монастырях России, однако после революции эта традиция была утрачена (ил. 5, 6).

В Элисте мистерию Цам исполняли монахи из тибетского монастыря Дзонгкар Чодэ. Этот монастырь, ныне воссозданный в Майсуре (штат Карнатака на юге Индии), хранит древнюю традицию Цама, восходящую, по монастырскому преданию, к IX веку, когда первый настоятель монастыря, Lapchen Chopal Sangpo, проводил практику уединения для обретения защиты монастыря от внешних нападений (монастырь был самым крупным в Верхнем Тибете). В мистическом видении ему был показан радостный танец главного защитника монастыря, божества Махаякши, со своей свитой из дхармапал, а также выступающего отдельно Ямантаки в форме яка, который также присоединился для покорения враждебных сил. Всё это видение настоятель воплотил в ритуальном танце.

Если говорить о современном значении мистерии Цам, то в ней можно различить три разных аспекта.

Во-первых, для простых верующих участие в мистерии Цам является источником благой кармы, заслуг, устраняющих препятствия и обеспечивающих прежде всего материальное процветание.

Во-вторых, для города и местности, где осуществляется мистерия Цам, куда она приносит возвышенные духовные вибрации, очищая пространство на многие километры вокруг и облегчая духовную работу для всех, кто ею занимается.

В-третьих, что самое важное с точки зрения Учения Будды, эта мистерия помогает пробуждению сознания от сна и оцепенения невежества. Этому помогает и опыт причастности событиям духовной реальности, и кроме того, ритм движений и вибрации музыкального сопровождения Цам устроены таким образом, чтобы разрушать в сознании человека клеши — привязанности и устойчивые стереотипы восприятия.

Устроители юбилейных мероприятий в Элисте, понимая это, мудро устроили так, что все буддологи, приехавшие на конференцию, сначала присутствовали на мистерии Цам, а уже затем, на следующий день, с очищенным сознанием (каждый в меру своей открытости, конечно), приступили собственно к конференции.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дхаммапада. XXVI. Глава о брахманах, 391.

[2] Намкхай Норбу — современный мастер буддийского танца — также получал через видения наставления от дакинь по хореографии танца Цам.

[3] *Pearlman E.* Tibetan Sacred Dance: A Journey Into the Religious and Folk Traditions. Rochester, 2002. P. 32–33.

[4] Тибетским учителям и впоследствии не раз приходилось состязаться с магами Бон в силе магического искусства, ср. спор Миларепы с бонским жрецом, кто быстрее поднимется на гору Кайлас.

Е. В. БАКАЛДИНА
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

ДВА ФОТОАЛЬБОМА СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ Л. М. БОТКИНОЙ (1915 ГОДА)

В Санкт-Петербургском Государственном Музее-институте семьи Рерихов и в Военно-медицинском музее хранятся фотоальбомы, созданные одним и тем же человеком — Любовью Михайловной Боткиной. В них представлены фотографии, связанные с её службой сестрой милосердия в санитарном поезде в 1914–1915 годах.

Авторство альбомов легко устанавливается, поскольку в них есть соответствующие надписи. В альбоме Музея-института семьи Рерихов — «Милому Николаю Николаевичу на память о Червонном Боре. Любовь Боткина. Н. Колосова. 19 8/II — 22/ VI 15 г.», в альбоме, хранящемся в Военно-медицинском музее, — «24 сентября 1915 г. Ст. Штокмансгоф. Окончен. Любовь Боткина. Помогали Н. Колосова. Др. Н. Самарин».

Любовь Михайловна Боткина (25 января 1887 — 5 сентября 1920) была младшей дочерью академика живописи, коллекционера и общественного деятеля Михаила Петровича Боткина и его жены Екатерины Никитичны, урождённой Солодовниковой. Примечательно, что её восприемником при крещении был старший брат отца знаменитый врач Сергей Петрович Боткин[1]. Любовь училась в гимназии княгини А. А. Оболенской, поступила туда в январе 1900 года в 4-й класс и окончила в 1905 году дополнительный 8-й класс, получив звание домашней учительницы[2].

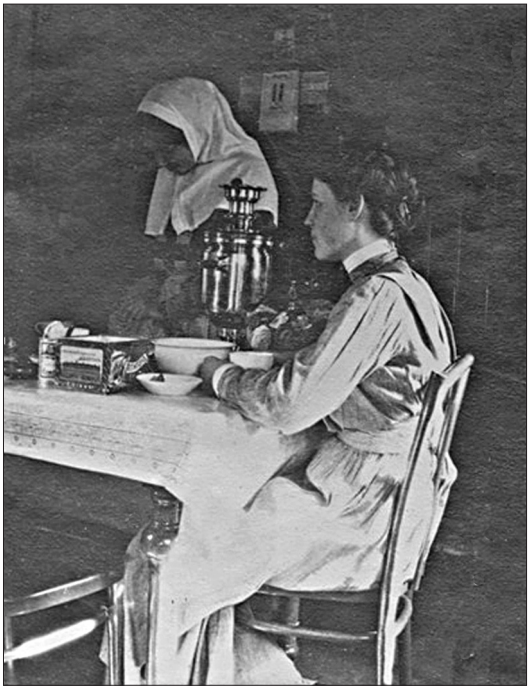
Любовь Боткина состояла в общине сестёр милосердия имени генерал-адъютанта М. П. фон Кауфмана. Эта община, названная в честь Михаила Петровича фон Кауфмана, возглавлявшего Российское Общество Красного Креста (РОКК) в течение 15 лет, и школа сиделок были основаны 4 марта 1900 года по распоряжению императрицы Марии Фёдоровны. В списке учредителей общины значиться Сергей Сергеевич Боткин, сын Сергея Петровича и племянник Михаила Петровича[3]. Почему Любовь выбрала другую общину, в отличие от сестёр, состоявших в общине Св. Георгия, не совсем понятно. Любовь Михайловна выдержала все испытания обучением и была удостоена звания сестры милосердия военного времени. С 22 сентября 1914 года Любовь состояла в Обществе питательного пункта[4], а затем в передовом перевязочном отряде имени Великой княгини Ксении Александровны.

Параллельно со службой сестрой милосердия в 1916 году Л. М. Боткина состояла попечительницей и начальницей Ольгинского приюта трудолюбия для детей лиц, находящихся на излечении или скончавшихся в Петроградской городской больнице Св. Марии Магдалены (на Крестовском острове, Константиновка 3)[5]. 13 ноября 1916 года вышла замуж за врача Николая Николаевича Самарина (3 сентября 1888 — 25 июня 1954). В 1919 году родила дочь Ирину. В 1920 году, в возрасте 34 лет, Любовь умерла от перитонита.

Любовь Боткина увлекалась фотографией; это пристрастие ей передалось от матери Екатерины Никитичны, которая была автором фотографий коллекции своего мужа для известного альбома «Собрание М. П. Боткина», изданного в 1911 году[6]. Ещё в 1889 году В. В. Стасов в письме к П. М. Третьякову отмечал: «Катерина Никитишна вышла изумительным фотографом ([И. Е.] Репин и [М. М.] Антокольский признают её чуть не первым фотографом в Европе) и превосходно сняла всю коллекцию мужа»[7]. Поэтому неудивительно, что Любовь взяла с собой один из семейных фотоаппаратов. Качество снимков в альбомах разное, есть откровенно размытые снимки, однако это можно объяснить тем обстоятельством, что фотографии делались практически в полевых условиях.

Из надписей в фотоальбомах видно, что Любови Боткиной в их создании помогали два человека. Уже упомянутый выше Николай Николаевич Самарин, будущий муж, и сестра милосердия Н. Колосова. В 1914 году Н. Н. Самарин[8] был призван на действительную военную службу и назначен начальником перевязочного отделения 304 полевого подвижного госпиталя 38-й пехотной дивизии[9]. Н. Колосова — Наталья Николаевна Колосова, сестра милосердия военного времени № 253 из Варшавской общины Св. Елисаветы, с 1 февраля 1915 года состояла в подвижном лазарете Её Императорского Высочества Великой Княгини Ксении Александровны[10].

Оба фотоальбома поступили в музеи из семьи Самариных. В Музей-институт семьи Рерихов альбом в 2008 году отдала Наталья Борисовна Ветошникова, вдова Юрия Николаевича Самарина, сына Николая Николаевича от второго брака. Кроме фотоальбома она передала в музей книгу «Собрание М. П. Боткина», портрет Любы Боткиной работы отца, фотографии, купленные М. П. Боткиным во время путешествий, этюд Б. Галофре, переданный автором самому М. П. Боткину, и другие предметы. Все эти вещи после замужества Л. М. Боткиной перешли в дом её супруга, долгое время там сохранялись, а в позже были помещены в экспозицию, посвящённую истории дома, в котором находится Музей-институт, а также Михаилу Петровичу Боткину, при котором особняк приобрёл современный вид.



Ил. 1. Н. Н. Колосова и Л. М. Боткина
в вагоне санитарного поезда. 1915. СПбГМИСР

Намного ранее, после смерти супруга в 1954 году, в Военно-медицинский музей альбом передала вторая жена Николая Николаевича Самарина — Ольга Конрадовна, урождённая Недзвецкая. При этом она сделала надпись на оборотной стороне верхней обложки — «Боевой путь питательного перевязочного пункта Красного Креста им. С. П. Боткина, в работе которого временами принимал участие Н. Н. Самарин (врач 304 п.п.г). О. Самарина». Впоследствии в семейной традиции эта легенда трансформировалась и появилось имя Михаила Петровича Боткина — «поезд, оборудованный на средства Михаила Петровича Боткина»[11]. Однако в документах не значатся ни отряд имени С. П. Боткина, ни имя М. П. Боткина. В действительности Любовь Михайловна Боткина служила в передовом питательном отряде им. Великой княгини Ксении Александровны. Именно этот поезд с читаемой надписью на вагонах запечатлён на фотографиях альбома.

Оба альбома отражают жизнь в этом передовом отряде. Альбом из Военно-медицинского музея более полный, он состоит из 305 фотографий и охватывает период с 30 ноября 1914 года по 24 сентября

1915 года. Одна из фотографий была изъята из альбома и при передаче его в музей уже отсутствовала, о чём есть соответствующая надпись на одной из страниц. Альбом из Музея-института семьи Рерихов намного меньше. В нём 25 снимков, датированных 8 февраля — 22 июня 1915 года и посвящённых стоянке отряда на станции Червонный Бор. Практически все снимки из этого альбома кроме двух имеют копии в большом альбоме.

Экземпляров некоторых фотографий было намного больше, их раздавали родственникам и знакомым и только часть наклеивали в альбом. Фотографии остались в семьях Энденов, Самариных, у Елены Михайловны Боткиной. По нашему мнению, большой альбом Любовь Боткина делала для себя, маленький в подарок Николаю Николаевичу Самарину, тогда она ещё не была его невестой. Вероятнее всего, существует и третий альбом, оставшийся у Натальи Колосовой, которая также принимала участие в создании двух известных нам альбомов.

О начале деятельности отряда имени Великой Княгини Ксении Александровны известно из заметки в газете «Правительственный вестник» за 4 ноября 1914 года: «3-го ноября с пассажирской платформы Варшавского вокзала отправился в действующую армию подвижной лазарет и отряд (перевязочный пункт, автомобильная колонна) имени Её Императорского Высочества Великой Княгини Ксении Александровны[12]». В Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга хранятся три стеклянных негатива ателье Карла Буллы с изображением этого отряда на фоне поезда у перрона в Петрограде. На одной из фотографий запечатлён персонал поезда — третья справа Любовь Михайловна Боткина[13].

Некоторые места стоянок поезда засняты на снимках альбома. Первое место стоянки отряда, упомянутое в альбоме из Военно-медицинского музея, — это железнодорожная станция Млава. Сейчас это город в Польше. В 1914 году около Млавы были тяжёлые бои, поэтому неудивительно, что первая остановка этого санитарного поезда была там.

Благодаря альбому из Музея-института семьи Рерихов легче идентифицировать фотографии, снятые на железнодорожной станции Червонный Бор, на которой поезд стоял в феврале–июне 1915 года. Червонный Бор находился в Ломжинской губернии Царства Польского Российской империи. Эта станция упомянута в книге С. Л. Бертенсона «Год на войне. 1914–1915»: «...Успешно действовали на ст. Червонный Бор подвижной питательный пункт В. М. Пурешкевича, выдававший до 3000 горячих порций в день, и перевязочно-питательный поезд имени Великой Княгини Ксении Александровны. Всего за время февральских боёв в окрестностях Ломжи было эвакуировано около 25 000

Ил. 2. В вагоне санитарного поезда. 1915. Первая справа — Н. Н. Колосова, вторая справа — Л. М. Боткина, второй слева — Н. Н. Самарин. СПбГМИСР

раненных; это число достаточно показывает всю трудность задачи, выпавшей на долю Красного Креста и успешно им выполненной»[14].

Одна из фотографий, представленных в альбоме Военно-Медицинского музея «Н. М. Энден на коне» есть также в рукописи воспоминаний Н. М. Эндена, зятя Л. М. Боткиной; в ней она датирована, и названо место съёмки — на станции Багратионовская в 1915 году[15].

Ещё одно место, упомянутое в альбоме из Военно-медицинского музея, это Штокмансгоф. Штокмансгоф (Стукмани, ныне город Плявиняс, Латвия) находился на Риго-Орловской железной дороге. С этим местом связано начало романтических отношений Любови Боткиной и Николая Самарина. В письмах Любовь вспоминает начало их романа и Штокмансгофскую скамейку[16]. В альбоме из Военно-медицинского музея представлены их первые совместные фотографии. Вскоре после этого, 27 ноября 1916 года, они поженились. Из писем Любови Боткиной к жениху видно, что она хотела выйти замуж в платье сестры милосердия: «Ну конечно надо венчаться в сестринском, ты меня и полюбил в сестринском платье, буду я в нём и венчаться, только в белом, это наша парадная форма»[17], «хотя брат и сёстры говорят, что это несимпатично»[18].

Снимки, вклеенные в альбомы, разнообразны по жанрам: это и бытовые сцены, и пейзажи, и портреты. Конечно, среди снимков, как одиночных, так и групповых, находится множество фотографий самой создательницы альбома и её помощников: Л. М. Боткиной, Н. Н. Самарина и Н. Н. Колосовой.

Другие служащие санитарного поезда также запечатлены на фотографиях. К сожалению, далеко не всех можно идентифицировать. В некоторых источниках есть упоминания о персонале. В заметке об отправлении поезда 3 ноября 1914 года перечислены начальник отряда егермейстер В. А. Шателен[19], его помощник — полковник И. Н. Смирнов, заведующий хозяйством — И. И. Ардабьев[20], священнослужитель — студент Петроградской духовной академии иеромонах Сергий (Гришин)[21], старший врач — В. А. Нилов, младшие врачи — А. М. Каценеленбоген, Циммерман, сестры милосердия — Е. К. Добровольская, А. Д. Евреинова, [А. П.] Ермолина, граф. Е. В. Игнатьева, М. И. Коломнина, А. С. Лутонина, княгиня В. В. Орбелиани, С. А. Половцева, [З. Ф.] Ржевская и В. А. Тайвалант, старшая сестра — М. А. Каменская[22].

Более полный список сестёр милосердия, состоявших в подвижном лазарете и питательном пункте им. Великой Княгини Ксении Александровны, с именами и отчествами напечатан в издании 1915 года[23]: Елена Иосифовна Гатти, Вера Владимировна Джамбакуриан-Орбелиани[24], Е. К. Добровольская, Александра Павловна Ермолина, Елена Владимировна Игнатьева[25], Варвара Карловна Казнакова, Маргарита Алексеевна Каменская, Мария Илиодоровна Коломнина[26], Виктория Семёновна Лутонина, Ольга Конрадовна Недзвецкая, София Александровна Половцева, Елена Николаевна Полякова, Зинаида Фёдоровна Ржевская, Надежда Михайловна Соколова, Валентина Александровна Тайвалант, Мария Онисимовна Яковенко. В списках награждённых «за ревностную службу и труды, понесённые во время военных действий» значатся служащие лазарета: студент-медик Сергей Зеленецкий, заведующий питательным вагоном Николай Калинин, фармацевт Генрих Кейслер, заведующий хозяйством Назарий Помазкин, студент-медик Сергей Тарасенко[27]. Ещё предстоит работа по идентификации этих лиц на снимках.

На страницах альбомов есть снимки, на которых представлены родственники и гости служащих в поезде. К Л. М. Боткиной приезжали зять и племянник Николай Михайлович и Михаил Эндены. Николай Михайлович Энден[28], полковник лейб-гвардии артиллерийской бригады, в 1915 году командирован к штабу Северо-Западного фронта. Михаил Энден[29] в 1915 году был учеником реального училища К. И. Мая.

Николай Михайлович Энден вспоминал 20 лет спустя: «На станции Червонный бор по-прежнему (речь идёт о феврале 1915 года) стоял питательный поезд, в котором служила сестра моей жены Л. М. Боткина»[30].

Ил. 3. М. Энден, Н. М. Энден, Е. М. Боткина, Н. Н. Колосова, двое неизвестных. 1915. Военно-медицинский музей

Второй раз он побывал в расположении передового отряда им. Ксении Александровны, когда тот стоял на станции Багратионовская, что видно из аннотации к фотографии в воспоминаниях[31].

На одной из фотографий запечатлена чета Карповых (Вера Николаевна, дочь двоюродной сестры Л. М. Боткиной и её муж Геннадий). Вера Николаевна Карпова[32] одета в сестринское одеяние, но неизвестно, где она служила, её нет в списке сестёр милосердия в книге за 1915 год[33]. Геннадий Геннадьевич Карпов[34] был главным уполномоченным поезда-склада Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны[35]. Вероятнее всего, этот поезд и поезд — отряд им. Ксении Александровны стояли на одной станции, и Любовь Боткина именно тогда сделала фотографию. Примечательно, что экземпляров такого снимка несколько, один из них был увезён Екатериной Михайловной Энден, урождённой Боткиной, во Францию[36].

Периодически сёстрами милосердия в передвижном отряде служили сёстры Любови Боткиной — Елена и Елизавета. По воспоминаниям

их зятя Николая Михайловича Эндена, мужа сестры Екатерины: «Елена и Любовь работали в санитарно-питательном поезде имени Великой княгини Ксении Александровны (обе были награждены георгиевскими медалями). Елизавета <...> жила в Петрограде, изредка заменяя сестёр в поезде на фронте»[37].

Елена Михайловна Боткина[38] была «запасной сестрой». Согласно § 61 устава общин сестёр милосердия, «Сёстры милосердия, вышедшие по собственному желанию из общины, если они не переходят в другую общину сестёр милосердия Общества Красного Креста, зачисляются в запас и приглашаются сообщать общине о переменах места своего жительства. Такие запасные сёстры милосердия в периоды народных бедствий и в военное время могут, если пожелают, принять участие в деле оказания помощи больным, раненным и пострадавшим в составе отрядов сестёр милосердия своей общины или иных санитарных отрядов Общества Красного Креста»[39].

Как Е. М. Боткина сама о себе рассказывала, она была сестрой милосердия ещё в японскую войну[40]. Она окончила курсы сестёр милосердия при Георгиевской общине в 1904 году, а с 22 сентября 1914 года была при лазарете во втором городском доме в память 19 февраля 1861 года[41]. Этот лазарет, известный также под названием городской лазарет № 1, находился в училищном доме в память 19 февраля 1861 года на Васильевском острове, 22 линии, 7–69[42], что было недалеко от родительского дома сестёр Боткиных на углу Николаевской набережной (ныне набережной Лейтенанта Шмидта) и 18-й линии. Интересно, что этот дом был связан с семьёй Боткиных — там располагались начальные мужское и женское училища в память С. П. Боткина. В этом же лазарете работала и вторая сестра Елизавета Боткина-Зеленская. Позже, с 26 января 1916 года Елена состояла сестрой Собственно Её Императорского Величества передового санитарного отряда, из которого была отчислена 8 мая 1917 года[43], когда уехала в связи с тяжёлой болезнью матери. В перерывах, когда она не пребывала в местах военных действий, то работала сестрой милосердия в том же Петроградском городском лазарете № 1[44] (в доме училища в память 19 февраля 1861 года). После похорон матери в конце мая 1917 г. Елена Боткина была отправлена в передовой питательно-перевязочный Ксениинский отряд № 21[45]. Это тот же передовой отряд Ксении Александровны. Сохранилось свидетельство Е. М. Боткиной о командировании.

Средняя сестра, Елизавета Михайловна[46] была в отличие от старшей сестры «сестрой военного времени»[47]. Звания сестёр милосердия военного времени удостаивались окончившее сокращённые курсы, они могли поступать в лазаретные учреждения только с разрешения той общины, при которой стояли на учёте. В случае с Елизаветой, это была община

Ил. 4. Л. М. Боткина, неизвестная, Е. М. Зеленская (урожденная Боткина), Н. Н. Колосова в вагоне санитарного поезда. 1915. Военно-медицинский музей

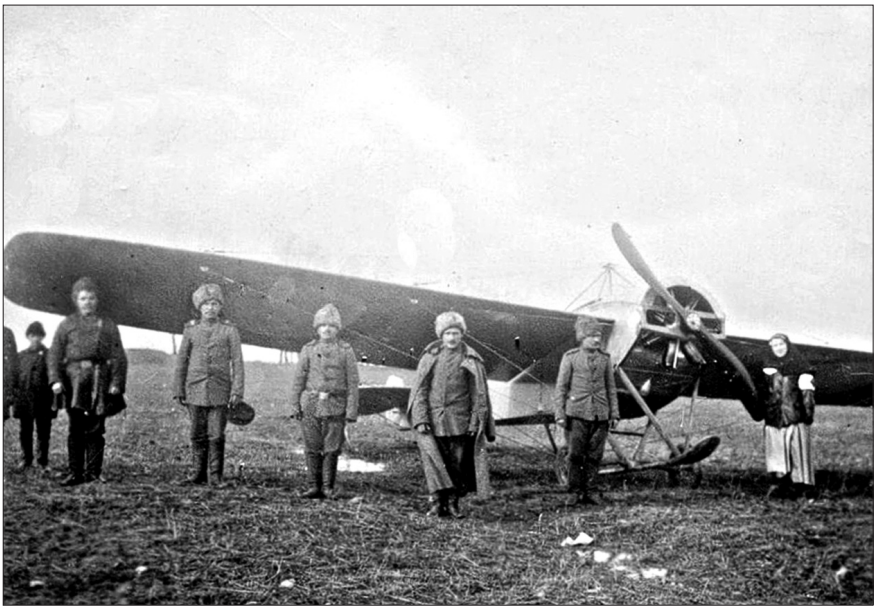
Святого Георгия, членом которой она была с 1904 года (свидетельство № 291)[48]. Она служила в частном лазарете Обуховской больницы, затем в 3 питательно-санитарном отряде частного кружка им. княгини Ксении Александровны (20 июня — 1 сентября 1915 года)[49], затем в 1916 году в первом городском лазарете (в доме в память 19 февраля 1861 года)[50].

Интересно, что в отряде имени Ксении Александровны с 13 октября 1915 года служила двоюродная сестра Елены, Елизаветы и Любови — запасная сестра милосердия Мария Сергеевна Боткина[51], дочь Сергея Петровича Боткина.

Кроме приездов родственников Любовь Боткина запечатлела на снимках быт отряда. Вспоминая работу в санитарном поезде, подруга Любови Боткиной Ольга Кондратовна Недзвецкая[52], в замужестве Самарина, также сестра милосердия этого же отряда, рассказывала: «Условия наши по передвижению всегда зависели от окружения, а не только от желания нашей бригады. Тут уж Люба “царила”. Её неторопливый певучий (как у мамы её) русский язык давал ощущение “стабильности” и желание обставить эту стабильность наиболее приятным образом»[53]. В часы досуга в поезде организовывались музыкальные концерты. Любовь Михайловна, также как её дядя и крестный Сергей Петрович Боткин, играла на виолончели. Заботиться о культурной составляющей досуга в поезде Л. М. Боткина продолжала и во время отпусков домой.

Ил. 5. Н. Н. Колосова, Н. Н. Самарин и неизвестная на прогулке. 1915
СПбГМИСР

Ил. 6. Военные и сестра милосердия на отдыхе. 1915. СПбГМИСР



Ил. 7. На фоне самолёта. 1914–1915. Военно-медицинский музей

В одном из писем она рассказывает, как занималась делами “нашего отряда”, собирала книги, фильмы»[54]. Многие фотографии представляют моменты отдыха медицинского персонала — пикники, игру в шахматы, прогулки.

Есть фотографии прямо с линии фронта, медсёстры в окопах, фотографии с военными орудиями и даже с самолётом.

Достаточно странно, что во время войны многое, в том числе и вооружение, можно было фотографировать. С одной стороны, это могли счесть шпионажем. В начале войны, в июне 1914 года Виктор Булла был арестован «за изготовление снимков с русских судов для отправки их в Германию», но ввиду имеющегося разрешения на съёмку от морского министра был освобождён из-под стражи[55]. А с другой стороны, в одном из дел в ЦГИА СПб описывается такой эпизод. Задержали женщину в «саквояже которой в том числе было обнаружено большое количество (приблизительно около двухсот) разных фотографических снимков из действующей армии с изображением на них большого количества сестёр милосердия, офицеров и солдат и документы на имя Анны Николаевны Большаковой»[56]. Однако когда выяснилось, что А. Н. Большакову обворовали, то к ней, как к обладательнице всех перечисленных фотографий, претензий не было. Не было даже подозрений в шпионаже.

Ил. 8. Медицинские работники. 1915. СПбГМИСР

Ил. 9. Перенос раненных. 1915. СПбГМИСР

Ил. 10. Вагон санитарного поезда с ранеными. Военно-медицинский музей

На некоторых снимках запечатлены переносы раненых и операции, оборудование вагонов и стационарных больничных палат. Однако необходимо отметить, что у автора фотографий не было цели показать эту обстановку, это был только фон для съёмки людей.

Есть снимки приездов высокопоставленных начальников, в частности, действительного статского советника князя Никодима Исаевича Аматуни[57], управляющего полевым складом Красного креста.

В заключение хочется отметить, что оба альбома представляют собой ценнейшие источники как по истории семьи Боткиных, так и по изучению истории Первой мировой войны. В них мы видим войну глазами обычной сестры милосердия. Мы видим радостные моменты (отдых, прогулки, приезд родственников) и грустные (операции,

раненные, кладбище). Но благодаря таким альбомам возвращаются из небытия рядовые участники войны. Сейчас многие из людей, которые запечатлены на снимках, ещё не идентифицированы, поэтому предстоит дальнейшая работа в этом направлении.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЦГИА СПб. Ф. 19 (Петроградская духовная консистория (1744–1918 годы)). Оп. 125. Д. 964. Л. 170об –171.

[2] ЦГИА СПб. Ф. 323 (Петроградская женская гимназия кн. А. А. Оболенской (1870–1918 годы)). Оп. 1. Д. 30. Л. 29об–30, 105об–106.

[3] Отчёт Комитета Российского общества Красного креста Общины сестёр милосердия имени ген.-ад. М. П. фон-Кауфмана и Школы сиделок Красного креста. С 1 января 1914 по 1 января 1915 годы. Петроград, 1916. С. 83.

[4] Список сестёр милосердия Российского общества Красного Креста, назначенных для ухода за ранеными и больными воинами в лечебных учреждениях Красного Креста, военного ведомства, общественных организаций и частных лиц. Петроград. Государственная типография, 1915. С. 563.

[5] Весь Петроград. Адресная и справочная книга г. Петрограда на 1916 год. Петроград, 1916. Кол. 1021.

[6] Собрание М. П. Боткина. СПб., 1911. С. 4.

[7] Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова. 1874–897. М., Л.: Искусство, 1949. С. 125.

[8] Николай Николаевич Самарин (1888–1954) родился в семье управляющего Невским заводом Русского общества механических и горных заводов Н. А. Самарина и О. Д., урождённой Синевой; окончил Шестую Санкт-Петербургскую гимназию в 1906 году, в том же году поступил в Императорский Санкт-Петербургский Университет на физико-математический факультет (естественный разряд по 4 группе (биология)), в 1907 году поступил в Военно-медицинскую академию, которую окончил в 1912 году. В 1918–1920 годы был ординатором больницы Ростова. С 1924 года помощник заведующего отделением в больнице им. И. И. Мечникова, с 1932 года заведующий кафедрой хирургии № 2 Ленинградского Государственного института для усовершенствования врачей, которая в 1936 году была переведена на базу больницы № 1 им. В. И. Ленина. 21 апреля 1943 года эвакуирован в Киров, в марте 1945 года вернулся на прежние должности. В апреле 1946 года Самарин был избран членом-корреспондентом Академии Медицинских Наук СССР, а феврале получил звание заслуженного деятеля науки. См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 46551; *Шугаев А. И.* Николай Николаевич Самарин: жизнь и деятельность / Николай Николаевич и Ольга Кондрадовна Самарины. СПб.: Издательский дом СПбМАПО, 2005.

[9] *Шугаев А. И.* Николай Николаевич Самарин: жизнь и деятельность / Николай Николаевич и Ольга Кондрадовна Самарины. Указ. соч. С. 8.

[10] Список сестёр милосердия Российского общества Красного Креста, назначенных для ухода за ранеными и больными воинами в лечебных учреждениях Красного Креста, военного ведомства, общественных организаций и частных лиц. Петроград: Государственная типография, 1915. С. 25.

[11] *Ветошникова Н. Б.* Ольга Кондрадовна Самарина / Николай Николаевич и Ольга Кондрадовна Самарины. Указ. соч. С. 8.

[12] Правительственный вестник. 4 ноября 1914 года. № 263.

[13] ЦГАКФФД СПб. Е-1866–1868.

[14] *Бертенсон С. Л.* Год на войне. 1914–1915: Красный крест на Северо-Западном Фронте. Петроград: Государственная типография, 1915. С. 51–52.

[15] Архив семьи Энден / *Энден Н. М.* Всё в прошлом. Между лл. 73 и 74.

[16] Архив Н. Б. Ветошниковой. Письмо Л. М. Боткиной Н. Н. Самарину. Б. д.

[17] Там же. Письмо Л. М. Боткиной Н. Н. Самарину от 4 ноября 1916 года.

[18] Там же. Письмо Л. М. Боткиной Н. Н. Самарину от 2 ноября 1916 года.

[19] Владимир Андреевич Шателен (1864–1935) — капитан I ранга Гвардейского экипажа, егермейстер Высочайшего Двора. Окончил Морской корпус. Командовал фрегатом. Был адъютантом Великого князя Александра Михайловича. Был уполномоченным Красного Креста при армии. В 1915 году член особого комитета по усилению военного флота на добровольческие пожертвования. В 1915–1916 годах директор правления общества Черноморской железной дороги. В 1918 выехал из России, сопровождал императрицу Марию Фёдоровну. В эмиграции в Англии и во Франции. Фотографий В. А. Шателена в альбомах нет.

[20] Иван Иванович Ардабьев до войны служил бухгалтером в казначействе Гатчины // Весь Петербург на 1914 год. СПб., 1914. С. 11–15.

[21] Архиепископ Сергий (в миру Алексей Николаевич Гришин (1889–1943) — епископ Русской православной церкви, архиепископ Горьковский и Арзамасский. В 1915 году окончил духовную академию и отправлен на фронт военным священником. На одной из фотографий в альбоме Военно-медицинского музея запечатлён священнослужитель, но не Гришин.

[22] Правительственный вестник. 4 ноября 1914 года. № 263.

[23] Список сестёр милосердия Российского общества Красного Креста, назначенных для ухода за ранеными и больными воинами в лечебных учреждениях Красного Креста, военного ведомства, общественных организаций и частных лиц. Петроград: Государственная типография, 1915. С. 533, 504, 880, 536, 438, 439, 508, 510, 512, 461, 468, 548,549, 552, 483, 647.

[24] Вера Владимировна, урождённая графиня Клейнмихель (1877–1948), бывшая жена князя Д. И. Джамбакуриан-Орбелиани, в 1919 вышла замуж за Вадима Николаевича Шебеко.

[25] Вероятнее всего, не та другая Е. В. Игнатьева, которая указана в газете (Правительственный вестник. № 263. 4 ноября 1914 год.) как графиня, так как 1) в списке 1915 года она названа сестрой военного времени, т. е. получившей свидетельство ускоренных курсов сестёр милосердия, а графиня Е. В. Игнатьева была сестрой милосердия с 20-летним стажем, 2) графиня Е. В. Игнатьева скончалась в октябре–ноябре 1914 года в санитарном поезде, 3) сохранились фотографии графини, в том числе в сестринском одеянии, и её лица нет на страницах альбомов Л. М. Боткиной.

[26] Мария Илиодоровна, урождённая Горленко (1891–1967), в 1-м браке Коломнина, во 2-м Орлова.

[27] Электронный ресурс. Режим доступа (дата обращения 29.06.2016): http://medalirus.ru/georgievskie-kavalery/prikazy.

[28] Николай Михайлович Энден (1876–1961) — муж Екатерины Михайловны, урождённой Боткиной. Окончил Псковский кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище, с 1901 года в Михайловской артиллерийской академии. Эмигрировал во Францию. Написал мемуары.
[29] Михаил Николаевич Энден (1901–1975) — сын Н. М. и Е. М. Энден. Эмигрировал во Францию. Журналист, экономист.
[30] Архив семьи Энден / Энден Н. М. Всё в прошлом. Л. 47.
[31] Там же. Между лл. 73 и 74.
[32] Вера Николаевна Карпова (1892–1965) — дочь Николая Ивановича Гучкова и Веры Петровны, урождённой Боткиной. После революции эмигрировала во Францию.
[33] Список сестёр милосердия Российского общества Красного Креста, назначенных для ухода за ранеными и больными воинами в лечебных учреждениях Красного Креста, военного ведомства, общественных организаций и частных лиц. Петроград: Государственная типография. 1915.
[34] Геннадий Геннадьевич Карпов (1888–1952) — сын историка Геннадия Фёдоровича Карпова. После революции эмигрировал во Францию.
[35] Архив семьи Энден / *Энден Н. М.* Всё в прошлом. Л. 31.
[36] Там же.
[37] Архив семьи Энден / *Н. М. Энден.* Дела давно минувших дней. 1917–1921. Л. 1.
[38] Елена Михайловна Боткина (1882–1964) — дочь Михаила Петрович Боткина и Екатерины Никитичны, урождённой Солодовниковой. В 1900 году окончила Василеостровскую гимназию. В 1915 году попечительница Ольгинского Приюта Трудолюбия для детей лиц, находящихся на излечении или скончавшихся в Петроградской городской больнице Св. Марии Магдалены. В советское время работала медицинской сестрой в больнице им. В. И. Ленина. Получила награду «За оборону Ленинграда».
[39] Нормальный устав общин сестёр милосердия Российского Общества Красного Креста: утв. 13 мая 1903 года. Киев: Типография Штаба Киевского военного Округа, 1903. С. 24–25. Запасные сёстры получают право на ношение формы только при призыве на действительную службу.
[40] ИРЛИ РАН. Ф. 365 (Фонд М. П. Боткина). Оп. 1. Д. 140. Л. 59 об.
[41] ЦГИА СПб. Ф. 403 (Община сестёр милосердия Св. Георгия (г. Петроград) (1870–1917)). Оп. 1. Д. 336. Л. 7об.
[42] Весь Петроград на 1916 год. Петроград, 1916. Кол. 672.
[43] ЦГИА СПб. Ф. 403 (Община сестёр милосердия Св. Георгия (г. Петроград) (1870–1917)). Оп. 1. Д. 431. Л. 45об, 64об.
[44] Архив Н. Н. Немченко / Свидетельство о награждении Е. М. Боткиной. 30 июня 1916 года.
[45] Архив Н. Н. Немченко / Удостоверение о командировании Е. М. Боткиной. 13 мая 1917 года.
[46] Елизавета Михайловна Зеленская (1884–1942, блокада) — дочь Михаила Петрович Боткина и Екатерины Никитичны, урождённой Солодовниковой. В 1900 году окончила Василеостровскую гимназию, в 1904 году — Высшие женские курсы. В 1920–1928 годах работала педагогом в Детском специализированном костнотуберкулезном санатории им. профессора А. А. Боброва в Крыму, с 1930-х

годов в Ленинградском Государственном институте для усовершенствования врачей и Военно-медицинской академии преподавательницей иностранных языков. В блокаду была школьной учительницей.

[47] ЦГИА СПб. Ф. 403 (Община сестёр милосердия Св. Георгия (г. Петроград) (1870–1917)). Оп. 1. Д. 431. Л. 114.

[48] ЦГИА СПб. Ф. 403 (Община сестёр милосердия Св. Георгия (г. Петроград) (1870–1917)). Оп. 1. Д. 500. Л. 3.

[49] ЦГИА СПб. Ф. 403 (Община сестёр милосердия Св. Георгия (г. Петроград) (1870–1917)). Оп. 1. Д. 331. Л. 69об.

[50] ЦГИА СПб. Ф. 403 (Община сестёр милосердия Св. Георгия (г. Петроград) (1870–1917)). Оп. 1. Д. 431. Л. 42.

[51] ЦГИА СПб. Ф. 403 (Община сестёр милосердия Св. Георгия (г. Петроград) (1870–1917)). Оп. 1. Д. 328. Л. 11об. Мария Сергеевна Боткина (1875–1960) получила звание сестры милосердия общины Св. Георгия в 1904 году, была сестрой милосердия во время Русско-японской войны (1904–1905 годов) и Мессинского землетрясения 1908 года. После революции осталась в Финляндии.

[52] Ольга Конрадовна Недзвецкая (1887–1972) — дочь присяжного поверенного Конрада Викторовича Недзвецкого. Окончила гимназию А. А. Оболенской с золотой медалью, в 1912 году закончила Консерваторию и Высшие Женские курсы. Сестра милосердия военного времени 1914 года. С 1918 по 1923 годы — приват-доцент Государственного Петроградского университета. Работала в Ленинградском Государственном институте для усовершенствования врачей и в Военно-медицинской академии преподавательницей иностранных языков.

[53] *Ветошникова Н. Б.* Ольга Кондрадовна Самарина / Николай Николаевич и Ольга Кондрадовна Самарины. СПб.: Издательский дом СПбМАПО, 2005. С. 41.

[54] Архив Н. Б. Ветошниковой / Письмо Л. М. Боткиной Н. Н. Самарину от 1 ноября 1916 года.

[55] *Бархатова Е. В.* Русская светопись. Первый век фотоискусства 1839–1914. СПб.: Лики России, 2009. С. 361.

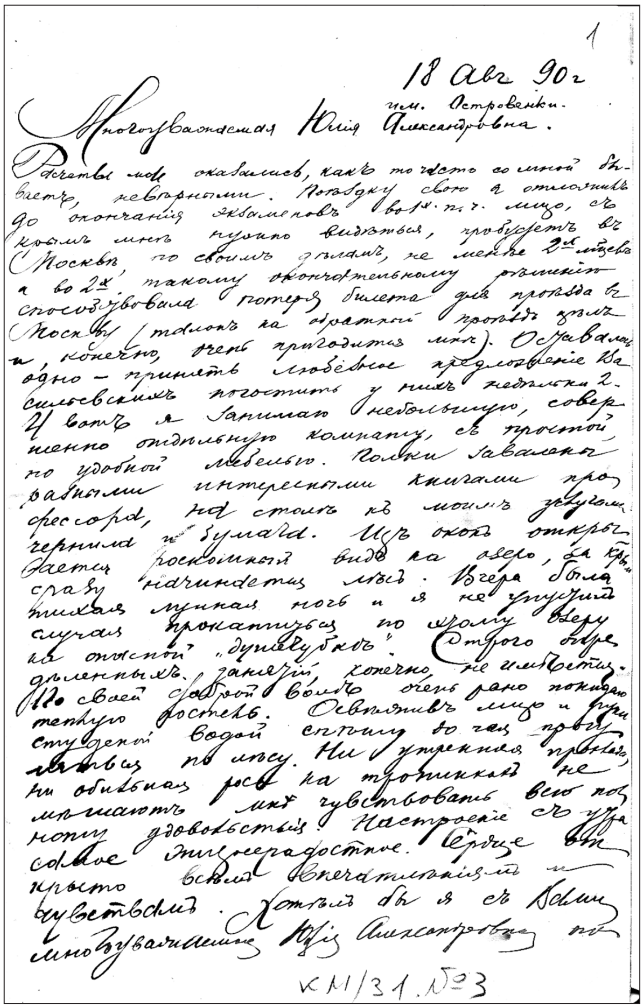
[56] ЦГИА СПб. Ф. 151 (Община сестёр милосердия имени генерал-адъютанта М. П. фон Кауфмана Российского общества Красного Креста (1900–1918)). Оп. 1. Д. 88. Л. 305.

[57] Князь Никодим Исаевич Аматуни (1862(5)–1946) — действительный статский советник, общественный деятель; состоял на службе в Российском обществе Красного Креста. Главное управление Общества командировало его в распоряжение своего главноуполномоченного на Северо-западном фронте. В эмиграции жил в Париже. См. биографию: *Дмитриев С. В.* Князь Н. И. Аматуни и его экспедиции в район Персидского залива (1904–1907 годы) // Восток. 2011. № 2. С. 43–50.

Е. А. СЕНТЯКОВА
(Кафедра философии и социологии Санкт-Петербургского государственного института культуры; Санкт-Петербург)

ЭПИСТОЛЯРНЫЙ АРХИВ А. Л. ЛИПОВСКОГО В МУЗЕЕ ИСТОРИИ ШКОЛЫ К. И. МАЯ

В 2015 году исполнилось 20 лет Музею истории школы Карла Мая[1]. История Гимназии и Реального училища К. Мая не может не привлечь внимание мыслящего человека, заботящегося о процветании и будущем своей страны. Выдающийся педагог Карл Иванович Май (1820–1895)[2] сумел создать учебное заведение на высоких гуманистических принципах воспитания, давшее пример школы, выпускавшей знающих и честных людей, способных до конца исполнять свой долг и преданных Родине[3]. Здесь же учились все мужчины семьи Рерихов[4]. Память обо всех талантливых педагогах и выпускниках этой школы хранит её Музей. В его фондах множество уникальных документов и материалов, которые являются свидетельством истории выходящей за пределы одной школы, а отражают непростую судьбу России. И среди них находится также архив Александра Лаврентьевича Липовского (1867–1942), преподававшего в школе русский язык и историю с 1891 по 1929 годы. А. Л. Липовский был также третьим директором школы (1906–1920), именно при нём школа достигла кульминации своего развития. Этот прекрасный человек, учёный-славяновед, учитель с большой буквы оставил после себя большое наследие. Часть его архива была передана Никите Владимировичу Благово, заведующему Музеем истории школы, дочерью Липовского — Татьяной Александровной Щукаревой. В нём находятся разные материалы: записные книжки А. Л. Липовского, различные документы, фотографии, рисунки учеников Гимназии и Реального училища К. Мая, материалы празднования 25-летия педагогической деятельности А. Л. Липовского, тексты речей и выступлений А. Л. Липовского и пр. И среди этого значительную часть архива составляют письма. Всего их 166 единиц (не учитывая письма и поздравительные телеграммы к 25-летию педагогической деятельности). Наряду с письмами самого Липовского и письмами к нему (118 ед.), в архиве есть переписка Татьяны Александровны Щукаревой (12 ед.), письма, адресованные Юлии Александровне Игнатович (в замужестве Липовской, супруге А. Л. Липовского) (21 ед.), письма, адресованные не Липовскому (3 ед.), а также семейная переписка (12 ед.).



1

18 Авг 90 г
им. Островенки.

Многоуважаемая Юлія Александровна.

Расчеты мои оказались, какъ то часто со мной бываетъ, невѣрными. Поѣздку свою я отложилъ до окончанія экзаменовъ въ 1-м. п. т. лицѣ, съ коимъ мнѣ нужно видѣться, проведетъ въ Москвѣ по своимъ дѣламъ, не менѣе 2-хъ мѣсяцевъ а во 2-хъ, такому окончательному рѣшенію способствовала потеря билета для проѣзда въ Москву (тамъ на обратной проѣздъ былъ и, конечно, очень пригодился мнѣ). Оставалось одно — принять любезное предложеніе Василевскихъ погостить у нихъ недѣльки 2. И вотъ я занимаю небольшую, совершенно отдѣльную комнату, съ простой но удобной мебелью. Полки завалены разными интересными книгами профессора, на столѣ въ моемъ распоряженіи черныя бумаги. Изъ окна открывается роскошный видъ на озеро, за которымъ сразу начинается лѣсъ. Вчера была тихая лунная ночь и я не упустилъ случая прокатиться по кругу озера въ отличной „дупелькѣ". Строго говоря, экипажи, конечно, не имѣется. Но своей доброй волѣ очень рано покидаю теплую постель. Освѣживъ лицо и грудь студеной водой сплошу до гаю, правлюсь въ лѣсъ. Ни утренняя прохлада, ни обильная роса на тропинкѣ не мѣшаютъ мнѣ чувствовать всю полноту здоровьства. Настроеніе съ утра особое эпическо-радостное. Сердце просто вскипаетъ впечатлѣніями и чувствами. Хотѣлъ бы я съ Вами, многоуважаемая Юлія Александровна, по

КМ/31. № 3

Ил. 1. Письмо А. Л. Липовского Ю. А. Игнатович (Липовской)
18 августа 1890 года (фрагмент)

Писем, написанных самим Александром Лаврентьевичем, сохранилось всего 17, среди них одно письмо адресовано **Александру Викентьевичу** (вероятно, Игнатовичу, будущему тестю), отправленное из Рима, все остальные адресованы супруге **Юлии Александровне Липовской** (1868–1948), в девичестве Игнатович. Все эти письма написаны из поездок Александра Лаврентьевича Липовского. Первое от 14–15 июня 1891

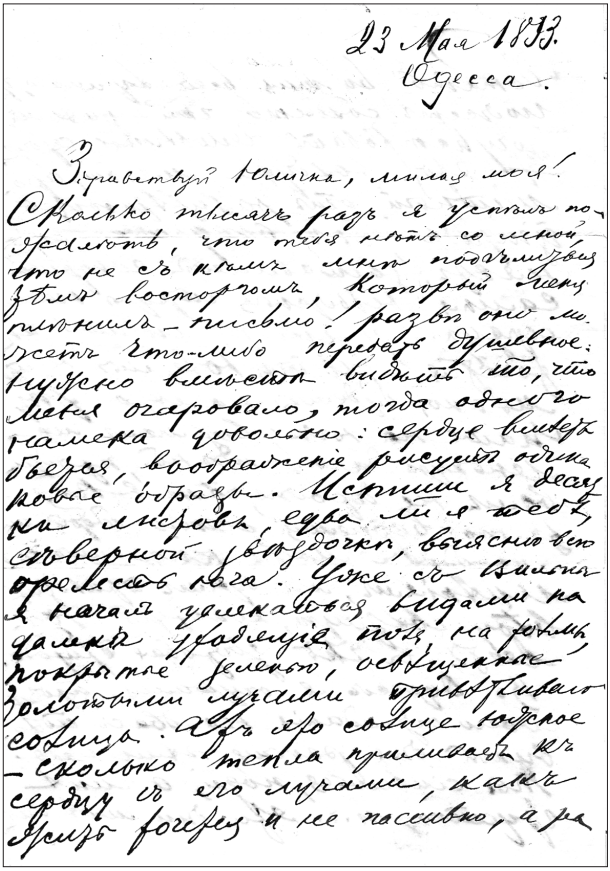
года из Рима, наполнено рассказами о путешествии, сделанных наблюдениях за итальянской жизнью, впечатлениями о посещении Ватикана: *«в Ватикане — вот где сокровища, вот где истинная красота и вечная память о древности... Удалось мне, благодаря одной рекомендации, проникнуть и в рукописное отделение. Проф[ессора] приняли оч[ень] любезно, раскрыли мне слав[янские] рукописи <...>»*[5].

Письма к супруге охватывают период с 1890 по 1895 годы, первые относятся ещё к девичеству Юлии Александровны (она вышла замуж 24 сентября 1893 года). Самое раннее от 18 августа 1890 года из имения Островенки, в котором он гостил у Василевских: *«хотел бы я с Вами, многоуважаемая Юлия Александровна, поделиться своими впечатлениями, но как их уловить, как найти единство в их разнообразии... Большею частью они столь же неопределённы, как звуки, которыми полон окружающий меня лес, столь же пестры, как жизнь. Конечно, есть определённое желание, есть то, что называется задача жизни. К её осуществлению направляется вся моя деятельность, но кроме этой основной сущности духовной жизни далее всё переменчиво. Я верю в судьбу, но понимаю то её иначе, чем другие. Судьба моя — это мой темперамент. Я везде ищу хорошего, и так как оно везде есть, я всем сильно увлекаюсь. За впечатлением следует впечатление, за чувством чувство; раздражение смениться может добротой, печаль весёлостью и т. д. Здесь моё несчастье, здесь же должно искать и счастья. Конечно, кроме характера, к человеку привито извне — из семейного воспитания, из школы, из общества — много нового, влияющего на дальнейшее поведение человека. Но основа остаётся одна. Что бы там не внушали, но трудно пылкое сменить влечение. Раз запала в голову мысль (как запала — другой вопрос) добиться профессуры, как средства наибольшего влияния на общество, трудно от неё отказаться, трудно примириться с какой-то скромной долей»* (ил. 1)[*].

Следующая группа писем Липовского к невесте относится к его Ближневосточному путешествию 1893 года (записные книжки этого путешествия также хранятся в Музее). Первое из них написано 23 мая 1893 года в Одессе (ил. 2) и наполнено восторженными описаниями красот юга: *«испиши я десятки листов, едва ли я тебе, северной звёздочке, выясню всю прелесть юга...»*. Следующее письмо написано 25–27 мая на пароходе «Корниловъ», в нём Липовский описывает морской переход из Одессы в Константинополь. Далее идут письма из Мерсина с описанием г. Смирны (от 1 июня 1893 года), из Алеппо (июнь 1893 года), из Иерусалима (от 20 июня 1893 года) и из Триполи (с Египетского парохода).

---

[*] Это и все другие приводимые письма — из архива Музея истории школы К. И. Мая, Санкт-Петербург.



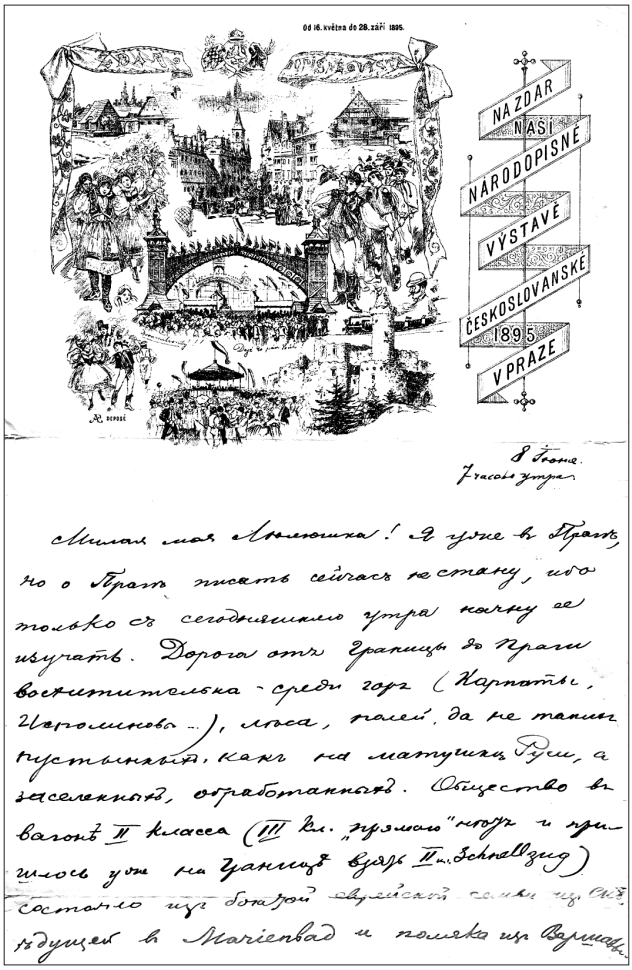
23 Мая 1893.
Одесса.

Здравствуй Юличка, милая моя!
Сколько тысячь разъ я успѣлъ по-
жалѣть, что тебя нѣтъ со мной,
что не съ кѣмъ мнѣ подѣлиться
тѣмъ восторгомъ, который чаро-
вѣнилъ — письмо! развѣ оно мо-
жетъ что-либо передать душевное:
нужно вмѣстѣ видѣть то, что
меня очаровало, тогда одного
намека довольно: сердце вмѣстѣ
бьется, воображеніе рисуетъ обѣ-
новые образы. Истинно я desu
ки мировъ, едва ли я тебѣ,
сѣверной бѣздочкѣ, выясню всю
прелесть юга. Уже съ Измаила
я началъ умиляться видами на
далекія урочища, то, на фонѣ
покрытое зеленью, освѣщенное
золотыми лучами отвѣтливаго
солнца. А въ яро солнце южное
— сколько тепла вливаетъ въ
сердце съ его лучами, какъ
греетъ и не пассивно, а ра-

Ил. 2. Письмо А. Л. Липовского Ю. А. Игнатович (Липовской) (фрагмент). Одесса, 23 мая 1893

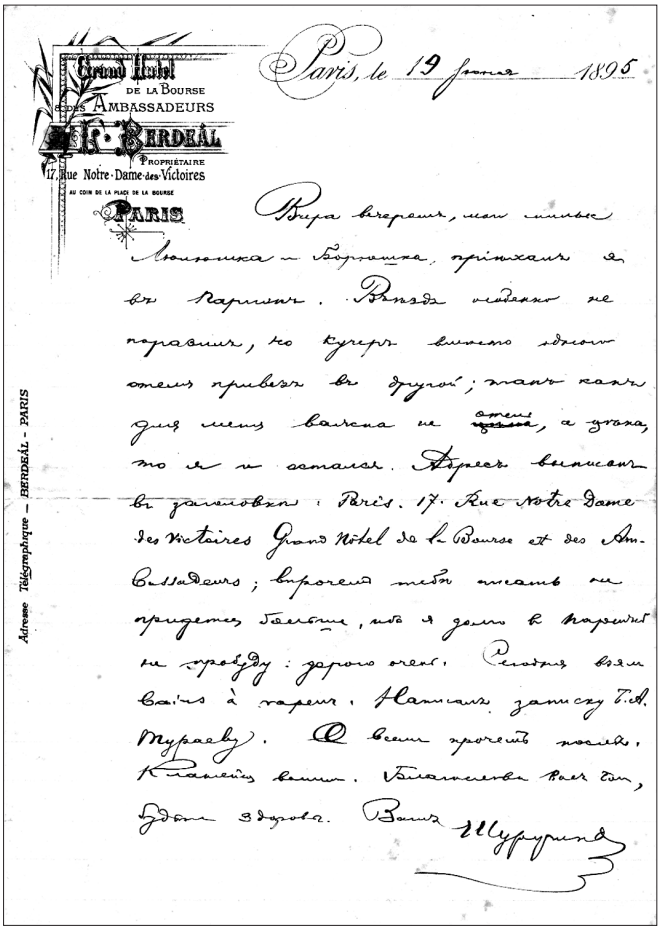
Вот несколько строк из одного из них: *«теперь я в Иерусалиме, городе, посещение которого, служило заветной целью земной жизни массы народов, городов, который до сих пор не потерял своего обаяния для многих, неудовлетворённых т. н. европейской цивилизацией с её ложью, искусственность, и главным образом, с её ужасной несправедливостью <...>.*

В 9 вечера здесь кончается день. Вот колоссальная разница с большими городами Европы. Там вечером лишь живут — из всех кафе-ресторанов, ярко освещённых, льются звуки музыки, приятной и неприятной; улицы и площади толпы народа, в воздухе стоит гул. Здесь я вышел в сад, находящийся при подворье, прошёл по 2–3 улицам, близким к центру, — почти ни души — разве кто спешно возвращается домой — ни звука — разве залает собака. Словно боится человек профанировать своими ночными



Ил. 3. Письмо А. Л. Липовского Ю. А. Липовской (фрагмент)
Прага, 8 июня 1895

развлечениями святость места. Действительно это небо прозрачно-голубое с мириадами ярких звёзд, так величественно выглядит здесь, что заставляет вас молчать. Хочется услышать музыку, но как бы резала ухо наша светская музыка, — нет подходящею здесь была бы лишь небесная музыка, написанная не под впечатлением мелочей наших будней и отражающая эти мелочи, а музыка сосредоточенной молитвы, глубокой мировой печали, наконец, музыка высших чистых вдохновений, которая бы всеми звуками отражала лишь гармонию неба и вселенной земли...».


Grand Hôtel de la Bourse et des Ambassadeurs
F. Berdéal
Propriétaire
17, Rue Notre-Dame-des-Victoires
au coin de la place de la Bourse
Paris
Adresse Télégraphique — BERDÉAL - PARIS

Paris, le 19 juin 1895

Вчера вечером, мои милые Мышонка и Барышня, приехали я в Париж. Погода отлично не поправилась, но курорт вполне здесь отсюда привлек в другой; мало как для меня вполне ~~отсюда~~ отсюда, а зная, то я и сомнал. Адресс выписан в записной: Paris. 17. Rue Notre Dame des Victoires Grand Hôtel de la Bourse et des Ambassadeurs; вероятно тебя писать не придется, больше, что я домой в Париже не проеду: дорого очень. Сегодня вам bains à vapeur. Планы завтра Т. А. Тураеву. О всем расскажу тогда. Кланяйся всем. Благословляю вас, будьте здоровы. Ваш Шуруппа

Ил. 4. Письмо А. Л. Липовского к Ю. А. Липовской. Париж, 19 июня 1895

Следующие письма относятся к 1895 году, написаны во время его посещения этнографической выставки в Чехословакии, проходившей с 16 мая по 28 сентября 1895 года в Праге, а также сопутствующих поездок по Европе. Первое письмо от 8 июня 1895 года из Праги (ил. 3), на бланке с фотографией Карлова моста, в котором он сообщает о прибытии на место и ближайших планах, затем письмо от 11–13 июня 1895 года, в котором описывает местную жизнь и делится впечатлениями. Письмо от 19 июня 1895 года написано уже из Парижа (ил. 4), в следующем от 24 июня 1895 года он описывает свои посещения галерей Лувра, Люксембургского дворца, Версаля, впечатления от Парижской жизни. Письмо от 1 июля написано уже из Берлина.

На этом письма самого Александра Лаврентьевича заканчиваются. Все эти письма написаны молодым человеком, начинающим педагогом и учёным, в них частично раскрывается богатая личность автора с его глубокими духовными запросами, широтой интересов и целеустремлённостью.

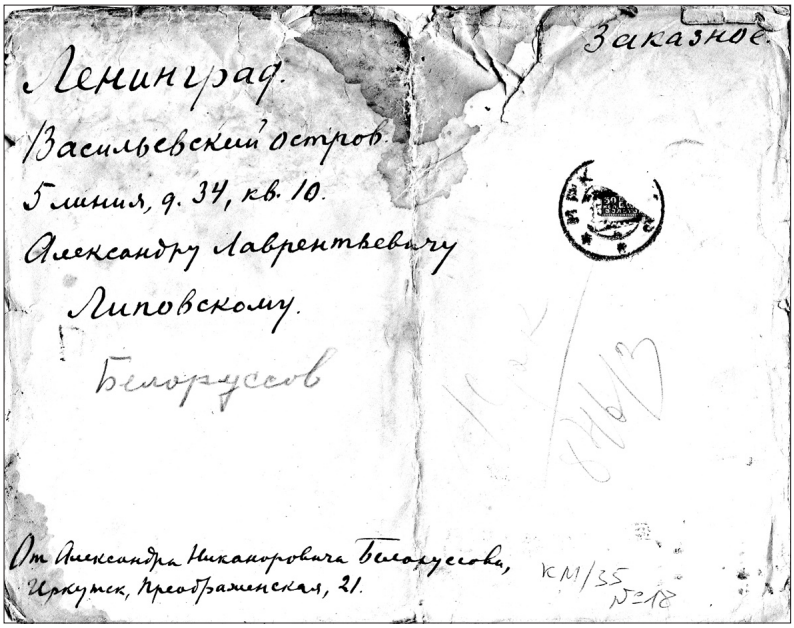
Несмотря на то, что писем А. Л. Липовского сохранилось немного, сам архив представляет значительную историческую и научную ценность. Среди адресатов А. Л. Липовского встречаются крупные деятели отечественной культуры, представители научной и педагогической интеллигенции. Переписка с некоторыми из них длилась по нескольку лет и даже десятилетий.

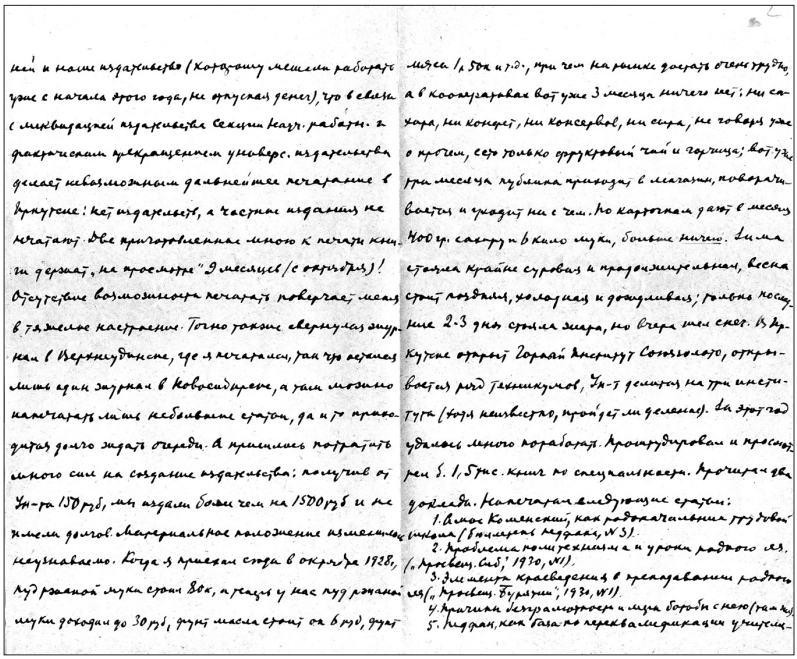
Так значительным числом (12 ед.) представлены письма от литературоведа и педагога **Александра Никаноровича Белоруссова** (1896–1942), чья деятельная натура заслуживает внимания. Эти письма охватывают собою период с 1929 по 1935 годы, написаны из различных мест его проживания и работы — Иркутска, Владивостока и Куйбышева (Самары) и представляют значительный интерес благодаря их обстоятельности. Письма эти носят деловой характер, весьма подробно раскрывают занятия и обязанности на местах самого автора, а также подробно рисуют непростую жизнь педагога (да и каждого человека того времени) на местах. В них так наглядно представлены реалии того времени, что уместно привести значительные выдержки из них.

Письмо от 12 февраля 1930 года из Иркутска: «...жизнь тоже кипит. Перешли на непрерывку, отменили все лекции, уничтожили кабинеты и устроили общий читальный зал, делаем два выпуска в год, вычистили проф. Г. С. Виноградова (без права служить), намечаются следующие <...>. Жизнь дорогая: денег не хватает, выдают ½ ф. хлеба в день и 1 ф. сахара в месяц, в магазинах ничего нельзя купить, на рынке было мясо, но исчезло. Тяжёлая обстановка в Университете — критика литературных кафедр. Перебрался бы с удовольствием в Ленинград за небольшой оклад по научной работе. Здесь нет возможности вести научную работу, трудно печататься <...>».

Из письма написанного несколько позднее, от 10 июня 1930 года (ил. 5):

«Глубокоуважаемый Александр Лаврентьевич. Очень давно собирался написать Вам, но всё время был так загружен делами, что не мог выбрать минуты. В первом полугодии имел, кроме всего прочего, большую общественную нагрузку; во втором полугодии в связи с введением единоначалия и упразднением Комиссий поосвободился, но зато в связи с двойным выпуском пришлось провести двойную академическую работу (которую не оплатили за отсутствием средств). Измотался и переутомился крайне, так что последний месяц, кроме служебной работы (которой





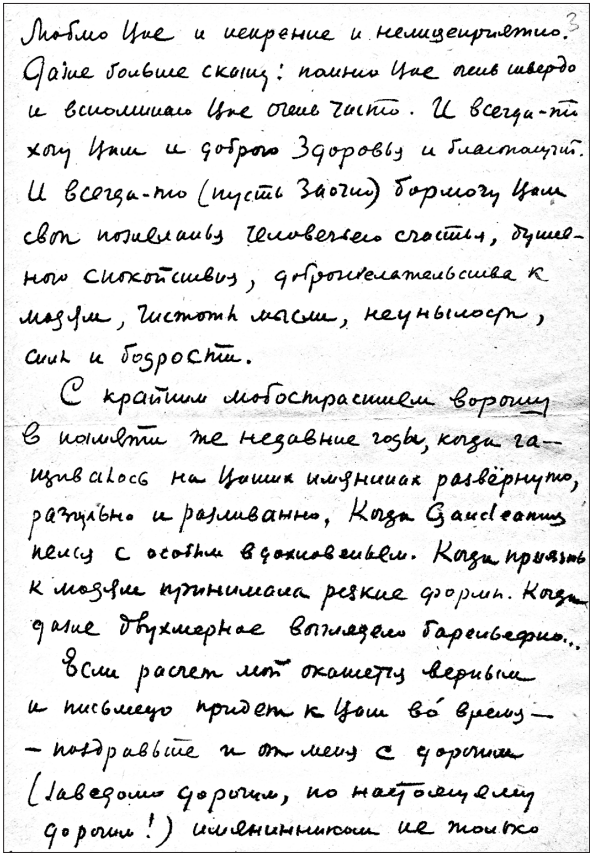
кей и наши издательство (хорошо мешали работать уже с начала этого года, не отпуская денег), что в связи с ликвидацией издательства секции научн. работн. и фактическим прекращением универс. издательства делает невозможным дальнейшее печатание в Иркутске: нет издателей, а частные издатели не печатают. Две приготовленные мною к печати книги держат, не просмотрев "9 месяцев (с открытия)"! Отсутствие возможности печатать повлияет меня в тяжелое настроение. Точно такое свернулась эпидемия в Верхнеудинске, где я печатался, так что осталась лишь один журнал в Новосибирске, а там можно напечатать лишь небольшие статьи, да и то правда долго ждать очереди. А пришлись потратить много сил на создание издательства: получив от Уп-ра 150 руб, мы издали более чем на 1500 руб и не имеем долгов. Материальное положение изменилось неуловимо. Когда я приехал сюда в октябре 1928, пуд ржаной муки стоил 80к, а рисуя у нас пуд ржаной муки доходил до 30 руб, фунт масла стоит он 6 руб, фунт мяса 1,50к и т.д., при чем на рынке достать очень трудно, а в кооперативах вот уже 3 месяца ничего нет: ни сахара, ни конфет, ни консервов, ни сыра, не говоря уже о прочем, есть только фруктовый чай и горчица; вот уже три месяца публика приходит в негодование, поворчивается и уходит ни с чем. По карточкам дают в месяц 400 гр. сахару и 1 кило муки, больше ничего. Зима стояла крайне суровая и продолжительная, весна стоит поздняя, холодная и дождливая; только последние 2-3 дня стоит жара, но вчера шел снег. В Иркутске открыт Горный институт Советского, открываются ряд техникумов, Ун-т делится на три института (куда неизвестно, пойдет ли дележка). За этот год удалось много поработать. Прокорректировал и просмотрел 5. 1,5 тыс. книг по спецкомнаторе. Прочитал два доклада. Напечатал следующие статьи:

1. Я. А. Коменский, как родоначальник труд. школы (Большая педагог. Э. 3).
2. Проблема политехнизма и и уроки родного яз. („Просвещ. Сиб", 1930, № 1).
3. Элементы краеведения в преподавании родного яз („Просвещ. Бурятии", 1930, № 1).
4. Грамотность и наука борьбы с нею (там же).
5. Недостатки, пути и задачи по переквалификации учителя-

Ил. 5а, б. Конверт и фрагмент письма А. Н. Белоруссова. 10 июня 1930 года

достаточно), ничего не могу делать. Лишь теперь подвожу итоги и принимаюсь за свои дела. Этот год был крайне тяжёлый. Самокритика бушевала в таких формах, что прямо хоть бросай всё и беги, куда глаза глядят. Многие профессора собираются к осени уезжать отсюда. В связи с упразднением комиссий упразднена и комиссия по связи с учит[елями], а вместе с ней и наше издательство (которому мешали работать уже с начала этого года, не отпуская денег), что в связи с ликвидацией издательства секции науч[ной] работы и фактическим прекращением универс[итетского] издательства делает невозможным дальнейшее печатание в Иркутске: нет издательств, а частные издания не печатают. Две приготовленных мною к печати книги держат "на просмотре" 9 месяцев (с октября!). Отсутствие возможности печатать повергает меня в тяжёлое настроение. Точно также свернулся журнал в Верхнеудинске[6]*, где я печатался, так что остался лишь один журнал в Новосибирске, а там можно напечатать лишь небольшие статьи, да и то приходится долго ждать очереди. А пришлось потратить много сил на создание издательства: получив от Ун-та 150 руб., мы издали более чем на 1500 руб. и не имели долгов. Материальное положение изменилось неузнаваемо. Когда я приехал сюда в октябре 1928 г., пуд ржаной муки стоил 80 к., а теперь у нас пуд ржаной муки доходит до 30 руб., фунт масла стоит ок. 6 руб., фунт мяса 1р. 50 к. и т. д., причём на рынке достать очень трудно, а в кооперативах вот уже 3 месяца ничего нет: ни сахара, ни конфет, ни консервов, ни сыра, не говоря уже о прочем, есть только фруктовый чай и горчица; вот уже три месяца публика приходит в магазин, поворачивается и уходит ни с чем. По карточкам дают в месяц 400 гр. сахару и 6 кило муки, больше ничего. Зима стояла крайне суровая и продолжительная, весна стоит поздняя, холодная и дождливая; только последние 2–3 дня стояла жара, но вчера шёл снег. В Иркутске открыт Горный институт Союззолото, открывается ряд техникумов, Ун-т делится на три института (хотя неизвестно пройдёт ли деление). За этот год удалось много поработать. Проштудировал и просмотрел б[олее] 1,5 тыс. книг по специальности. Прочитал два доклада. Напечатал следующие статьи <...>»* (далее автор перечисляет статьи и выполненную работу за год). Из этих писем становится понятным, что между автором и А. Л. Липовским шёл активный обмен научными статьями и творческими замыслами, педагогической литературой и пр., и это несмотря на тяжёлые жизненные условия адресатов.

Среди других писем к Липовскому выделяются также письма (3 ед.) от **Якова Петровича Гребенщикова** (1887–1935), библиотековеда, библиографа, библиофила и собирателя книг[7]. Я. П. Гребенщиков был активным сотрудником Публичной библиотеки (1921–1930). Как библиофил он был широко известен в писательских и интеллигентских кругах, его


Люблю Вас и искренне и неизменчиво.
Даже больше скажу: помню Вас очень твердо
и вспоминаю Вас очень часто. И всегда-то
хочу Вам и доброго здоровья и благополучия.
И всегда-то (пусть заочно) желаю Вам
свои пожелания человечьего счастья, душе-
ного спокойствия, доброжелательства к
людям, чистоты мысли, неунывости,
сил и бодрости.
С крайним любострастием вспоминаю
в понятии же недавние годы, когда га-
лицвалось на Ваших именинах развёрнуто,
разгульно и размашисто. Когда Василеостров
пел с особым вдохновением. Когда приязнь
к людям принимала резкие формы. Когда
даже двухмерное воглядело барельефно...
Всем расчет мой окончен верным
и письмецо придет к Вам во время —
— поздравьте и от меня с дорогим
(заведомо дорогим, но настоящему
дорогим!) именинником не только

Ил. 6. Письмо Я. П. Гребенщикова (фрагмент). 6 декабря 1933 года

даже называли «Книгочей Василеостровский». Уважая в нём большого знатока книг, с ним дружили литераторы Е. И. Замятин, В. Я. Шишков, К. А. Федин, С. М. Алянский, А. М. Ремизов и многие другие. Его письма к А. Л. Липовскому очень трогательны и сердечны. Последнее из них написано из ссылки в Алма-Ате (6 декабря 1933 года), куда он был сослан в мае 1933 года и из которой он так и не вернулся. Все эти письма — это поздравления с Днём ангела от близкого друга и единомышленника. В послании от 23 ноября 1924 года он пишет:

«Неестественен обычай Ваш не в положенный день и не в положенный час праздновать своего Ангела, но — схваченный фактом — следую этой “чужой” манере, такому “турецкому” поведению и поздравляю Вас, милый дорогой Александр Лаврентьевич! Поздравляю на совесть, от чистого сердца. Также на совесть, совсем без рисовки и вовсе

без жестов хочу Вам от Бога здоровья, счастья, крепкого духа, вольготного воздуха. По человечески люблю Вас, ценю в Вас Ваши мягкость и деликатность, почитаю в Вас старшего — мудрого, терпимого, прощающего, снисходительного, — с завистью любуюсь Вашим юношеским поведением. Нередко о Вас думаю — ведь действительно мало людей, с которыми быть спокойно, на которых можно положиться, в кого веришь <...>».

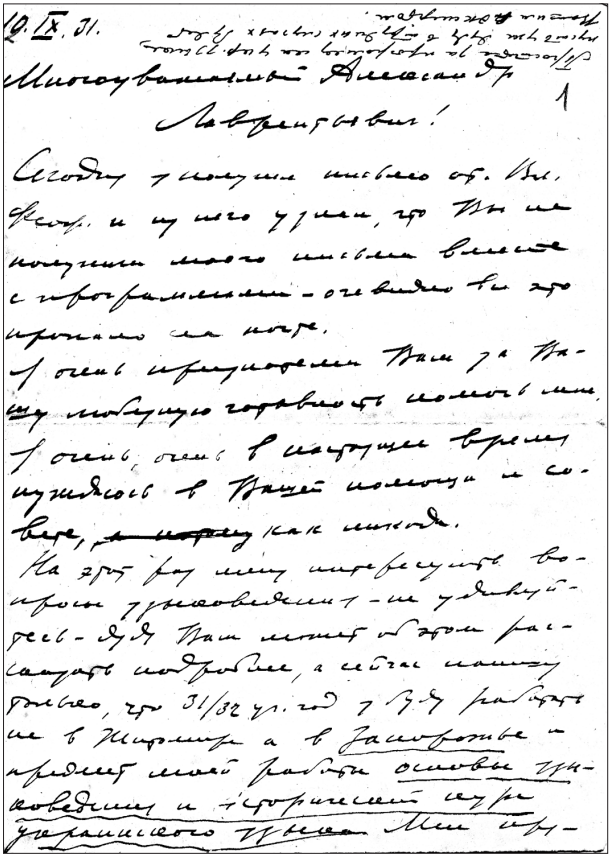
А это строки из последнего письма от 6 декабря 1933 года (ил. 6): *«...в Ваш именинный день я вспоминаю Вас ежегодно с особым волненьем. Потому что — люблю. Люблю Вас и искренне и нелицеприятно. Даже больше скажу: помню Вас очень твёрдо и вспоминаю Вас очень часто <...>.*

С крайним любострастием ворошу в памяти же недавние годы, когда гащивалось на Ваших именинах развёрнуто, разгульно и разливанно. Когда Gaudeatus пелся с особым вдохновением. Когда приязнь к людям принимала резкие формы. Когда даже двухмерное выглядело барельефно <...>.

О себе пока умолчу. Скажу лишь, что живу плохо. Нестерпимо тоскую по семье. Отсутствие сына сводит с ума. Тоскую, глубоко и безнадёжно о книгах. Без книг я — не жилец на белом свете. Обрастать же здесь, в Алма-Атишке, — и поздно и неуместно и невозможно. Преданный Вам и истинно любящий, Я. Г.». В марте 1934 года последовало решение о досрочном освобождении, однако состояние здоровья не позволило Якову Петровичу вернуться в Ленинград. В марте 1935 он умер, был похоронен в Алма-Ате.

Также в письменном архиве Липовского сохранилось два письма от **Александра Михайловича Евлахова** (1880–1966), литературного критика, педагога и врача-психиатра, бывшего преподавателя русского языка в Гимназии К. Мая (1904–1908). Оба письма относятся к лету 1931 года и касаются выбора места работы между Ленинградом и Ташкентом, предпочтение было отдано второму, по причине лучших жилищных условий. Вот строки из первого письма: *«Дорогой Александр Лаврентьевич, повидавшись с Вами в Ленинграде, я убедился, что ничто в нашей дружбе за эти 23 года (мы уехали в 1908!) не изменилось, а Вы по-прежнему, добры ко мне настолько, что предлагали у Вас пристанище <...>».*

Есть одно письмо от **Сергея Александровича Жебелёва** (1867–1941) филолога-классика, специалиста в области античной истории[8]. Оно от 10 мая 1929 года, в нём он выражает благодарность за дружеский привет и добрые пожелания и вспоминает годы обучения в Университете: *«Хороши, для меня, пожалуй, наилучшее время, были Ун[иверситетские] годы, когда мы с Вами, с покойным Б. А. Тураевым и др. нашими однокурсниками переводили [..?] “Историю Государства Российского” Карамзина, Л[..?] — “Очерки» Иловайского” и т. д. Почему наилучшее? Да по-*



Ил. 7. Письмо Е. М. Кудрицкого (фрагмент). 10 сентября 1933 года

тому, что мы были молоды и как-то слепо верили в будущее. А теперь молодость позади, а верить в будущее в наше время как-то [..?]. Поэтому и на своё новое, слишком уж ответственное звание я взираю с большой боязнью; и стыдно будет получить за него одну из тех единиц, которые нам за наши переводы ставил Л[..?] в свою книжечку. Ваш С. Жебелев».

Целый ряд писем (всего 10) (ил. 7) от педагога и языковеда **Евгения Михайловича Кудрицкого**, написанных из Запорожья в период 1931–1932 годов. В них в основном автор консультируется по методике преподавания, разработке курсов, в том числе по украинскому языку и по общему языковедению.

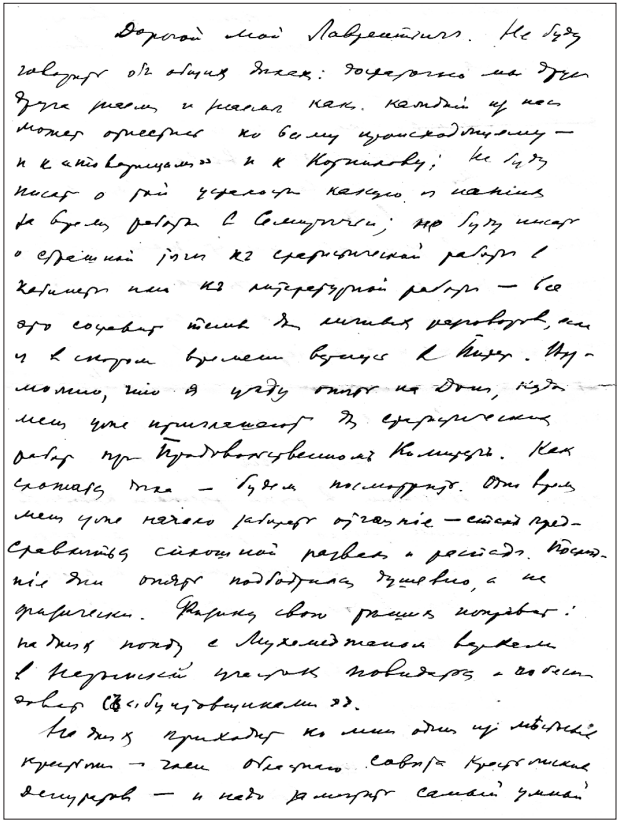
Также в архиве Липовского есть одно письмо от **Всеволода Антоновича Малаховского**[9] (1890–1966), учёного-языковеда, ранее его имя упоминалось в письмах Белоруссова к Липовскому. Письмо от 10 мая

1929 года из Иркутска — в нём автор пишет о своих педагогических трудах и занятиях и спрашивает о получении корреспонденции: *«Получили ли Вы другие наши издания? Бюллетень № 2, брошюру А. Н. Белоруссова, работу А. Н. Бек “О половом воспитании?” А. Н.*[10] *давно уже должен был Вам выслать эти издания <...>».*

Очень интересны два письма от **Ореста Авенировича Шкапского**[11] (1865–1918), этнографа и статиста, исследователя Средней Азии, революционера и политического деятеля. О. А. Шкапский — бывший школьный товарищ А. Л. Липовского. О нём упоминает в своей переписке с Липовским один из его адресатов — Ул. Иванов, по-видимому, тоже их школьный товарищ. Оба письма относятся к 1917 году и повествуют о событиях в Семиречье (географическая область в Центральной Азии). Первое написано 15 июля 1917 года из г. Верного (ныне Алма-Ата). Оно рассказывает о крайне остром русско-киргизском вопросе. Второе — 1 сентября 1917 года довольно интересно тем, что в нём автор пишет о рассказе одного крестьянина об откровениях о будущей судьбе России и обращается к Александру Лаврентьевичу с просьбой поговорить об этом с представителями власти и сообщить ответ по телеграфу (ил. 8).

Самая длительная из сохранившихся — переписка с **Марией Лукиничной Виноградовой**, из писем которой становится понятным, что она была близким другом Александра Лаврентьевича. Её письма охватывают период с 1891 по 1915 (1919?) годы, всего их 38, в 17-ти из них точная дата не установлена. Это личные письма, зачастую интимного характера, написанные образованной, умной и любящей женщиной, проникнутые заботой об Александре Лаврентьевиче Липовском, о его здоровье, настроении и мыслях. Это письма близкого человека по духу, которые открывают нам портрет педагога с новой стороны через восприятие и сердце другого человека. Так в письме от 6 августа 1899 года, (из Гамалеевки Самарской губернии), Мария Виноградова делится мыслями о богатстве оттенков душевного настроения А. Л. Липовского, о безграничной любви к Родине, размышляет о прочитанной статье А. Л. Липовского о Коране: *«Меня всегда поражает богатство оттенков Вашего душевного настроения, окрашенных однако одним общим колоритом. Это разнообразные вариации одной определённой темы, многочисленные преломления солнечного луча!*

Ваше настроение то созерцательное до мистической мечтательности, то детски наивное, то грустное до отчаяния, то критическое до отрицания — аккорд великой арии, которая называется <u>любовь</u>. И эта любовь русская готовая захватить всё и вся. Не знаю, способна ли она создать что-нибудь грандиозное — видное всем и отовсюду? Но она проникает [во] всякое живое дело, оставляет след во всяком живом сердце.



Ил. 8. Письмо О. А. Шкапского (фрагмент). 1 сентября 1917 года

В Вас большая сила, дорогой Александр Лаврентьевич, я в этом убеждена и радуюсь, что не оскудела земля русская в людях любви и живого сочувствия <...>». В письме 8 июля 1901 года она размышляет о красоте природы, о счастье, о служении будущему, о служении своему народу. Это письмо так примечательно, что стоит привести его значительную часть:

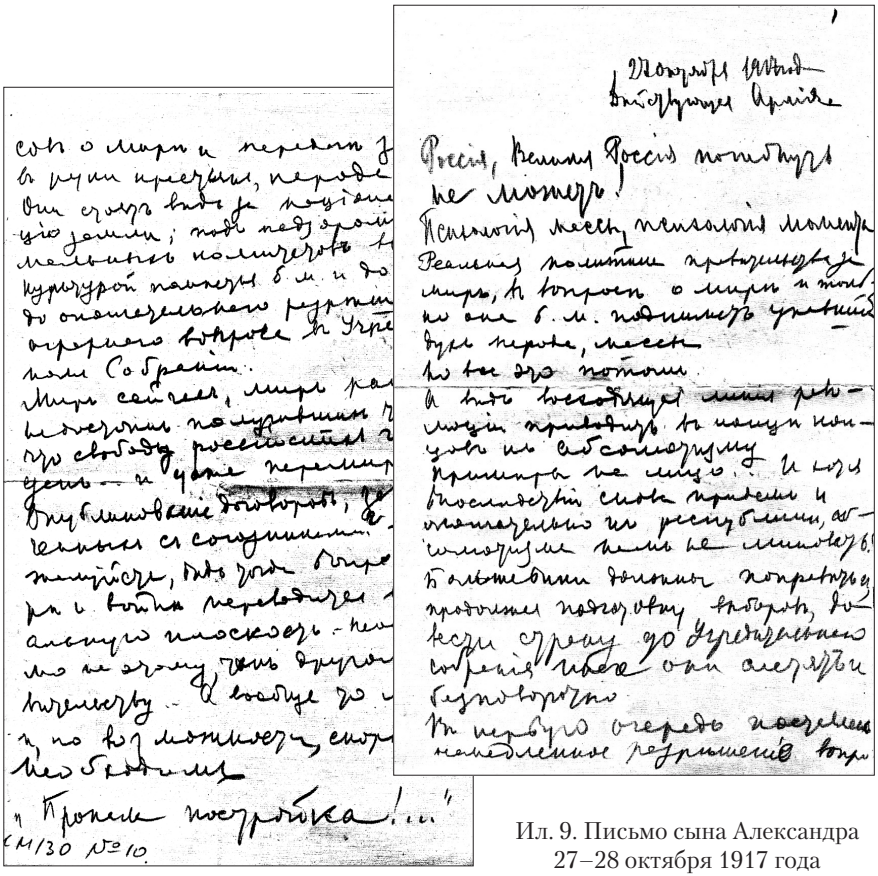
«Семь часов. Великолепное утро. Глубокое небо. Очаровательно мягкий свет солнца. И ласка, очаровательная ласка разлита во всей природе. Нет, природу нельзя назвать равнодушной! Разве этот мир, эту благодатную тишину, это благоговение перед вечной поэзией даёт нам её равнодушная красота?

Я сижу в лесу и мне кажется, дорогой Александр Лаврентьевич, что и Вы здесь, что я беседую с Вами, но беседую тихо, торжественно, не на скорую руку, но с трепетом в сердце; над нами реет серебристый воздух и сосны свешивают бархатные ветви, а говорим мы о вечном,

божественном, и этот разговор соединяет наши души. Боже, как хорошо мне теперь, как удивительно хорошо! Я рада, что и Вы можете переживать такие минуты. Вы так чутки к природе, ко всему живому, но бывают минуты, когда мне страшно за Вас! Эта постоянная возня с Академией, со статьями, с мыслями, бегущими одна за другой в Вашей голове, может убить в Вас непосредственное наслаждение природой. Не счастьем люди живы, а общением с миром, со вселенной во всех её проявлениях, и понять или лучше сказать почувствовать, этот мир может только тот, кто живёт его жизнью. Вот почему мы так ценим поэтов. В Вас есть и поэтический огонёк и жизнь сердца. Вам нужна работа в области поэзии, красоты и чувства, только такая работа Вас может удовлетворить. Возня со старым, отжившим не Ваша задача. Да и что может дать людям это старое? Надо служить будущему, а не прошедшему. Будущее в наших руках. Я прочла статью в "России". Если Вы помните наши беседы по поводу славян, то, конечно, знаете, что я вполне на стороне её автора. Мне когда-то было больно за Елену. Лучшая девушка ушла от нас к болгарам. Ещё больнее, когда лучшие наши деятели, лучшие силы родины работают для чужого народа. Вы говорите о нашей литературе. Да разве её нужно навязывать? Разве Толстой, Достоевский, Тургенев навязаны Европе? Пусть славяне сами идут за нашей наукой и литературой! Они дорожат нами как физической силой — это стыдно для нас. Мы должны сказать им <...> и просите нашей духовной пищи и мы дадим её вам! Может быть, мысли мои прямолинейны, но я не могу иначе пока думать, несмотря на всю мою любовь к Вам. Ваша М. Виноградова».

В одном из своих писем она сравнивает А. Л. Липовского с небом: *«...Лежишь на траве и смотришь на небо; смотришь сколько в нём простоты и ясности и вместе с тем глубины и таинственности. Небо мне напоминает Вас. Когда я гляжу на Вас, Вы кажетесь мне простым и ясным, но когда я думаю о Вас, я Вас не понимаю. Что-то есть в Вас такое, что меня всегда тревожит. На Вашу ясность и простоту вдруг налетает облачко; откуда оно возьмётся и что предвещает не знаешь. Да, таинственна душа человека <...>».* Эта переписка даёт пример глубокого и серьёзного отношения к человеку, которое проносится через многие годы.

Ещё одной группой писем являются родственные, написанные членами семьи Липовских (12 ед.). Среди них письмо от дяди из Ростова Донского 25 июля 1931 года, три письма от племянницы Александра Лаврентьевича — Маруси (Муси) из Ташкента и два письма от сестры Лёли (за 1915 год, за 1935 год). Среди них также выделяются пять писем от сына Александра (1896–1957), написанные из действующей армии и главным образом относящиеся к октябрю 1917 года. В них он пишет о своей жизни, положении в армии, пессимистическом настроении,



Ил. 9. Письмо сына Александра
27–28 октября 1917 года

о произошедших октябрьских событиях и выражает тревогу за судьбу России.

Из письма 11 октября 1917 года: *«Как-то неимоверно нелепо идёт время, дорогой папа, почему-то быстро и незаметно. Настроение очень скверное и от тыловых событий и от событий на фронте. Мало об этом знать по газетам и донесениям, нужно самому побыть на месте, чтобы понять и как следует осознать, и потом уже выпускать приказы и давать громкие обещания. Всё идёт к концу, всё рушится и разваливается. Но почему-то кажется, что конец-то самый не скоро придёт, не в ближайшие дни, а как-нибудь, корчась в предсмертных судорогах».*

В следующем письме от 27–28 октября 1917 года (ил. 9), есть такие строки: *«Россия, Великая Россия погибнуть не может!».*

Среди писем есть написанные учениками и учителями Гимназии и Реального училища К. Мая. Ряд писем (7 ед.) от преподавателя истории

Сергея Филимоновича Знаменского, все за 1912 год, кроме одного, год которого точно не определён. Они написаны в основном из Германии. Есть одно письмо от бывшего преподавателя **Кирилла Андреевича Коноплёва** (30 октября 1922 года), в котором он вспоминает о времени работы в школе К. Мая. Открытое письмо от преподавателя русского языка **Василия Николаевича Кораблёва**, отправленное из Парижа (май 1907 года). Письмо от **Николая Соколова**[12] из Франции, в котором он сообщает о своём двухмесячном отпуске в Европе и передаёт приветы «майских» педагогов Лоренца (Николая Фёдоровича) и Коробки (Николая Ивановича). Письмо от **Шатунова Михаила Николаевича** из Харькова от 22 января 1925 года, в котором он делится воспоминаниями о годах работы в школе К. Мая и расспрашивает о том, *«как сейчас комплекс “Гимназия Мая”»*, описывает и свою деятельность в Харькове. Письма от бывших учеников, главным образом, поздравительные и написаны по случаю 25-летия педагогической деятельности А. Л. Липовского.

Есть ряд писем от неопределённых адресатов, а также письма адресованные не А. Л. Липовскому. Но их сравнительно немного (4 и 3, соответственно).

Эпистолярный архив А. Л. Липовского представляет собой большую историческую ценность. Содержание писем раскрывает многогранную личность Александра Лаврентьевича и позволяет нам по-новому взглянуть на этого замечательного человека. Некоторые из них могут быть дополнительными источниками, проливающими свет на исторические события в России в первой половине XX века, особенно на становление советской педагогики в 1920–1930-е годы. Также эти письма раскрывают подробности жизни и деятельности отдельных людей, деятелей культуры и науки, внёсших существенный вклад в развитие своего отечества. Вместе с тем, архив нуждается в дальнейшем изучении, поскольку личности некоторых корреспондентов ещё не установлены. Не вызывает сомнения необходимость его публикации. Следует отметить, что одни лишь письма из архива Липовского затрагивают судьбы множества людей и ключевые события Российской истории, а ведь он представляет собой лишь малую часть из того наследия, что на протяжении 20 лет бережно собирается и хранится заведующим Музеем истории школы К. Мая Никитой Владимирович Благово и его помощниками.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] 12 мая 1995 года в доме № 39 по 14 линии В. О. открыт Музей истории школы К. Мая. — см.: Музей истории школы К. Мая. изд. 8-е, уточн. и доп. СПб, 2013. С. 24.

[2] О К. Мае и других преподавателях школы см.: *Благово Н. В.* Школа на Васильевском острове: Историческая хроника. Часть I. Гимназия и реальное училище Мая в Санкт-Петербурге. 1856–1918. СПб.: Анатолия, 2013. 488 с.

[3] Списки всех преподавателей и выпускников см.: *Благово Н. В.* Школа на Васильевском острове: Историческая хроника. Приложения. СПб.: Анатолия, 2013. 212 с.

[4] *Благово Н. В.* Семья Рерихов в гимназии К. И. Мая. СПб.: Анатолия, 2009. Изд. 2-е, испр. и доп. 276 с.; (Серия «Щедрый дар». Вып. II).

[5] Здесь и далее все цитаты приводятся по неопубликованным письмам, хранящимся в Музее истории школы К. Мая, в соответствии с современной грамматикой и нормами русского языка.

[6] 27 июля 1934 года Верхнеудинск переименован в Улан-Удэ.

[7] Гребенщиков Яков Петрович // Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры. Биографический словарь. Т. 1–4. / Электронный ресурс. Режим доступа (дата обращения 8.10.2015): http://www.nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=580.

[8] Жебелев Сергей Александрович / Электронный ресурс. Режим доступа (дата обращения 8.10.2015): http://bioslovhist.history.spbu.ru/component/fabrik/details/1/861.html.

[9] Малаховский Всеволод Антонович / Электронный ресурс. Режим доступа (дата обращения8.10.2015): http://100.pgsga.ru/maestros/m_10_malahovsky.php. http://irkipedia.ru/content/malahovskiy_vsevolod_antonovich.

[10] А. Н. Белоруссов, см. выше.

[11] Орест Авенирович Шкапский / Электронный ресурс. Режим доступа (дата обращения 8.10.2015): http://www.hrono.info/biograf/bio_sh/shkapski.php.

[12] С таким именем в списках преподавателей числятся два человека.

С. В. ЛЯШЕНКО

(Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина Российской академии художеств)

ВОЙНА СТАЛА ПОСЛЕДНИМ СОБЫТИЕМ В ЕГО ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ

(О СУДЬБЕ ИЗВЕСТНОГО ХУДОЖНИКА-БАТАЛИСТА, АКАДЕМИКА, ПРОФЕССОРА Н. С. САМОКИША ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА)

В беспокойное время, после событий 1917 года в России, многие жители Петрограда принимали решение уехать в Крым, который в те годы стал своего рода центром русской художественной, литературной и театральной элиты. Не одно поколение художников ездило в Крым «на пленэр». Многим творческим людям были хорошо знакомы эти живописные места, некоторые там жили постоянно, продолжали творческую деятельность, вели просветительскую работу. Несмотря на сложившуюся ситуацию военного времени, в 1918 году в Ялте была проведена выставка «Искусство в Крыму», имевшая большое значение для всего художественного мира России тех лет. Инициатором и организатором выставки был Сергей Маковский[1]. Такая идея возникла в связи с необходимостью сохранения художественных ценностей, множество из которых оказались брошенными во дворцах Южнобережья. В те годы культурная жизнь Крыма пережила колоссальный подъём и развитие. С. К. Маковский и И. Я. Билибин[2] рассматривали возможность создания в этом регионе Южной академии художеств[3].

Ил. 1. Н. С. Самокиш. Фотография, опубликованная в издании «Россия в её прошлом и настоящем». 1915

Отправил свою семью в Крым руководитель батальной мастерской Академии художеств, преподаватель Рисовальной школы Императорского общества поощ-

рения художеств — профессор Николай Семёнович Самокиш [ил. 1]. Он планировал выехать следом, после окончания учебного года, но встал вопрос сохранения личной коллекции книг и произведений искусства, приобретённых художником в течение жизни, а также ценных учебных пособий, находившихся в мастерской. Это, конечно, были гипсовые копии коней Клодта, с которых Самокиш ещё студентом выполнял рисунки; множество предметов, используемых при постановке натуры во время учебного процесса. Учитывая специфику этого жанра, для натуры использовались предметы военной униформы и головные уборы, знамена с навершиями, оружие, конная амуниция и т. д. В мастерской хранилась коллекция трофейных предметов, которая была собрана Самокишем и его учениками во время поездки на фронт Первой мировой войны[4]. Многие предметы являлись произведениями декоративно-прикладного искусства и представляли художественную ценность.

Перед отъездом Н. С. Самокиш упаковал все ценные вещи, в том числе некоторые свои работы, и передал на склад Академии художеств на Литейном дворе, поручив хранение художнику-скульптору В. Л. Симонову[5]. В июле 1918 года личные вещи академика Самокиша были опечатаны и предназначены для передачи в музейный фонд[6]. Но так как они находились под охраной Симонова, который был председателем Союза скульпторов и лепщиков Петрограда, а также заведующим скульптурной секцией Отдела по охране, учёту и регистрации памятников искусства и старины, художественные ценности Самокиша не стали вывозить с территории Академии художеств. Однако дело по этому вопросу было закрыто только в январе 1920 года.

Согласно источникам советского времени, Н. С. Самокиш в 1918 году поехал в Евпаторию на лечение. Но, из опубликованных сегодня фрагментов переписки с женой — художницей Е. П. Самокиш-Судковской[7] — становится понятным, что он направлялся в Алупку, где в это время находилась семья. Поезд, в котором ехал художник, по пути следования ограбили и не пропустили в Симферополь[8]. Самокиш оказался в Евпатории — в самом центре красного террора на полуострове. Затем началась Гражданская война. Наступил голод. Самокиш стал свидетелем кровопролитных боёв за Крым. Чтобы спасти известного баталиста от голодной смерти, по ходатайству Я. П. Бирзгала[9], сотрудники особого отдела Северо-Западного военного округа зачислили его в свой штат и предложили сотрудничать. В тяжёлом положении находилась семья художника. Он помогал им материально. Елена Петровна не была на стороне революции. Она очень переживала, что не может встретиться с мужем, прилагала все усилия вернуть своё имущество в Петрограде и в Выборге. А Николай Семёнович, судя по всему, поверил большевикам. С женой он так и не встретился.

Ил. 2. Н. С. Самокиш. Крым. Пейзаж
с ветряной мельницей возле Евпатории. 1919

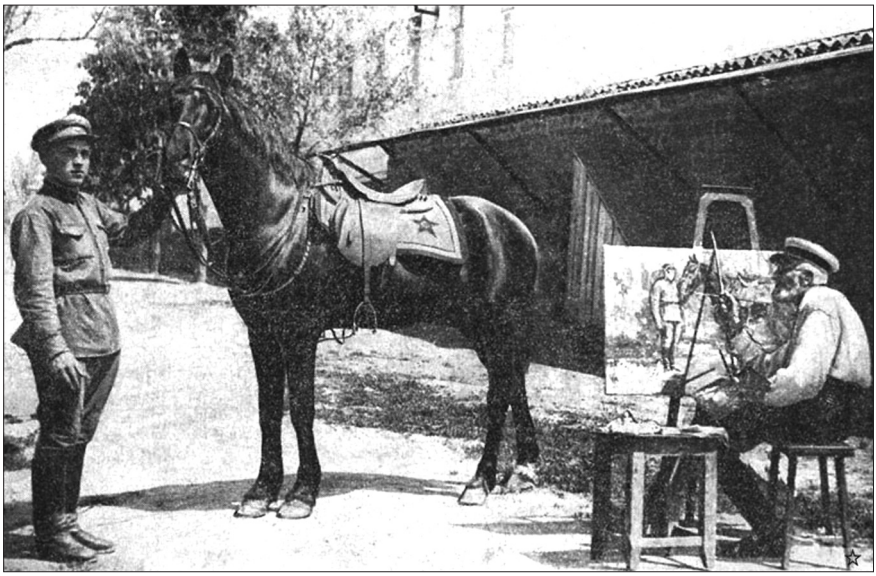
Художник много работал, не упуская возможности запечатлеть живописную природу Крыма. Неотъемлемой частью этого периода творчества мастера становится пейзаж: появляются этюды крымских городов и их окрестностей, он работает над пейзажными и жанровыми сюжетами. Пляж, базар, улочки старых кварталов, старинные татарские дома нашли отражение в акварельных работах художника — «Евпаторийский дворик», «Старый конь. Евпатория», «Пейзаж с ветряной мельницей возле Евпатории» и др. [ил. 2].

После взятия Крыма и установления советской власти на полуострове, к Самокишу обратились красноармейцы с просьбой расписать боевое знамя. «К полотну был приложен чей-то неумелый рисунок, который нужно было перенести на знамя. Самокиш несколько изменил композицию эскиза, написал на знамени портрет Ленина, золотом вывел наименование воинской части»[10]. В этой работе проявился его талант иллюстратора-оформителя. Заказы на роспись знамён стали поступать от всех красноармейских частей, желавших иметь знамя, расписанное известным баталистом. Обратили внимание на художника и вышестоящие органы и, желая привлечь его к более серьёзной работе, хотели освободить от «раскрашивания» знамён. Однако он отказался. Можно предположить, что больному уставшему художнику не хотелось писать войну, надо было во многом разобраться.

На протяжении почти двух лет в творчестве художника преобладали сюжеты мирной, созидательной жизни человека. К раннему крымскому периоду относится живописная картина «Запорожцы обедают у корчмы», в которой художник передаёт образы людей, сидящих во дворике придорожной корчмы под густыми деревьями, освещёнными ярким солнцем. Проникновенная лирическая нота в изображении южной природы, в её гармоничной связи с повседневной жизнью человека, показывает, что художник устал от войны, от лишений, которые она несёт. Затем появляется картина «Вечер в Крыму», на которой художник запечатлел вечернее время суток в летний период, когда стадо коров с пастбища возвращается в деревню. Художнику удалось передать ощущение сухой потрескавшейся от знойного солнца земли, скудную растительность восточной части Крыма, спокойный размеренный ритм сельской жизни.

В Академии художеств тем временем происходило следующее. Устав нового учебного заведения, возникшего на базе Академии художеств, закреплял за учащимися право свободного выбора любого преподавателя. При наличии двадцати голосов, художник-педагог имел право возглавить мастерскую. За кандидатуру Н. С. Самокиша было отдано 29 голосов, что позволяло вновь возглавить батальную мастерскую. Но сообщение о результатах выборов пришло несвоевременно, а из-за военных событий, развернувшихся на Крымском полуострове, он не смог прибыть в Петроград к началу занятий. Лишь осенью 1922 года художник приехал в город на Неве. Обстановка в Высшем художественно-техническом институте возмутила опытного педагога: рушилась школа русской реалистической живописи. Судя по всему, Н. С. Самокиш очень переживал по поводу упразднения Академии художеств и возникновения на её базе нового учебного учреждения. А. А. Арендт[11] в письме к Е. Е. Чулаки[12] вспоминала, что Н. С. Самокиш «очень возмущался очередным переименованием высшего учебного заведения и его сокращениями. Он сердился на это, ему хотелось, чтобы Академия художеств оставалась незыблемой»[13]. Речь шла о том, что в 1921 году Академии художеств было возвращено название, но уже в 1922 году возник ВХУТЕИН.

Покинув Санкт-Петербург и свою альма-матер, художник уехал в Крым, теперь уже навсегда. Он жил в Симферополе, отдавая много сил педагогической работе. Потребность общаться с молодёжью, передавать свои знания и опыт художник реализовал, организовав изостудию в своей квартире. В городе быстро распространилась весть, что «в Симферополе живёт художник, профессор Академии художеств и принимает желающих учиться рисовать в свою изостудию»[14]. Маленькая квартирка художника не вмещала всех желающих, поэтому занятия



Ил. 3. Н. С. Самокиш за работой. 1920-е годы

проводились во дворе. В студию приходили все, кто хотел рисовать: здесь можно было увидеть и детей, и людей пожилого возраста. «Его студия была оригинальной по составу учеников. Наряду с детьми от 8 до 13 лет и подростками 14–17 лет в ней занимались и взрослые 25–65 лет. Всего было до 40 учеников одновременно. Здесь можно было встретить рабочих, инженеров, домохозяек, красноармейцев»[15] [ил. 3].

Интересно вспомнить, что когда образовалась Рисовальная школа на Бирже, контингент учащихся был «в возрасте от 10 до 24 и даже до 37 лет, самых разных сословий (мастеровые, купцы, крестьяне, чиновники <...>)»[16]. Эти статистические данные приводит исследователь истории создания Санкт-Петербургской Рисовальной школы Е. А. Боровская, отмечая, что они «...свидетельствуют о популярности школы, но для нас важнее то, что обеспечило эту популярность, а именно система обучения и организационно-педагогические принципы, принятые в школе»[17]. При анализе контингента учеников Самокиша, пожалуй, можно сделать те же выводы: изостудия пользовалась популярностью, а это было достигнуто благодаря опыту Н. С. Самокиша как педагога, использовавшего методы обучения, выработанные за годы преподавания в Академии художеств и в Рисовальной школе ИОПХ. Позже Рерих, вспоминая работу в школе, писал: «Может быть сама атмосфера старинного уклада в его лучших чертах помогала усвоению новых толкований национальных сокровищ. В то же время школа <...> оставалась истинно

народной. Школой она была вполне доступной по дешевизне обучения <...>. Без преувеличения можно сказать <...> рядом с великим князем трудился рабочий какого-нибудь завода. И программа школы никого не стесняла, ибо каждый совершенно свободно мог избрать и совершенствоваться в тех предметах, которые ему были ближе и нужнее»[18].

Характерной чертой педагогической системы Н. С. Самокиша было стремление выявить в ученике то, к чему он наиболее способен. Опытный педагог развивал и пропагандировал все жанры, не выделяя батальный, хотя одной из центральных тем в искусстве тех лет была тема военной героики, и батальный жанр получил широкое развитие. Работе с учениками художник уделял много времени, проводя с ними не только назначенные часы занятий, но и всё своё свободное время. Прежде всего, он стремился развить у своих учеников любовь к искусству и привить им принципы реализма, призывал быть верным натуре, видеть красоту в самых простых вещах и явлениях. Николай Семёнович обладал великолепным вкусом и умел из обычных предметов делать интересные постановки натюрмортов. Большое значение мастер уделял композиции и предлагал ученикам самостоятельно делать натурные постановки, тем самым развивая творческую инициативу.

Опытный педагог с увлечением не только учил рисовать, но и делился знаниями в области истории и искусствознания. Во время занятий художник-педагог разбирал произведения классиков русского искусства, закладывая основы искусствоведческих знаний у молодых художников. Под руководством опытного педагога они учились рисовать с натуры на открытом воздухе под листвой деревьев. Тёплый климат Крыма позволял вести занятия на открытом воздухе с весны до глубокой осени. Многие его ученики с благодарностью вспоминали студию Самокиша в Симферополе. Художница Е. И. Нецкая[19] писала: «...с давних времён моей юности встаёт образ Николая Семёновича Самокиша — моего первого учителя. Ясно представляю себе его худощавую, стройную фигуру во френче, крагах, с неизменной трубкой во рту <...> и его глаза — пытливые, внимательные глаза художника <...>. Двадцатые годы. Занимались мы в нетопленной кухне, летом — на воздухе, в саду»[20].

Также приведём выдержки из воспоминаний скульптора А. А. Арендт: «Такого прекрасного педагога и добрейшего человека <...> я не встречала. Он мог любого ученика <...> поднять до высокого уровня понимания искусства, вселить энтузиазм. Давал нам полную свободу действия и считал, что индивидуальность художника может выработаться только на основе полной внутренней свободы. “Я совсем не хочу, чтобы мои ученики мне во всём подражали”. Мы все горели желанием работать как можно лучше и больше <...>. У него был метод поощрения: он нас хвалил. Его похвала окрыляла нас. Он умел привить чистое, честное

отношение к искусству <...> подчёркивал, что одновременно с изучением натуры надо развивать воображение и фантазию. Во время работы с натурой он любил повторять: “Натура это область чувств. Художнику следует больше чувствовать”»[21].

Спустя годы, пережив революцию и Гражданскую войну Самокиш в своей маленькой симферопольской квартире рассказывал новым ученикам о прекрасном городе Санкт-Петербурге, об Академии художеств, о своих учителях — известных художниках — профессорах Б. П. Виллевальде, П. П. Чистякове, П. М. Шамшине, В. И. Якоби и др.; о художниках-современниках, с которыми ему посчастливилось совместно работать; о Рисовальной школе, в которой он преподавал более двадцати лет. «Среди профессоров Школы такие имена, как Ционглинский, Щусев, Самокиш, Щуко, <...> каждый выдающийся деятель искусств был доброжелательно призван потрудиться»[22]. И, несомненно, речь шла о последнем директоре Школы — Н. К. Рерихе, сумевшем организовать обучение в Школе так, что преподаватели и ученики работали в тесном контакте. Непрерывно шёл процесс взаимного влияния, обогащающий как творческую, так и педагогическую деятельность художников. Исследователь истории Рисовальной школы Е. А. Боровская в своём труде отмечала: «Заслуга Рериха состоит в том, что он, придерживаясь собственного педагогического стиля и соответствующих приёмов руководства, предложил педагогическому коллективу Рисовальной школы программу действий, согласно которой каждый преподаватель мог работать в соответствии с собственными методическими представлениями»[23].

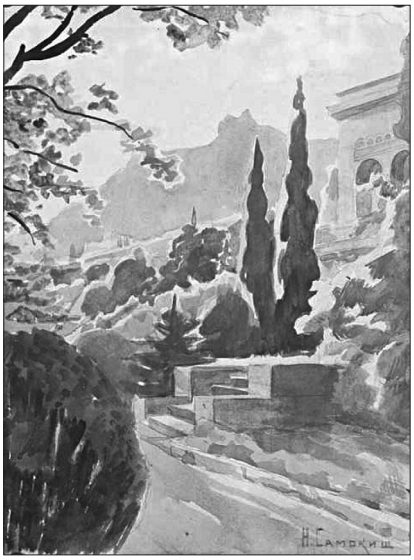
Конечно, вспоминал Самокиш о значительном вкладе Рериха в развитие археологии. В конце XIX века Н. К. Рерих, принимал участие в археологических раскопках на землях Бологого и Вышнего Волочка. Здесь также должно прозвучать имя князя П. А. Путятина[24], который «...первый сообщил учёным Европы об исследованиях художника-археолога <...> и в течение нескольких лет информировал научную общественность Запада об удачных раскопках Рериха»[25]. В имении князя бывали многие художники-современники. Хранящийся сегодня в Государственном Русском музее рисунок Н. С. Самокиша «Дом князя Путятина в Бологом» говорит о том, что там бывал и Самокиш. Рерих, в свою очередь, следил за трудами современников в этой области и ему, конечно, был хорошо известен альбом «Из Украинской старины»[26], оформленный Н. С. Самокишем и С. И. Васильковским[27]. Большое значение для создания рисунков для альбома имела коллекция, принадлежащая Д. И. Эварницкому[28] — автору пояснительного текста к альбому, участнику раскопок на Днепровских порогах в 1880-х годах. Не исключено, что Н. С. Самокиш рассказывал Н. К. Рериху об этой коллекции, так как

Ил. 4. Н. С. Самокиш. Атака. Бой за знамя. 1922

изображения многих предметов присутствуют в композициях виньеток, выполненных им на листах альбома.

Но Самокиш был художником-баталистом и в его работах находят отражение военные события Гражданской войны на Крымском полуострове. С присущей ему энергией и даже пафосом, он принялся за работу в области батального жанра, который в эти годы получил широкое развитие как один из важнейших видов искусства, изображающий жизнь армии и народа. В обществе произошла смена культурных ценностей: одной из центральных тем в искусстве тех лет становится тема народной военной героики, которая определилась самой эпохой и тем самым объяснялась востребованность такого искусства.

Празднование юбилейных дат нового государства не обходились без выставок советских художников, особое предпочтение отдавалось батальным картинам. Руководство новой страны понимало, что для прославления побед Красной Армии потребуются опытные художники-баталисты. Одним из них стал Н. С. Самокиш: «...из огромной мастерской <...> известного Самокиша, как из конвейерного цеха выходили крупные полотна...»[29]. Академик живописи, профессор Императорской Академии художеств, полковник царской армии, Н. С. Самокиш избежал расстрела, вероятнее всего, лишь благодаря своему художественному дарованию. Основу художественной жизни Крыма до событий 1917 года составляло творчество представителей киммерийской школы живописи — крымского пейзажа. Основоположником этого направления был К. И. Айвазовский. В советское время продолжали работать яркие представители: К. Ф. Богаевский — проживавший в Феодосии, М. А. Волошин — обосновавшийся в Коктебеле. В их работах преобладал романтический морской пейзаж — корабли и старинные постройки.

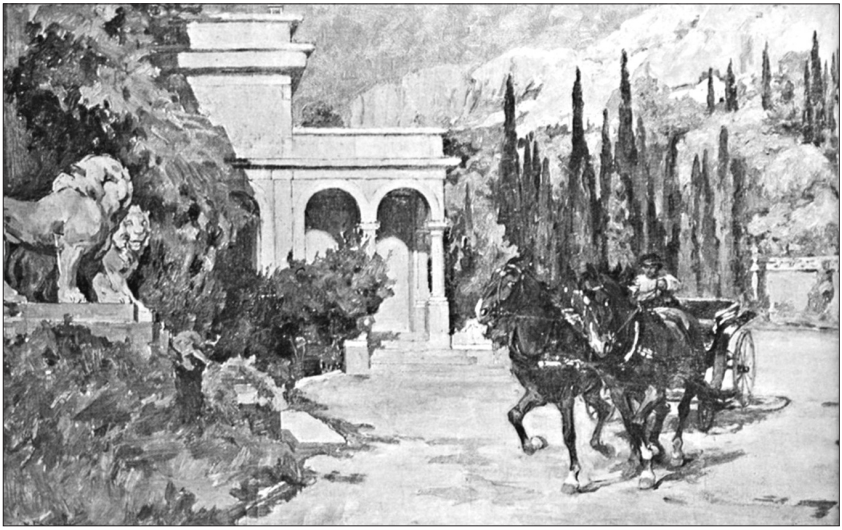


Ил. 5. Н. С. Самокиш
Нижний парк. 1923

Изображение человека не представлялось нужным на таких полотнах, художников интересовали вопросы мироздания. Но советское искусство ставило совершенно другие задачи. Для многих художников это было неприемлемо и большинство из них покинуло Россию. Между старой школой и находящейся в процессе становления советской живописью образовался своего рода провал, восполнять который пришлось художникам, оставшимся жить в новой России. В Крыму это, в какой-то мере, выпало на долю Н. С. Самокиша.

В 1920 году появилась его живописная картина «Защита красного знамени» (может быть, одного из тех, которые он расписывал для воинских частей). В этой работе художник передал общий героический настрой революционной борьбы Красной Армии на фронтах Гражданской войны. Через два года художник создал новый вариант картины — «Атака. Бой за знамя», написанный в удлинённом горизонтальном формате, изображающий будёновскую конницу в момент битвы [ил. 4]. Композиция и колористический строй картины даёт ощущение несущегося вихря — вихря разрушений и смертей, пронёсшегося над всей Россией. Красное знамя в руке всадника на боевом коне является композиционным центром картины. С двух противоположных сторон полотна несутся друг на друга конные группы. Отличительной чертой работ этого периода является повышенная экспрессия в изображении образов лошадей в движении: она обострена до такой степени, что его лошади выходят за рамки реальности и выглядят весьма странно. А. М. Лаптев, анализируя «лошадей Самокиша» так писал по поводу этой картины: «Ракурсы ног и голов лошадей изображены Самокишем с большим мастерством. Вот потому-то трактовка их движения в данной картине при обостренной экспрессивности и несоответствии фактическому движению кажется реальной. Это как раз и есть то новое, что отличает в сильных движениях лошадей Самокиша от лошадей, положим, Сверчкова или Соколова»[30].

С 1922 года Н. С. Самокиш жил и работал в Симферополе. Он знакомился с Крымом, изучал историю и легенды этого края, интересовался



Ил. 6. Н. С. Самокиш. В Алупке. 1923

особенностями жизни крымских татар. Художник неоднократно бывал в Севастополе: в его памяти всплывали рисунки, выполненные им в 1904 году для иллюстраций книги А. П. Валуевой (Мунт) «Севастополь и его славное прошлое»[31], когда он, вслед за автором, изучал и рисовал «...историю местности, занимаемой Севастополем и его окрестностями: Херсонесом, Георгиевским монастырём, Инкерманом и Балаклавою...»[32]. Он посещал уголки Южного берега Крыма: Ялту, Ливадию, Мисхор, Алупку. Во время посещения Алупкинского дворца-музея, открывшегося летом 1921 года в здании Воронцовского дворца, Самокиш выполнил несколько зарисовок фрагментов здания дворца и окрестностей парка [ил. 5]. На основе собранного материала художник написал картину «В Алупке» (1923), изобразив уголок парка с северной стороны. На полотне видна часть Дворца со скульптурами львов, гряда Крымских гор, стройные кипарисы. Перед дворцом стоит кабриолет, запряжённый парой лошадей — мирная сцена на фоне летнего голубого неба [ил. 6].

С 1923 года Н. С. Самокиш был членом Ассоциации художников революционной России (АХРР), которая являлась крупным объединением советских художников, графиков и скульпторов, поддерживающим идеологическую линию государства, что в свою очередь обеспечивало Ассоциации солидную материальную помощью со стороны руководства Красной Армии. Задачей художников тех лет было донести до массового зрителя происходящие события той поры, поэтому в своём творчестве они часто использовали бытописательский язык, простые композиции.

Ил. 7. Н. С. Самокиш. В разведке. 1923

В произведениях Н. С. Самокиша, как и в работах многих художников тех лет, находили отражение боевые и трудовые будни советского народа. Объединение вело широкую выставочную деятельность, в которой, в свою очередь, принимал активное участие Самокиш.

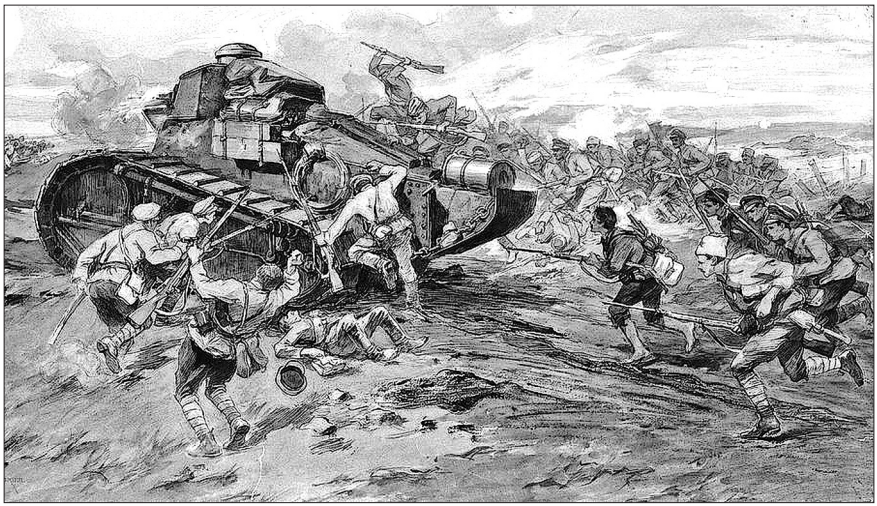
На выставке «Красная Армия. 1918–1923», приуроченной к пятой годовщине создания Армии нового типа, экспонировались его крупные батальные полотна, созданные в 1923 году: «Атака будёновской кавалерии», «Первая конная во главе с М. В. Фрунзе преследует врангелевцев», «В разведке» [ил. 7].

В 1924 году Н. С. Самокиш получил заказ на картину «Голод в Крыму в 1920 году». Художник сам пережил голод в Крыму в 1920 году и видел весь ужас происходящего. Он изобразил не только измождённых, голодных людей, которые находились на грани смерти, но и тощих лошадей, страдающих вместе с человеком. Одна лошадь пала. Не исключено, что лежащий рядом с ней на земле человек тоже мёртв. Картина экспонировалась на выставке, организованной Центральным музеем Тавриды в пользу Комиссии помощи голодающим. В работе этой выставки также принимали участие К. Ф. Богаевский, Ю. И. Шпажинский, М. А. Волошин и др.

К этому времени у Н. С. Самокиша выработалась определённая манера письма. Создавая картины, он писал множество этюдов. Работу художник начинал с выполнения на холсте наброска углём, намечая

композицию. Далее он выполнял детальный рисунок тушью. Художник С. Ф. Беседин[33] отмечал: «По тонкости неповторимого подготовительного рисунка, мастерски сделанного тушью, — это, в сущности, было самостоятельным творением искусства <...>. По нему художник писал “a la prima” без подмалёвка в цвете, так как считал, что многослойная живопись часто приводит к тусклости <...>. Самокиш пользовался широким жидким мазком, прибегая лишь в особых случаях к пастозному мазку, под его живописью рисунок как бы просвечивает»[34]. Это выделение рисунка в живописи и есть стилистическая особенность мастера, в которой оригинально сочетается детальная форма рисунка с широкой живописной манерой письма.

Немаловажно отметить, что произошла трансформация в манере исполнения военных атрибутов: художник не выписывал детали одежды и обмундирования, как это было при создании произведений предшествующего периода творчества, например, в работах, отражающих события Отечественной войны 1812 года и Первой мировой войны. Если обратиться к истории военного костюма, становится очевидным, что выписывать было нечего: одежда бойцов Красной армии не содержала тех атрибутов и регалий, которые использовались до этого в Российской армии. Самокишу-баталисту, хорошо осведомлённому в этих вопросах и разбирающемуся в знаках отличия всех родов войск царской армии, пришлось находить новый живописный язык для передачи образов в происходящих событиях с участием новой армии, в новом обмундировании, которое не отличалось изысканностью и эффектностью. Огромный



Ил. 8. Н. С. Самокиш. Захват танков в Северной Таврии. 1925

багаж знаний художника в этом вопросе, полученный в процессе многолетней деятельности был больше не востребован.

В 1925 году прошла VII выставка АХРР под лозунгом «Революция, быт и труд», где экспонировались живописная картина Н. С. Самокиша «Нападение на обоз врангелевцев». Акварельная работа мастера «Танки в северной Таврии. Отдай танк!» была создана для VIII выставки АХРР (1926) «Жизнь и быт народов СССР» [ил. 8]. Названия работ говорят о заказной тематике произведений. В те годы можно было писать только то, что было заказано или разрешено. Художник создал значительное число картин на тему гражданской войны: «М. В. Фрунзе во главе будённовской кавалерии» (1927), «Советская артиллерия на манёврах», «Преследование обоза врангелевцев», «Около ворот». По картинам создавались открытки, и работы художника в эти годы были широко известны в стране.

Вершина выставочной деятельности в творчестве Н. С. Самокиша приходится на 30-е годы XX века. В 1930 году он принимал участие в юбилейной выставке, приуроченной к десятилетию власти Советов в Крыму, которая работала в Феодосии, в залах Государственной картинной галереи имени И. К. Айвазовского. На этой выставке экспонировались картины его падчерицы — художницы М. Р. Лагранж-Судковской[35]. Она росла в творческой атмосфере семьи и тоже стала художницей. Не исключено, что девочка, воспитывающаяся в семье Н. С. Самокиша, первые уроки рисования получила у отчима — и опытного художника-педагога. В 1906 году Б. М. Кустодиев написал картину «Дама в голубом (Портрет М. Р. Судковской)». В этом же году Маргарита вышла замуж за офицера В. Лагранжа. События 1917 года и Гражданская война разбросали их семью. В 1924 году не стало Е. П. Самокиш-Судковской, погиб на войне муж Маргариты. И вот на одной выставке оказались работы Николая Семёновича Самокиша и Маргариты Руфиновны Лагранж-Судковской. Также они вместе принимали участие в работе выставки «Искусство советского Крыма», которая проводилась в Государственном музее восточных культур в Москве в 1935 году.

Творчество Самокиша, как и многих художников тех лет, очень идеологизировано. Работы отличаются однообразием композиций, что, прежде всего, связано с обращением к одной и той же теме: изображению побед Красной Армии. В своих графических работах он также, в основном, отражал эпизоды Перекопско-Чонгарской операции [ил. 9].

Но, в то же время к советскому искусству всё больший интерес проявляла мировая общественность. В марте — апреле 1933 года в Варшаве Польским Институтом пропаганды искусства была организована выставка, включающая часть экспонатов XVIII международной выставки в Венеции и произведения советских художников РСФСР и Украины

Ил. 9. Н. С. Самокиш. У Чонгарского моста. 1930

(в подотделах живописи и рисунка): А. А. Дейнеки, П. П. Кончаловского, В. Н. Фаворского, Н. С. Самокиша, М. С. Сарьяна и др. С 14 по 28 мая 1933 года эта же выставка работала в столице Дании городе Копенгагене. Мировая общественность, которая с особым вниманием следила за достижениями художников новой страны, проявляла всё больший интерес к советскому искусству.

Наряду с этим мастер интересовался событиями, связанными с историей Крыма и Украины. Дружба и тесное сотрудничество с историком и археологом Д. И. Яворницким, бессменным директором Екатеринославского исторического музея имени А. Н. Поля с 1902 года, вдохновили художника на создание живописных картин, сюжетами которых были события на тему национально-освободительной войны[36]. В 1930 году по приглашению Яворницкого он посетил город Днепропетровск, побывал в музее и собрал достаточно материала для создания исторических полотен для музея, отражающих историю запорожского казачества: «Запорожцы отбивают ясыр у татар»», «Бунт в Сечи», «Бой Ивана Богуна с польским магнатом Стефаном Чернецким под Монастырищем в 1653 году», «Поход запорожцев в Крым» [ил. 10]. В творчестве художника даже появилась картина с изображением морской баталии — «Морское сражение запорожцев с турецким военным кораблём». Также эта картина известна как «Абордаж турецкой галеры запорожцами». Работы для Днепропетровского музея принесли Самокишу славу

Ил. 10. Н. С. Самокиш. Поход запорожцев в Крым. 1930

исторического живописца. Также, в какой-то степени, был решён материальный вопрос, который очень остро стоял в жизни художника после событий 1917 года и гражданской войны. Из труда Н. Г. Бурачека[37] известно, что Н. С. Самокиш планировал перебраться в Харьков: жить и работать в Украине было его мечтой. Решить это вопрос было трудно, и художник писал: «...материальное положение держит меня в Крыму <...>»[38].

На сегодняшний день многие работы мастера утеряны или находятся в фондах художественных музеев, которым ещё предстоит познакомить зрителей с произведениями уникального художника. О некоторых его работах мы сегодня можем судить по репродукциям в книгах прошлых лет. Вероятно, очень эффектной была картина «Битва казацких повстанцев с польскими крылатыми гусарами при Жёлтых Водах в 1648 году». В этой работе Самокиш в полной мере демонстрирует свою эрудицию как в области истории, так и области знаний воинских регалий, обмундирования участников сражения и конной амуниции XVII века. В доспехи польских гусар входили специально выполненные крылья из орлиных, гусиных или индюшиных перьев, которые выглядели устрашающе и психологически воздействовали на противника, пугая даже коней. Художник представил зрителю схватку запорожских казаков в союзе с крымскими татарами и польской конницы, с ювелирным мастерством выписав «крылья» гусар.

В 1927 году к 10-й годовщине Октябрьской революции правительство страны планировало поручить Н. С. Самокишу выполнить панораму «Перекоп» и рассматривало его как возможного исполнителя. Произведение должно было передать ключевое событие гражданской

войны в Крыму, развернувшиеся в ходе Перекопско-Чонгарской операции в ноябре 1920 года, когда Красная Армия ночью форсировала озеро Сиваш фронтом шириной около десяти километров. Основная часть боя проходила в воде, так как во время сильного ветра уровень воды в заливе заметно поднялся. Для изучения исторического материала художник выезжал на Перекопский перешеек, к озеру Сиваш. Он изучал места недавних боёв, беседовал с очевидцами и хорошо владел информацией о наступательной операции войск Южного фронта под командованием М. В. Фрунзе против Русской армии генерала П. Н. Врангеля. Самокиш достаточно хорошо был знаком с техникой панорамной живописи и мог оперировать знаниями по вопросам создания всемирно известных произведений, в частности, панорам французских баталистов А. Невиля и Э. Детайля. Также ему были хорошо известны работы основоположника панорамной батальной живописи в России — Ф. А. Рубо — «Штурм аула Ахульго» (1889), «Штурм Севастополя 6 июня 1855 года» (1904) и «Бородинская битва» (1912).

Н. С. Самокиш планировал выполнить лично эскиз и создать макет в $^{1}/_{10}$ предполагаемого размера панорамы (5 × 10 м) в течение года. Для этого художник просил предоставить ему холст, соответствующие материалы, натуру и специальное помещение. Но, когда выяснилось, что выполнение такого произведения подразумевает значительные материальные затраты, создание панорамы было отложено.

Вопрос о создании панорамы был возобновлён в 1933 году. Панорамная живопись включает в себя выполнение ряда сложных составляющих: большого живописного полотна, охватывающего полный круг горизонта, переднего предметного плана и специального освещения. Для выполнения такого объёма работы требовался не только талант и знания, но и огромный физический труд, который был не под силу Н. С. Самокишу — человеку в преклонном возрасте, пережившему голод и войну. Работа по созданию панорамы «Штурм Перекопа» была поручена молодым художникам во главе с М. Б. Грековым[39]. В ноябре 1934 года они подписали договор на выполнение подготовительных работ и выехали в Симферополь. Мастерам предстояло ознакомиться с местностью, где шли бои, для разработки первоначальных плоских эскизов и встретиться с академиком Н. С. Самокишем, назначенным главным консультантом и членом художественного совета, в который также входили известные художники И. И. Бродский, И. Э. Грабарь, В. С. Сварог, Е. Е. Лансере, К. Ф. Юон и др. При встрече с молодыми художниками Н. С. Самокиш делился опытом, давал советы по возникающим вопросам, участвовал в обсуждении эскизов. Ранее созданные живописные картины баталиста на эту тему («Ночной штурм Сиваша», «Штурм Перекопа», «Ночной штурм Сиваша красными войсками», «Взятие

Ил. 11. Н. С. Самокиш. Красная кавалерия на Перекопе. 1930

Ил. 12. Н. С. Самокиш. Переход через Сиваш. 1935

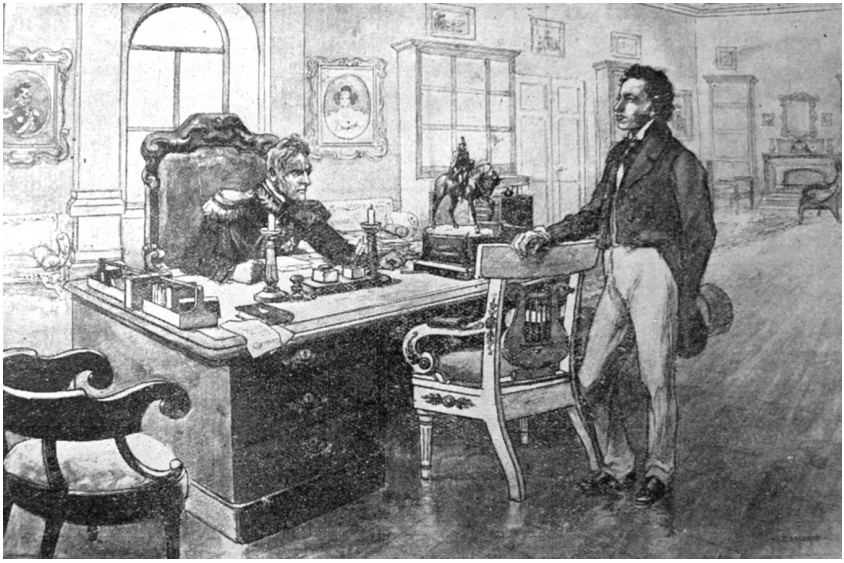
Перекопа»; «Преследование обоза врангелевцев», «Красная кавалерия на Перекопе» и др.) служили наглядным материалом [ил. 11]. По военным вопросам художников консультировал генерал Д. М. Карбышев[40].

В создании макета панорамы принимали участие бывшие ученики заслуженного баталиста — Г. К. Савицкий (возглавивший бригаду художников после смерти М. Б. Грекова), П. И. Котов, М. И. Авилов. В работе также участвовали опытные мастера Б. В. Иогансон, Е. П. Ефанов, П. П. Соколов-Скаля и другие художники, которые хорошо знали творчество Н. С. Самокиша и деятельность которых была связана с ним узами преемственности. Одновременно с ними, старый мастер продолжал работать над этой темой: он начал работу над созданием эскиза компо-

Ил. 13. Н. С. Самокиш. А. С. Пушкин в Гурзуфе среди татар. 1937

зиции диорамы «Штурм Перекопа». Замысел художника не был осуществлён, однако результатом этой работы стала кульминационная батальная работа мастера — крупномасштабное живописное полотно «Переход через Сиваш» (1935) [ил. 12].

1937 год в СССР был ознаменован юбилейной датой — 100-летием со дня смерти великого русского поэта А. С. Пушкина. В Колонном зале Дома союзов состоялось торжественное собрание, посвящённое этому событию. Творчество поэта рассматривалось как борьба за свободу народа, а сам поэт стал национальным героем. В творчестве Н. С. Самокиша нашли отражение события, связанные с пребыванием Пушкина в Крыму в 1820 году. Им были выполнены три акварельные картины для Алупкинского дворца-музея: «А. С. Пушкин в Гурзуфе среди татар», «А. С. Пушкин в Алупке», «А. С. Пушкин и М. С. Воронцов». На первой из названных акварелей, изображён живописный пейзаж у склонов горы Аю-Даг (с крымско-татарского — Медведь-гора). Композиция напоминает театральную декорацию: в центре старик-татарин — воплощение крымско-татарского народа, с жизнедеятельностью которого связан большой пласт истории Крыма; в левой части рисунка изображена девушка с кувшином — персонаж многих крымских легенд; справа художник расположил поэта, сидящего на большом камне. Он слушает рассказ старика и взгляд его устремлён словно в глубь веков [ил. 13]. Среди пушкинистов нет единого мнения: бывал ли А. С. Пушкин



Ил. 14. Н. С. Самокиш. А. С. Пушкин и М. С. Воронцов. 1937

в южнобережном городе Алупке и какие отношения связывали его с Елизаветой Ксаверьевной Воронцовой — женой генерал-губернатора Новороссийского края М. С. Воронцова — которой поэт посвятил множество стихов. Акварели художника дают отсылку к возможному варианту событий и отношений [ил. 14]. Эти работы мастера, как и многие другие, были утрачены во время войны. Сегодня мы знаем о них по описаниям современников Н. С. Самокиша и сохранившимся чёрно-белым фотографиям.

Творчество художника-педагога, которое вызывало интерес у всего художественного мира советского государства, вдохновляло его учеников. Самокиш, в свою очередь, с отцовской любовью относился к ученикам. На своих занятиях опытный педагог разбирал работы старых мастеров, тем самым повышая эрудицию молодых художников. В 1937 году Н. С. Самокишу было присвоено звание заслуженного деятеля искусств, а художественному училищу, созданному на базе изостудии, организованной им в 1920-х годах, было присвоено его имя — имя заслуженного художника-баталиста, академика живописи Н. С. Самокиша[41].

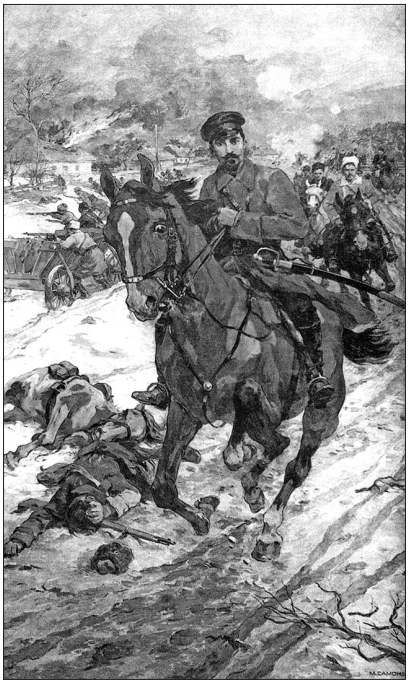
Н. С. Самокиш был известен на всю страну. Он получал множество писем. Ему писали люди, которые хотели выразить восхищение его творчеством и тоже научиться рисовать. Они задавали вопросы, интересовались жизнью художника и его дальнейшими творческими планами, а также присылали свои рисунки. Он отвечал на все письма:

разбирал присланные работы, давал советы, а также рекомендовал для чтения литературу по искусству. Так возникла заочная форма обучения. Уникальным примером является переписка профессора Н. С. Самокиша с красноармейцем Марком Домащенко[42], длившаяся около 10 лет и определившая возможности заочного художественного обучения. Также важно отметить, что в процессе переписки у педагога с учеником сложились самые тёплые и дружеские отношения. М. Домащенко дважды приезжал в Симферополь, жил у художника-педагога и посещал его занятия.

Самокиш также вёл переписку со старыми знакомыми. Долгие годы он общался с художником П. Е. Щербовым[43] и его женой — А. Д. Щербовой. Уже в преклонном возрасте они поддерживали друг друга письмами с пожеланиями здоровья и оптимизма[44]. Их знакомство и дружба начались ещё в начале XX века. Самокиш бывал у Щербова в Гатчинском доме, где в те годы бывали Ф. Шаляпин, А. Куприн, А. Чикин и многие современники, представители художественного мира рубежа веков[45].

В 1938 году Н. С. Самокиш возглавил батально-историческую мастерскую Харьковского художественного института. Несмотря на преклонный возраст, активную творческую деятельность и занятость в Симферопольском художественном училище, он приступил к работе с харьковскими студентами. Одиннадцать молодых художников стали его учениками. Среди них В. Ф. Яценко, Л. И. Чернов, Н. С. Слипченко, ставшие известными художниками. С учениками у профессора Самокиша складывались самые тёплые отношения, основанные на взаимном уважении, что было главным принципом в педагогической работе мастера всю жизнь. Обладая огромным багажом знаний Н. С. Самокиш бескорыстно делился ими с учениками.

Одним из последних произведений мастера была картина, выполненная для краеведческого музея города Саранска — «Бой мордвы у Ардатовской переправы с правительственными войсками под предводительством воеводы Юрия Барятинского». Эта работа была создана по просьбе художника Д. Д. Ануфриева[46] — сотрудника музея, бывшего ученика Н. С. Самокиша. Из сохранившейся переписки сегодня становится понятным, что Ануфриев очень ценил творчество бывшего учителя и приложил усилия, чтобы в Саранске оказались работы известного мастера[47]. Также не скрывался вопрос материальной поддержки художника. В письмах он сообщал некоторые подробности исторических событий в районе Саранска, когда к повстанческой армии Разина присоединилась мордва и другие народы Поволжья. Ануфриев описывал особенности одежды мордвы тех лет, оружие, которым располагали народы Поволжья и применялось в XVII веке. Изображённая Н. С. Самокишем на полотне битва произошла в декабре 1670 года на реке Алатырь.



Ил. 15. Н. С. Самокиш. Н. А. Щорс в бою под Черниговом. 1938

Царские войска под командованием воеводы Ю. Барятинского одержали победу и заняли Саранск.

Спустя десять лет после создания основных работ, отражающих ключевые события и образы героев Гражданской войны, Н. С. Самокиш в 1938 году, в рамках идеологической политики партии, получил заказ на создание картины — «Н. А. Щорс в бою под Черниговом» для Черниговского историко-краеведческого музея [ил. 15]. Народный герой Щорс изображён верхом на коне во главе небольшого отряда кавалеристов. Работа не отличается экспрессией, которая была характерна для его батальных полотен. С мастерством, свойственным ему как опытному «лошаднику», художник передаёт динамику движения коня со всадником. Точный рисунок, удачная разработка сложной многофигурной композиции на заднем плане и цветовое решение определяют ценность этой картины.

В 1940 году Н. С. Самокиш был награждён Орденом Трудового Красного знамени «за исключительные заслуги в области батальной живописи». Награда была приурочена к 80-летнему юбилею и 55-летию его творческой и художественно-педагогической деятельности. Чествование художника проходило в Симферополе, в здании Крымского государственного драматического театра имени Максима Горького. В письме к своему бывшему ученику, художнику М. И. Авилову, старый мастер писал: «Присутствовало множество гостей — председатель Всехудожника Ю. М. Славинский, художники Д. Ф. Бек, В. Н. Яковлев. Из Севастополя были депутаты от Черноморского флота...»[48]. Позже в Симферополь приезжали М. И. Авилов и П. И. Котов, чтобы поздравить Н. С. Самокиша с юбилеем и высокой наградой [ил. 16].

В январе 1941 года картина Самокиша «Переход через Сиваш» экспонировалась в Москве на «Выставке лучших произведений советских художников». В марте 1941 года за эту картину художнику была вручена Сталинская премия второй степени[49].

Через несколько месяцев началась война.

Ил. 16. Н. С. Самокиш и М. И. Авилов. Фотография. 1940

С началом войны прекратилась работа по созданию панорамы «Штурм Перекопа», остались неоконченными станковые картины художника, находящиеся на тот момент в работе, был прерван педагогический процесс. Профессор Н. С. Самокиш из Харькова срочно выехал в Симферополь.

Прозвучавшие по радио слова В. М. Молотова в обращении к советскому народу: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами» вдохновили многих художников и послужили лозунгом для дальнейшей работы. На улицах Москвы и других городов страны появились первые «Окна ТАСС». Для создания плакатов были сформированы бригады художников. Самокиш-баталист, конечно, тоже принялся за работу: уже в июле 1941 года он рисует плакат «Наше дело правое...», который был размещён в симферопольской газете «Красный Крым», а затем напечатан массовым тиражом [ил. 17].

На плакатном рисунке Н. С. Самокиша боевой конь «несётся», отрывая все четыре копыта от земли. Всадник с шашкой над головой беспощаден к врагам. В этой войне лошадям отводилась не такая роль, как в предыдущих войнах, но художник именно через образ вздыбленного коня добился остроты восприятия плаката. Такое изображение животного в движении (иногда даже неестественное) было отличительной чертой его многих батальных работ советского периода, в которых сильнее

Ил. 17. Н. С. Самокиш. Наше дело правое. Плакат. 1941

проявлялась экспрессия. Рисунок выполнен акварелью, с применением толстой контурной линии. Такая манера характерна и для графических работ Самокиша периода Первой мировой войны, на фронтах которой он побывал в 1915 году, получив разрешение выехать на передовую со своими учениками. Эти произведения, несомненно, перекликаются и с рисунками, выполненными им во время Русско-японской войны, на передовых позициях которой он, в качестве художника-корреспондента журнала «Нива», провёл семь месяцев и жил фронтовой, полной опасностей, жизнью.

Под плакатным рисунком расположен текст:

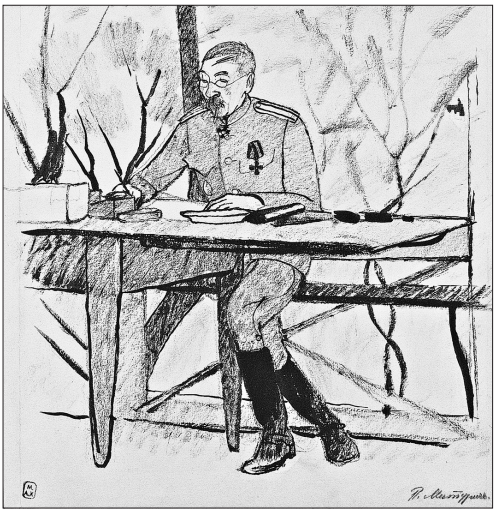
«Где сабля красная взвилась, Там быть всегда фашисту битым.
Куда наш конь ступил копытом, Там будет гад затоптан в грязь!»

Кроме даты создания и подписи, художник на плакате оставил надпись «ССХ Кр. АССР», тем самым уточнил свою принадлежность к Союзу советских художников Крымской автономной советской социалистической республики[50].

Осенью 1941 года Крым был оккупирован немецкими войсками. Под угрозой оказались музейные ценности. Эвакуация была организована несвоевременно и значительная часть произведений погибла (в том числе многие работы Самокиша). Академика Н. С. Самокиша тоже не успели эвакуировать, он остался в оккупированном Симферополе. Художнику-баталисту пришлось пережить все тяготы и лишения военного времени. Симферопольское художественное училище имени Н. С. Самокиша временно прекратило свою работу. Ушёл на фронт директор училища Эннан Алимов[51] — ученик Самокиша, и вместе с ним многие педагоги и учащиеся старших курсов. Н. С. Самокиш и оставшиеся в городе преподаватели прилагали все усилия, чтобы спасти младших учеников от угона в Германию.

Около двух с половиной лет прожил художник в оккупированном Симферополе. А. И. Полканов[52] писал: «В это мучительное время <...> он много читал и брался за кисть лишь для копирования своих старых акварелей, чтобы раздобыть средства для существования»[53]. Немецкие и румынские офицеры высоко ценили творчество Самокиша и покупали его работы. Это послужило обвинением в сотрудничестве с оккупантами. Он был на грани ареста. В январе 1944 года на восемьдесят четвёртом году жизни Николая Семёновича Самокиша не стало. Узнав о кончине художника, Н. К. Рерих в 1946 году в письме к И. Э. Грабарю писал: «О Самокише я сохраняю добрую память <...>»[54].

Великая Отечественная война стала последним событием в жизни и творчестве Н. С. Самокиша. Имени художника была уготована судьба



Ил. 18. П. В. Митурич. Самокиш в землянке. 1915

забвения. Заговорили о нём лишь после смерти Сталина, когда ситуация в стране несколько изменилась и было пересмотрено отношение к людям, оказавшимся (не по своей воле!) на оккупированных территориях.

Вся разносторонняя и плодотворная деятельность Н. С. Самокиша велась совместно с преподавательской работой, которой он отдал около пятидесяти лет. Он ещё долгие годы жил в памяти своих учеников, которых привлекал энтузиазм и энергия этого человека, его мастерство и эрудиция. Самокиш, несомненно, был талантливым педагогом — он всей своей личностью и всем своим творчеством воздействовал на учеников. Они, в свою очередь, с уважением и признательностью относились к нему: многие из них оставили добрые воспоминания и запечатлели его образ в своих произведениях.

В Научно-исследовательском музее Российской академии художеств хранится графический рисунок «Н. С. Самокиш в землянке», выполненный П. В. Митуричем[55] во время учебной поездки на фронт в 1915 году. Профессор изображён в военной форме с Георгиевским крестом, в момент отдыха. Он сидит за столом, закинув нога на ногу, голова чуть опущена — что-то пишет или рисует. Портрет Самокиша экспонировался на выставке «Мир искусства» в 1915 году [ил. 18].

Студент батального класса К. Трохименко[56] в своей дипломной работе «Допрос пленных мадьярских гусар» (1916), главному персонажу картины придал внешнее сходство со своим учителем — профессором Н. С. Самокишем [ил. 19]. Работа была задумана во время учебной поездки на передовую Первой мировой войны. На стороне России воевали венгерские гусары и молодого художника заинтересовали образы военных мадьяр, их одежда и амуниция.

Ещё один портрет Н. С. Самокиша, выполненный его учеником — художником С. М. Рыбниковым[57], который был свидетелем последних дней жизни своего учителя. После войны он начал работать над созданием портрета: писал долго — с 1945 года по 1951 год. Старый мастер изображён в профиль, чуть со спины во время работы [ил. 20]. Над чем он работает не обозначено, внимание зрителей привлекает лишь краешек холста, освещённый солнцем, — зарождающееся пятнышко новой светлой жизни после войны.

Ил. 19. К. Д. Трохименко
Портрет Н. С. Самокиша. 1916

Ил. 20. М. С. Рыбников. Портрет Н. С. Самокиша. 1945–1951

В 2004 году на территории Крымского художественного училища имени Н. С. Самокиша, которое сегодня является высшим учебным заведением художественного образования, установлен скульптурный портрет художника-педагога, академика живописи, профессора Николая Семёновича Самокиша — дипломная работа выпускника училища, ныне известного скульптора Виктора Гордеева. На постаменте воспроизведена подпись художника [ил. 21].

Ил. 21. В. Гордеев. Скульптурный портрет Н. С. Самокиша. 2004

Николай Семёнович Самокиш прожил долгую жизнь. В его творчестве нашли отражение события мировых войн, социальных революций и катастроф, свидетелем которых ему было суждено стать. Значительная часть творчества художника носит историографический характер. Прошло более 70 лет как художник ушёл из жизни, но его творческое и художественно-педагогическое наследие и сегодня волнует потомков, проявляющих интерес к искусству той эпохи, когда он жил, творил и преподавал.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Сергей Константинович Маковский (1877–1962) — русский поэт, главный редактор журнала «Аполлон» и художественный критик, издатель.

[2] Иван Яковлевич Билибин (1874–1942) — русский художник, преподавал в Рисовальной школе ИОПХ в «рериховский период». После 1917 года жил в Крыму (в Батилимане), затем в эмиграции. Умер в блокадном Ленинграде.

[3] *Мальгин А. В., Кравцов Л. П.* Культура Крыма при Врангеле // Крым. Врангель. 1920. М.: Социально-политическая мысль, 2006. С. 128.

[4] В 1915 году был создан учебный отряд из пяти студентов Академии художеств под руководством Н. С. Самокиша в рамках работы на фронтах Первой мировой войны, Трофейной Комиссии, которую возглавлял полковник Шенк Владимир Константинович (1869–1947) — гвардейский полковник, военный историк. С 1911 года возглавлял «Комиссию по описанию боевых трофеев Русского воинства и старых русских знамён». Во время Первой мировой войны руководил особым военно-художественным отрядом.

[5] Василий Львович Симонов (1879–1960) — русский и советский скульптор. Председатель Союза скульпторов и лепщиков Петрограда, заведующим скульптурной секцией Отдела по охране, учёту и регистрации памятников искусства и старины (1918–1921).

[6] В июле 1917 года при Зимнем Дворце была создана художественно-историческая комиссия, задача которой заключалась в составлении описей художественных ценностей Эрмитажа и Зимнего Дворца и подготовки наиболее ценных вещей к эвакуации в виду угрозы немецкого наступления.

[7] Елена Петровна Самокиш-Судковская (1863–1924) — русская художница акварелистка, книжный иллюстратор. Жена Н. С. Самокиша. Вдова художника-мариниста, академика Р. Г. Судковского (1850–1885).

[8] См.: *Андреева Л. Ю.* Неизвестные страницы биографии Е. П. Самокиш-Судковской: к 150-летию со Дня рождения. // Учёные записки Таврического национального Университете им. В. И. Вернадского. 2013. Т. 26. № 2: Исторические науки. С. 15–25.

[9] Ян Петрович Бирзгал (1898–1968) — советский художник. Учился в Художественном училище имени барона А. Л. Штиглица. Был близко знаком с Н. С. Самокишем: покровительствовал ему в советский период. Занимал пост Председатель оргкомитета советских художников Крымской АССР. Директор Алупкинского дворца-музея (1927–1939), директор Симферопольской картинной галереи (1939–1948).

[10] *Ткаченко В. Я.* Николай Семёнович Самокиш. Жизнь и творчество 1860–1944. М.: Искусство, 1964. С. 75.

[11] Ариадна Александровна Арендт (1906–1997) — русская художница, скульптор. С 1923 по 1926 год училась в Симферопольском художественном техникуме у Н. С. Самокиша.

[12] Елена Евгеньевна Чулаки (1908–?) — русская художница, график. Ученица Н. С. Самокиша.

[13] ОР ГРМ. Ф. 100. Ед. хр. 495. Л. 18.

[14] ОР ГРМ. Ф. 100. Ед. хр. 495. Л. 13.

[15] *Полканов А. И.* Николай Семёнович Самокиш. Жизнь и творчество (к 100-летию со дня рождения) 1860–1960. Симферополь: Крымиздат, 1960. С. 94.

[16] *Боровская Е. А.* Санкт-Петербургская школа для вольноприходящих учеников. История создания. Годы становления. СПб.: Астерион, 2011. С. 33.

[17] Там же.

[18] *Рерих Н. К.* Цветы художеств // *Рерих Н. К.* Листы дневника: в 2-х т. Т. 1 (1931–1935). М.: МЦР, Мастер-Банк, 1999. С. 57.

[19] Елена Иосифовна Нецкая (1908–1996) — русская художница, график, книжный иллюстратор (в основном детской литературы). Ученица Н. С. Самокиша.

[20] ОР ГРМ. Ф. 100. Ед. хр. 495. Л. 17.

[21] ОР ГРМ. Ф. 172. Ед. хр. 1.

[22] *Рерих Н. К.* Цветы художеств // *Рерих Н. К.* Указ. соч. С. 58.

[23] *Боровская Е. А.* Рисовальная школа Императорского Общества поощрения художеств. К вершинам профессионального мастерства. СПб.: Астерион, 2012. С. 180.

[24] Павел Арсеньевич Путятин (1837–1919) — русский археолог, этнограф, коллекционер. Оказал большое влияние на Н. К. Рериха, родственник Е. И. Рерих.

[25] *Мельников В. Л.* Н. К. Рерих и князь П. А. Путятин // Музей-институт семьи Рерихов. СПб.: Электронная библиотека, 2009.

[26] Из Украинской старины. Альбом. СПб.: Книгоиздат. А. Ф. Маркса, 1900.

[27] Сергей Иванович Васильковский (1854–1917) — русский и украинский художник. Близкий друг Н. С. Самокиша со студенческой скамьи. Совместные работы: альбом «Из Украинской старины», монументальные росписи в здании Губернского Земства (г. Полтава), в Художественном училище и жилом доме (г. Харьков).

[28] Дмитрий Иванович Эварницкий (после 1917 года — Яворницкий) (1867–1940) — украинский историк, этнограф, писатель, исследователь жизни запорожского казачества. Изображён в образе писаря на картине И. Е. Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». С 1902 года возглавлял Екатеринославский исторический музей имени А. Н. Поля (с 1926 года — Днепропетровский). Сегодня музей носит имя Д. И. Яворницкого.

[29] *Возгрин В. Е.* История крымских татар: в 4-х т. Т. III. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 787.

[30] *Лаптев А. М.* Как рисовать лошадь. М.: Искусство, 1953. С. 141.

[31] *Валуева (Мунт) А. П.* Севастополь и его героическое прошлое. СПб.: Издание А. Ф. Девриена 1904. 180 с.

[32] Указ. соч. С. 5.

[33] Сергей Фотиевич Беседин (1901–1996) — живописец, график, педагог. Преподавал в Харьковском художественном институте, был дружен с Н. С. Самокишем. В 1939 году написал его портрет.

[34] Цит. по: *Полканов А. И.* Николай Семёнович Самокиш. Жизнь и творчество (к 100-летию со дня рождения). Симферополь: Крымиздат. 1960. С. 68.

[35] Маргарита Руфиновна Лагранж-Судковская (1884–1972) — русская художница, дочь Е. П. Самокиш-Судковской от первого брака. В советское время жила в Москве, была членом Союза художников СССР.

[36] См.: *Андреева Л. Ю.* Эпистолярный диалог академиков: Н. С. Самокиш — Д. И. Яворницкий // Учёные записки Таврического национального Университета им. В. И. Вернадского. 2012. Т. 25(64). № 1. С. 3–15.

[37] Николай Григорьевич Бурачек (1871–1942) — украинский живописец и историк искусства, профессор Харьковского художественного института.

[38] *Бурачек Н. Г.* Микола Самокиш. Харьков: «РУХ», 1930. С. 35.

[39] Митрофан Борисови Греков (1882–1934) — русский и советский художник-баталист. Учился в Академии художеств у Ф. А. Рубо.

[40] Дмитрий Михайлович Карбышев (1880–1945) — русский генерал-лейтенант. В 1920 году руководил инженерным обеспечением штурма Чонгарских укреплений и Перекопа. Был консультантом от Главного политического управления Красной Армии при создании панорамы «Штурм Перекопа».

[41] Постановление СНК Крымской АССР от 28 июня 1937 года об организации художественного училища и присвоении ему имени академика Н. С. Самокиша.

[42] Домащенко (Хвостиков) Марк Николаевич (1906–1988) — советский художник. С тринадцати лет воевал в Красной Армии. В середине 30-х годов сменил фамилию на Домащенко в память о полковом командире. Ученик Н. С. Самокиша. Обучение осуществлялось с помощью переписки и показало возможность заочного художественного образования.

[43] Павел Егорович Щербов (1866–1939) — русский художник, график, карикатурист. Н. С. Самокиш был дружен с семьёй Щербова; был в переписке с ним и его женой. В музее-усадьбе П. Е. Щербова в Гатчине хранится ряд картин Н. С. Самокиша.

[44] ОР ГРМ. Ф. 99. Ед. хр. 5.

[45] В 1992 году в этом доме создан литературно-мемориальный музей-усадьба П. Е. Щербова. Основой послужил семейный архив, переданный племянником А. Д. Щербовой в краеведческий музей г. Гатчины.

[46] Дмитрий Давидович Ануфриев (1888–1961) — советский художник. Жил в Симферополе, ученик Н. С. Самокиша. С 1934 года работал в Мордовском Краеведческом музее.

[47] См.: *Андреева Л. Ю.* Создание академиком Н. С. Самокишем картин для музея г. Саранска (по материалам писем Д. Д. Ануфриева и Н. С. Самокиша) // Ист., филос. и юрид. науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. — Тамбов, 2014. Т. III (41). Ч. 1. С. 16–19.

[48] *Самокиш Н. С.* Письмо М. И. Авилову. 1940 год // ЦГАЛИ. Ф. 217. Оп. 1. Л. 18.

[49] Постановление Совета народных комиссаров Союза ССР от 15 марта 1941 года. Раздел о присвоении Сталинских премий в области искусства и литературы // Творчество. № 3. С. 6.

[50] В конце 30-х годов Самокиш принимал активное участие в работе по организации Союза советских художников Крыма, что было предусмотрено политикой государства. В стране были ликвидированы многочисленные художественные группы и объединения. Был создан Союз художников СССР и учреждены его организации во всех регионах. В 1940 году указом Управления по делам искусств Крымской АССР был сформирован оргкомитет Союза советских художников Крыма, в который вошли: Я. П. Бирзгал, Н. С. Самокиш и молодые художники, воспитанники Н. С. Самокиша — В. И. Спичак, А. У. Устаев, М. С. Рыбников.

[51] Эннан Алимов (1912–1941) — русский художник и писатель крымско-татарского происхождения. Ученик Н. С. Самокиша. Первый директор художественного училища имени Н. С. Самокиша.

[52] Александр Иванович Полканов (1884–1971) — юрист, историк, этнограф. Один из организаторов музейного дела в Крыму, директор Центрального музея Тавриды. Член союза художников СССР. Друг, ученик и исследователь творчества Н. С. Самокиша. Автор монографии к 100-летию со Дня рождения художника.

[53] *Полканов А. И.* Николай Семёнович Самокиш. Жизнь и творчество (к 100-летию со дня рождения) 1860–1960. Симферополь: Крымиздат, 1960. С. 94.

[54] Рерих Н. К. Грабарю (23 октября 1946) // *Рерих Н. К.* Листы дневника: В 3 т. — Т. III (1942–1947). 1-е изд. М.: МЦР; Мастер-Банк, 1996. С. 467.

[55] Пётр Васильевич Митурич (1887–1956) — русский и советский художник Учился в батальной мастерской профессора Н. С. Самокиша. Участник учебной поездки на фронт Первой мировой войны.

[56] Карп Демьянович Трохименко (1885–1980) — русский и украинский художник. Учился в батальной мастерской профессора Н. С. Самокиша, участник учебной поездки на фронт Первой мировой войны. Профессор Киевского художественного института.

[57] Михаил Степанович Рыбников (1905–?) — русский художник, ученик Н. С. Самокиша. Во время войны находился в оккупированном Симферополе. Свидетель последних дней жизни художника.

О. В. РОЖНОВА
(Краеведческий музей г. Ломоносова)

ВЫСТАВКА «МЭТР ИЗ ОРАНИЕНБАУМА»: ОТ ИДЕИ К ВОПЛОЩЕНИЮ

Все эти выставки суть маленькие временные музеи.
Б. Гройс «Комментарии к искусству»

Стравинский смахивает на Чеширского кота из Алисы в Стране Чудес. Первое, что появляется, и последнее, что исчезает, — его улыбка.
«Часы Аполлона»

Одним из традиционных музейных событий является временная выставка. Она способствует выявлению новых «пустот», которые требуется заполнить в жизнедеятельности музея. Формируя воображаемое, иллюзорное пространство-время, каждый выставочный проект имеет определённую цель, сосредотачиваясь на конкретной аудитории, но он всегда невольно приводит к пересмотру «границ музея», его базовых устоев[1].

В 2012 году исполнилось 130 лет со дня рождения композитора Игоря Фёдоровича Стравинского. По уникальной случайности Ораниенбаум стал местом его рождения, и сегодня это одно из немногих мест, где сохранена память об Игоре Фёдоровиче. При подготовке постоянной экспозиции в 2011 году «Три века истории Ораниенбаума-Ломоносова» был выделен раздел «Уголок Стравинского», где стилизованно представлен фрагмент дачной комнаты и фигура матери Анны Кирилловны с маленьким ребёнком на руках. Рядом в витрине экспонируются предметы, ранее принадлежавшие отцу Игоря Фёдору Игнатьевичу Стравинскому, известному оперному певцу: часть сценического костюма Мефистофеля (сапоги красной кожи) и бронзовый кувшинчик, над ними выставлены акварели, написанный рукой жены Юрия Игнатьевича Елены, свояченицы Игоря. Эти предметы были подарены музею Ксенией Юрьевной Стравинской. Им сопутствовали копии рисунков ролей Ф. Стравинского, ноты с автографом, копии фотографий Игоря и бронзовый барельеф И. Стравинского (худ. Д. Г. Павлова).

При этом осознавалось, что фигуре Стравинского придаётся небольшое значение по сравнению с тем вкладом, который он внёс в мировую культуру. Имя Игоря Стравинского стало уже одним из знаковых имён для истории Ораниенбаума. Стремление понять этого удивительного че-

Ил. 1. Фрагмент выставки

ловека, подчас противоречивого и неуловимого в своём мироощущении, вызвало к жизни идею о создании проекта, посвящённого отдельным страницам жизни самого Игоря и его окружения, в первую очередь семейного, тем или иным образом, связанным с Ораниенбаумом. Юбилейная дата определила монографический характер выставки.

При подготовке проекта «Мэтр из Ораниенбаума», приуроченной к празднованию юбилея композитора, было проделано огромное количество подготовительной работы в архивах, библиотеках, музеях. Новизной выставки 2012 года стало то, что в её основу легли результаты напряжённой архивной работы, в процессе которой был получен огромный объём новой документальной информации, посвящённой профессиональной деятельности отца композитора Ф. И. Стравинского и юношескому периоду жизни Игоря.

Выставка была организована при содействии Санкт-Петербургского музея театрального и музыкального искусства и Музея-института

семьи Рерихов. Основными разделами выставки стали: «Рождение в Ораниенбауме. Семья», «Ф. И. Стравинский — солист оперной сцены», «Становление Игоря — композитора», «Визит в СССР в 1962 году», «Память об И. Ф. Стравинском». Родственники Игоря Стравинского по линии брата Фёдора предоставили цифровые изображения семейных фотографий: Юрия, Анны Кирилловны.

Одним из интересных представленных материалов стала ученическая рукопись матери А. И. Стравинской с автографом Фёдора Игнатьевича. Экспонировались личные сценические костюмы Ф. И. Стравинского — костюм Мстивого из оперы «Млада» Н. А. Римского-Корсакова, фрак, шлем Фарлафа (из оперы «Руслан и Людмила» М. И. Глинки), цепь к костюму для роли Сен-Бри в «Гугенотах» (Дж. Мейербер, 1874), поздравительные ленты. Из фондов краеведческого музея демонстрировался орден Станислава III степени (подобную награду Ф. Стравинский получил из рук государя Николая II в честь 20-летия творческой деятельности). Их дополняли кабинетные фотографии Ф. И. Стравинского (1874–1875 годов и 1890 года), его брата Александра и его сыновей Игоря и Гурия.

Яркой деталью выставки стали эскизы к балетам и операм на музыку И. Стравинского «Петрушка», «Соловей», «Жар-Птица», «Весна священная». Особенно привлекала идея показать традиционные и современные способы оформления одного и того же спектакля. С этой целью были использованы эскизы различных авторов. Так получилось с оперой «Соловей», рисунки к которой были представлены именами Головина и Фирера. Их дополнила копия либретто к «Соловью», написанное рукой друга И. Стравинского С. С. Митусова (из фондов Музея-института семьи Рерихов). Также первую треть двадцатого столетия представили А. Н. Бенуа, мастерская Н. К. Рериха, копии по рисункам А. Я. Головина, Э. О. Визеля[2]. Современное искусство декораций представляли эскизы В. И. Фирера, В. И. Доррера, Т. К. Сотниковой-Ратнер, Д. Д. Бушена[3].

Скульптурные портреты И. Стравинского авторов А. Н. Черницкого (1960) и Д. Г. Павловой (2010) органично вписались в выставочное пространство, предваряя и завершая встречу с посетителями.

В витринах расположились пластинки из фондов музея. Сам мэтр, понимая и принимая технические новшества века, считал пластинки документами, «которые могут служить руководством для исполнения моей музыки»[4]. Там же поместились и книжные издания из библиотеки Музея-института семьи Рерихов, посвящённые личности и творчеству Игоря Стравинского, редкое издание 1927 года из фондов краеведческого музея.

Но основную роль отвели новым, прежде не выставлявшимся на широкое публичное обозрение, копиям архивных документов. Доку-

мент был элементом повседневности, но привнесённый в музейную среду, он стал экспонатом, получив новый, отличный от первоначального смысл. Вся новая выставочная среда стала одним полем-документом, в которое вплетались изобразительные материалы: фотопортреты Фёдора, Игоря, Гурия, создавая иллюзию объёмного пространства. Чёрно-белая гамма оформления — цвета рояля, нотной грамоты, чернил документов — характеризовала полярность личности самого мэтра, а его высказывания на различные темы облетали зал, наводя на размышления о самом композиторе. Цветовые пятна костюмов, эскизов декораций оттеняли основной замысел. Выставочный проект способствовал созданию иронично-театральной атмосферы, включению зрителя в новое понимание сущности документа и предмета при использовании минимальных оформительских приёмов.

Странички писем Игоря маме и семье Римских-Корсаковых (Николаю Александровичу и Надежде Николаевне) оформлены в доступной для зрителя форме в виде блокнота, перелистывая который можно окунуться в трепетную атмосферу нежных слов и признаний. Копии листков календаря, на которых отец записывал важные семейные даты (бракосочетание, рождение каждого из детей), и детские фотографии — яркое знаковое пятно.

В проект вошли пешеходная экскурсия по городу с показом памятных мест (включая участок, где находилась дача, на которой родился композитор) и демонстрация фильма о Стравинском из цикла «Гении» А. Кончаловского, музыкальный концерт произведений, исполненных учащимися музыкальной школы им. И. Стравинского. Почтили своим присутствием открытие проекта внучатая племянница композитора Елена Алексеевна Стравинская и её супруг Всеволод Петрович Степанов, а правнучка музыканта Мария Стравинская, проживающая в Швейцарии, приветствовала собравшихся письменно.

Выставка продлилась три месяца, но за это время перешла грани временной, плавно став частью первого фестиваля «Stravinsky-Fest». Фестиваль стал традицией, и тематический проект о семье Стравинских включился в постоянное пространство музейной экспозиции. Через новое прочтение частного (одного человека, одной семьи) стало возможным новое определение роли целого экспозиционного комплекса (городской среды Ораниенбаума в XIX — начале XX веков), куда органично вписан мемориальный проект «Игорь Стравинский». Начался процесс по переосмыслению способов обрамления известных образов (дачно-театральный Ораниенбаум) через призму персоны Стравинского.

Например, ведётся работа по созданию рабочего кабинета Фёдора Игнатьевича — страстного библиофила, о собрании книг, гравюр,

литографий и портретов которого не раз писали газеты. Великолепная библиотека Фёдора Игнатьевича включала редкие книги по искусству, много репродукций картин и графики. Работая над ролью, он вникал в смысл произведения, читая его в подлиннике. Его желание заполучить очередное издание для коллекции может быть проиллюстрировано письмом к Петру Исаевичу Вейнбергу[5] от 1 декабря 1899 года: «Этим ценным даром Вы обогатили моё хранилище. Да позволено будет мне лелеять себя надеждой на получение и остальных двух томов (VII и VIII-го)»[6]. Речь идёт о собрании произведений Гейне. Кабинет и библиотека — этот тот мир, в котором рос Игорь, на всю жизнь сохранивший любовь к чтению. Обрамление и создание временной атмосферы в экспозиционном пространстве может быть достигнуто с помощью археологических элементов несохранившихся домов, в том числе и дома, где родился Игорь Стравинский.

Выставочный проект 2012 года был представлен в номинации «Выставка года» на ежегодном фестивале «Музейный Олимп». Он получил неординарные отзывы в прессе, в основном положительного характера. Многие экскурсанты с удовольствием знакомились с содержанием документальной части. Характеризуя выставку, один из посетителей, писал: «Я приехал на твой день рождения, <...> Игорь Стравинский! Я ощутил воздействие его духа в этой прекрасной стране!». Надо сказать особо об этом посетителе — узнав на просторах интернета о создании данной выставки, он специально приехал её посетить из... Соединённых Штатов Америки. Ощущение посетителями духа личности Стравинского говорит о том, что проект позволил «открыть окно» в музейном краеведческом пространстве, направляя зрителя к переосмыслению качества экспозиции, создавая новую точку зрения на музей.

Таким образом, выставка «Мэтр из Ораниенбаума», будучи не просто откликом на важные даты и события, стала частью музейного пространства, задав критерии модернизации существующей экспозиционной площади и способствуя созданию нового музейного образа освоения реальности и самосознания.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Ляшко А. В.* Выставочное событие в пространстве художественного музея // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 6. Вып. 1. С. 24–34.

[2] Бенуа Александр Николаевич — русский художник, историк искусства, основатель и идеолог объединения «Мир искусства». Играл значительную роль как художник и постановщик балетов Дягилева «Русские сезоны», в том числе оформлял декорации к балетам И. Стравинского «Петрушка», «Соловей». Рерих Николай Константинович — русский художник, сценограф, философ-мистик,

писатель, путешественник, археолог и общественный деятель. Написал эскизы декораций к балету «Весна Священная» И. Стравинского, выступил соавтором либретто. Визель Эмиль Оскарович — художник, хранитель музея и действительный член Императорской Академии художеств, организатор международных художественных выставок, член совета Эрмитажа и Русского музея, в советское время — эксперт по русской и западной живописи и скульптуре в комиссии при музейном отделе Главнауки.

[3] Фирер Владимир Ильич — театральный художник (в Мариинском театре, Театре Комедии, Малом драматическом театре, Театре им. Ленсовета, БДТ им. Горького, Молодёжном театре на Фонтанке, Театре на Литейном), профессор и заведующий кафедрой сценографии и театрального костюма Санкт-Петербургской Академии театрального искусства (с 1999 года), председатель секции театральных художников Союза Художников Санкт-Петербургского отделения (2003), обладатель премии «Золотой софит». Дорер Валерий Иванович — театральный художник мастерских Академического театра оперы и балета им. Кирова, Малого оперного театра. Удостоен множества медалей и наград. Оформил восемьдесят пять спектаклей в двадцати семи театрах девяти городов. Сотникова-Ратнер Татьяна Константиновна — член Союза Художников и Член Союза Театральных деятелей. Работала художником-постановщиком в театрах Иркутска, Барнаула, Новосибирска, Перми, Ташкента и Ленинграда, художником по костюмам на Ленфильме (фильм-опера «Князь Игорь», «Гойя» и др.). Кроме театра занимается книжной графикой. Театральные эскизы хранятся в Театральном Музее им. Островского, в коллекции Санкт-Петербургской Театральной библиотеки, в Музее истории музыкальной культуры имени М. И.Глинки в Москве и в частных коллекциях. Бушен Дмитрий Дмитриевич — художник «Серебряного века», писал натюрморты и пейзажи Франции, Италии и Венеции. Выполнил множество эскизов декораций для театральных и балетных постановок. Последней крупной работой в области сценографии стал балет «Жар-птица» И. Ф. Стравинского, оформленный им в 1969 году для Лиссабонского оперного театра на фестивале Г. С. Гульбенкяна. Активно работал в книжной графике, создавал образы для модных домов Франции (Пату, Риччи, Ланвен).

[4] *Стравинский И.* Хроника. Поэтика. М.: Росспэн, 2004. С. 112.

[5] Вейнберг Пётр Исаевич — поэт, переводчик, историк русской литературы. Член Театрально-литературного комитета, преподаватель русской и иностранной литературы на Высших женских педагогических и драматических курсах, инспектор Коломенской женской гимназии, директор гимназии и реального училища им. Я. Г. Гуревича. Приват-доцент Санкт-Петербургского университета (1887–1894). Председатель Союза взаимопомощи русских писателей (1897–1901). Председатель Литературного фонда. Почётный академик (с 1905 года).

[6] Р1 1051. Отдел рукописей Театральной библиотеки. Л. 1.

М. Т. ВАЛИЕВ
(Виртуальный проект «Общество друзей школы Карла Мая»; Санкт-Петербург)

КЛАРА ЦЕЙДЛЕР – СВОБОДНАЯ ХУДОЖНИЦА

История проникновения немецкой культуры в Государство Российское имеет давние и общеизвестные корни[1]. С начала XVIII века немецкая слободка стала неотъемлемой частью российского городского пейзажа, немецкий язык долгое время был основным языком российской науки, с лёгкой руки Петра I повсеместно внедрялись немецкие стандарты государственного устройства.

При работе с картотекой дел о переходе в российское подданство в российском государственном историческом архиве (РГИА)[2] невольно ловишь себя на мысли — три четверти иностранцев приходили в Россию из немецких земель — Пруссии, Германии, Саксонии, Голштинии.

Ил. 1. Клара Фёдоровна Цейдлер. 1908 год
Санкт-Петербург. Публикуется впервые

Редкими вкраплениями выглядят французские, британские, турецкие и другие подданные. Значимое французское и, тем более, англосаксонское влияние проявилось в России гораздо позднее — первое на рубеже XVIII–XIX веков, второе на рубеже XIX–XX веков. Не следует забывать и о традиционных фамильных связях российского императорского дома с германской аристократией.

Не вызывает сомнения влияние немецкой науки и немецкой школы на российскую Академию наук и российское образование в целом. Достаточно вспомнить, что из тринадцати академиков первого состава Петербургской Академии девять были немецкими учёными. Можно сказать, что голландцы научили нас строить корабли, итальянцы — возводить дворцы, а немцы — учить и учиться[3].

К великому сожалению, XX век нанёс ощутимый вред отношениям двух великих народов. Две мировые войны развели нас по разные стороны фронтов, в исторической памяти народов преобладают негативные мотивы. Тем важнее по крупицам восстановить светлые страницы истории и попытаться вернуть заслуженное уважение к влиянию немецкой нации, немецкой культуры, науки, государственности на нашу историю.

В предыдущих публикациях[4] мы рассказали о фамильной истории семьи Цейдлеров, выходцев из Пруссии, оставивших заметный след в российской науке, искусстве и педагогике. В рамках настоящей статьи хотелось бы подробнее рассказать о судьбе одной из ярких представительниц этой семьи, российской художнице Кларе Цейдлер (1870–1952).

Родоначальником российской ветви героев нашего рассказа был Фердинанд Фридрих Цейдлер (1832–1886).

По уточнённым данным, глава рода родился 4 марта 1832 года в семье адвоката в саксонском городке Хильдесхайме[5]. В 1851 году Фридрих Цейдлер стал уже студентом математического факультета Гёттингенского университета[6]. Именно на это время приходится первое упоминание «российского следа» в фамильной истории — успешному студенту одного из ведущих университетов Германии была назначена стипендия великой княгини Ольги (1822–1892)[7].

Сейчас мы сказали бы, что стипендия выплачивалась с условием последующей отработки на ниве российского народного образования. Думается, что таким образом княгиня Ольга заботилась о повышении качества преподавания в отечественной школе. Именно поэтому после окончания университета, не позднее начала 1856 года, Фридрих Цейдлер приехал в Выборг и поступил преподавателем математики в знаменитую школу Карла Готлиба Бема (1823–1856)[8].

Школа Бема, одна из первых в России частных гимназий-пансионов, несмотря на сравнительно короткий срок существования, к моменту

Ил. 2 Берта Альбертовна Цейдлер (ур. Кемпе). Архив семьи Цейдлер

Ил. 3. Фердинанд Фридрих Цейдлер Архив семьи Цейдлер

приезда Фридриха была уже достаточно известна и популярна. Отличительной особенностью школы Бема было повышенное внимание к изучению русского языка, даже «большее, чем в местных правительственных заведениях, шведских и финских». Авторитету школы способствовал и тщательно подобранный состав педагогов. Молодой учитель математики пользовался заслуженным уважением у коллег и питомцев. К сожалению, в 1856 году, в молодом возрасте умер основатель и директор гимназии Карл Бем, и через некоторое время Фридрих Цейдлер стал его преемником. К этому же времени (июль 1860 года) относится и начало счастливого брака с Бертой Альбертовной Кемпе (1840–1925).

Уже через год после свадьбы Фридриха и Берты Цейдлер в 1861 году на свет появился их первенец, Герман (1861–1940). В будущем счастливая семья Цейдлеров с завидным постоянством прирастала новыми членами: Людвигом (1863–1916), Альбертом (1865–1908), Эммой (1868–1923), Кларой (1870–1952), Рудольфом (1872–1966), Густавом (1874–1959) и Антонией (1876–1962)[9]. Интересно отметить, что все дети родились в Выборге и были записаны, как «уроженцы княжества Финляндского», что служило в последующем поводом для ошибочного толкования их национальной принадлежности[10].

Все сыновья Фридриха Цейдлера, кроме Альберта, учились в гимназии Карла Мая, причём Герман, Густав и Рудольф закончили здесь полный курс средней школы[11]. Вероятнее всего, это объясняется тем, что Карл Май (1820–1895) и Фридрих Цейлер были женаты на родных сёстрах — Берте и Агнессе Кемпе. По существовавшей традиции, дети директора школы не могли заканчивать учебное заведение, возглавляемое их родителем (в конкретном случае — школу Бема–Цейдлера в Выборге). С другой стороны, в школе Мая дети учились у родных дяди и тёти и, конечно, находились под их доброжелательным присмотром. Родители могли спокойно доверить воспитание своих чад близким родственникам.

Именно к периоду учёбы Цейдлеров в гимназии Карла Мая относится одна из самых ярких характеристик семьи героев нашего повествования, приведённая в живописных воспоминаниях однокашника Густава Цейдлера, Ивана Васильевича Петрашеня (1875–1937)[12]. Эти строки хорошо передают общую атмосферу в семье Цейдлеров. Позволим себе привести небольшой отрывок из текста И. В. Петрашеня:

«...Густав был младшим членом большой, довольно талантливой семьи. Вся семья Цейдлера состояла из весьма определённых цельных характеров, независимых друг от друга в своей повседневной жизни, свободных от всяких сентиментальностей и руководствующихся, как им казалось, только велением разума и расчётом. На словах все они были эгоистами, а мир принимали как кучу беспокойных атомов, вечно бесцельно, но иногда, правда, удачно, толкающихся друг о друга, в результате каковой толкотни произошло “Всё”. Разумеется, ни о каком долге человека к окружающей жизни, ни о каком служении идее или обществу у Цейдлеров не могло быть и речи, и если они делали что-либо для общества полезное, а все они были полезнейшими гражданами, то это они делали, как им казалось, исключительно для себя, так сказать, попутно, сознательно преследуя лишь свои интересы. Одним словом, они были последовательными материалистами — механистами, которые, действительно, только по недоразумению могут заботиться о всеобщем благе человечества. На деле, вся семья Цейдлеров состояла из прекраснейших людей, сильных, деловых и нежных душою мужчин и женщин. Впоследствии, когда, будучи уже студентом, я стал посещать эту семью, меня особенно влекла к себе их милая, престарелая мать[13], сохранившая до глубокой старости молодость души и народнические убеждения шестидесятых годов. Она была в семье в этом отношении (отца Густава уже не было в живых) единственным экземпляром, все остальные никакого народничества не признавали, но все её любили и она всех любила, а их вечные споры (за вечерним чаем, когда все сходились отдохнуть) на социальные темы были чрезвычайно забавны,

когда старость была молодой, а молодость старой и до чрезвычайности мудрой».

Важно отметить бережное отношение семьи Цейдлеров к русской культуре, к её основам и традициям. Немецкий орднунг и немецкая сентиментальность дали удивительные всходы, на, казалось бы, чуждой славянской почве. Как оказалось, то, что русскому хорошо, то и немцу не чуждо. Вся последующая история семьи Цейдлеров говорит о том, что они действительно стали «полезнейшими гражданами» России и тем больнее осознавать, какой непоправимый урон нанесли нашему отечеству последующие исторические потрясения.

В последний день 1886 года покидает бренный мир патриарх рода, Фридрих Цейдлер. Происходит это печальное событие в городе Валге[14] на границе Эстонии и Латвии. К этому времени старшему сыну, Герману Цейдлеру, уже исполнилось двадцать пять лет, и он смог стать опорой для своей матери, для младших сестёр и братьев. Большинство из детей доктора философии Цейдлера к этому моменту уже выбрали свои профессии. Удивительно, но на протяжении всей обозримой фамильной истории представители семьи выходцев из милитаристской Пруссии ни разу не выбрали военную стезю. Это тем более удивляет, учитывая традиции российской армии и флота, офицерский корпус которой в значительной мере был укомплектован выходцами из обрусевших немецких семей. Но Цейдлеры предпочитали педагогику, медицину, дипломатию, искусство, предпринимательство, горное дело и науку.

Герман Фёдорович Цейдлер избрал профессию медика. Имя профессора, доктора медицины Германа Цейдлера стало заслуженно известным в самых широких медицинских кругах. Кроме врачебной практики, преподавал курс теоретической хирургии, консультировал в Максимиллиановской лечебнице Красного Креста и в больнице Общины Св. Евгении, вёл большую общественную работу в Обществе Русских врачей, в Русском хирургическом обществе Пирогова (был его председателем), а в последующем и в Обществе Красного Креста[15].

1 сентября 1911 г. профессор Цейдлер был вызван из Петербурга к постели умирающего председателя Совета министров Российской империи Петра Аркадьевича Столыпина[16].

Жизненный путь Германа Фёдоровича, достойного представителя семейства Цейдлеров, завершился в 1940 году в финской провинции Хяме, куда профессор был вынужден переселиться из-за надвигающейся «красной» угрозы.

Вторым представителем семейства Цейдлеров, связавшим себя клятвой Гиппократа, был Густав Фридрихович Цейдлер (1874–1959), жизнь которого не была столь насыщена событиями и наградами, как у его старшего брата, Германа, но прожил он её достойно и, безусловно,

мог бы стать более успешным, если бы не революционные потрясения начала XX века. Густав Цейдлер завершил свою карьеру в пределах Российской империи на должности заведующего Фурштадским отделением Обуховской больницы, помощника Главного доктора Обуховской больницы. В 1918 году, вместе со своим старшим братом Германом, Густав покинул Советскую Россию и работал терапевтом и рентгенологом сначала в Выборге, затем в Гельсингфорсе (Хельсинки). Земной путь трудолюбивого врача завершился в столице Финляндии 26 мая 1959 года.

Необычную профессию выбрал Людвиг Федорович Цейдлер (1863–1916), единственный представитель фамилии, посвятивший себя дипломатической службе. В 1883 году Людвиг поступил в Санкт-Петербургский Императорский Университет на факультет восточных языков (персидско-турецкий разряд)[17]. После окончания университета в 1889 году Людвиг проходил годовую практику в Тегеране, с 1890 по 1900 годы работал в Азиатском департаменте Министерства внутренних дел и затем с 1900 по 1904 годы — в российском консульстве в г. Решта (Иран). В 1904 году восточную экзотику сменила служба в российском консульстве в Лейпциге. Учитывая прекрасное знание немецкого языка и немецких традиций, этот переезд не стал проблемой для Людвига. На родине предков Людвиг прослужил вплоть до начала мировой войны и завершил свою дипломатическую карьеру в ранге российского консула в Штеттине (ныне Щецин в Польше). Единственный известный нам дипломат Цейдлер умер в Санкт-Петербурге 13 августа 1916 года в результате неудачной операции.

Рудольф Фёдорович Цейдлер (1872–1966), четвёртый сын Фридриха Цейдлера, стал основателем горнозаводских фамильных традиций. После окончания полного курса гимназии Карла Мая в 1890 году, Рудольф поступил в Санкт-Петербургский Горный институт, который закончил в 1895 году[18]. К началу войны 1914 года горный инженер Р. Ф. Цейдлер был директором-распорядителем Общества Богословской железной дороги, председателем правления Русско-Персидского горно-промышленного общества, членом правления Богословского Горнозаводского общества[19]. После Октябрьской революции Рудольф Цейдлер переехал в Финляндию, был директором предприятия и хозяином имения Пиетиля на Сайменском канале[20]. В тоже время Рудольф Цейдлер активно занимался проблемой разработки эстонских сланцев, много времени проводил в Эстонии, был владельцем акций промышленных предприятий Эстонии. Известна книга Рудольфа Цейдлера, посвящённая проблемам сланцевой промышленности[21]. Рудольф успешно сочетал работу и жизнь в двух прибалтийских странах, прожил долгую жизнь, сохраняя удивительную работоспособность и жизнелюбие.

Ил. 4. Клара Фёдоровна Цейдлер
1930-е годы. Таллинн
Эстонский исторический музей

Альберт Фёдорович Цейдлер (1865–1908) получил профессиональную подготовку инженера-технолога пивоварения за пределами России, в Германии. После возвращения в Россию он начал работать на знаменитом Трёхгорном пивоваренном заводе в Москве[22]. Этот завод был создан в 1875 году Альбертом Альбертовичем Кемпе, родным дядей Альберта Цейдлера, и производил лучшее пиво в России. В 1907 году Альберт Цейдлер стал директором и совладельцем завода. Благодаря энергии дяди и племянника завод стал лидером отрасли по использованию технических новшеств в области пивоварения. Альберт Цейдлер вошёл в историю, как один из продолжателей лучших традиций пивоварения в России. К несчастью, 4 июля 1908 года Альберт Фёдорович Цейдлер был убит при странных обстоятельствах. В заметке по этому поводу в «Московских ведомостях» написано: «На Трёхгорном пивоваренном заводе, что за Дорогомиловской заставой, совершено злодейское убийство директора этого завода А. Ф. Цейдлера. Убийство остро отточенным шилом совершил помощник монтёра, которому директор завода сделал замечание...».

По понятным причинам сведения о женской половине семьи Цейдлеров носят объяснимо скудный характер. Только в конце XIX века появляется слабая надежда найти хотя бы редкие документы воспитанниц учебных заведений и ещё более редкие послужные списки. В большинстве случаев документальные свидетельства ограничиваются метрикой и записью в послужном списке мужа — «женат первым браком на девице С., дочери тайного советника К.». Женщины семьи Цейдлер выделялись из общего фона независимостью и целеустремлённостью. При первой возможности они старались выйти из узкого круга чисто семейных обязанностей, получали образование, старались реализоваться как самостоятельные личности. Уже матриархи рода, Берта и Агнесса Кемпе, преподавали в школах своих мужей. Следующее поколение, дочери Фридриха Цейдлера, Клара, Антония и Эмма получили прекрасное образование и достойно проявили себя на ниве образования и искусства. Самостоятельные, умные, целеустремлённые, они с трудом находили

себе достойных спутников жизни. К сожалению, можно говорить ещё об одной семейной традиции — высоко поднятая планка требований женской половины Цейдлеров для многих осталась не преодолимой. Безбрачие и бездетность были платой за эмансипацию и образование.

Наиболее интересна и показательна судьба старшей дочери Фридриха Цейдлера, Клары Фёдоровны Цейдлер.

Героиня нашей статьи родилась 25 апреля 1870 года (новый стиль) в Выборге. Полное имя, полученное при крещении — Антония-Агнеса-Клара Фердинандовна Цейдлер[23]. Свидетелями при крещении были записаны г-н Бернгард Кемпе, г-жа Агнеса Роте и девица Антония Кемпе. Среднее образование Клара получила в частном учебном заведении фон Клейн в г. Валке. Выпускные экзамены сдала в Тарту в 1887 году. Вследствие поданного ею прошения о желании вступить в домашнее учительство со 2 по 14 мая 1888 года была допущена к испытаниям в педагогическом совете Дерптской гимназии, успешно выдержала их и получила свидетельство Управления департамента учебного округа на звание домашней учительницы.

Уже во время учёбы в школе Клара проявила незаурядные способности к рисованию, которые были развиты и закреплены в Центральном училище технического рисования барона Штиглица[24] (1889–1894 годы). Продолжила своё образование в Париже (в свободной академии Коларосси), Лондоне, Пфорцгейме и Вене. В 1897 году Клара Цейдлер была принята учительницей рисования в Императорское воспитательное общество благородных девиц[25]. В это время Клара Цейдлер вместе со своей матерью Бертой и сестрой Антонией занимали квартиру по адресу Садовая улица, дом 88. Лето К. Цейдлер традиционно проводила в Южной Эстонии, где у семьи Цейдлеров было небольшое имение на мызе Кярстна.

В 1912 году Клара Цейдлер была Всемилостивейше награждена Мариинским знаком отличия беспорочной службы второй степени за 15 лет, в 1913 году ей «предоставлено право ношения на груди Высочайше учреждённого в память 300-летия Царствования дома Романовых светло-бронзовой медали». В 1914 году входила в Педагогический Совет Школы Императорского Общества поощрения художеств[26], директором которой в это время был Н. К. Рерих (1874–1947). В одном из писем Николая Константиновича, адресованных Р. Я. Рудзитису и Г. Ф. Лукину, есть такие признательные строки: «О К. Ф. Цейдлер я всегда был хорошего мнения <...>. Она была хорошей преподавательницей, вела акварельный класс, выявившись успешной учительницей, и утверждала прочные устои»[27]. Нужно отметить, что и Клара Фёдоровна не забыла своего директора и поздравила его с юбилеем 50-летия творческой деятельности в 1937 году: «Мысленно нахожусь с Вами и всей душой

приветствую Общество, объединяющее нас всех, которые знали Н. Рериха лично, и преклоняю[сь] перед его талантом. С искренним уважением Клара Цейдлер»[28].

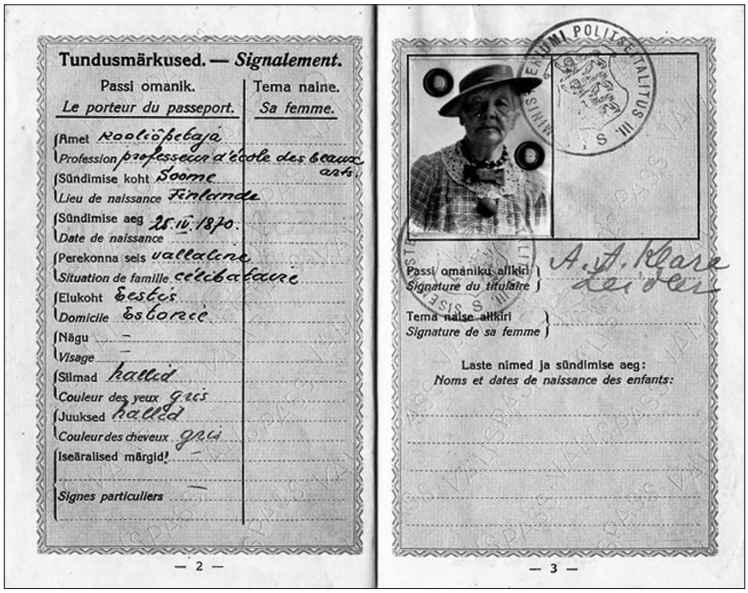
К 1917 году профессор Клара Цейдлер вместе с сестрой Антонией Фёдоровной проживала на Екатерингофском проспекте в доме 20[29] и преподавала в Императорском воспитательном обществе благородных девиц, в училище барона Штиглица и в женской гимназии Княгини Оболенской. К этому же периоду относится и её плодотворное сотрудничество в качестве миниатюриста с известной ювелирной фирмой Фаберже[30].

Большевистский переворот семья Цейдлеров не приняла, считая происходящее временным помешательством. После трагических событий 1917 года большая часть семьи Цейдлеров была вынуждена покинуть Россию. Берта Цейдлер вместе с Германом, Густавом, Кларой, Антонией и Эммой возвращаются в родной Выборг[31]. Клара Цейдлер с момента рождения сохраняла гражданство княжества Финляндского, но после короткого периода пребывания в Финляндии переехала в Эстонию и обосновалась в Таллинне, где в 1919–1940 годах работала в Государственном художественно-промышленном училище и других школах преподавателем художественной обработки металла, росписи фарфора, рисунка и акварели. Кроме этого, г-жа Цейдлер открыла в Таллинне частную студию, выступала на выставках, участвовала в основании объединения художников декоративно-прикладного искусства RaKÜ. Её работы были неоднократно представлены на официальных выставках эстонского искусства за рубежом — в 1929 году в Хельсинки, Любеке и Киле, в 1939 году в Риме и Будапеште.

Интересны воспоминания бывших учеников Немецкого Реального училища (Revaler Ober-Realschule)[32], в котором Клара Цейдлер работала с 1919 по 1931 год. Немецкая школа располагалась в одном здании с эстонским Таллиннским Реальным училищем. Это была немецкая школа, где преподавание велось на немецком языке. Дети учились во вторую смену после окончания занятий в эстонской школе. В своих заметках бывшие воспитанники писали, что фрау Цейдлер была «талантливой художницей, которая пыталась научить нас рисовать. Хотя она была художница старой школы, она относилась с сочувствием к современным направлениям в искусстве. Казалась, что ближе всего сердцу Клары Цейдлер была акварель. Её красивые и прозрачные интерьерные картины были всегда очень своеобразны и выполнены с настроением».

В следующих строках хорошо раскрывается независимый характер художницы и педагога: «Однажды под руководством учительницы (К. Цейдлер — *М. В.*) пошли на выставку новейшего искусства, куда позвали и Эдгара фон Валя или Сасся (учителя физики и математики

Ил. 5. Финский паспорт К. Цейдлер. 1926 год[36]
Государственный архив Эстонии (Eesti Riigiarhiiv). Публикуется впервые



Ил. 6. Эстонский паспорт К. Цейдлер. 1938 год[37]
Государственный архив Эстонии (Eesti Riigiarhiiv). Публикуется впервые

Ил. 7. Клара Цейдлер. Вид на балконе
Акварель. Около 1938 года. Таллинн. Художественный музей Эстонии

этой же школы). Последний был сторонником классического искусства и поэтому категорично выразил своё негативное отношение к картинам на выставке. Ограниченный художественный вкус Сасся рассердил Клару Цейдлер, которая сказала ему: “Не раздражайте своими разговорами меня и нашу молодёжь. Если бы я знала о Ваших взглядах, то ни за что не пригласила бы Вас с нами. Видимо, Вы совершенно не понимаете современное искусство!”»[33].

До 1926 года Клара Цейдлер была гражданкой Финляндии и только в 1927 году подала прошение о приёме в Эстонское гражданство[34]. В прошении Клара указывала, что живёт в Эстонии с 1918 года и владеет эстонским языком. Девятого сентября 1928 года художница получила положительный ответ и стала гражданкой Эстонии.

В 1939 году после оккупации Эстонии советскими войсками Клара Цейдлер вернулась в Финляндию, откуда почти сразу перебралась в Германию, в Мекленбург[35], а в 1948 году, в возрасте 78 лет (!), вместе со своими полотнами и кистями перешла границу между Западным и Восточным секторами Германии.

Её племянник, Георг Мусселиус, смог помочь тётушке с оформлением шведской визы. Можно уверенно сказать, что все переезды незаурядной представительницы женской линии Цейдлеров были связаны с желанием жить в свободном культурном и творческом пространстве,

Ил. 8. Клара Цейдлер. Вид Таллинна
Акварель. Около 1938 года. Таллинн. Художественный музей Эстонии

которое трудно сочеталось с советским строем. Клара Цейдлер всегда оставалась свободной художницей.

Свой жизненный путь Клара Цейдлер завершила 9 сентября 1951 года в Эскилстуне (Швеция). Произведения Клары Цейдлер и по сей день хранятся в музеях Эстонии, Швеции и Германии. В настоящей статье приведены репродукции работ выдающейся художницы, любезно предоставленные Художественным музеем Эстонии.

Более скудными сведениями мы располагаем о судьбах двух сестёр Клары — Эммы (1868–1923) и Антонии (1876–1962). Антония получила среднее образование в женском училище Св. Петра и в 1895 году поступила на знаменитые Бестужевские курсы[38].

После окончания курсов в 1899 году[39] и вплоть до 1902 года руководила практическими занятиями по химии со слушательницами Высших Женских Курсов. Это свидетельствует о редких для девушки способностях в сложнейших сферах науки — физике и химии. В дальнейшем, Антония работала в знаменитой Бутлеровской лаборатории[40], вышла замуж за химика Льва Владимировича Мусселиуса (1874–1925)[41]. О своей матери и семье Цейдлеров удивительно тёплые строки написал её сын Георг Мусселиус (1908–1991): «Младшим ребёнком в этой большой семье была моя мать. Она изучала в университете химию и замуж вышла за химика, моего отца. Не буду даже пытаться выразить словами,

чем она была для всей семьи, особенно для меня, в чьём доме она прожила тридцать лет, до своей кончины в возрасте 86 лет. Она была мне очень близким человеком».

О жизненном пути Эммы мы знаем ещё меньше — Эмма Фёдоровна, как и Клара, окончила частное учебное заведение фон Клейн в г. Валке. В ноябре 1886 года успешно выдержала испытания в педагогическом совете Дерптской гимназии на звание домашней учительницы[42]. В дальнейшем работала учительницей в школе при Российско-Американской резиновой мануфактуре, которой в это время заведовал родной брат её матери, Борис Альбертович Кемпе. В 1918 году эмигрировала из России вместе с матерью, братьями и сёстрами в Финляндию. Умерла в Хельсинки в 1923 году.

Исход семьи Цейдлеров из России ознаменовал печальный итог социального и национального противостояния начала XX века. Именно в этот период был нанесён непоправимый ущерб взаимоотношениям двух наций, двух культур. Трудно сказать, кто больше пострадал от этого — потери были обоюдными и невосполнимыми.

Из всей многочисленных ветвей фамилии после 1917 года в пределах обретённого отечества остались только потомки Альберта Фёдоровича, директора Трёхгорного пивоваренного завода, и дочь дипломата Людвига Фёдоровича. Возможно, это было связано с тем, что и Альберт и Людвиг к этому моменту ушли из жизни, и вдовам с детьми было тяжело решиться на отъезд в неизвестность.

К сожалению, на сегодняшний день в России не осталось носителей фамилии нашей ветви Цейдлеров, но семейные традиции свято сохраняются и передаются из поколения в поколение в семьях внуков и правнуков. Хотелось бы завершить наш рассказ на оптимистичной ноте. К этому располагает тот факт, что в результате наших поисков в архивах Санкт-Петербурга и Выборга, благодаря неугасающему энтузиазму праправнука Фердинанда Фридриха Цейдлера, Алексея Феликсовича Клебанова, и помощи наших друзей, А. Т. Русакова и Н. А. Лачиновой, нам удалось найти прямых потомков доктора философии Цейдлера не только в России, но и в Германии, Швеции, Финляндии, Англии, Канаде, Австралии и ЮАР. Все они с большим интересом воспринимают историю своих предков, что оставляет надежду на возрождение лучших традиций взаимодействия двух национальных культур.

Надеемся, недалеко то время, когда картины Клары Цейдлер из шведских и эстонских музеев, из частных коллекций коллекционеров и родственников будут представлены на обозрение в рамках выставок в России, Эстонии и Швеции. Большую роль в организации такой важной акции смогли бы сыграть общества российско-шведской и российско-эстонской дружбы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Немцы России. Энциклопедия. СПб.: ЭРН, 2004.

[2] РГИА. Ф. 1284. Департамент общих дел МВД. Дела о переходе в российское гражданство.

[3] *Черказьянова И. В., Смагина Г. И.* Немецкие школы и немецкие учителя // Немцы в России: Историко-документальное издание. Отв. ред. Г. И. Смагина. СПб.: Лики России, 2004.

[4] *Валиев М. Т., Клебанов А. Ф.* Прусские-русские Цейдлеры // История Петербурга. 2011. № 3. С. 53–58; № 4. С. 42–47.

[5] Хильдесхайм (нем. Hildesheim) — город в Германии (Нижняя Саксония). Расположен в 25 километрах юго-восточнее Ганновера.

[6] Гёттингенский университет имени Георга-Августа (нем. Georg-August-Universitat) — один из самых крупных и старейших из существующих университетов Нижней Саксонии.

[7] Великая княжна Ольга Николаевна (1822–1892) — дочь императора Николая I и императрицы Александры Фёдоровны, жена Карла I, короля Вюртембергского. С 1846 года жила в Германии, но никогда не теряла связи с Россией. Ольга Николаевна много времени посвящала благотворительным учреждениям, тем самым, завоевав любовь и уважение немецкого населения.

[8] Карл Готлиб Бем (1823–1856) — видный педагог, кандидат богословия, выпускник Дерптского университета. В 1853 году основал в Выборге училище (пансион) для мальчиков «с курсом средних учебных заведений и с преподаванием предметов на немецком языке».

[9] Следует отметить, что отчество у детей Фердинанда Фридриха Цейдлера варьировало: Фердинандовичи (редко), Фридриховичи (зачастую), Фёдоровичи (очень часто). Более того, один и тот же Цейдлер в одних документах упоминается как Фридрихович, а в других как Фёдорович.

[10] РГИА. Ф. 1284. Оп. 129. Д. 310. Л. 1, 4.

[11] *Благово Н. В.* Школа на Васильевском острове. Ч. 1. СПб.: Наука, 2005.

[12] И. В. Петрашень и его семья: страницы прошлого. СПб: Санкт-Петербургский государственный Музей-институт семьи Рерихов, 2011.

[13] Берта Альбертовна Цейдлер (Кемпе) — вдова Фердинанда Фридриха Цейдлера.

[14] Валга/Валка — разделённый город, расположенный на границе Эстонии и Латвии. Город впервые был упомянут в 1286 году.

[15] РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 367. Л. 254–256.

[16] Столыпин Пётр Аркадьевич (1862–1911) — российский государственный деятель, министр внутренних дел, председатель Совета министров Российской империи.

[17] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3 Д. 23637. 1888 год.

[18] ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 10345.

[19] РГИА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 905. Л. 43, 64, 65.

[20] *Костоломов М.* Wiborgiana. Краеведческие очерки. Керамаа: Керимикко. 2010.

[21] *Цейдлер Р. Ф.* Новые пути использования горючего сланца и его переработка на масла. Пер. с немецкого. М., Л.: НКТП. 1935.

[22] Трёхгорный пивоваренный завод в Москве, впоследствии Бадаевский пивоваренный завод, был открыт в 1875 году. Альберт Цейдлер был директором завода с 1907 года.
[23] ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14745. Л. 23.
[24] Центральное училище технического рисования барона Штиглица — государственное художественное учебное заведение, готовило художников декоративно-прикладного искусства для промышленности, а также учителей рисования и черчения для средних художественно-промышленных школ.
[25] Более известно под наименованием «Смольный институт благородных девиц» — первое в России женское учебное заведение, положившее начало женскому образованию. Основано по указу Екатерины II в 1764 году в Санкт-Петербурге.
[26] Императорское Общество поощрения художеств — старейшее в России (1820–1929 годы) благотворительное общество, созданное с целью содействия развитию изящных искусств, распространению художественных познаний, образованию художников и скульпторов.
[27] *Рерих Н. К.* Листы дневника. Т. 2. М.: МЦР, Мастер-банк, 1995.
[28] Zelta gramata. Riga, 1938. С. 108.
[29] Алфавитный указатель жителей Петрограда на 1917. С. 734.
[30] Клару Цейдлер, как художницу по эмали, упоминает Франц Бирбаум (1870–1947), главный мастер фирмы Фаберже с 1893 по 1918 год.
[31] В 1910 году имение Вонкури принадлежало советнику Эрнсту Цейдлеру, родному дяде Г. Ф. Цейдлера. — *Костоломов М.* Wiborgiana. Краеведческие очерки. Керамаа: Керимики. 2010.
[32] Märt Karmo. Must-kuldne müts me peas <...>. — II. Tallina Reaalkool 1920–1940. Saksa Reaalkool 1919–1939. Tallinna Reaalkool. 2011.
[33] Перевод Н. А. Лачиновой.
[34] ERA — Государственный архив Эстонии (Eesti Riigiarhiiv). Ф. 14. Оп. 16. Д. 300. 1927 год. Клара Цейдлер. Прошение о приёме в Эстонское гражданство.
[35] Мекленбург — регион на севере Германии. Крупнейшие города Мекленбурга: Росток, Шверин, Штральзунд, Грайфсвальд, Висмар, Нойбранденбург.
[36] ERA. Ф. 14. Оп. 16. Д. 300. С. 4–5.
[37] ERA. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4633. С. 2–3.
[38] Бестужевские курсы — высшие женские курсы в Санкт-Петербурге (1878–1918). Одно из первых женских высших учебных заведений в России.
[39] Бестужевка в цифрах. К 130-летнему юбилею Санкт-Петербургских Высших женских курсов 1878–1918 годы / Составитель Вахромеева О. Б. СПб. 2008.
[40] Бутлеров А. М. (1828–1886) — создатель первой русской школы химиков. В Бутлеровской лаборатории при Петербургском университете работали видные русские химики А. Е. Фаворский, М. Д. Львов, И. Л. Кондаков. Е. Е. Вагнер, Д. П. Коновалов, Ф. М. Флавицкий и другие.
[41] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 30338.

И. В. КУЛЬГАНЕК
(Сектор Центральной Азии Института Восточных рукописей РАН)

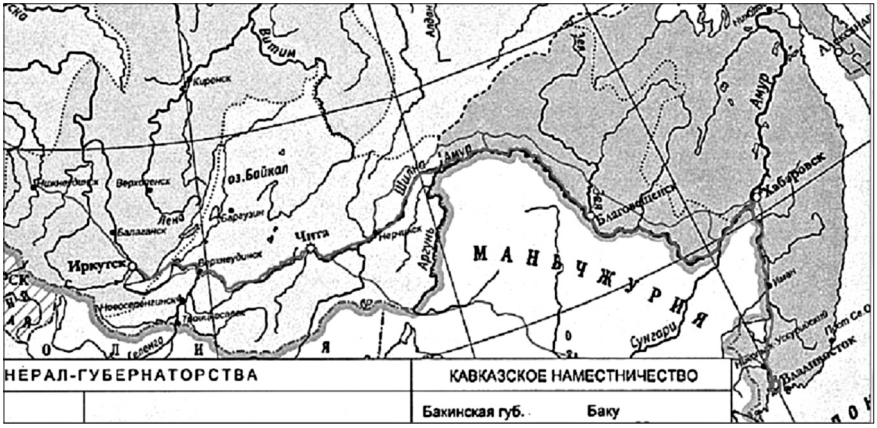
ПОЕЗДКА ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ ПО ЗАБАЙКАЛЬЮ В 1891 ГОДУ

(ПО МАТЕРИАЛАМ РУКОПИСНОГО ФОНДА ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН)

В июне 1891 года произошло большое событие в жизни бурятского народа: будущий император, цесаревич Николай, возвращаясь из своего путешествия на Восток, посетил Забайкалье. Во время поездки по бурятским просторам, он познакомился с жизнью, хозяйством, бытом, культурой и религией исконных жителей этих мест, имел встречи с главами бурятских родов, представителями буддийской церкви, высшими чинами управления Забайкалья; посетил буддийские монастыри, учебные и богоугодные заведения, участвовал в празднествах, крестных ходах, военных смотрах и стрельбах.

Ил. 1. Цесаревич Николай в форме Лейб-гвардии Преображенского полка Его Величества

Начав знакомство с этим регионом во Владивостоке, куда он прибыл на корабле, будущий император доехал до восточной забайкальской границы по железной дороге и на повозках, затем пропутешествовал по рекам Шилке и Нерче до Нерчинска, по агинским и хоринским кочевьям — до Читы, и через Вехнеудинск проследовал на запад, в Иркутск. Его путь лежал по следующим населённым пунктам: по железной дороге — пос. Покровский, пос. Карагановская, Горбаческий, Кара, вверх по р. Шилка — Сретенск, по р. Нерча — Нерчинск; в колясках — Кулаковская станица, пос. Казановский, станц. Князь Урульг, станц. Размахнинская, станц. Кадаловая, пос. Турино-Поворотный. Агинское ведомство — станц. Маковеевская,



Ил. 2. Маршрут Цесаревича Николая по Сибири и Забайкалью

пос. Атамановский, Чита, пос. Чепновский, станц. Домноключевская, станц. Беклемишевская, станц. Кондинская. Хоринское ведомство — Ацагатский дацан, Верхеудинск, станц. Половинная, Троицко-Селенгинский монастырь, село Кабанское — пос. Мысовая, Иркутск.

Особый приём царскому наследнику был оказан агинскими и хоринскими бурятами. В Агинском ведомстве Его Высочеству была устроена торжественная встреча, продемонстрированы традиционная национальная борьба и скачки. В Ацагатском дацане для высокого гостя была устроена буддийская мистерия Цам.

О поездке Цесаревича Э. Э. Ухтомским в 1897 году была издана книга «Путешествие на Восток императора Николая II (1890–1891)», в которой подробно описаны встречи цесаревича с бурятским народом.

По воспоминаниям старых людей и сохранившимся документам в Краеведческом музее посёлка Агинское Забайкальского края создана экспозиция на эту тему. На ней представлена картина, на которой изображён цесаревич Николай с Буда-Чимит Батхаином, одним из видных общественных деятелей того времени, принимавшим участие в организации этой памятной встречи, занимавшим в то время должность писаря-переводчика Агинской степной думы (АСД), в 1894 году — заседателя АСД, в 1898 году ставшим почётным шуленгой, в 1903 году — первым волостным старшиной Агинской волости, являвшимся зайсаном и родоначальником рода кубдут[1]. Картина подписана так: «Цесаревич Николай Александрович Романов и помощник тайши Агинской степной думы Чимит Батхани во время встречи с представителями Агинских бурят на станции Турино-Поворотной в 1891 г.».

Ил. 3. Представители Агинской степной думы

Ил. 4. Цесаревич Николай с представителями Агинской степной думы[2].

Картина выполнена в 1990-е годы по просьбе правнука Буда-Чимит Батхаина — Б. Ц. Батомункина — в качестве дипломной работы выпускником художественно-графического факультета Иркутского государственного Университета, уроженцем из Аги Арсаланом Зандраевым, работающим в настоящее время в Иркутске.

В этом же музее имеется фотография, где Цесаревич Николай изображён с казаками Забайкалья.

В экспозиции музея, рассказывающей о поездке Николая по Забайкалью и его встрече с бурятами, имеется статья. Ниже предлагаем текст этой статьи:

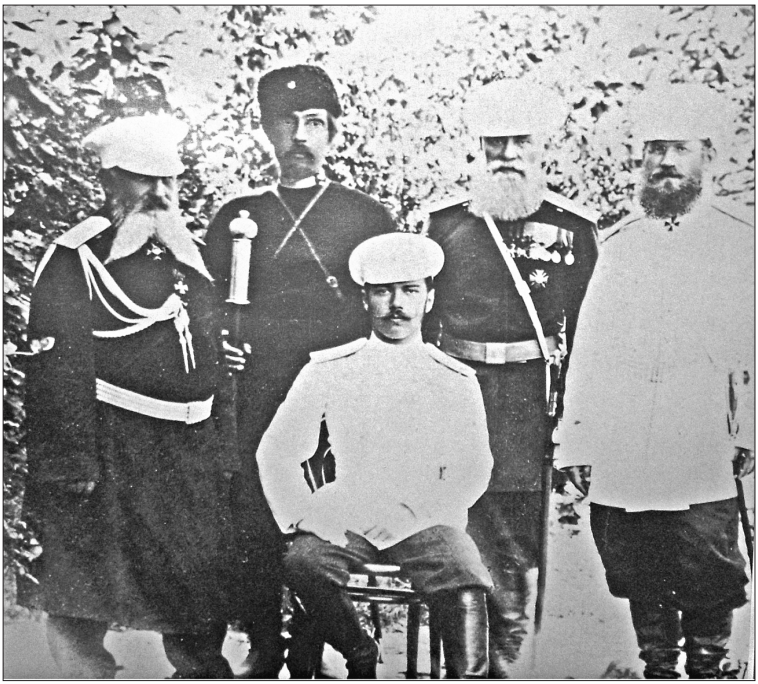
«ВСТРЕЧА ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ РОМАНОВА С АГИНСКИМИ БУРЯТАМИ НА СТ. ТУРИНО-ПОВОРОТНОЙ

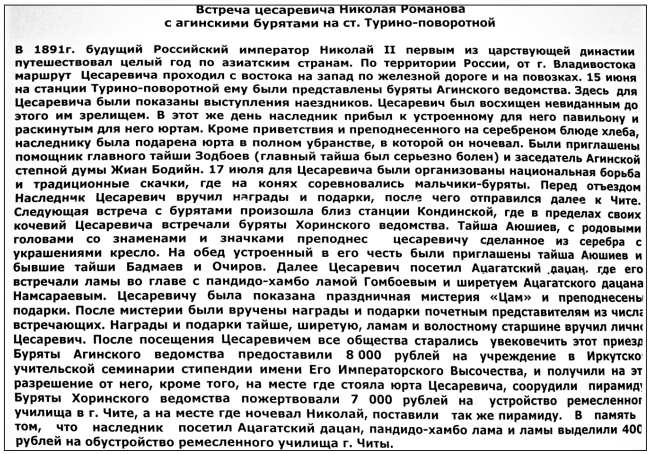
В 1891 году будущий Российский император Николай II первым из царствующей династии путешествовал целый год по азиатским странам. По территории России, от г. Владивостока маршрут Цесаревича проходил с востока на запад по железной дороге и на повозках. 15 июня на станции Турино-поворотной ему были представлены буряты Агинского ведомства. Здесь для Цесаревича были показаны выступления наездников. Цесаревич был восхищён невиданным до этого им зрелищем. В этот же день наследник прибыл к устроенному для него павильону и раскинутым для него юртам. Кроме приветствия и преподнесённого на серебреном блюде хлеба, наследнику была подарена юрта в полном убранстве, в которой он ночевал. Были приглашены помощник главного тайши Зодбоев (главный тайша был серьёзно болен) и заседатель Агинской степной думы Жиан Бодийн. 17 июля для Цесаревича были организованы национальная борьба и традиционные скачки, где на конях соревновались мальчики-буряты. Перед отъездом Наследник Цесаревич вручил награды и подарки, после чего отправился далее к Чите. Следующая встреча

Ил. 5. Лицевая сторона обложки книги Э. Э. Ухтомского «Путешествие на Восток Государя императора Николая II (1890–1891)»[3]

Ил. 6. Арсалан Зандраев. Цесаревич Николай Александрович Романов и помощник тайши Агинской степной думы Чимит Батхани во время встречи с представителя Агинских бурят на станции Турино-Поворотной в 1891 году. 1990-е гг.

Ил. 7. Цесаревич Николай с казаками Забайкалья Воспроизведено: *Э. Э. Ухтомский* «Путешествие на Восток императора Николая II (1890–1891)». Копия фотографии находится в краеведческом музее пос. Агинское





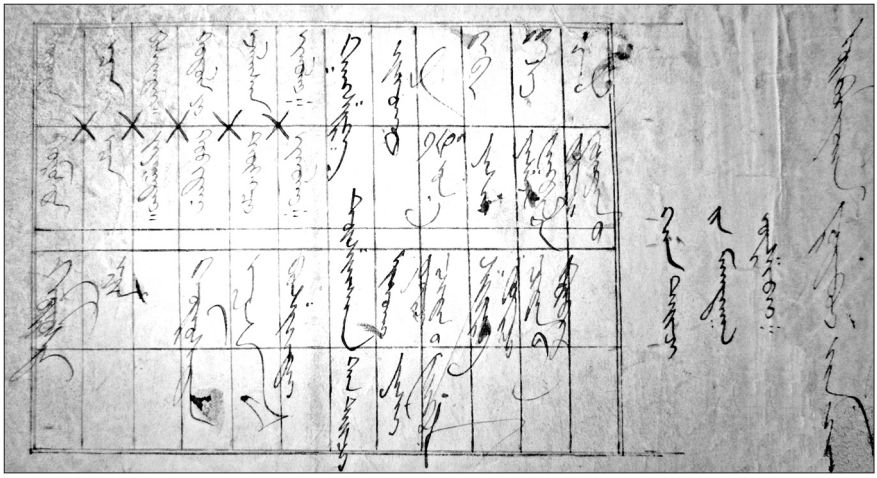
Встреча цесаревича Николая Романова с агинскими бурятами на ст. Турино-поворотной

В 1891г. будущий Российский император Николай II первым из царствующей династии путешествовал целый год по азиатским странам. По территории России, от г. Владивостока маршрут Цесаревича проходил с востока на запад по железной дороге и на повозках. 15 июня на станции Турино-поворотной ему были представлены буряты Агинского ведомства. Здесь для Цесаревича были показаны выступления наездников. Цесаревич был восхищен невиданным до этого им зрелищем. В этот же день наследник прибыл к устроенному для него павильону и раскинутым для него юртам. Кроме приветствия и преподнесенного на серебреном блюде хлеба, наследнику была подарена юрта в полном убранстве, в которой он ночевал. Были приглашены помощник главного тайши Зодбоев (главный тайша был серьезно болен) и заседатель Агинской степной думы Жиан Бодийн. 17 июля для Цесаревича были организованы национальная борьба и традиционные скачки, где на конях соревновались мальчики-буряты. Перед отъездом Наследник Цесаревич вручил награды и подарки, после чего отправился далее к Чите. Следующая встреча с бурятами произошла близ станции Кондинской, где в пределах своих кочевий Цесаревича встречали буряты Хоринского ведомства. Тайша Аюшиев, с родовыми головами со знаменами и значками преподнес цесаревичу сделанное из серебра с украшениями кресло. На обед устроенный в его честь были приглашены тайша Аюшиев и бывшие тайши Бадмаев и Очиров. Далее Цесаревич посетил Ацагатский дацан, где его встречали ламы во главе с пандидо-хамбо ламой Гомбоевым и ширетуем Ацагатского дацана Намсараевым. Цесаревичу была показана праздничная мистерия «Цам» и преподнесены подарки. После мистерии были вручены награды и подарки почетным представителям из числа встречающих. Награды и подарки тайше, ширетую, ламам и волостному старшине вручил лично Цесаревич. После посещения Цесаревичем все общества старались увековечить этот приезд Буряты Агинского ведомства предоставили 8 000 рублей на учреждение в Иркутской учительской семинарии стипендии имени Его Императорского Высочества, и получили на это разрешение от него, кроме того, на месте где стояла юрта Цесаревича, соорудили пирамиду Буряты Хоринского ведомства пожертвовали 7 000 рублей на устройство ремесленного училища в г. Чите, а на месте где ночевал Николай, поставили так же пирамиду. В память о том, что наследник посетил Ацагатский дацан, пандидо-хамбо лама и ламы выделили 400 рублей на обустройство ремесленного училища г. Читы.

Ил. 8. Статья о поездке Цесаревича Николая в экспозиции краеведческого музея пос. Агинское, Бурятия

с бурятами произошла близ станции Кондинской, где в пределах своих кочевий Цесаревича встречали буряты Хоринского ведомства. Тайша Аюшиев, с родовыми головами со знаменами и значками преподнёс цесаревичу сделанное из серебра с украшениями кресло. На обед, устроенный в его честь, были приглашены тайша Аюшиев и бывшие тайши Бадмаев и Очиров. Далее Цесаревич посетил Ацагатский дацан, где его встречали ламы во главе с пандидо-хамбо ламой Гомбоевым и ширетуем Ацагатского дацана Намсараевым. Цесаревичу была показана праздничная мистерия “Цам” и преподнесены подарки. После мистерии были вручены награды и подарки почётным представителям из числа встречающих. Награды и подарки тайше, ширетую, ламам и волостному старшине вручил лично Цесаревич. После посещения Цесаревичем все общества старались увековечить этот приезд. Буряты Агинского ведомства предоставили 8 000 рублей на учреждение в Иркутской учительской семинарии стипендии имени Его Императорского Высочества, и получили на это разрешение от него, кроме того, на месте, где стояла юрта Цесаревича, соорудили пирамиду. Буряты Хоринского ведомства пожертвовали 7 000 рублей на устройство ремесленного училища в г. Чите, а на месте, где ночевал Николай, поставили так же пирамиду. В память о том, что наследник посетил Ацагатский дацан, пандидо-хамбо лама и ламы выделили 400 рублей на обустройство ремесленного училища г. Читы».

О посещении Забайкалья цесаревичем Николаем были сочинены песни, легенды, славословия. В честь высоких гостей в буддийских храмах читались молитвы, лучшие певцы-сказители слагали славословия, на торжественных праздничных церемониях исполнялись хвалы.

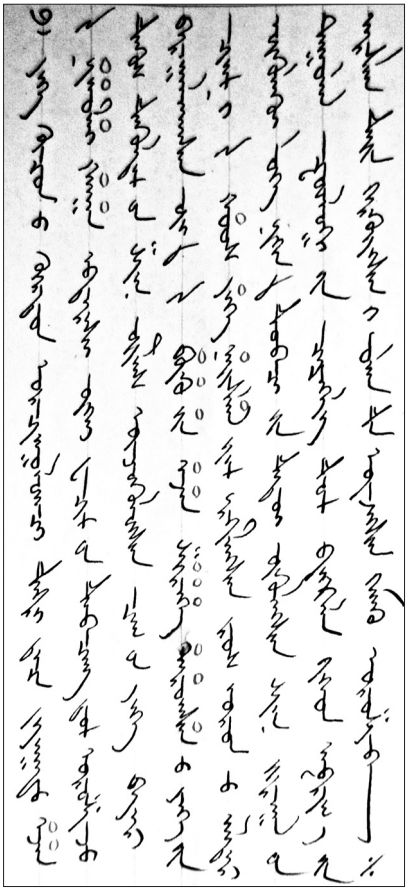


Ил. 9. Первая страница рукописи «Хвала царскому наследнику»

Один из панегириков, посвящённых этому событию, находится в Рукописном фонде ИВР РАН. Данная рукопись (шифр С 11) имеет название «Хвала царскому наследнику» (“Qan tayiji maγtaγal”), содержит 10 листов типа бодхи, написана чернилами, перекрывающими в ряде мест ранее сделанную карандашную запись, объём её 22 строфы, поступила от А. Д. Руднева. Автором текста назван цорджи Анинского дацана Чимид-Доржи Ламханов.

Вторая рукопись (шифр G 75), поступившая от А. М. Позднеева, и насчитывающая 32 листа, содержит панегирик по случаю коронации Николая II, состоявшейся 14 (26) мая 1896 года в Москве. Полное название рукописи следующее: “Yeke küčün-ü kürdün orčiγuluγči tngri-deče jayaγatu ejen Nigolai qaγan ebderesi ügei vcir-un tabčang-dur orosiju tegüs tegülder-ün sine üiles üjügülügsen čaγ-un yeke bayar baraγalqaγsan üy-e büküyin ejen sirege daruγsan-u yeke-yin činar-i qoos yeke neyislel-iyer erkilegsen Ros oron-u aldar ügüleküi-lüge nigen-e tobči-yin tedüi ügülegsen sine jirval-un qaγulal zoology-yin čečeglig-tür Binggala kiged Aprik-a-yin arslan teyin gergüygsen-i olan-tan üjegsen kemekü orošiba”, что означает: «Счастливая новая песня о знаменательном событии России, произошедшем в её столице, не имеющей равных себе по своим качествам — о короновании императора Николая, осчастливившем великой радостью и преисполненной пользы, случившееся по воле неба, которое вращает великую силу вселенной. И о виденных многих бенгальских и африканских львах в зоологическом саду».

Её автором является Намдул, записал Агван Даржай. Восшествие на престол Николая II отмечалось по всей России и сопровождалось



Ил. 10. Первая страница панегирика на монгольском языке по случаю восхождения на трон Николая II «Счастливая новая песня...»

грандиозными по размаху многочисленными мероприятиями: шествиями, богослужениями, военными парадами, приёмами, балами, народными гуляниями, актами благотворительности. На церемонии помазания на престол, состоявшейся в московском Успенском соборе, присутствовали многочисленные делегации из различных западных и восточных стран, а также представители многих народов, проживавших в России. Известно, что в состав бурятской делегации входили Цыден Содоев (Соодой лама), настоятель Баргузинского дацана, известный йогин и мастер буддийской медитации, и Лубсан-Сандан Цыденов, получивший звание гавджи в Гусиноозёрском дацане, посвятивший себя длительному отшельничеству и позже — репрессированный. Автор восхваления, по нашему мнению, был также членом делегации.

Тексты обеих рукописей, объёмом в 22 и 34 строфы соответственно, представляют собой по своей структуре и поэтике произведения, написанные в жанре магтаал, одном из довольно распространённых жанров восхвалений в средневековой монгольской литературе, уходящем корнями в устное народное творчество. Панегирики характеризуются чёткой четырёхстрочной строфикой, начальной аллитерацией и синтаксическим параллелизмом. Образность этого жанра тесно связана с фольклорным мировосприятием мира кочевником. В магталах восхваляется мощь российского государства, императора и высшее справедливое управление страной, проводятся параллели Николая II с буддийскими божествами, красоты природы — с «правильными» законами, выражается благопожелание царскому роду и государству.

Предлагаем читателю два фрагмента из этих панегириков в нашем переводе.

(C 11)
1б Qaγan-u manu sülde-i
qajar kürgüd küčütün le
qari-yin küčütei dayisun-du qaldaγdaqu ügei-yin temdeg le

Знамя нашего хана
Это сила нашей земли
Сильным чужим врагам
Это знак неприступности.

Ejen-ü manay sülde-i
Erdem-tü kürgüd kele le
eldeb küčütei dayisun-du
ilaγdaqu ügei-yin temdeg le

Знамя нашего хозяина
Это сила знания
Разным сильным врагам
Это знак непобедимости.

čaγan qaγan kemekü
sayiqan iraγu aldarin
saba yirtenčüi degüren le

Тот, что зовётся Белым царём
Прекрасный, славный, знаменитый
Наполнил весь мир.

ros-un qaγan kemeküu
ordo sayiqan aldarayin
oγtorγui-yin naran ani gerelten
oron yirtenčüi degüren la

Тот, кто зовётся Русским ханом
Прекрасным дворцом
Освещённый небесным солнцем
Наполняет Вселенную.

(G 75)
Ova sosti siddkhi
Tüb ariγun saba sim-e sačuraγul un quriyaqu-yin uγ boloγsan
Düyidker-eče anggičaraγsan yeke jirγalang-un belge bilig inu
Tübeg ükekü yaγuqan-a ču orqoqu-yi ridi qubilγan-u tuur-ača
Tügemel-in ejen Rka-la Cakra bolon bosoγsan-a sügüdemüi

Пришло время собрать разбрызганный чистый сок
Это предзнаменование великого мира освобождения от темноты
Из копыта перерожденца Риди, почившего совершенно,
Восшествию Хозяина всего в мире, ставшего калачакрой, возрадуемся.

Таким образом, в монгольском рукописном фонде Института восточных рукописей РАН имеются рукописи на старомонгольском языке, написанные бурятами, посвящённые двум важнейшим событиям России: путешествию цесаревича Николая по Забайкалью и восшествию на престол Николая II. Наличие их говорит о большом значении, которое придавали буряты своему нахождению в составе России, о понимании ими важности этого момента и о том, что связывали с Россией надежды на процветание своего народа.

Действительно, встреча с цесаревичем Николаем, произошедшая в 1891 году, имела для бурятского народа большое значение: буряты получили возможность продемонстрировать верноподданнические чувства к Российской империи, обратили на себя внимание как на основное население Забайкалья, имеющее сложную структуру общества, обратились к цесаревичу с просьбой о своих нуждах для дальнейшего ходатайства перед императором, получили пожертвования от частных лиц и организаций в ознаменование этого события на проведение хозяйственных и культурных преобразований в родном крае.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Сведения любезно предоставлены правнуком Буда-Чимит Батхаина — Базаржабом Цыбендоржиевичем Батомункином, председателем научного общества «Алтан жаса» в пос. Агинское Забайкальского края.

[2] Воспроизведено: Э. Э. Ухтомский «Путешествие на Восток императора Николая II (1890–1891). Копия фотографии находится в краеведческом музее пос. Агинское. Фотографии в краеведческом музее пос. Агинское Забайкальского края сделаны автором статьи.

[3] Автор-издатель князь Э. Э. Ухтомский. Иллюстрировал Н. Н. Каразин. С.-Петербург, Лейпциг: Ф. А. Брокгауз. 1897. Ч. 5. Наша Азия. Ч. 6. По Сибири. В Забайкалье. В Иркутском районе.

II

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ И КАВКАЗ

К ИСТОРИИ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Г. М.-О. МАСИМОВ
*(Санкт-Петербургское объединение «Мир Добра»,
Российский межрегиональный Союз писателей; Санкт-Петербург)*

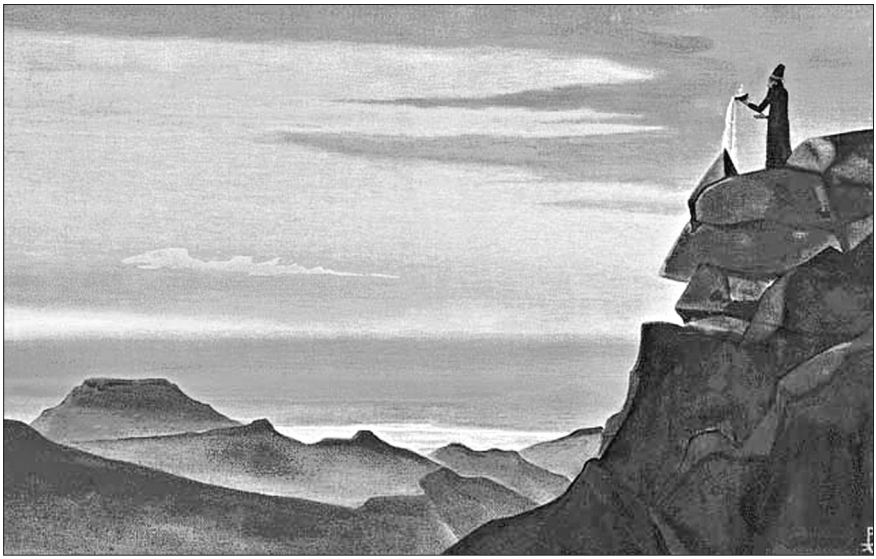
Н. К. РЕРИХ И КАВКАЗСКАЯ КУЛЬТУРА

Весь XX век был озарён многоплановой культурной деятельностью великого русского художника, учёного, мыслителя, писателя, путешественника и общественного деятеля Николая Константиновича Рериха.

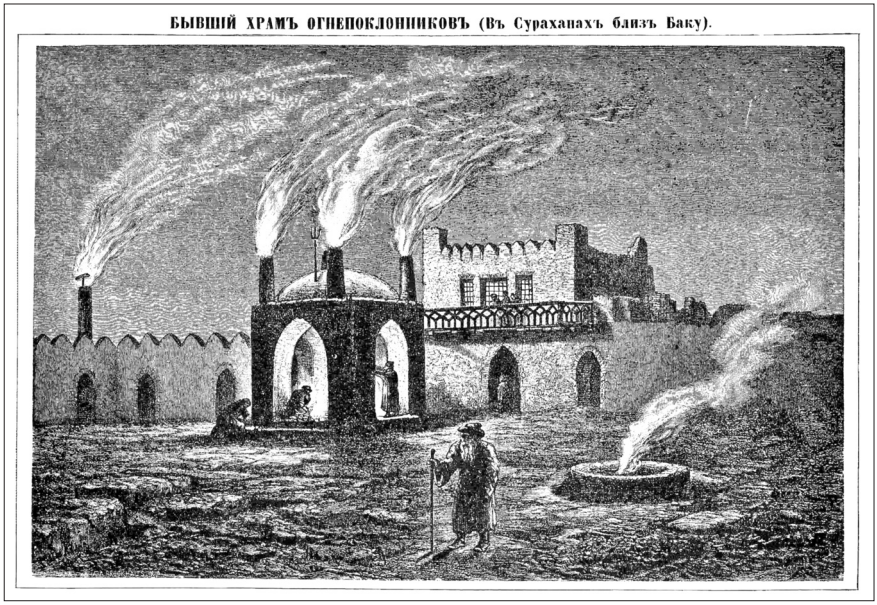
Как известно, Рерих, обладая непреклонной волей северянина, культурой, вкусами западника, боготворил Восток, его созерцательная душа была близка Востоку.

Особое значение в его размышлениях уделялось и Кавказу, включая Закавказье. Его, в частности, привлекало наследие зороастризма. Этой теме он посвятил свою знаменитую картину «Зороастр» (1931).

В своём очерке «Русь — Индия» 29 марта 1944 года он писал: «...в Баку с древних времён был храм Вечного огня, при котором всегда жили индийские садху. Это был храм большого огня, а такой же малого огня был и доселе существует здесь, в Кангре. Значит, с давних пор были какие-то связи»[1].



Ил. 1. Н. К. Рерих. Зороастр. 1931
Государственный музей искусства народов Востока



Ил. 2. Атешгях. Иллюстрация из энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (1890–1907)

Николай Рерих отмечал, что энергетика этих связей послужила распространению поклонения Огню, почитания его в качестве Божественной силы. Вследствие этого на Апшеронском полуострове (азерб. Abşeron yarımadası) были построены храмы огнепоклонников.

Византийский автор I половины V века Приск Панийский, описывая путь, ведущий из Скифии в Мидию, сообщает о «пышущем из морского камня пламени» близ Баку. Это первое хронологическое указание на огни близ Баку.

Николая Рериха в его обращении к Кавказу поразил Храм Огня Атешгях в Сураханах (местечко, находящееся в 30 км от Баку).

Видный азербайджанский историк, доктор исторических наук Сара Балабеккызы Ашурбейли, говоря об Атешгяхе, отмечает, что слово «Атеш» означает огонь, а выражение «Атеш — Багуан» то же, что и «огни Багуана», то есть огни Баку.

Николай Рерих в своих книгах не раз высказывался о духовном наследии пророка древних иранцев, основателе зороастризма Учителе Зороастре, время жизни которого в разных исследованиях варьируется в пределах XII–VI веков до н. э. Сочинённые им молитвы впоследствии вошли в Авесту. Он был одним из первых, кто учил, что в мире есть Добро и Зло, что спасение каждого зависит от совокупности мыслей, слов

и дел и что каждый человек должен держать ответ за судьбу собственной души и разделять общую ответственность за судьбы мира.

Храм огнепоклонников Атешгях в разное время являлся святилищем зороастрийцев, индуистов и сикхов.

О трагической судьбе этого храма в недавнем прошлом — об акте непростительного вандализма — в 1879 году писала ещё Елена Петровна Блаватская:

«Немногие способны оценить истинную красоту и эстетику, ещё меньше тех, кто может по достоинству оценить монументальные реликвии прошлого — живых свидетелей того, что даже в древнейшие эпохи человечество поклонялось Высшей Силе и человек стремился запечатлеть абстрактные идеи в творениях, которым суждено было пережить века. Вандалы — будь то славянские венды или какое-то германское племя — всегда приходили с Севера. Недавний случай заставляет нас пожалеть о том, что Юстианин не разрушил все реликвии прошлого, так как выясняется, что и поныне живут на Севере потомки этих страшных вандалов, разрушающих памятники старины — русские купцы, которые только что совершили акт непростительного вандализма. Русские газеты пишут, что московский миллионер Кокорев и его тифлисский напарник, армянский крез Мирзоев, оскверняют и разрушают старейшую святыню зороастризма — “Аттеш-Гаг”, что в Баку.

Очень мало кто из иностранцев и возможно столь же мало среди русских знают что-либо об этой святыне огнепоклонников возле Каспийского моря. В 20 верстах от небольшого городка Баку, в долине Апшерона, в Русской Грузии, среди выжженной и бесплодной Каспийской степи стоит — Господи! — стояло всего четыре месяца назад — странное сооружение, нечто среднее между средневековым храмом и укреплённым замком. Когда и кто его построил, никому не известно. На участке площадью в одну квадратную милю, известном как “Огненное поле”, где стоит это сооружение, если копнуть песчаную землю на 2–3 дюйма и поднести к тому месту зажжённую спичку, то из него как из фонтана брызнет вверх струя огня. “Храм гебров”, как это сооружение иногда называют, был вырезан из цельного куска скалы. Он представлял собой огромный квадрат, обнесённый зубчатыми стенами. Посередине, опираясь на массивные колонны, стояла высокая башня. Эти колонны своим основанием уходили в скальные породы, а наверху на них были вырезаны зубчатые амбразуры. Это были своего рода трубы, по которым горючий газ, скопившийся в центре материнской породы, постоянно поднимался наверх. На протяжении веков башня была святыней огнепоклонников, её символическое изображение — трезубец, называвшийся тирсут. С лицевой стороны её внешней стены были высечены кельи, числом около двадцати, в которых многие поколения жили

Ил. 3. Атешгях. Открытка начала XX века

зороастрийские отшельники. Под руководством высшего мобеда здесь, в тиши, под сводами уединённых келий, они изучали Авесту, Вендидад и Яшну, особенно, кажется, последнюю, поскольку скалистые стены их келий испещрены многочисленными цитатами из священных гимнов. Под башней-алтарём висели три огромных колокола. Легенда рассказывает, что их создал чудесным образом один святой скиталец в X веке, во время мусульманского преследования, чтобы своевременно оповещать верующих о приближающемся враге. Всего несколько недель назад на высокой башне-алтаре всё ещё горел огонь, который, как гласит предание, зажгли 30 веков назад. У горизонтальных отверстий четырёх полых колонн неугасимо горели четыре огня, бесперебойно обеспечиваемые из неисчерпаемого подземного резервуара»[2].

И далее описывается, как из-за добычи нефти в этих местах происходило непростительное разрушение храмового комплекса Атешгях.

Последнее возрождение Атешгяха началось в XVII веке, когда торговцы из Индии, потомки древних зороастрийцев, когда-то бежавших от преследований арабских завоевателей, с караванами попали на Апшеронский полуостров. Поражённые увиденным, они рассказали о горящей земле у себя на Родине, и в Азербайджан потянулись паломники. Торговцы оставляли здесь щедрые пожертвования, а некоторые купцы становились монахами-мобедами и оставались в Сураханах навсегда. У древнего святилища начали появляться новые постройки. Самая ранняя

из сохранившихся новых построек относится к 1713 году. С созданием центрального храма-алтаря с неугасимыми очагами в 1810 году. Атешгях приобрёл вид, частично сохранившийся до наших дней[3].

Известно, что в Атешгяхе побывали, кроме Николая Рериха, композитор Пётр Чайковский, химик Дмитрий Менделеев, художник Василий Верещагин.

В последние три столетия Кавказский регион неразрывно связан с Россией — территориально, культурно, духовно.

Определяя особое значение Кавказа для России как великой Евразийской державы, Николай Рерих воспринимал Кавказ как единое культурное пространство. Именно в пространстве Культуры вёл Николай Рерих поиск смысла жизни — в России, на Западе и на Востоке.

На протяжении своей истории Кавказ не раз был свидетелем миграции и перемещения народов. Во время этих процессов происходило смешение народов, исчезали границы, что обусловило создание уникальной многонациональной кавказской культуры.

Часто общее прошлое становится источником раздора и конфликтов, но задача конференций, подобным конференции «Рериховское наследие», — показать другую параллель, где общее наследие становится основой для сотрудничества.

Ни для кого не секрет, что в нашей стране и, в частности, в городе на Неве существуют и требуют безотлагательного решения проблемы межнациональных отношений. Беспокоит положение дел в молодёжной среде, возмущают участившиеся случаи проявления экстремизма и ксенофобии со стороны радикальных группировок. А ведь ещё не так давно в Санкт-Петербурге, жители которого всегда славились своей высокой культурой, вполне мирно существовали люди разных национальностей и вероисповеданий. Настал момент межнационального диалога и формирования российской гражданской идентичности.

В Санкт-Петербурге и Ленинградской области немало азербайджанцев, живущих заботами и чаяниями нашего региона России, повышающих его экономический и научный потенциал, вносящих посильный вклад в развитие культуры и искусства Северной столицы России, в её благоустройство. В качестве примера можно привести изготовление и установку памятника «Дети войны» недалеко от Пискарёвского мемориального кладбища, спасение центра городской книготорговли «Санкт-Петербургский Дом книги» (долги фирмы были погашены азербайджанским меценатом Вагифом Имамовичем Мамишевым), помощь в реставрации Морского Собора Святителя Николая Чудотворца в Кронштадте и т. п.

Наши дети участвуют в различных городских мероприятиях: фестивалях, смотрах-конкурсах, выставках народного творчества. Всё лето

в залах Библиотеки им. М. Ю. Лермонтова функционировала выставка «Архитектура Санкт-Петербурга глазами азербайджанских детей».

Уважение, понимание и признание самобытности другой национальной культуры и вероисповедания — это те фундаментальные ценности, на которые мы, азербайджанские россияне, опираемся в нашей жизни, живя в Санкт-Петербурге. В заключение приведу из замечательных заветов Николая Константиновича Рериха следующий:

«Любите Родину. Любите русский народ. Любите все народы на всех необъятностях нашей Родины. Пусть эта любовь научит полюбить и всё человечество. Чтобы полюбить Родину, надо познать её. Пусть познавание чужих стран приведёт к Родине, ко всем её несказуемым сокровищам. Русскому народу, всем народам, которые с ним, даны дары необычайные»[4].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Рерих Н. К.* Зажигайте сердца. 3-е изд. М.: Молодая гвардия, 1990. — Глава шестая. Звучание народов.

[2] *Блаватская Е. П.* Персидский зороастризм и русский вандализм // Теософист. 1879. Октябрь. Цит. по изд.: *Блаватская Е. П.* Статьи. М.: Сфера, 1996. Серия «Белый Лотос». Вып. 1. В поисках оккультизма (1874–1880).

[3] Хотя храм и не был полностью разрушен, подземные запасы газа, питавшие его огни, постепенно истощались, и в 1902 г. огни окончательно погасли. Храм был заброшен, и только в 1975 г. после проведённых работ по его реставрации открыт для посещения. В 2007 г. храм был отреставрирован снова. В 1998 г. он был включён в предварительный перечень (Tentative List) для включения его в Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО. — *Прим. ред.*

[4] *Рерих Н. К.* Завет (Гималаи, 24 октября 1939) // *Рерих Н. К.* Указ. соч. С. 197.

П. А. ЗОЛОТАЙ
(Анапское отделение ВООПИиК; Анапа)
К. И. НОВОСЕЛЬСКИЙ
(Русское Географическое общество; Москва)
Т. Н. ТИТОВА
(Союз архитекторов РФ; Анапа)

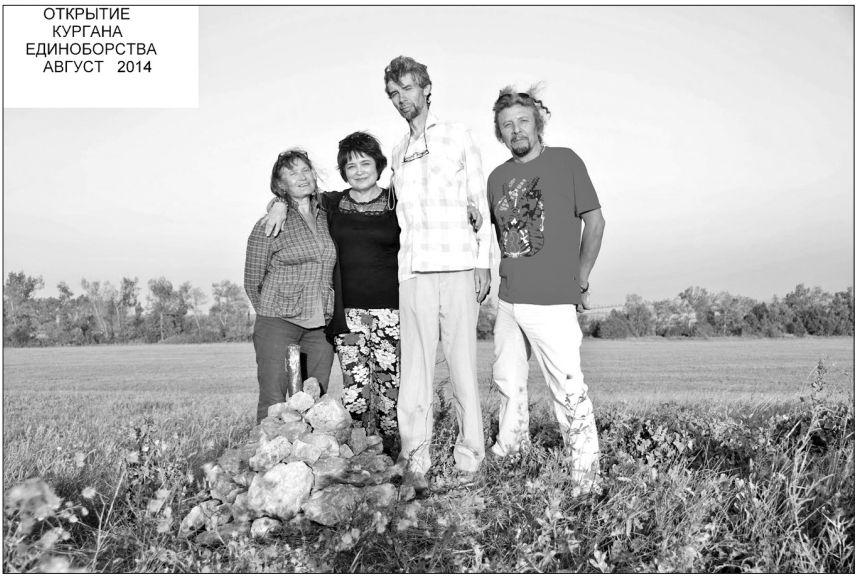
«РЕРИХОВСКИЙ СЛЕД» НА КАРТЕ ДРЕВНОСТЕЙ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Сдружить любовь к отечеству
с первыми впечатлениями памяти.
Ю. Немцевич, 1816
«Исторические думы»

Сошлись, схватились, в бой вступили.
Могущ и князь и великан!
Друг друга стиснули, сдавили;
Трещат... колеблется курган!
К. Рылеев, 1822
Дума «Мстислав Удалый»

Вся культурная работа
полна благородных поединков.
Н. Рерих, 1946
Очерк «Спешим»

Как известно, Н. К. Рерих в своём творчестве значительное внимание уделял истории Древней Руси. В географическом аспекте преобладают, разумеется, сюжеты из прошлого северного, центрального и отчасти западного ареалов расселения славян. Менее известны полотна Николая Константиновича, посвящённые южной, причерноморской Руси. В то же время, «Таманский регион» сыграл без преувеличения выдающуюся роль в нашей и мировой истории. Здесь располагались столицы азиатской части Боспорского царства, Хазарского и Болгарского каганатов и первого русского Тмутараканского княжества (знаменитый «свидетель» — «Тмутараканский камень» — хранится в Санкт-Петербурге, в Эрмитаже). Здесь проплывали легендарные аргонавты и жил Ахилл. Исторические и археологические источники свидетельствуют, что примерно 14 веков назад на Таманском полуострове возник и существовал портовый город-крепость Росия, населённый «русами». Никон Великий основал первый на территории современной России монастырь. В свете



Ил. 1. На вершине «кургана 133» — «кургана Единоборства». Август 2014

нового понимания происхождения Руси, становятся ясны и корни древней славянской мифологии: именно здесь зародились мифы древнего Лукоморья и Синедона (Синдики).

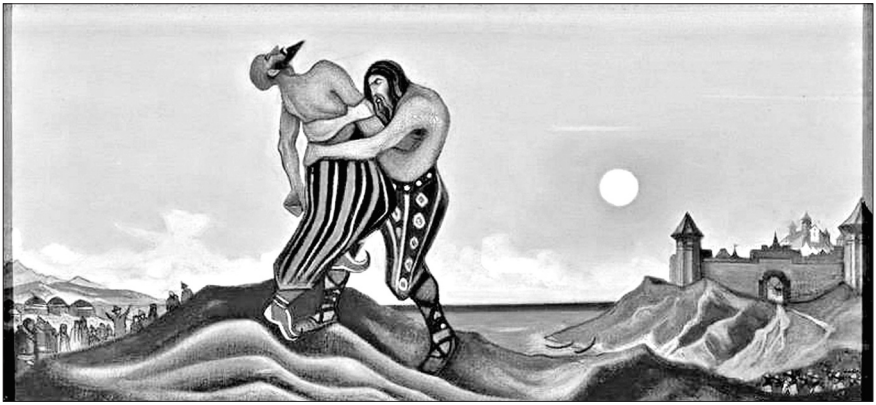
И вполне естественно, что определённые «фокусные точки» этой, во многом ещё сокрытой от исследователя и любознательной публики территории привлекали внимание художника, археолога и философа Н. К. Рериха в разные периоды его жизни. Это такие работы, как сюита «Царь Салтан» (в т. ч. «Ворота Тмутаракани», «Тмутаракань», 1919), «Баян. Богатырский фриз» (1909, Русский музей), «Красные паруса. Поход Владимира на Корсунь» (1900, Третьяковская галерея) и «Единоборство Мстислава с Редедей» (1943, Русский музей). Этот сюжет, исполненный художником в Индии, в переломный год Второй мировой войны, был ему очень дорог и символичен. В очерке «Спешим» (1946 год) Николай Константинович отмечал: «...довольно всякого битья и ругательств. Мстислав Удалой сразил в поединке косожского богатыря Редедю, но таким единоборством народ был избавлен от избиения. В летописях русских и кабардинских поединок этот отмечен. И вся культурная работа полна благородных поединков».

Именно эту работу Николая Константиновича мы и вспомнили, когда 22 августа 2014 года после длительных лабораторных и полевых поисков остановились перед одним из холмов-курганов между хутором Розы Люксембург и станицей Гостагаевская в Анапском районе (ил. 1).

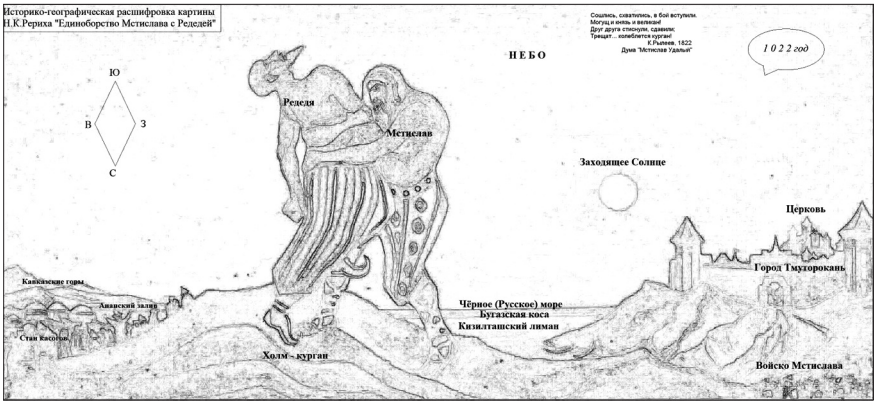
Ещё за год до этого, обсуждая этот исторический сюжет с анапской группой энтузиастов — историков и искусствоведов, инициаторов проекта «Древности Черноморья», мы удивлялись, что ни в многочисленных учебниках «Кубановедение», ни в научных статьях центральных и местных издательств, ни в сборниках анапских легенд — практически нигде нет указания на географическую точку, в которой «в лето 1022 года» состоялась знаменитое и уникальное сражение русских с касогами, в ходе которого погиб лишь один (!) воин (и то «по уговору»). За истекшее время мы провели анализ текста летописей, нашли на старинных картах дорогу, которая шла с Тамани в район современной Анапы, и пришли к выводу, что именно это произведение нашего знаменитого художника-провидца содержит наиболее точную информацию о ландшафте, времени года и даже времени дня, когда свершилось это событие.

Безымянная высота 133,7 метра, являющаяся вершиной древнего крупного (диаметр основания не менее 75 метров) кургана, настолько доминирует над окружающей местностью, что ни вековые распашки, ни созданные лесополосы и построенные ЛЭП — ничто не испортило открывающейся с неё панорамы. Если встать спиной к шоссе Юровка — Гостагаевская и смотреть на курган и вдаль на юго-запад, то на горизонте в хорошую погоду чётко просматриваются и лиман, и коса, и полоска Чёрного моря, и приседающее на закате Солнышко (единоборство длилось много часов с переменным успехом). Точь-в-точь как на полотне художника! С той лишь разницей, что Рерих даёт нам возможность узреть и невидимые простым глазом дальние, но очень важные объекты: столицу княжества Тмутаракань и Анапский залив, однако и в этом случае он географически точно «привязывает» их к нужным углам картины (ил. 2а, б).

Двадцать девятого — тридцатого октября состоялся выезд малой рабочей группы по вопросам мемориализации и охраны «кургана 133» в Краснодар и Майкоп — столицу адыгейского народа, потомков тех самых славных касогов. Министерствам и ведомствам края, отвечающим за сохранение исторического и культурного наследия, были переданы письма про анапский курган от Музея Востока (Москва) и Музея Н. Рериха (Нью-Йорк), а также поясняющие материалы (включая публикацию газеты «Черноморка» от 6 сентября 2014 года). Состоялись обстоятельные беседы с сотрудниками ВООПИиК края, региональных историко-археологических музеев, Института гуманитарных исследований (Адыгея), изучена краеведческая литература о сражении 1022 года, закуплены книжно-картографические публикации разных лет. В итоге выявлена полная неопределённость и разброс мнений о месте и значимости единоборства Мстислава и Редеди (от уверенного



Ил. 2а. Н. К. Рерих. Единоборство Мстислава с Редедей». 1943
Государственный Русский музей, Санкт-Петербург



Ил. 2б. Возможная историко-географическая расшифровка картины

указания публициста Н. Сообцоковой «вблизи Анапы» до «этого никто не знает, и знать не может» (научные сотрудники краевого музея). Ещё одно мнение: «если и было, то скорее около Салтовского городища вблизи современного Харькова» (С. Хотко, ведущий научный сотрудник Адыгейского института гуманитарных исследований, г. Майкоп).

Вполне ожидаемым оказалось и то, что многие адыгейские исследователи оценивают моральные и боевые качества участников этого поединка «в свою пользу».

Столь же загадочна ситуация с оценкой того, что же находится в этой точке ниже поверхности земли. В переписке с нами начальник Восточно-Боспорской археологической экспедиции к. и. н. Н. И. Сударев сообщил, что рассматриваемый объект имеет несомненную

историческую ценность (ранний бронзовый век), но в известный ему период не изучался. Краснодарское управление Росреестра ответило, что внутри холма «133.7» должен находиться высотный репер, но состояние его неизвестно и проверить это в ближайшие годы они не в силах. Нами оформлена заявка-запрос в краевое Управление охраны памятников на наличие кургана в их реестре. Хотя в дальнейшем, для выявления признаков объекта культурного наследия и постановки на госучёт необходимо будет участие профессиональных археологов, имеющих т. н. «открытый лист».

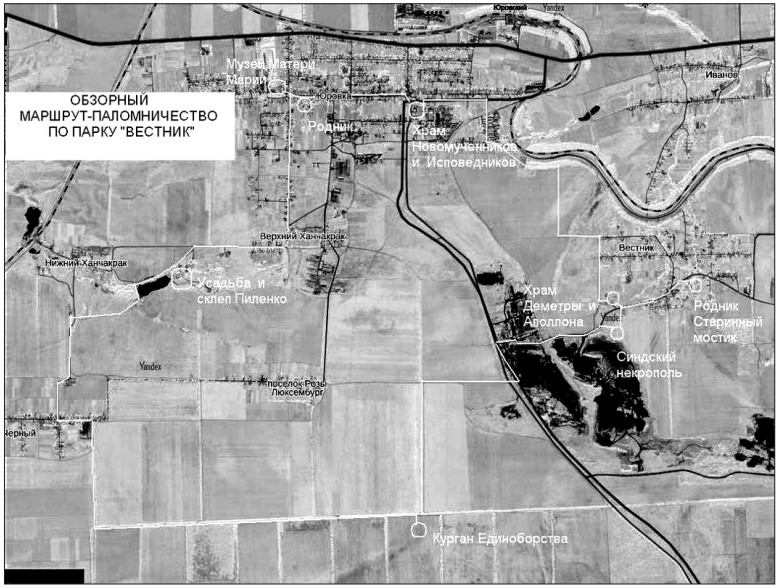
Интересные результаты получены в плане художественного осмысления изучаемого события русской истории. А. С. Пушкин задумал и написал развёрнутый план новой поэмы про Мстислава, однако замысел не воплотил (и, судя по плану, сюжет был весьма далёк от летописных источников). Зато его друг и оппонент, декабрист Кондратий Фёдорович Рылеев (1795–1826) параллельно со своей революционной деятельность успел создать широкую панораму народных героев, воплощённую в «Думах» (по примеру польского историка и публициста Юлиана Немцевича). Кстати, оба русских поэта работали над сюжетом про битву Мстислава с Редедей в 1822 году — ровно 800 лет после самого события, что косвенно свидетельствует о его значимости. Возвращаясь к картине Н. К. Рериха, смеем предположить, что именно «Дума» Рылеева «Мстислав Удалый» послужила литературной основой и вдохновляющим поводом для написания полотна. Например, ни летописи, ни другие художники, описывавшие поединок этого первого русско-кавказского столкновения, не обращали внимания на географию местности. Курган чётко изображён только у Рылеева — и у Рериха! К сожалению, не найдены пока фактические данные о знакомстве Николая Константиновича с его творчеством, но невозможно пройти мимо кажущихся случайными географических совпадений: Рылеев родился в имении матери Батово к югу от Петербурга, там же прошли его детские годы, а детские годы Рериха — в имении отца Извара, всего в 20 км западнее Батово. В этих «рылеевских» местах молодой Рерих много путешествовал и проводил раскопки курганов. А ещё в 20 км к северу от Батово — имение Ганнибалов, «пушкинские места». Такой вот «мистический треугольник» певцов подвига Мстислава на территории создаваемого природно-исторического парка «Верхний Оредеж» (ил. 3).

На наш взгляд, проведённые изыскания должны представлять несомненный интерес для совершенствования историко-краеведческой, военно-патриотической и туристической деятельности и в Краснодарском крае — почти на 2 тыс. км южнее Санкт-Петербурга. Найденный там курган «Вершина 133» вблизи хутора Вестник Анапского района может стать одной из площадок для интерактивного исторического туризма,

Ил. 3. Расположение усадеб предков А. С. Пушкина, К. Ф. Рылеева и Н. К. Рериха в Гатчинском районе Ленинградской области

уже развиваемого в городе-курорте. Очевидно, целесообразно будет на региональном и местном уровнях проработать и закрепить в территориальном проектировании вопросы транспортной доступности нового объекта, а также провести конкурс на лучший отличительный знак (монумент) на этом месте или вблизи него, который бы максимально соответствовал исторической правде, традициям русского и кавказских народов, взглядам Н. К. Рериха. Беречь «значительность и научность старины» завещал нам великий соотечественник, став автором международно признанного Пакта об охране памятников истории и культуры.

Мы предлагаем для выявленных нами объектов старины следующую практическую форму их сбережения: освоение нового туристического ареала в северной части Анапского района (от срединной 45-й параллели Земли до границ Темрюкского и Крымского районов, между населёнными пунктами Гостагаевская, Вестник, Юровка, Джигинка, Разнокол). На этой относительно компактной территории на данный момент нами выявлены более 10 уникальных с культурно-просветительской и предпринимательской точек зрения объектов, большинство которых крайне слабо освещены в научной и популярной литературе и практически не участвуют в обслуживании всё возрастающего здесь транзитного и рекреационного турпотоков.



Ил. 4. Обзорный маршрут по предполагаемому парку «Вестник»

Предлагаемое название новой зоны развития и сохранения — парк «Вестник», по двум причинам: по одному из базовых пунктов — хутору Вестник, а также потому, что понятие «вестника» — одно из самых дорогих для Рериха, которое он редко но многозначительно использовал в своих картинах; «Вестником» (Красоты, Новой эпохи, Звенигорода...) называли исследователи и самого Николая Константиновича. Предлагаемые нами к освоению объекты и их узловые точки (формирующиеся историко-ландшафтные парки) следующие:

1) Село Юровка и окрестности: остатки мемориальной усадьбы и усыпальница основателя виноградарства в районе Ю. Пиленко; краеведческий музей (с экспозицией, посвящённой Матери Марии); родник; храм Новомучеников и Исповедников Российских;

2) Хутор Разнокол и окрестности: Семибратние курганы; остатки древне-греческого города Лабрис (памятник истории и культуры федерального значения);

3) Хутор Вестник и окрестности: фундаменты древне-греческих храмов Деметры и Аполлона; синдо-меотский некрополь; родник с «турецким каменным мостиком»;

4) Курган единоборства князей Мстислава и Редеди 1022 года (воспетого поэтами Пушкиным, Рылеевым и художником Рерихом);

5) Село Джигинка и окрестности: здания и сооружения бывшей немецкой колонии Михаилсфельд; проектируемый аграрно-образовательный сафари-парк на обрывах Старой Кубани;

6) Станица Гостагаевская и окрестности: валы крепости 1842 года; школьный краеведческий музей казачьей истории; родники (ил. 4).

В пространственных интервалах между этими историко-ландшафтными парками необходимо предусмотреть развитие средств транспорта, пунктов питания, отдыха туристов, автостоянок и детских игровых городков. Вдоль транспортных артерий возможна установка мемориалов проходившим здесь Андрею Первозванному, творцам старославянской азбуки Кириллу и Мефодию, караванам Великого шёлкового пути; участникам исторических сражений, в пересечениях дорог с «золотой параллелью».

Актуальность данного проекта резко возрастает в связи с усилением транспортной активности по Таманско-Керченскому направлению. Приближается 1000-летний юбилей первой русско-кавказской битвы 1022 года. Причём эффективность освоения данного ареала будет тем выше, чем более связанными идейно и структурно в единую сеть окажутся составляющие её познавательно-специализированные историко-ландшафтные парки.

Т. Н. ТИТОВА
(Союз архитекторов РФ, Анапа)

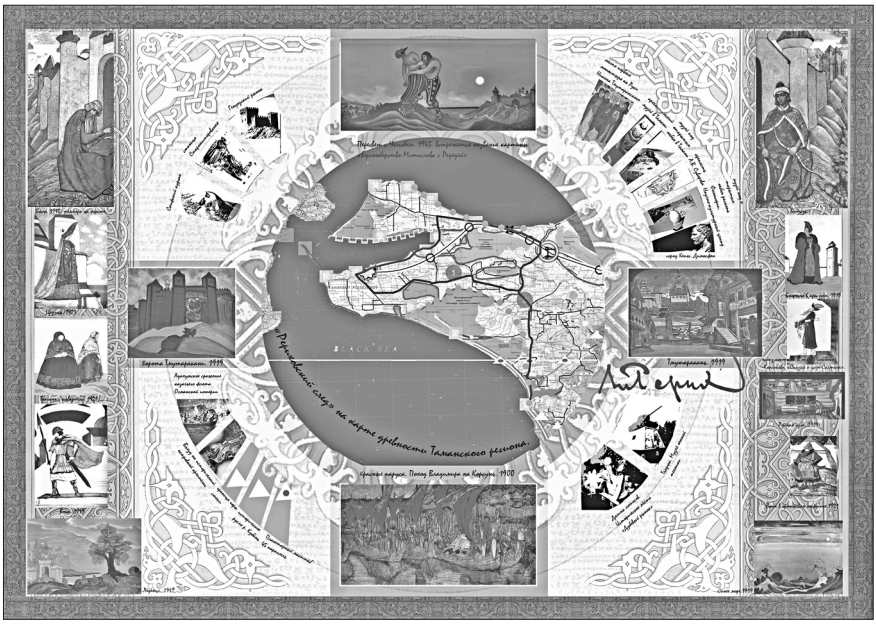
М. В. ЮРКЕВИЧ
(Московский государственный гуманитарный университет, Анапа)

ПРОЕКТ КАРТЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ ТАМАНСКОГО РЕГИОНА

(С УЧЁТОМ ОБЪЕКТОВ РЕРИХОВСКОГО НАСЛЕДИЯ)

Проект карты культурных ландшафтов Таманского региона, как многие проекты, связан с проектной деятельностью. Географически он охватывает территорию трёх муниципальных образований Краснодарского края: Темрюкского района, города-курорта Анапы, города Новороссийска. Ввиду особого географического положения (так называемый «южный коридор», соединяющий через Керченский пролив Европу и Азию), данная территория является наиболее насыщенной объектами культурного наследия различных исторических эпох на участках Азово-Черноморского побережья Кубани. Именно здесь сосредоточены значимые памятники античности: Гермонасса-Тмутаракань (ст. Тамань), Горгиппия (г. Анапа), Фанагория (п. Сенной), Кепы (п. Сенной), Патрей (п. Гаркуши), древнейшие корабельные стоянки, памятники Великого переселения народов, раннехристианские святыни, крепости периода средневековья и русско-турецких войн, памятники военной истории (в том числе затонувшие суда).

Развитие территории — это масштабный проект, который требует разработки своеобразного «сценария развития Причерноморского региона». Целостный взгляд сквозь время через все эпохи предполагает создание карты возрождения культурных ландшафтов различных эпох, что поможет создать единую концепцию развития территории в России и за её пределами. Формирование «Культурного ландшафта» — это проектная цель по визуализации смыслов и образов «культурного слоя» исторической эпохи на основе исследований. Выделение ассоциативных смыслов в отношении особо выдающихся личностей, событий, традиций и идей является приоритетом художественного подхода. Таким образом, события времён «причерноморской Руси» IX–XII веков, которым были посвящены картины Н. К. Рериха, могут быть нанесены на карту Таманского полуострова и включены в туристические маршруты. Выделяя эпоху русского «Причерноморья», мы учитываем исто-



«Рериховский след» на карте древности Таманского региона

рическую достоверность и глубинный взгляд, характерный для работ Н. К. Рериха, которые могут помочь представить как выглядел первый город руссов — Россия у станицы Голубицкая. На Бугазской косе миф о сказочном Лукоморье наполнит содержанием детский туристический комплекс на побережье Азовского моря и путешествие на катере вдоль побережья Анапского залива и Витязевских лиманов.

Именно обращение к бессмертным произведениям Н. К. Рериха и А. С. Пушкина помогли нам представить идею по возрождению Таманского полуострова как идею организации туристических комплексов «Междуморья». В составе проекта «Междуморья» рассматривается организация познавательно-туристического комплекса «Вестник»(северная часть Анапского р-она). Особое внимание в организации этого комплекса уделяется компактному кольцу (3 × 3 км), которое связывает уникальные памятники различных эпох: фундаменты древнегреческих храмов Деметры и Апполона, синдо-меотский некрополь; «родник с турецким каменным мостиком». Здесь же, вблизи хутора «Вестник», находится курган единоборства князей Мстислава и Редеди в 1022 году (воспетого художником Н. К. Рерихом), село Юровка и её окрестности: остатки мемориала усадьбы и усыпальницы основателей виноградарства района г. Анапа Ю. Пиленко; краеведческий музей, посвящённый

Матери Марии; родник, Храм Новомученников и Исповедников России. Размеры территории всего комплекса «Вестник» составляют примерно 15 × 15 км.

Дополняет сценарий развития Тамано-Абраурского региона «Хронология культурного ландшафта», которая представлена в виде календаря дат, в котором по шкале времени выстроена картина мира каждой эпохи, где представлены мифология, история в лицах, города, основные процессы созидания и разрушения. Календарь насчитывает восемь эпох: 1. Атлантида; 2. Мифологическая античность; 3. Историческая античность; 4. Эпоха русского «Причерноморья»; 5. Генуэзско-Черкесская эпоха; 6. Эпоха Османской империи; 7. Эпоха Нового Времени; 8. Конец XIX–XX веков. Тематический план путешествия из эпохи в эпоху воссоздаёт целостный исторический образ всего региона.

Карта исторического культурного ландшафта региона Кавказа и тематический план по организации туристических маршрутов из эпохи в эпоху — это условие проведения будущего международного архитектурно-художественного конкурса «Междуморье» (Проект культурно-исторического комплекса и парков на территории Тамано-Абраусского региона). Основным критерием оценки результатов конкурса является тезис: «Прошлое должно проявляться в настоящем и быть национальным достоянием в будущем».

Н. А. РАХИМОВА
(Азербайджанский Национальный музей искусств; Баку)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ – БАКУ: АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ИСКУССТВ

К ИСТОРИИ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Культурные связи России и Азербайджана исчисляются веками. Азербайджанский Национальный музей искусств обладает богатой и интересной коллекцией, которая собиралась на притяжении многих лет. Здесь хранятся жемчужины мирового искусства, в коллекцию входят произведения искусства не только азербайджанских, но и западноевропейских и русских художников.

Основа музея была заложена в двадцатых годах XX века, когда она входила в состав Азербайджанского Государственного музея, но к 1936 году отделы музея по искусству были настолько многочисленны, что Совнарком Республики принял решение о создании самостоятельного Государственного музея искусств, который с тех пор является единственным музеем художественного профиля в стране.

Коллекция музея пополнялась за счёт конфискации имущества азербайджанских и зарубежных нефтепромышленников. Впоследствии сюда стали поступать произведения искусства из Музейного фонда Москвы и Ленинграда, из Государственного Эрмитажа, Государственного Русского музея, из Государственной Третьяковской галереи, Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

В настоящее время коллекция музея насчитывает свыше 17 000 единиц хранения, которые хранятся в шести фондах — живопись, графика, скульптура, вышивка — ковры, фарфор и металл.

Всю коллекцию музея можно разделить на четыре больших раздела — это искусство Азербайджана, Западной Европы, России и Востока.

ЗДАНИЯ МУЗЕЯ

Оба здания, где в настоящее время располагается музей являются историко-архитектурными памятниками.

Первое здание — это особняк Дебура, управляющего компании Ротшильда, на Садовой 9 (ныне ул. Ниязи).

Архитектором этого здания был **Николай Августович Фон дер Нонне (Von der Nonne)**, родившийся 16 июня 1836 года в Петербургской губернии, в семье обрусевшего немца.

Биография Николая Августовича до его появления в Баку очень мало изучена. Известно, что он учился в первом Петербургском кадетском корпусе. В 1856 году был переведён на службу на Кавказ, принимал участие в кавказско-горской войне 1857–1864 годов, проявил отвагу и был награждён орденом Святого Георгия.

В 1881 году Фон дер Нонне был назначен инженером Бакинской губернии.

В 1895 году оставляет государственную службу и становится свободным архитектором.

Фон дер Нонне стал одним из авторов генерального плана Баку, который начал застраиваться в конце XIX века. Построенные им прекрасные особняки и дома и сейчас украшают центр нашей столицы.

Умер Николай Августович в 1906 году.

Особняк Дебура, построенный в 1890-ых годах отличается от других проектов автора индивидуальностью планового и архитектурного решения: анфилада помещений завершается парадными залами, украшенными роскошной лепниной, зеркалами. 18 изразцовых печей, отличающиеся друг от друга по форме, цвету и рисунку украшают залы особняка. Несколько великолепных люстр из бронзы и хрусталя были заказаны специально для этого здания. Вся композиция фасада обогащена лоджиями-портиками.

В настоящее время, в этом особняке ведутся реставрационные работы.

Второе здание — это бывшая Мариинская гимназия, построенная на этой же улице в честь императрицы Марии Фёдоровны в 1885–1887 годах.

Гражданским инженером этого здания был М. Д. Ботов, но строительство завершил тот же Фон дер Нонне. Двухэтажное здание гимназии по своему архитектурно-планировочному решению было похоже на подобные заведения в России.

В 30-ые годы прошлого столетия здание было надстроено третьим этажом.

400-ЛЕТИЕ ДОМА РОМАНОВЫХ

Учитывая, что по всей России в настоящее время торжественно отмечается 400-летие дома Романовых, я думаю, что будет интересно рассказать о работах художников, как русских, так и зарубежных, создавших образы членов царской семьи.

Достойное место в экспозиции музея занимают скульптурные изображения Петра I, работы знаменитого русского скульптора **Марка Мат-**

веевича Антокольского (1843–1902) и работа **Александра Михайловича Опекушина** (1838–1923) «Екатерина II», выполненные в бронзе.

По велению Екатерины II в 1788 году в северную столицу приезжает **Владимир Лукич Боровиковский** (1757–1825), впоследствии один из крупнейших мастеров-портретистов конца XVIII — начала XIX веков. Будучи приближённым ко двору, он создаёт целый ряд портретов членов царской семьи. В нашу коллекцию входит один из вариантов портрета Александры Павловны, старшей дочери Павла I , а также копия портрета Александра I.

Творчество немецкого художника **Фридриха Августа фон Каульбаха** (2.06.1850 — 26.07.1920) представлено двумя портретами последней русской императрицы Александры Фёдоровны (урождённая принцесса Алиса Виктория Елена Луиза Беатрис Гессен-Дармштадтская, 25 мая (6 июня) 1872 — 17 июля 1918) — супруги Николая II (с 1894 года). Она была четвёртой дочерью великого герцога Гессенского и Рейнского Людовига IV и герцогини Алисы, внучкой английской королевы Виктории. На парадном портрете императрица изображена во весь рост на фоне живописного пейзажа.

Вторая работа этого же художника — графический рисунок, выполненный в смешанной технике — пастель, карандаш, акварель.

Французская школа представлена работой **Жан-Жозеф Бенжамен Констана** (1845–1902). Мастер портрета, художник изобразил императрицу со знаменитой сапфировой брошью изумительной красоты.

Хочу отметить интересный факт, что в коллекцию музея, все три работы поступили как «женский портрет» и только рядом, в старых инвентарных книгах, карандашом от руки сделана приписка «императрица».

К французской школе живописи относятся также работа известного французского художника XIX века **Паскаля Даньян Бувре** (1852–1929) «Портрет мальчика» (изображён цесаревич Алексей) и работа **Фредерика Базиля** (1841–1870) «Людовик XV и Пётр I», переписанная им с оригинала Луи Эрсана.

В музейной коллекции свыше 200 экспонатов Императорского фарфорового и стекольного заводов, а также редких экземпляров царских сервизов с клеймами правящих императоров. Особую ценность представляют хрупкие изделия из стекла с гербом России.

Художественную и историческую ценность представляют изделия Ленинградского (бывшего Императорского) фарфорового завода им. М. Ломоносова. Это различные сервизы, фигурки, тарелки с росписью Н. М. Суетина и Н. Я. Данько в стиле «русский авангард».

РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ-ПЕТЕРБУРЖЦЫ В КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ

Известно, что Российская Академия художеств находилась в Петербурге и все художники в основном учились в ней. Но я бы хотела рассказать о тех, кто родился, жил и творил в этом городе.

Карл Павлович Брюллов (1799–1853) — выдающийся русский художник представлен в нашей коллекции тремя работами, одна из которых демонстрируется в экспозиции. Это небольшой этюд мужской фигуры, на которой изображён близкий друг художника Н. И. Пашков. Работа написана в Риме в 1836 году, о чём свидетельствует подпись самого художника на картине.

Творчество мастера живописи, представителя академического романтизма, академика **Константина Егоровича Маковского** (1839–1915) представлено двумя портретами, одна из которых, «Священник», демонстрируется в экспозиции.

Брат художника, **Владимир Егорович Маковский** (1846–1920), известный мастер жанровых и бытовых сцен представлен в экспозиции работой «Семья художника».

Среди всех русских художников, творчество **Ивана Ивановича Шишкина** (1832–1898) занимает особое место. Прекрасный пейзажист, он смог в своих работах показать всю прелесть русской природы. Из трёх работ художника на эту тему две — «Лесная дорога» и «В лесу» — демонстрируются в русских залах экспозиции.

Творчество мастера пейзажной живописи **Архипа Ивановича Куинджи** (1842–1910) достигло наивысшего расцвета в период его работы в Петербурге. Из четырёх работ художника, полотно «Волга», посвящённое великой русской реке, выставлено в экспозиции.

Один из самых известных русских художников-маринистов, первый ученик И. К. Айвазовского, **Лев Феликсович Лагорио** (1828–1905) представлен в коллекции музея двумя работами — «Пейзаж» и «Марина».

В коллекции музея представлены также три работы русского художника, мастера исторической, пейзажной и жанровой живописи **Василия Дмитриевича Поленова** (1844–1927).

Николай Константинович Рерих (1874–1947) — человек с широким спектром деятельности: художник, сценограф, путешественник, археолог, общественный деятель — оставил неизгладимый след в мировой истории и культуре.

Несколько лет назад в Петербурге была организована грандиозная выставка «Рериховский век», в которой участвовал и наш музей, пред-

ставив из своей коллекции единственную работу Н. К. Рериха «Святые воины» (1912).

В музейную коллекцию входят также образцы работ русских художников-графиков Афанасьева, Константинова, Боброва, Васильева, Бенуа, Кругликова, Остроумовой-Лебедевой и других.

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ХУДОЖНИКИ, ПОЛУЧИВШИЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПЕТЕРБУРГЕ (В ПРОШЛОМ – ЛЕНИНГРАДЕ)

В коллекции музея представлен целый ряд видных азербайджанских художников, которые повышали свои профессиональные знания и навыки в художественных вузах Петербурга.

Многие из них впоследствии стали народными художниками Азербайджана, членами Союза художников СССР, внесли огромный вклад в развитие советского изобразительного искусства.

В Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина училась одна из первых профессиональных женщин – художниц Азербайджана Иззет Сеидова, народные художники Гафар Фейзуллаев, Надир Абдурахманов, Казым Казым-заде (на протяжении 50 лет он был бессменным директором нашего музея) и другие.

Студентами Академии художеств были народные художники Гусейн Алиев (брат Гейдара Алиева), народные художники Надир Касумов – известный своими живописными работами, посвящённым героическим нефтяникам Каспия, художник среднего поколения Сакит Мамедов и другие.

Дипломы Ленинградского высшего художественно-промышленного училища им. В. И. Мухиной (ныне Санкт-Петербургская художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица) получили народные художники страны, лауреат премии «Султан Мухаммеда» Тофик Агабабаев (1928). Его мозаичные панно украшают многие административные здания в Баку. Являясь прекрасным портретистом, художник передаёт свой опыт молодым художникам Академии художеств Азербайджана. Выпускниками этой Академии являются также художники Санан Курбанов и Ариф Алескеров.

Ленинградскую среднюю художественную школу (ныне Санкт-Петербургский Государственный академический художественный лицей им. Б. В. Иогансона Российской Академии художеств) окончил народный художник Азербайджана Надир Ахундов.

ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ АЗЕРБАЙДЖАНА, ПОЛУЧИВШИЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПЕТЕРБУРГЕ И ВНЁСШИЕ ВКЛАД В РАЗВИТИЕ МУЗЫКИ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ И МУЗЕЕВЕДЕНИЯ

Узеир Гаджибеков — классик азербайджанской музыки — был первым студентом-азербайджанцем, зачисленным в Петербургскую консерваторию, директором которой был Александр Константинович Глазунов (1865–1936). Он всегда интересовался успехами своего подопечного, оказывая ему всестороннюю поддержку. Молодой композитор покинул Петербург в 1914 году.

А в 1921 году по его инициативе открылась Азербайджанская консерватория — первая на Востоке. В качестве преподавателей Узеир бек приглашает лучших педагогов и выпускников Петербургской консерватории — Л. У. Аба, М. Е. Попова, М. И. Черняховского, Б. И. Берольского и других. Во всех начинаниях его поддержкой и опорой был лучший друг, выдающийся азербайджанский композитор Муслим Магомаев, дед прославленного певца, народного артиста СССР Муслима Магомаева.

Автор первой на Востоке оперы «Лейли и Меджнун», оперетты «Аршин мал алан», композитор внёс огромный вклад в развитие и становление азербайджанской музыкальной культуры. Петербург-Ленинград не забыл о нём: в 1985 году на сцене Ленинградской филармонии с грандиозным успехом прошёл вечер, посвящённый 100-летию со дня его рождения. Основу вечера составили музыкальные номера из оперы композитора «Кероглы».

В коллекцию музея входят два портрета композитора, выполненные известными азербайджанскими художниками **С. Саламзаде** (1908–1997) и **М. Худаяровым** (1927), а также иллюстрации к поэме Физули «Лейли и Меджнун», выполненные народным художником Азербайджана Микаилом Абдуллаевым.

Мурсал Наджафов (20.09.1918 — 1997) — доктор искусствоведения, один из основоположников азербайджанского музееведения, автор многих монографий о жизни и творчестве первых азербайджанских художников советского периода. Завершив учёбу в художественном училище в Баку, он поступил на факультет теории и истории искусства Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина — старейшего и крупнейшего в России художественного учебного заведения.

После завершения учёбы он возвращается в Баку и работает некоторое время заведующим отделом и научным секретарём в Музее искусств.

Заслуженный деятель искусств Мурсал Наджафов был редактором многих художественных изданий, а также ведущим теле- и радио передач, посвящённых искусству. На досуге любил заниматься живописью. В коллекции музея есть две его работы.

Нуреддин Габибов (5.05.1923 — 4.02.2006) — доктор искусствоведения, профессор, член Союза художников СССР принадлежал к числу видных учёных Азербайджана, плодотворно работавших в области искусствоведения и художественной критики.

После возвращения с фронта, он в 1946 году поступил в Азербайджанский Государственный университет, а через год за хорошую учёбу его перевели в Ленинградский государственный университет на отделение истории искусств исторического факультета, который он окончил с отличием в 1951 году. Будучи студентом, Н. Габибов вёл исследовательскую работу в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

После возвращения в Баку молодой учёный занимался преподавательской и научной работой. В 1970 году защитил докторскую диссертацию, посвящённую истории азербайджанской живописи и графики. Примечательно, что его научным руководителем был петербуржец — доктор философских наук, заслуженный деятель науки России Моисей Самойлович Каган.

Печатные труды учёного, посвящённые теории искусства, жизни и творчеству азербайджанских художников — Таира Салахова, Микаила Абдуллаева, Саттара Бахлулзаде — были изданы в Баку, Ленинграде, Москве, Берлине и других странах мира.

Дело учёного продолжают его ученики — молодые искусствоведы Азербайджана.

Долгие годы Н. Габибов принимал активное участие в формировании и изучении музейной коллекции. Он входил в состав Музейного и Учёного совета.

Расим Эфендиев (1928–2010) — доктор искусствоведения, академик, директор Института архитектуры и искусства Национальной Академии наук Азербайджана внёс огромный вклад в изучение и пропаганду Азербайджанского декоративно-прикладного искусства, начиная с древнейших времён по начало XXI века.

В 1950 году он поступил на факультет теории и истории искусства Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Одновременно учился на факультете востоковедения Ленинградского университета. Был слушателем лекций таких известных учёных как Кононов и Петрушевский.

После возвращения на родину молодой учёный продолжал свою исследовательскую деятельность. Неоценим вклад Расима Эфендиева

в атрибуцию музейных экспонатов декоративно-прикладного искусства. Он, также как Н. Габибов, долгие годы возглавлял Музейный и Учёный совет.

КУЛЬТУРНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ПЕТЕРБУРГА, ГДЕ ХРАНЯТСЯ ШЕДЕВРЫ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ИСКУССТВА

1. Государственный Эрмитаж.

2. Российская Национальная библиотека, где хранятся иллюстрированные произведения Низами, а также экземпляр книги Н. Нариманова «Надир шах» с обращением автора к императору Николаю II о разрешении на постановку.

М. С.-Г. АЛБОГАЧИЕВА
*(Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; Санкт-Петербург)*

ПЕТЕРБУРГ В ЖИЗНИ ИНГУШЕЙ

Санкт-Петербург со дня своего основания становится одним из самых многонациональных городов России, представляя собой островок вольнодумства и демократии, сосредоточив в себе все передовые идеи мировой культуры.

Первые сведения об ингушах на берегах Невы появляются в начале XIX века. В этот период Санкт-Петербург становится необычайно популярным и привлекательным для свободолюбивых кавказцев. Именно здесь, в городе-колыбели революции, получили образование и сделали блестящую карьеру первые ингушские просветители и общественные деятели, видевшие в своих связях с Россией основной путь к цивилизации, всей своей жизнью стремившиеся приобщить родной народ к русской и европейской культурам. С этим городом связаны судьбы ярких и выдающихся личностей того времени.

Среди них Татре Долтмурзиевич Албогачиев — участник Русско-турецкой войны, старший берейтор Императорского двора, член Комитета мусульман Санкт-Петербурга, выборный от ингушского народа, представлявший интересы ингушей в Санкт-Петербурге; Висан-Гирей Ижиевич Джабагиев — служащий Департамента государственных земельных имуществ, председатель Комитета по просвещению мусульман Санкт-Петербурга, яркий и талантливый публицист; Магомед Кутиевич Куркиев — блестящий арабист, поэт, учившийся в Петербургском Институте живых восточных языков, ученик И. Ю. Крачковского; Адиль-Гирей Олмазович Долгиев — видный общественный деятель и учёный, участник студенческих волнений, узник Петропавловской крепости; Берд Аржбариевич Евлоев — чемпион Европы и мира, участник штурма Зимнего дворца, политический комиссар по формированию национальных отрядов из кавказских народов для Красной Армии; Эглау Чабиев — служащий канцелярии министра путей сообщения, участник революционного движения; Гази-Магомед Албастович Даурбеков — живописец, график, закончивший Институт пролетарского изобразительного искусства в Ленинграде, ученик К. С. Петрова-Водкина, А. А. Рылова, В. Е. Савинского.

В период Великой Отечественной войны, повлекшей за собой тяжёлые испытания для всего народа, отважные сыны и дочери ингушского

народа участвовали в обороне блокадного Ленинграда и защищали подступы к нему от фашистов. Среди них Ахмед Изнаурович Албаков, Руслан Борисович Гудантов, Тамара Исмаиловна Албогачиева, Осман Хадисович Досхоев, Магомет Ридиевич Дзауров, Илья Сатоевич Дидигов, Томат Муниевич Келигов, Багаудин Бей-Султанович Накастхоев, Осман Артоганович Матиев, Асият Идрисовна Тутаева, Хасан Магомедович Чахкиев и многие другие.

После войны и депортации Петербург, как и прежде, протянул руку дружбы и помощи возрождающемуся после тяжёлых испытаний на своей исконной родине ингушскому народу. На учёбу в Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии, на целевые места, выделенные Ингушетии, приехали первые студенты Суламбек Саадулович Катиев, Магомед Ахмедович Дакиев, Магомед Мухтарович Цицкиев, Суламбек Ахмедович Мамилов. Учёба талантливой ингушской молодёжи была организована для создания при Чечено-Ингушском Драматическом театре Ингушской труппы. С 1957 года и поныне в городе на Неве учатся и работают многие представители ингушской национальности.

С 1998 года в городе действует Ингушский культурный центр, принимающий активное участие в культурной жизни Санкт-Петербурга.

С. Ж. ЕПРЕМЯН
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

ПРЕДМЕТЫ РЕЛИГИОЗНОГО КУЛЬТА В ЭКСПОЗИЦИИ «ИСКУССТВО АРМЕНИИ» В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЭРМИТАЖЕ

Армения, страна, находящаяся на стыке двух культур — Запада и Востока, воплотила в своей культуре их черты. Здесь одновременно расцветало и роскошное искусство Киликийской Армении, и искусство центров письменности коренной Армении, которое тесно связано с народными традициями. Киликия занимала юго-восточную часть Малой Азии. Киликийское феодальное княжество, а затем царство, существовало в Киликии с 1080 до 1375 года, равнинная Киликия — до 1515 года. Что касается коренной Армении, то это были те земли в Закавказье, которые принадлежат Армянской республике и в настоящее время.

7 декабря 2006 года в Государственном Эрмитаже после реставрации залов открылась постоянная обновлённая экспозиция «Искусство Армении», охватывающая громадный исторический период — с I по XIX век. Предметы, представленные в экспозиции, в основном являются подарками Эрмитажу, но есть и приобретения. Зал, где представлена обновлённая экспозиция «Искусство Армении», посвящён памяти академика Иосифа Абгаровича Орбели, директора Государственного Эрмитажа с 1931 по 1954 год, о чём напоминает мемориальная доска, увековечившая его имя. Многие работы И. А. Орбели посвящены средневековой культуре, армянской эпиграфике, народному эпосу, курдскому языку, архитектуре Грузии и Армении[1] (ил. 1).

Эрмитаж обладает уникальной коллекцией произведений искусства Армении. В экспозиции представлены далеко не все предметы, часть из них хранится в фондах. В Государственном Эрмитаже проводилось много выставок и конференций, посвящённых культуре Армении. В октябре — июне 2000 года в музее работала выставка «Сокровища Армянской Церкви из собрания Святого Эчмиадзина». В 2001 году была проведена конференция, посвящённая 1700-летию принятия в Армении христианства как государственной религии, а в октябре этого же года была открыта выставка «Шедевры армянских художников». С октября 2008 до января 2009 года проходила выставка «У подножия Арарата» в Аванзале Зимнего дворца. Она была посвящена 100-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Б. Б. Пиотровского.

Ил. 1. Общий вид экспозиции в Эрмитаже

Ил. 2. Светская утварь XVIII–XIX веков

На выставке экспонировались памятники из Исторического музея Армении и Музея-крепости Эребуни, охватывающие период с XII века до н. э. до XIII века н. э.

Поскольку зал был открыт в обновлённом варианте сравнительно недавно, в путеводителях нет информации о нём. Следовательно, сбор и систематизация информации о памятниках по-прежнему актуальны. Зал расположен на первом этаже Зимнего дворца в отделе Кавказа и следует за залом, где представлено искусство Грузии (ил. 2).

Экспозиция включает в себя предметы искусства Армении с I по XIX века, такие как архитектурные детали храмов древней Армении и разнообразную утварь, но основное количество экспонатов имеет религиозный характер. Принятие христианства сыграло огромную роль в истории Армении. Эти территории находились под властью Римской империи и Персии (в 387 году Великая Армения подверглась разделу: основная часть отошла к Персии, меньшая — к Риму), Византии, затем Османской империи (в IX веке завоёвана тюрками-сельджуками), но именно благодаря вере народ сумел сохранить памятники культуры.

Христианство проникало в Армению из Сирии, появлялись также проповедники из Малой Армении и Каппадокии. Во главе их стоял Григорий из рода Аршакидов, получивший имя Просветителя. Первым крещёным царём стал Тиридат, который принял христианство

в 301 году. Удалённость Армении от Константинополя и дух самостоятельности, присущий народу, привели к столкновениям с Византией и образованию самостоятельной армянской церкви. Следует отметить, что с принятием христианства связано и зарождение письменной армянской литературы.

Цель работы заключалась в том, чтобы изучить источники, посвящённые вопросам, касающимся искусства Армении, и охарактеризовать предметы, представленные в экспозиции. Разделы экспозиции определили и структуру работы.

Из литературы по общим вопросам были использованы книги «Армянская миниатюра» (1967), в которой рассказывается о различных центрах миниатюры в период её расцвета, о наиболее видных миниатюристах и писцах, таких как Торос Рослин, Саркис Пицак и другие, и «Декоративное искусство Средневековой Армении» (1971), включающей разделы, связанные с архитектурой, живописью и хачкарами.

Одними из важнейших источников стали путеводители по залам Эрмитажа «Путеводитель по залам Государственного Эрмитажа. Культура и искусство народов Советского Востока. Средняя Азия. Кавказ» (1939) и «Путеводитель по залам отдела Востока» (1963). В них рассматриваются конкретные памятники, некоторые из которых представлены в современной экспозиции, но большинство находится в фондах. Путеводители дают информацию об истории предмета, о том, где и когда он экспонировался и проходил реставрацию, а также его описание и интерпретацию.

В качестве литературы по теме работы использованы доклады, прочитанные на Втором международном симпозиуме по армянскому искусству, который состоялся в 1978 году. Это доклады Э. Корхмазяна, Л. Захаряна, Г. Акопяна, Т. Вельманс, В. Казаряна, Г. Бушхаузена, А. Якобсона, посвящённые особенностям стиля, канона, иконографии армянской миниатюры и хачкаров с IX по XIV века[2]. Краткие очерки по темам, представляющим основной интерес в этой области, были изданы Академией наук Армянской ССР и Институтом искусств. В большинстве из них авторы рассматривают конкретный памятник и на его примере описывают общие черты миниатюр определённого периода и области.

ОБЩИЙ ОБЗОР ЭКСПОЗИЦИИ

Экспозиция «Искусство Армении» в Государственном Эрмитаже открылась в 2006 году после реставрации. В зале был сделан ремонт и установлен киоск, дающий информацию об истории, культуре Армении и выставленных экспонатах.

Предметы, представляющие громадный период в истории Армении, — с I по XIX век — памятники эллинистической культуры, Средневековья, Нового времени были подарены и приобретены. Они представляют собой, как было сказано выше, предметы светской утвари, архитектурные детали храмов и памятники религиозного искусства.

Эллинистическая культура оставила значительный след в искусстве Армении. Значительная часть известных памятников этого времени как в Армении, так и в сопредельных странах, сохраняя местные особенности, носит в то же время определённый отпечаток эллинской культуры, получившей в эту эпоху широкое распространение. Для Армении этот период был периодом строительства городов и мощных крепостей. В экспозиции представлена капитель из языческого храма в Гарни, построенного в I веке и посвящённого древнеармянскому языческому богу солнца Арегу-Михру. Храм Гарни, единственный сохранившийся на территории Армении памятник, относящийся к эпохе язычества и эллинизма. Он построен в восточно-римско-эллинистическом стиле, но в своих роскошных орнаментах, в способе обработки камня, в некоторых важных строительных узлах выявляет и местные традиции. В результате сильного землетрясения в 1679 году храм был почти полностью разрушен, его восстановили в 1966–1976 годы[3]. Возле храма сохранились остатки древней крепости и царского дворца, а также здание бани, сооружённое в III веке. Капитель храма стала даром Армянского правительства Эрмитажу. Ионическая капитель сделана из голубоватого базальта и украшена хорошо сохранившейся резьбой в виде растительного орнамента. Интересно то, что каждая капитель в храме Гарни была украшена своим уникальным растительным орнаментом.

В экспозиции широко и разнообразно показаны памятники, характеризующие искусство и культуру средневековой Армении. Значительную и важную её часть составляют иллюстрированные рукописи. Демонстрируются рукописи, созданные в различных центрах письменности, как в самой Армении, так и за её пределами. Одна из них — знаменитое Васпураканское Четвероевангелие 1395 года. Подлинными шедеврами представлена киликийская миниатюра — вершина книжной живописи Армении. Это Библия, созданная по заказу Смбата, сына Левона спарапета (военачальника), и Четвероевангелие 1290–1291 годов, написанное Торосом Философом в Дразарке.

О богатом декоративном убранстве архитектурных сооружений средневековой Армении дают представление деревянные капители IX века, некогда украшавшие галерею светского сооружения, впоследствии использованные в притворе церкви Апостолов в Севанском монастыре. В экспозиции можно увидеть рельеф с изображением правителей Вайоц-Дзора Эачи и Амира — Хасана II на фасаде построенной

ими в 1325 году церкви Аствацацин Спитакавор (Белая Богородица) и резную ореховую дверь церкви Святого Саргиса в Каффе. Другая половина двери находится в экспозиции Феодосийского краеведческого музея. Эти двери сделаны в Каффе пришлыми армянскими мастерами по образцам, хранившимся в древней армянской столице Ани. Постройка церкви датируется 1363 годом, но существуют предположения, что это один из древнейших армянских храмов Феодосии, сооружённый в X–XI веках, ещё до появления в Крыму генуэзцев. Архитектура храма отличается простотой и лёгкостью, она сохраняет традиции средневековых армянских церквей. Следует отметить, что именно в этой церкви был крещён в 1817 году великий русский художник И. К. Айвазовский, здесь он венчался со своей первой женой Ю. Я. Грефс, и здесь же в 1900 году его отпевали.

Одними из самых интересных экспонатов являются хачкары, каменные стелы с резным изображением креста, которые не имеют аналогов в мировом искусстве. В экспозиции выставлены два хачкара — XIII–XIV веков и более поздний XVI века. Более подробно я рассмотрю их ниже.

Своей существенной частью экспозиция обязана результатам археологических раскопок, проводившихся русскими и советскими археологами в конце XIX–XX веков на территории древних столиц Армении — городов Ани, Двина, а также крепости Анберд.

Город Ани был основан в глубокой древности, в X веке стал столицей Армении и крупнейшим политическим, экономическим, культурным и торговым центром[4]. По решению Императорской археологической комиссии, материально поддерживаемой армянской общественностью, в Ани в 1892 году начались раскопки, которые возглавил Н. Я. Марр[5]. Эта археологическая кампания, так же как и последующая, состоявшаяся в 1893 году, охватила небольшой участок центральной части городской территории и увенчалась успехом. Свои археологические изыскания Марр начал с изучения истории городища. Прерванные в 1893 году раскопки с 1903 года приняли систематический характер, продолжаясь немногим более одиннадцати лет[6]. Раскопки Марра в городе Ани дали Эрмитажу редко встречающиеся даже в лучших армянских собраниях образцы монументальной живописи. Три фрагмента с изображениями Нерукотворного Спаса, Богоматери и неизвестного Святого происходят из церкви, построенной в начале XIII века в Ани богатой горожанкой Бахтагеки. Из раскопок происходят также бронзовые ступки, кресты и керамические изделия. Камень из крепостной стены с армянской надписью о сооружении башни, ворот и капитель с изображением сиринов, полуженщин-полуптиц, также происходят из города Ани, это дар Правительства Армянской СССР.

Значительную группу памятников на выставке составляют серебряные изделия XVII–XIX веков — литургические предметы, используемые при богослужении, и бытовые предметы. Следует обратить внимание на кувшины и чаши, представленные в экспозиции. Они были сделаны в XVIII–XIX веках, и показывают искусность армянских мастеров этого периода. Все кувшины сделаны из серебра и относятся к XVIII веку, кроме одного золочёного кувшина XIX века. Памятники украшены удивительным цветочно-лиственным орнаментом, среди листвы помещены птицы и музицирующие люди. Особенно примечательны два кувшина, вместилища для жидкости которых сделаны из скорлупы кокоса, и серебряный кувшин XVIII века, весь украшенный растительным орнаментом из синей, красной и белой эмали. Эти предметы поступили из Отделения прикладного искусства Нового времени в 1926 году.

В экспозиции также находится медальон 1749 года с двуязычной надписью на армянском и грузинском языках, который поступил в Эрмитаж из собрания великого князя Алексея Александровича после его смерти в 1909 году.

СКЕВРСКИЙ РЕЛИКВАРИЙ

Скеврский реликварий — уникальный памятник армянского средневекового искусства.

Весной 1885 года в Париже для Императорского Эрмитажа была куплена коллекция русского дипломата А. Базилевского[7]. Александр Базилевский, живший в Париже, в течение 40 лет собирал коллекцию, которая в 1878 году произвела фурор на Всемирной выставке. В его собрании были прекрасно представлены памятники раннехристианского и византийского искусства, церковная утварь романской и готической эпох, изделия из резной кости XIII–XIV веков, рейнские и лиможские эмали XII–XVI веков, венецианское и немецкое стекло, итальянская майолика, французские и испано-мавританские фаянсы. Неожиданное приобретение для Эрмитажа коллекции Базилевского за шесть миллионов франков, подсказанное Александру III государственным секретарём А. А. Половцовым[8], произвело в Париже сенсацию. Император Александр III пожертвовал на это свои личные средства. Эрмитаж стал обладателем превосходных изделий. Среди этих предметов был Скеврский реликварий, памятник армянского прикладного искусства. Реликварий поступил в собрание Императорского Эрмитажа со множественными утратами фрагментов серебряного оклада. В 1900 году памятник отреставрировали: старый деревянный остов заменили новым и на него перенесли чеканные серебряные пластины. Скеврский реликварий был отреставрирован фирмой Сазикова[9], которая считалась одной

из лучших в середине XIX века, имела почётные грамоты, малые и большие медали, полученные на всероссийских выставках. Средник с мощами был с почестями внесён в собор (Большую церковь) Зимнего дворца. После революции 1917 года они были вынесены из собора и находились в фондах Эрмитажа. 12 июля 2000 года святые мощи были переданы Государственным Эрмитажем армянской церкви Святой Екатерины в Петербурге.

Более 500 лет, от момента изготовления до обнаружения в 1828 году в Италии, реликварий пребывал в неизвестности. Первое упоминание о нём в новое время относится к 1828 году, когда памятник был опубликован бароном А. Папазянцем, переводчиком сардинского представительства в Константинополе. В то время реликварий находился в доминиканском монастыре коммуны Боско-Маренго, недалеко от Александрии в Пьемонте. Впоследствии памятник оказался в собрании А. Базилевского.

Скеврский реликварий был выполнен в 1293 году по заказу настоятеля Скеврского монастыря в Киликийской Армении Константина, о чём сообщает стихотворная надпись на обратной стороне средника реликвария.

Реликварий имеет форму триптиха, наиболее распространённого в Армении и состоит из трёх частей — вырезанной из орехового дерева мощехранительницы и двух прикрывающих её створок. Всё пространство центральной части вокруг креста с фигурой распятого Христа заполнено смолистой массой, в которой симметрично расположены фрагменты человеческих костей, — святых, о которых говорят надписи реликвария. На створках изнутри — сцена Благовещения и изображения трёх святых и царя Гетума II[10] в медальонах.

Следует отметить, что при работе над триптихом была применена техника золочения через огонь (в ювелирном деле Западной Европы она известна только с эпохи Возрождения). Способ золочения «через огонь», или ртутное золочение, заключается в том, что поверхность покрывается амальгамой из чистого золота и ртути. Позолота производилась уже после поправок резцом и чеканом изображений на лицевой стороне, о чём свидетельствуют следы позолоты даже в мельчайших углублениях серебряных пластин[11].

Детальное изучение реликвария приводит к выводу, что над памятником работали несколько мастеров. Это прослеживается в особенностях изображения фигур. Что касается надписей, то их разнохарактерный почерк бросается в глаза. Палеографические признаки указывают на разных мастеров: заметны различия в начертаниях отдельных букв. Причина такой разности почерков и надписей на одной пластине заключается, видимо, в том, что триптих, внушительный по размерам, бога-

то орнаментированный фигурными изображениями (четыре фигуры в рост и 28 поясных) и надписями и исполненный в очень короткий срок (не более года), безусловно, требовал привлечения к работе нескольких мастеров.

Работа над триптихом не была закончена. На это указывает то, что имена Стефана и Марии остались в стадии подготовки под чеканку, они намечены резцом, но не выбиты, вокруг нимбов Богоматери и Гавриила имеются сквозные отверстия для укрепления гнёзд с драгоценными камнями, однако, судя по состоянию этих отверстий (ровные края, отсутствие царапин), гнёзда так и не были поставлены на отведённые для них места.

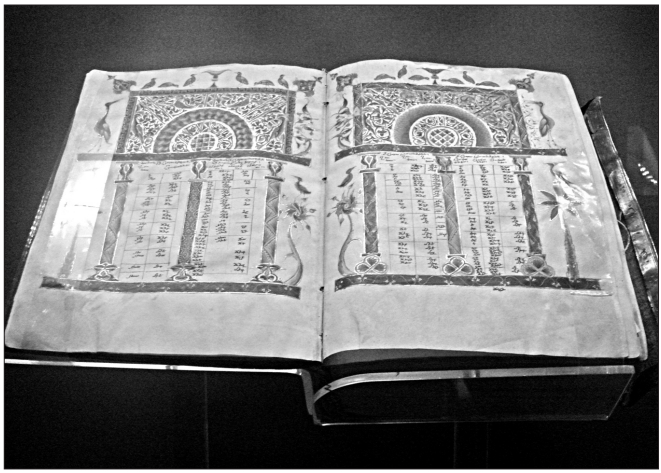
Есть некоторые сомнения в наличии сцены Распятия на складне в его первоначальном виде. Об этом говорят её небольшие размеры, плоскостный характер чеканного изображения с неровными обрезами по краям и наличие армянских букв в средокрестии. Всё это было не характерно для памятников того времени.

Со времени своего создания триптих претерпел не одно изменение. Это подтверждается многими деталями: деревянный остов реликвария значительно более позднего происхождения (конец XVIII — первая четверть XIX века — склеен из отдельных пластин различных пород дерева со следами разметки карандашом), неровный срез металла вверху на гранях средника; гвозди с большими шляпками, набитые в навершии и в верхней части фигуры Григория Просветителя; отсутствие гнёзд от тонких старых гвоздей (следы которых можно было бы проследить по отверстиям в металле) на деревянном остове, наконец, несовпадение размеров толстых створ (из склеенных листов фанеры) и задника с закрывающими их серебряными листами.

БОГОСЛУЖЕБНЫЕ КНИГИ. КИЛИКИЙСКАЯ ШКОЛА

Армянская миниатюра и книжное искусство XIII столетия наибольшего развития достигает в Киликии, государстве, расположенном на юге полуострова Малая Азия. Небольшое по размерам Киликийское государство обладало высокой культурой.

Киликийская школа была сформирована в XII веке и просуществовала до 80-годов XIV века. В этот период в мастерских Дразарка, Скевры, Акна, Грнера, Бардзраберда работали талантливые художники Григор Мличеци, Костандин, Вардан, Киракос, Ованес, Торос Рослин, Григор Пицак, Саргис Пицак. Все они выпускали большое количество богато иллюстрированных рукописей. Эти киликийские рукописи XIII века представляют самое ценное, что сохранилось от староармянской живописи.



Ил. 3. Четвероевангелие. Киликийская Армения. 1290–1291

Следует остановиться подробнее на самом известном киликийском миниатюристе Торосе Рослине. Этот мастер работал в монастыре Ромкла во второй половине XV века. Сохранилось семь рукописей, созданных в период с 1256 по 1268 годы. В экспозиции Эрмитажа также представлена киликийская миниатюра. Это Библия XIV века, переписанная писцом Мартиросом и Четвероевангелие 1290 года.

Четвероевангелие 1290–1291 годов было создано в Киликийской Армении и переписано мастером Торосом в монастыре Дразарк. Евангелие поступило из музея Училища технического рисования Барона А. Л. Штиглица в 1912 году. В экспозиции оно раскрыто на листе, богато украшенном орнаментальной росписью (ил. 3).

Библия первой половины XIV века, переписанная писцом Мартиросом, была куплена у частного лица в 1930-х годах для Государственной Картинной галереи Армении без переплёта, разделённая на две части. В 1940 году Библия была подарена Эрмитажу правительством Армянской ССР. В музее рукопись отреставрировали, объединили обе части и заключили в кожаный переплёт. Место создания рукописи не известно, но памятные записи и оформление позволяют отнести её к Киликийской школе миниатюры.

ВАСПУРАКАНСКАЯ ШКОЛА

Памятником, представляющим Васпураканскую школу живописи, является Четвероевангелие 1395 года из Востана. Васпураканская школа художественной миниатюры была самой долговечной в истории

армянской миниатюры. Ни одна школа армянской миниатюры не может сравниться с васпураканской ни длительностью своего существования, ни богатством творческой продукции — до нас дошло около 1600 рукописей. Украшение рукописной книги в Васпуракане имело свои особенности и в стилистике, и в расположении миниатюр. Миниатюры располагались на первых листах рукописи, как бы выступая в качестве пролога книги.

Миниатюры Васпуракана имеют самобытную иконографию, богатую архаическими образами, но основной темой остаётся Иисус и его деяния. Рукопись была подарена Эрмитажу в 1940 году правительством Армении, ранее она хранилась в Матенадаране (Научно-исследовательский институт древних рукописей им. Месропа Маштоца) Художником четвероевангелия является миниатюрист и писец Церун, который работал в области Васпуракан в конце XIV — начале XV веков. Известно всего шесть рукописей прославленного писца. Его миниатюры отличаются остротой художественного языка и оригинальностью. Он использует яркие краски, подчёркивает складки одежд и выразительность жестов[12].

Евангелие открыто на миниатюрах: слева — евангельская сцена «Сошествие Святого Духа», а справа — портрет художника Церуна. Автопортрет художника даёт представление о том, какими инструментами пользовались писцы и художники Васпуракана. Рукопись была отреставрирована в 2003 году в Лаборатории научной реставрации графики Государственного Эрмитажа[13].

КРЫМСКАЯ АРМЯНСКАЯ МИНИАТЮРА

Четвероевангелие XIV века было создано писцом и художником Ованесом в Крыму, о чём говорит памятная запись. Художник пользовался двумя художественными приёмами. Портреты Евангелистов исполнены в живописной манере, звучание цвета которых подчёркивается глубоким синим фоном. Хораны, титульные листы и маргиналии представляют собой графические рисунки. Евангелие поступило в музей в 2001 году. Рукопись сильно пострадала от времени и была отреставрирована в лабораториях Эрмитажа. Четвероевангелие 1325 года было создано в Генуе. Серебряный оклад же относится к 1347 году, когда рукопись из Италии попала в Армению, в монастырь Хоромос недалеко от города Ани. Рукопись была подарена Эрмитажу в 1940 году Армянской ССР, где хранилась в Картинной галерее Армении (ил. 4).

Итальянское происхождение армянской рукописи — явление, исторически легко объяснимое. Итальянские города были тесно связаны с Киликийским государством торговыми отношениями. Уже в XIII веке киликийские армяне селились в Италии, что подтверждается наличием

Ил. 4. Четвероевангелие. Генуя, 1325. Оклад: Ани, 1347

армянских храмов в Риме, Флоренции, Милане. Евангелие имеет серебряный позолоченный оклад чеканной работы (размер — 26 × 19 см), обе доски которого прикреплены к кожаному переплёту. Сохранность рукописи в целом очень хорошая, на окладе же края местами отломаны. Евангелие иллюстрировано: оно имеет десять хоранов, четыре заглавных листа, маргиналы и буквы. В рукописи два хишатакарана: один (от 1325 года) принадлежит писцу, второй — лицу, купившему евангелие в 1384 году. На досках оклада помещена дарственная надпись и надпись мастера, сделавшего его в 1347 году[14]. Следует отметить, что это Евангелие стало первым в собрании армянских рукописей Эрмитажа.

ХАЧКАРЫ

Хачкары— армянские крестные камни — это уникальное явление в истории Средневековья.

Генетически хачкары восходят к крестам-монументам, служившими монументальными памятниками. Прообразами хачкаров считаются каменные стелы, которые воздвигались у дорог, у границ поселений, у истоков рек. Постановкой хачкаров отмечались самые различные акты строительной деятельности светских и церковных феодалов, выдающиеся события в жизни государства[15].

В экспозиции в Эрмитаже можно увидеть два хачкара — один более ранний XIII–XIV веков из известняка и второй, 1599 года, происходя-

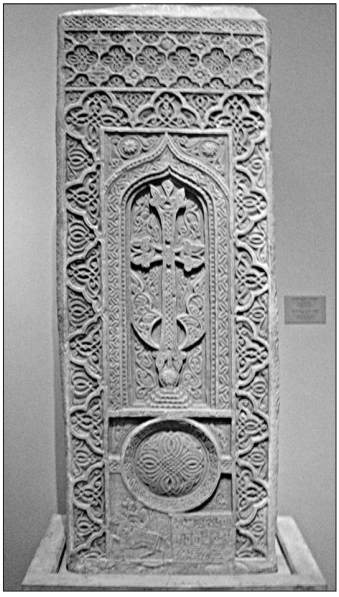
щий из села Джрвеж, подаренный правительством Армении в 1967 году (ил. 5).

Ил. 5. Хачкар (Крест-камень) XIII–XIVвека

Хачкар XIII–XIV веков представляет собой камень прямоугольной формы с полукруглым завершением. Закруглённость каменной плиты хачкара в верхней её части не случайна. Это символизирует небо, которое особо почиталось у горных народов[16].

На хачкаре изображается не крест как таковой, но крестное древо, сам образ которого призван возобновлять в сознании верующего весь разветвлённый комплекс представлений, заложенных в тексты Библии и апокрифов.

Второй хачкар, датируемый 1599 годом, так же имеет прямоугольную форму, но гораздо выше и значительно богаче украшен резьбой, чем предыдущий. Насколько можно понять по надписи в левом углу хачкара «Здесь похоронен Мхитар», он служил надгробным памятником (ил. 6).



Ил. 6. Хачкар (Крест-камень) Село Джрвеж. 1599

Прежде всего, отметим абсолютное преобладание на хачкаре растительной символики. Крест на данном хачкаре изображён процветшим и стоящим на Голгофе в виде ступенчатой пирамидки, состоящей из четырёх ступеней. Такая композиция получила название ступенчатого или голгофского креста. В нижней части хачкара находится крупный выпуклый диск, сложно орнаментированный внутри. Этот диск можно назвать мандалой. В индуизме мандалой первоначально назывался круг, отделявшийся в виде особой области от своего окружения. Этот круг, будучи освящённым, считался очищенным для ритуальных и литургических целей. Он также давал защиту от недоброжелательных сил. На первый взгляд индо-буддийские влияния кажутся удивительными, но известно, что в Армении в течение нескольких столетий, до принятия

христианства в 301 году жили знатные индийские князья и, соответственно, исполнялись религиозные обряды. В христианстве место Гаутамы занимает Христос, а круговая мандала хачкара есть символическая презентация Христа. Кроме того существует древняя культурная традиция изображать небесный мир в виде круга, а земной мир в виде квадрата. Но не только сам круговой абрис, но и внутренний геометризованный орнамент мандалы на хачкаре в виде плетёнки или лозы со стилизованными растительными мотивами также символизирует Христа через образ растительной лозы.

Мандала хачкара содержит ромб внутри круга как бы в скрытом, неявном виде, растворяя его в плетениях геометризованной орнаментики. Эти сплетающиеся в единое целое формы круга и ромба служат символом взаимной трансформации и сближения мира земного и мира небесного, человеческого и божественного. Мандала здесь не просто соединяет образы земли и неба, но являет собой образ вселенской целостности, знак мировой гармонии, карту космоса в его идеальном состоянии всеединства. Именно поэтому в мандале хачкара сферическая форма неба, рая как бы преображается, переходит в четырёхугольник земли, символизируя воплощение божества, гармонизацию двух природ в одном существе. Хачкары отражают типичные черты памятников своего времени — простоту и грубую технику выполнения первых хачкаров и усложнённый орнамент хачкаров XVI–XVII веков.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Орбели И. А.* Надписи Мармашена. П., 1914; *Орбели И. А.* Сасанидский металл. М.-Л., 1935; *Орбели И. А.* Басни Средневековой Армении. М.-Л., 1956.

[2] Второй международный симпозиум по армянскому искусству. Ереван, 1978 (*Акопян Г.* Некоторые особенности художественного языка росписей Васпуракана; *Бушхаузен Г.* Взаимосвязи армянской и византийской книжной живописи в XIV веке; *Вельманс Т.* Маньеризм и стилистические новшества в Киликийской миниатюре в конце XIII века; *Захарян Л.* Взаимосвязи сирийской и армянской книжной живописи XIII— XIV веков; *Захарян Л.* Из истории Васпураканской миниатюры; *Казарян В.* Иконография евангелиста в киликийских миниатюрах XIV века; *Якобсон А.* Искусство хачкаров — армянских крестных камней).

[3] *Халпахчьян О. Х.* Архитектурные ансамбли Армении. М., 1980. С. 52.

[4] *Брюсов В.* Летопись исторических судеб армянского народа. Ереван, 1989. С. 98–99.

[5] Николай Яковлевич Марр (25 декабря 1864 (6 января 1865), Кутаис — 20 декабря 1934, Ленинград) — русский и советский востоковед и кавказовед, филолог, историк, этнограф и археолог, академик Императорской академии наук (1912), затем академик и вице-президент АН СССР. Внёс большой вклад в историю, археологию и этнографию Грузии и Армении, опубликовав много древнегру-

зинских и древнеармянских текстов и надписей, проведя раскопки ряда древних городов и монастырей Кавказа (основные его работы проведены на протяжении нескольких десятилетий в древнем городе Ани). Значение его работ в этой области сохраняется до настоящего времени.

[6] Электроный ресурс. Режим доступа (дата обращения — 18 августа 2017 года) http: //www.armenianhouse.org/harutyunyan-varazdat/ani/intro.html.

[7] Базилевский Александр Петрович (1829–1899), русский дипломат, коллекционер, жил в Париже, занимался изучением произведений периода истории раннего христианства и западноевропейского искусства. В ноябре 1884 года значительная часть его собрания была приобретена Императорским Эрмитажем за 5 448 125 французских франков.

[8] Александр Александрович Половцов (31 мая 1832 — 24 июня 1909) — видный государственный и общественный деятель Российской Империи, меценат, промышленник. Член-учредитель Императорского Русского исторического общества, почётный член Императорской Академии художеств и Петербургской Академии наук, член-корреспондент Французской академии. Большие средства тратились Половцовым на благотворительные цели, в том числе на поддержание Центрального училища технического рисования им. А. Л. Штиглица. За счёт личных средств с 1896 года А. А. Половцова издавался «Русский биографический словарь». Был обладателем одной из крупнейших коллекций прикладного искусства в России.

[9] Павел Фёдорович Сазиков, купец третьей гильдии, был хозяином небольшой мастерской в Москве, которая несколько десятилетий спустя превратилась в обширное предприятие с филиалом в Петербурге. В 1810 году Сазиков становится владельцем фабрики по выделке разнообразных серебряных изделий, в 1837 году получает звание придворного поставщика, а в 1842 году был открыто петербургское отделение фабрики.

[10] Царь Гетум II — правил с 1289 по 1296 год.

[11] *Каковкин А. Я.* К вопросу о Скеврском складне // Византийский временник. 1969. С. 199.

[12] Электроный ресурс. Режим доступа (дата обращения — 18 августа 2017 года): http://wap.mererkir.forum24.ru/?1-15-0-00000002-000-0-0.

[13] Электроный ресурс. Режим доступа (дата обращения — 18 августа 2017 года): http://www.rba.ru/or/comitet/06/9/5.pdf.

[14] *Измайлова Т. А.* Армянская рукопись, написанная в Генуе в 1325 году и её серебряный оклад 1347 года //Византийский временник. Том 20. 1961. С. 243.

[15] *Якобсон А.* Искусство хачкаров — армянских крестных камней (см. прим. 2).

[16] Электроный ресурс. Режим доступа (дата обращения — 18 августа 2017 года): http://igravbiser.msk.ru/christsim/christsim2.html.

А. А. САВКИНА, А. Н. БЕДЕРХАНОВА-КОХ

(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

ВЫСТАВКА «ПОЭЗИЯ МИФА» В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ МУЗЕЕ-ИНСТИТУТЕ СЕМЬИ РЕРИХОВ

Знание преображается в легендах. Столько забытых истин сокрыто в древних символах. Они могут быть оживлены опять, если мы будем изучать их самоотверженно.

Н. К. Рерих. Прекрасное. 1930

Н. К. Рерих, высоко ценивший искусство Востока, отмечал значение народного эпоса для постижения гармонии мира. Поэтика мифа, сказки, легенды ищет воплощения в простом и выразительном языке народного искусства. Этнические мотивы проявляются в творчестве художников различных культур, традиционные формы взаимодействуют между собой и переплетаются с классической школой и современными тенденциями. Особый интерес представляет искусство народов — наследников культуры Персии, объединившее национальные черты и древние традиции, мировоззрение ислама и мифологические представления древних народов Передней Азии. Азербайджанское искусство — пример такого культурного сплава.

Выставка, организованная Музеем-институтом семьи Рерихов в 2012 году, была посвящена отражению поэтического мира Востока в изобразительном творчестве азербайджанского художника Мехти Бедерханова и представляла зрителю две серии: живописную «Мугамы» и графическую «Бейты». Мугам — жанр классического национального музыкального искусства, носящий импровизационный характер, бейт — двустишие, единица поэтической речи арабской и персидской поэзии. Художник обращается не к конкретным жизненным впечатлениям, а создаёт выразительными средствами искусства, используя мифологические мотивы, зримое воплощение эмоций. Художественные образы культуры Востока, воплотившиеся в работах М. Бедерханова, погружал зрителя в мир причудливых арабесок, мир фантазии. Но в выставочном пространстве были и экспонаты, позволяющие увидеть «поэзию мифа» через персидскую миниатюру редких изданий из собрания Библиотеки Российской Академии наук, через жанровые фотографии начала XX ве-

ка из фондов Российского этнографического музея, и, наконец, жемчужину выставки — музыкальные инструменты исполнителей мугама: тар, кеманча и дэф из частной коллекции.

Мехти Бедерханов (1933–1992) — художник, преподаватель, поэт, переводчик, искусствовед, увлечённый вопросами художественной формы в изобразительном искусстве и музыке — объединил в своём творчестве национальные черты и изучение тенденций модернизма.

Он начал художественное образование в училище родного города Баку, там же поступил на искусствоведческий факультет университета. В то время М. Бедерханов изучал вопросы синтеза искусств, вдохновлённый творчеством художника М. К. Чюрлёниса, идеями и музыкой А. Н. Скрябина и Н. А. Римского-Корсакова. В Баку он также играл в русском театре на характерных ролях и работал редактором газеты «Молодёжь Азербайджана». Но Мехти чувствовал в себе призвание к искусству и поехал в Москву. Он учился сначала на театрального художника, затем поступил в Московский полиграфический институт, однако ушёл с последнего курса, увлёкшись педагогикой. Летом М. Бедерханов поехал в пионерлагерь «Орлёнок» и остался в Краснодарском крае на несколько лет. Черноморское побережье стало для него творческой лабораторией, он много работал на пленэре, природа раскрылась ему во всём богатстве цветовых отношений. После «Орлёнка» отправился в Краснодар, где работал на телевидении и вёл передачу «Мир образа» о синтезе искусств в музыке, живописи и литературе. В 1978 году переехал в Ленинград, работал художником Ленконцерта и главным художником кинофикации Ленинграда.

Жена художника, Алла Николаевна Бедерханова-Кох, теоретик музыки, пишет о выставке «Поэзия мифа»:

«Эту музыкальную и поэтическую форму — мугамы и бейты — Мехти использует в изобразительном искусстве для выражения своего мировоззрения, своих мыслей и чувств.

Надо заметить, что в начале XX века наметилась активная тенденция к синтезу искусств, которая продолжается и развивается до сегодняшнего времени. Благодаря этому появились новые формы, жанры, виды искусства. Так, например, тема музыки, ритма ярко прозвучала у художников-орфистов. Основоположником этого течения в живописи в 1910 году стал французский художник Робер Делоне. В свою очередь, музыканты искали цветовые отношения в сменах тональностей, трезвучий, септаккордов. А. Н. Скрябин мечтал о многодневной мистерии, в которой бы соединились слово, цвет, движение, музыка.

Мехти Бедерханов был тоже увлечён поисками нового в сфере синтеза искусств. Благодаря этим поискам, появились яркие, самобытные картины: “Пятая симфония Д. Шостаковича”, циклы “Четвёртая

симфония П. Чайковского” и “Шехеразада — симфоническая поэма Римского-Корсакова”.

“Мугамы” и “Бейты” завершили творческую деятельность Мехти Бедерханова.

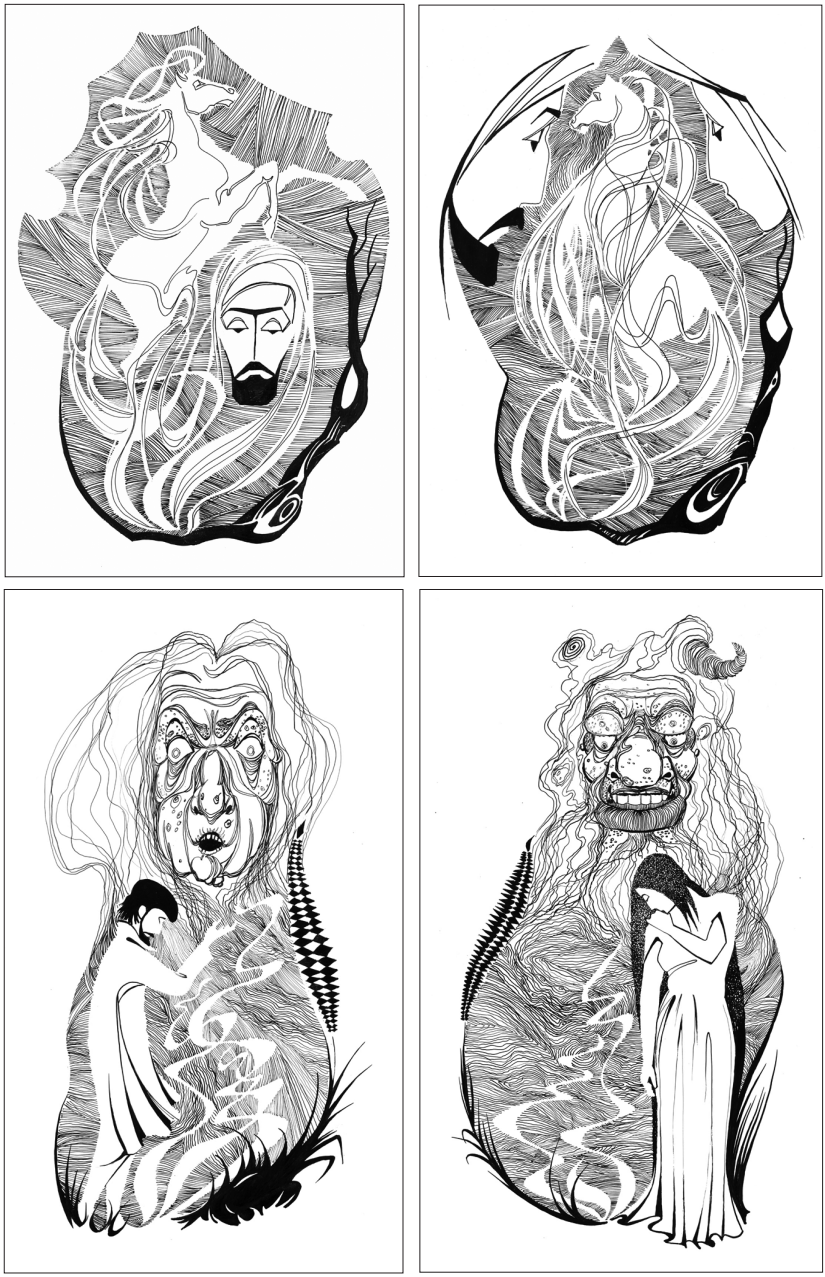
Рассматривая цикл картин “Мугамы”, не следует искать прообразы в музыкальной литературе. Идеи, воплощённые в этих картинах, — это идеи самого художника. Темы-мысли Мехти передал через конкретные образы, которые мы видим в картинах, а чувства, атмосферу, настроение — через цветовую гамму, в которую они погружены. <...> Мугамы — импровизационная музыкальная форма. Картины звучат подобно тому, как звучат лирические импровизации-настроения. Автор не стал ограничивать их восприятие названием, предоставив зрителю возможность сделать это самому.

Картины из цикла “Бейты” исполнены на двух листах: на первом листе — тема, на втором — её метаморфоза. <...> Образы картин динамичны, линия живая, чувственная, побуждающая воображение продлить её движение в пространстве. В графических работах Мехти использовал технику восточной вязи (мелкая волна). Это дало возможность сделать фрагменты картин живописными, используя только тушь. Картины цикла “Бейты” так же, как и картины цикла “Мугамы”, не имеют названия. Но, благодаря тому, что тема имеет развитие во времени, переходя с одного листа на другой, мы видим в них программность, повествовательность».

«Бейты» и «Мугамы», стихи и музыка воплотились у М. Бедерханова в графике и живописи, линии и цвете. Хотелось бы подробнее остановиться на особенностях этих форм традиционного искусства Азербайджана, чтобы лучше понять поэтический мир художника.

В графических листах, образующих серию «Бейты», Мехти Бедерханов сплетает в прихотливый узор фантазию и реальность, мифологические образы и темы «Рубайята» Омара Хайяма, которого художник высоко ценил и рубаи которого переводил на русский язык. Бейт — двустишие, основная единица поэтической речи персидской поэзии. Он состоит из двух полустиший — мисра, и его принято приравнивать к стиху европейской поэзии.

Бейт стилистически близок структурным единицам, модулям декоративно-прикладного искусства — изразцам, составлявшим сложный геометрический или растительный орнамент (арабески). Главным критерием эстетической ценности поэтики Персии считается «сахл-е мумтани» — «труднодостижимая простота», создаваемая единством отточенной техники и художественной выразительности. Небольшая форма произведения создаёт яркий, запоминающийся образ и имеет чёткую структуру. Так, широко известные рубаи О. Хайяма представляют собой



Ил. 1–4. М. Бедерханов. Из серии «Бейты»
Собственность семьи художника, Санкт-Петербург

четверостишия, то есть состоят из двух бейтов. При этом первый бейт задаёт настроение, описывает ситуацию, а во втором поэт показывает метаморфозу темы или делает вывод, зачастую парадоксальный, это можно увидеть в приведённых строках:

«Осенний дождь посеял капли в сад.
Взошли цветы. Пестреют и горят.
Но в чашу лилий брызни алым хмелем —
Как синий дым, магнолий аромат...»[1]

* * *

Прощалась капля с морем — вся в слезах!
Смеялось вольно море — всё в лучах!
«Взлетай на небо, упадай на землю, —
Конец один: опять в моих волнах»[2].

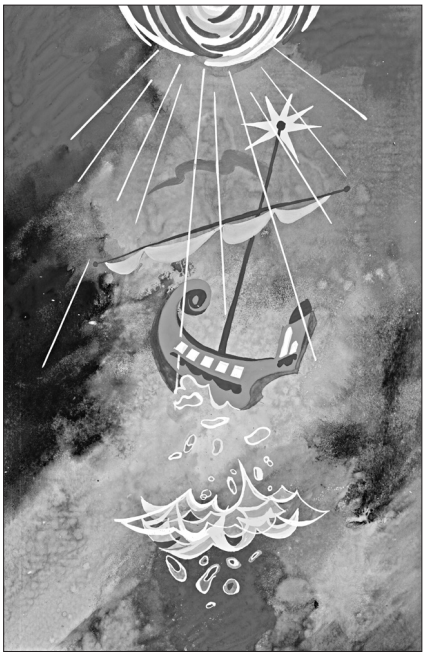
Образность персидской поэзии неразрывно связана с культурой Ближнего Востока, в которой переплелись мировоззрение ислама и мифология древней Передней Азии.

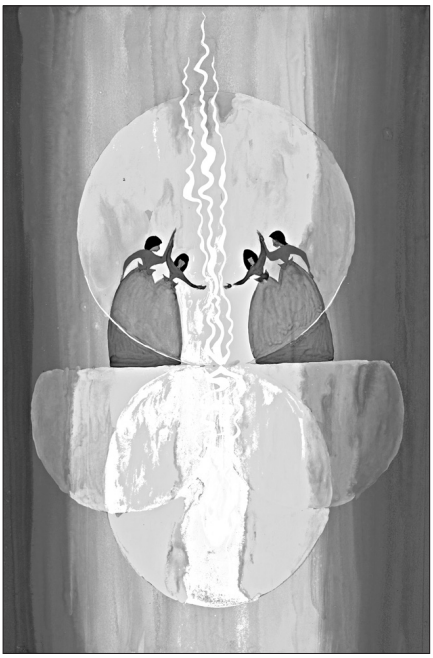
Восточная поэзия верна традиции, но канон не ограничивал творческих возможностей средневекового поэта. В художественных образах сочеталась традиция и оригинальность, символика и обыденность. В литературе Востока дольше, чем на Западе, существовал идеологический синкретизм, сохранялась тесная связь с мифологическим наследием, миф использовался как образный язык поэзии, однако мифологические архетипы переосмысливались и наполнялись новым содержанием. Поэтический образ восточной поэзии, в первую очередь, несёт символическую и эмоциональную нагрузку, наглядность и повествовательность отступают на второй план.

Произведения Мехти Бедерханова в серии «Бейты» объединяются попарно, как строки стихотворения в рубаи. Так же, как и в классической персидской поэзии, художник не передаёт реальное впечатление, а раскрывает идею с помощью мифологических образов.

Живописные произведения Мехти Бедерханова из серии «Мугамы» — обращение к национальной музыкальной традиции, предоставляющей художнику выразительные средства для создания остроэмоциональных работ. Традиционное искусство Востока в целом отличается цветоносностью художественного языка, сочетанием резких контрастов и плавных форм, сплетающихся в единый гармоничный орнамент, чётким ритмом, использованием мифологической символики и реальных образов. Эти черты присущи и книжной миниатюре, и декоративно-прикладному искусству, и народной музыке.

Мугам — основной жанр азербайджанской музыкальной классической традиции наряду с песенно-танцевальным фольклором. Его осо-





Ил. 5–7. М. Бедерханов. Из серии «Мугамы». Собственность семьи художника, Санкт-Петербург

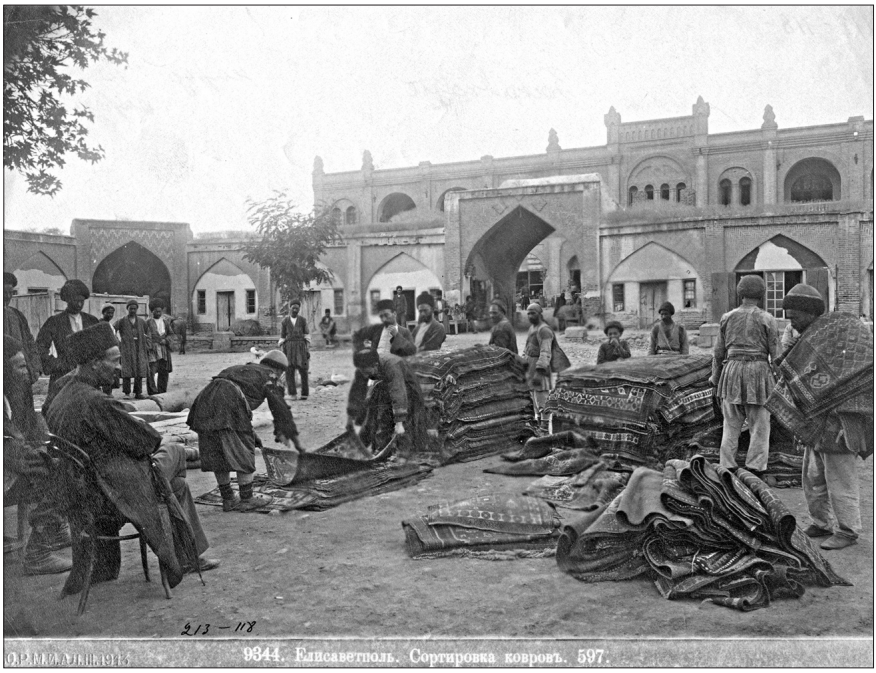
бенностью является синтез канонического и импровизационного начал, объединение вокальной партии речитативного характера, исполняемой певцом-ханенде, и аккомпанемента струнных инструментов — тара и кеманчи, а также бубна-дяфа. Исполнители мугама образуют обычно трио сазандарей: тарист, кеманчист, бубнист, а иногда сам певец-ханенде одновременно играет на бубне. Текст мугама базируется на лирических газелях поэтов Ближнего и Среднего Востока.

Мехти Бедерханов заимствует у мугама и общий горячий

колорит, и свободный импровизационный характер повествования. Традиционные для восточной поэзии образы мудрецов и красавиц, цветов и птиц соседствуют с космогоническими темами, и в их изображение художник вносит свои эмоциональные переживания. Преемственность традиций классического искусства Востока и индивидуальность исполнителя создают гармоничные уникальные произведения, подобные музыкальным мугамам.

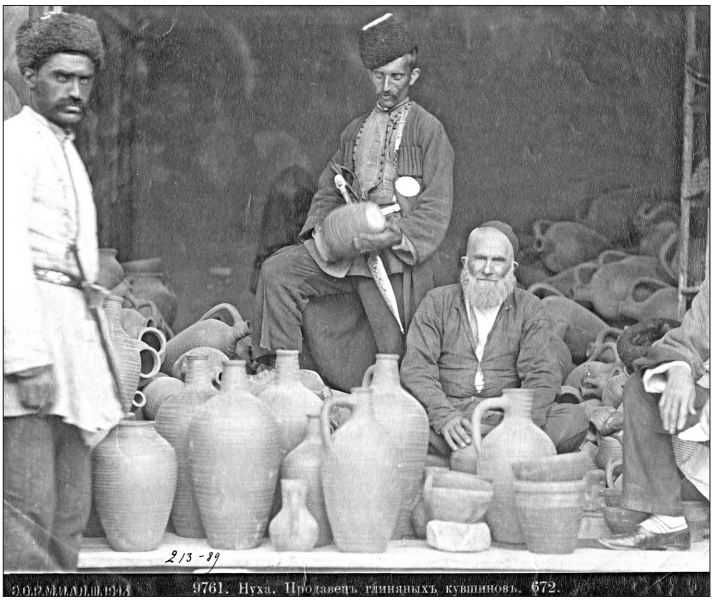
В творчестве Мехти Бедерханова художественное воплощение классических форм поэзии и музыки Азербайджана напиталось традициями европейской культуры, на него повлияли и современные ритмы. Богатый образный строй его листов привлекает внимание не только к вопросам развития изобразительного искусства, но и заставляет более чутко изучить истоки национальной культуры.

ФОТОГРАФИИ НАЧАЛА XX ВЕКА ИЗ СОБРАНИЯ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) НА ВЫСТАВКЕ «ПОЭЗИЯ МИФА»

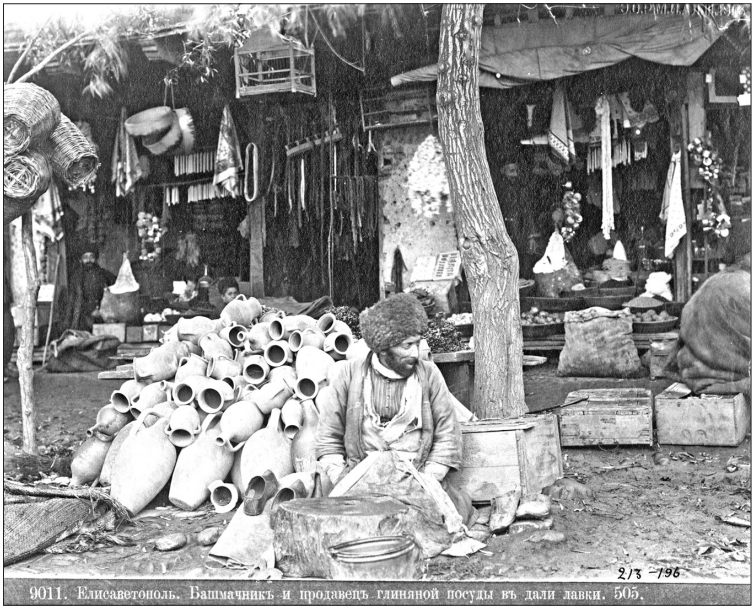


Ил. 8. Елисаветполь[3]. Сортировка ковров

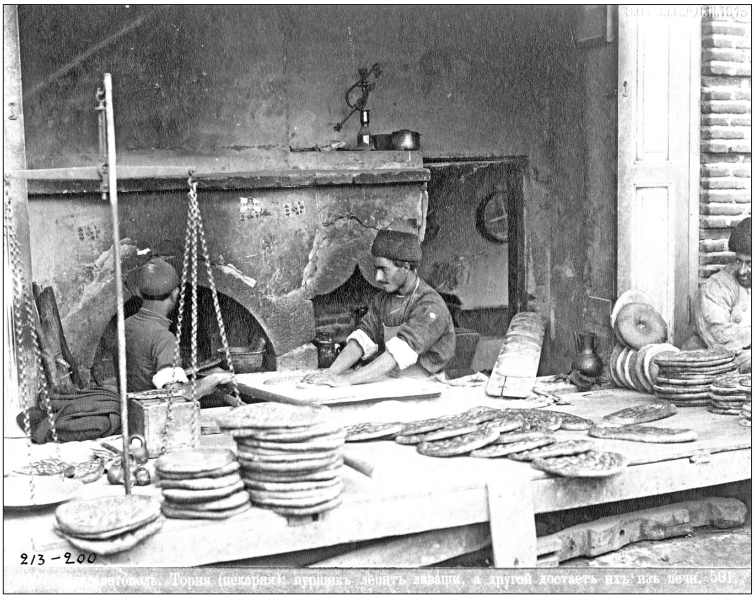
Ил. 9. Елисаветполь. Продажа глиняной посуды под деревьями



Ил. 10. Нуха. Продавец глиняных кувшинов



Ил. 11. Елисаветполь. Башмачник и продавец глиняной посуды около лавки



Ил. 12. Елисаветполь. Тория (пекарня)
Пурщик лепит лаваши, а второй достаёт их из печи

Ил. 13. Бакинская арба

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Омар Хайям. В этом мире любовь — украшенье людей. М.: АСТ, 2010. С. 199.

[2] Там же. С. 209.

[3] Гянджа, или Ганджа (в 1804–1918 — Елисаветполь, в 1918–1935 — Ганджа, в 1935–1989 — Кировабад) — второй по площади и третий по населению город Азербайджана.

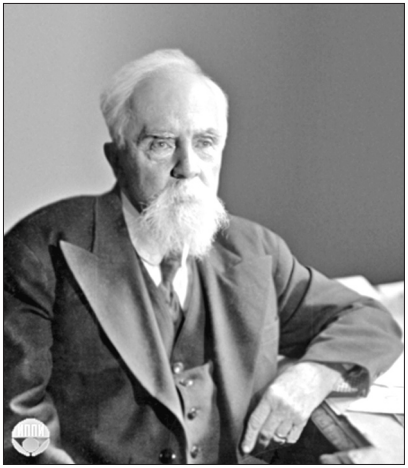
А. М. СЕМЁНОВА-ТЯН-ШАНСКАЯ
(Санкт-Петербург)

ВОСПОМИНАНИЯ О НИКОЛАЕ АДОЛЬФОВИЧЕ И ЕЛИЗАВЕТЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ БУШАХ

Представленная на XIII конференции «Рериховское наследие» глава из воспоминаний геоботаника, доктора биологических наук ***Анастасии Михайловны Семёновой-Тян-Шанской*** *(1913–1992) интересно и ярко иллюстрирует работу российских учёных в Южной Осетии в 1930-х годах, их сотрудничество с учёными Кавказа, а также взаимоотношения с местными жителями*[1].

Анастасия Михайловна — дочь географа и статистика Михаила Дмитриевича Семёнова-Тян-Шанского и правнучка знаменитого географа и государственного деятеля П. П. Семёнова-Тян-Шанского. В семье Семёновых традиционным было увлечение естественными науками, но из-за дворянского происхождения в Ленинградский университет на биолого-почвенное отделение её не приняли. Начав работу препаратором в Отделе геоботаники Ботанического института АН СССР, Анастасия Михайловна поступила на заочное отделение биофака. В 1939 году Анастасия Михайловна поступила в заочную аспирантуру и 26 декабря 1941 года в блокадном Ленинграде защитила кандидатскую диссертацию. В начале 1942 года она была эвакуирована из Ленинграда по «Дороге жизни»; в 1942–1944 годах работала в Институте географии АН СССР над составлением карт проходимости для нужд фронта. После войны Анастасия Михайловна продолжала работать в Ботаническом институте, занималась составлением геоботанических и ландшафтных карт, вела полевые работы в Ленинградской области, в Деркульском стационаре в Белгородской области и в Центрально-чернозёмном заповеднике в Курской области. В 1967 году она защитила докторскую диссертацию. Последние годы жизни активно сотрудничала с Ленинградским отделением Общества охраны природы.

Свои записки Анастасия Михайловна писала в последние годы жизни, она стремилась сохранить благодарную память о людях, встреченных на жизненном пути — родных, друзьях, коллегах и сослуживцах. Одна из ярких глав воспоминаний посвящена экспедициям в Южную Осетию в 1936 и 1937 годах и работе с крупнейшими специалистами по флоре Кавказа Николаем Адольфовичем Бушем (1869–1941) и его женой Елизаветой Александровной Буш (1886–1960). Полевая работа проходила на горно-луговом стационаре в горах Южной Осетии. Будучи в то вре-

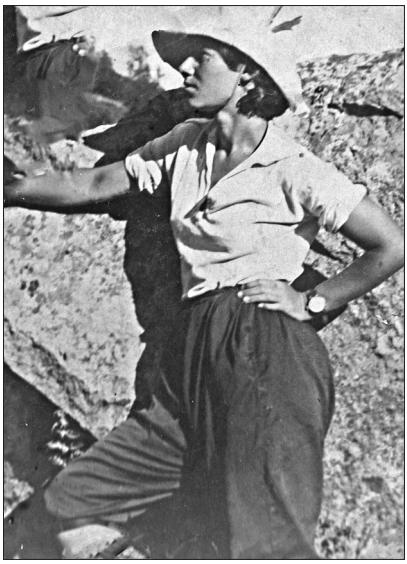


Н. А. Буш

мя молоденькой студенткой, Анастасия Михайловна всем интересовалась и буквально впитывала всё новое и интересное. Очень многому и в научном, и в человеческом плане она научилась у Бушей с их огромным опытом исследовательской работы в горах. Ярко охарактеризованы их внешность, привычки, сильные и слабые стороны характеров. Рассказывает она о медицинской помощи, которую оказывала Елизавета Александровна местным жителям. Запоминается и этнографически точно зафиксированный обряд примирения кровников, положивший конец трагической вражде двух семей, и та важная роль, которую в этом сыграл профессор Буш. С юмором описаны и разные непростые ситуации, которые возникали во взаимоотношениях членов экспедиции и местных жителей-горцев.

М. А. Семёнов-Тян-Шанский

Когда в 1935–1936 годах впервые в СССР происходило присуждение учёных званий, в Ботаническом институте АН СССР и на биофаке Ленинградского университета сотрудники и ученики Н. А. Буша добродушно смеялись, рассказывая, что он отказался якобы от присуждения ему степени доктора биологических наук, мотивируя свой отказ тем, что не считает себя вправе иметь эту степень, если таковая не будет присуждена и Елизавете Александровне Буш — его жене. Потому что все его труды и вся его научная деятельность неотделимы от научной деятельности Елизаветы Александровны, которая также достойна присуждения ей степени доктора биологических наук. По словам



А. М. Семёнова-Тян-Шанская
во время работы в Осетии

рассказчиков этой истории, Николай Адольфович говорил и подчёркивал, что он и Елизавета Александровна в научном плане так же, как и в жизни, одно целое и что их нельзя разделять. Тем более нельзя в воспоминаниях разделять Буша и Бушиху, как называли Елизавету Александровну ученики Николая Адольфовича. Особенно в последние годы его жизни, с середины 1930-х годов, когда я их знала и когда оба они имели учёную степень докторов биологических наук и звание профессоров. Высокий, грузный с пышными абсолютно белыми длинными волосами и аккуратно подстриженной белой бородой, Николай Адольфович всюду выделялся приветливым, веселым взглядом и доброжелательной улыбкой. Таким я впервые увидела его на лестнице Гербария БИНа[2] в 1932 году; он тяжело (уже тогда) поднимался наверх, на 4-й этаж в Кавказский гербарий, останавливаясь на каждой площадке. Ему было нелегко подниматься по лестнице, но он всегда приветливо улыбался и здоровался с перегоняющими его или сбегающими вниз по лестнице сотрудниками БИНа. Рядом с ним шла Елизавета Александровна в длинном чёрном платье, гладко причёсанная, с сжатыми губами и маленькими острыми глазками. Обычно она перегоняла Николая Адольфовича, ни на кого не смотрела и ни с кем не разговаривала. Она не любила БИН и его сотрудников, считая, что настоящие ботаники работали только в Ботаническом музее Академии наук, где они с Н. А. проработали долгие годы. В 1931 году Музей был слит с Главным Ботаническим садом в единый Ботанический институт. Сотрудники музея перешли работать на территорию сада, а в Гербарий перевезли все гербарные шкафы музея и поставили их между большими гербарными шкафами, вделанными в стены. Всюду стало тесно и особенно в Кавказском гербарии, где было только два рабочих стола для приезжих ботаников и сотрудников БИНа, приходящих посмотреть гербарий или проверять свои сборы. Николай Адольфович был назначен заведующим Кавказским гербарием, но фактической его хозяйкой была Елизавета Александровна. Под её руководством единственная лаборантка, уже почтенная дама Елизавета Егоровна (к сожалению, я забыла, да и не знала тогда, её фамилии) занималась соединением коллекций двух гербариев (Ботанического музея и Главного Ботанического сада) в единый Кавказский гербарий БИН АН СССР. Но львиную часть этой работы, также как и проверку почти всех определений, делала всегда сама Елизавета Александровна.

После окончания школы я работала сперва просто бесплатно в Сибирском гербарии, а потом препаратором в Каракалпакской экспедиции, у начальника ботанического отдела этой экспедиции, учёного секретаря Отдела геоботаники А. С. Порецкого. Одновременно училась в заочном Университете. В дневной Университет меня не приняли в 1931 году из-за социального происхождения. В 1934 году меня зачислили в штат Отде-

ла геоботаники. Я определяла самые простые растения из Каракалпакии и приводила в порядок дагестанские сборы А. С. Порецкого. Проверяя их определение, я попала в Кавказский гербарий и познакомилась с Е. А. и Н. А. Буш. Их обоих я очень боялась, особенно Елизавету Александровну, и всегда трепетала, входя в Кавказский гербарий. Когда она подходила ко мне, у меня душа уходила в пятки, и я совершенно терялась. Но постепенно я привыкла к её суровому обращению, а она, видя, что я с интересом работаю, становилась менее строгой.

Порецкий, а затем заведующий Отделом геоботаники Ю. Д. Цинзерлинг не препятствовали тому, чтобы я слушала в рабочее время лекции некоторых профессоров в университете. Так я посещала лекции по общей ботанике В. Л. Комарова и прослушала несколько лекций по курсу географии растений Н. А. Буша. Этот курс в Заочном Университете вёл любимый ученик Николая Адольфовича — А. И. Лесков, и мне его лекции казались интереснее, чем лекции самого Николая Адольфовича. Позднее, на Кавказе в Юго-Осетии[3], я как-то призналась Николаю Адольфовичу в том, что его лекции мне не понравились. Он засмеялся сперва, а потом стал спрашивать о том, что мне показалось скучным, и очень внимательно выслушал мои запутанные замечания. Так постепенно я в 1932–1933 годах знакомилась с Бушами...

И была очень удивлена, когда весной 1936 года Ю. Д. Цинзерлинг сказал мне, что к нему приходил Николай Адольфович и просил, чтобы летом меня прикомандировали к нему на только что организованный Юго-Осетинский Горный луговой стационар БИНа. Я в этот год заканчивала университет, все экзамены были уже сданы, а защита дипломных работ заочников была перенесена на осень. Я писала дипломную работу у А. П. Шенникова по обследованию лугов и пастбищ долины реки Свияги, а перед тем работала на стационаре в Хибинах, где вела фенологические и микроклиматические наблюдения по вертикальному горному профилю в центре Хибинского горного массива. Вероятно, Николай Адольфович знал об этом.

Кроме меня, Николай Адольфович брал в 1936 году на стационар двух своих студентов, перешедших на 5-й курс — Жоржика (Георгия Павловича) Кварацхелию и Диту (Эдит Эдуардовну) Рут. Оба они были систематиками, а я геоботаником. Сперва Николай Адольфович просил нас троих прийти к нему в Гербарий. Он очень приветливо нас встретил, усадил и стал рассказывать о Юго-Осетии и об организованном им в прошлом году Горно-луговом стационаре. Пока в кабинете не было Елизаветы Александровны, он был очень оживлён и добродушен, но после её прихода как-то стушевался, и инициатива разговора перешла к ней. Правда, она говорила в основном не о научной работе, а скорее о бытовых вопросах, о нашей экипировке и о сроках выезда. Елизавета

Александровна очень строго предупредила нас о том, что нельзя брать с собой ничего лишнего; сказала, что она и Николай Адольфович не берут с собой даже одеял, а покрываются бурками и спят на них. Но так как у нас бурок нет, то, конечно, можно взять одеяла; что в горах по ночам холодно, что нужны брюки, что ходить в кофточках с короткими рукавами нельзя, так как горцы придерживаются очень строгих нравов, что о продовольствии позаботится она сама и что, главное, мы должны слушаться их во всём. Нам с Дитой даже стало немножко страшно. Но когда через несколько дней нас пригласили прийти вечером к ним домой, чтобы поближе познакомиться, страхи наши почти прошли.

Жили Буши на набережной речки Карповки, на Аптекарском острове недалеко от БИНа, в доме 19 в большой отдельной, сохранившейся с дореволюционных времён квартире номер 43. Надо учесть, что почти все ленинградцы жили тогда в больших коммунальных квартирах, поэтому квартира Бушей поразила нас с Дитой. Вероятно, в качестве экономки у них жила какая-то старая дама — дальняя родственница Николая Адольфовича и постоянно жили «гости», так как почти всегда у них останавливались приезжавшие в командировки или в отпуск кавказские ботаники. В доме всегда был народ, было шумно, весело; постоянно велись интересные разговоры, обсуждались разные проблемы.

Елизавета Александровна всегда как-то боялась за Николая Адольфовича, что он на учёном совете выступит невпопад или скажет что-нибудь не так... У неё это был постоянный страх, потому что Николай Адольфович всегда выступал очень веско, просто, а главное, принципиально. Он никогда не шёл на компромисс, всегда отстаивал свою точку зрения, не допуская никаких отклонений и считая своим долгом учёного и человека говорить правду.

Он был, по существу, очень тонкий и деликатный человек. Очень любил музыку и часто, вместе с Елизаветой Александровной, посещал концерты в Филармонии. Помню, как с конца 1920-х годов, когда я была ещё школьницей, отец показывал мне на вечерних концертах в Филармонии величественного, красивого, седого человека, проходящего по главному проходу в сопровождении небольшой, очень скромной дамы, говоря, что это профессор университета Н. А. Буш с женой. Они бывали на всех концертах классической музыки и сидели обычно в средних рядах Большого зала внизу. Но к концу 1930-х годов они посещали Филармонию значительно реже; вероятно, Николай Адольфович уже плохо себя чувствовал.

Дома оба они были очень гостеприимными и радушными хозяевами, любили гостей и особенно молодёжь. Попав к ним на Карповку в первый раз, я поняла, почему бывшие сотрудники музея, а теперь отдела геоботаники — А. И. Лесков и Ф. В. Самбук каждую неделю обязательно

после работы шли к Бушам, иногда по вызову Елизаветы Александровны, а чаще просто так. Елизавета Александровна хорошо и вкусно готовила и очень любила угощать гостей. Обедали и пили чай они, когда были только близкие люди, просто на кухне (что не было принято тогда в Ленинграде).

В большой парадной столовой стол накрывали только по большим праздникам, таким как именины Николая Адольфовича 19 декабря — в «Николин день». Рядом с кухней находился небольшой кабинет Николая Адольфовича, где он за маленьким столиком сразу печатал «одним пальцем» свои работы. Печатал медленно, обдумывая каждую фразу, говоря, что так ему «виднее». При этом казалось, что ему не мешали разговоры, и он иногда даже перетаскивал свою машинку на кухню, чтобы быть «ближе» к Елизавете Александровне и принимать участие самому в разговоре, если на кухне был ещё кто-нибудь.

У них было очень уютно, но поражали, и к этому надо было привыкнуть, нецензурные выражения, которые Елизавета Александровна часто допускала в разговоре, и особенно эпитеты по отношению к Николаю Адольфовичу. А он, казалось, этого не замечал и оставался по-прежнему добродушным, как бы не замечая её грубости, и переводил всё в шутку. Николай Адольфович по существу был очень тонкий и деликатнейший человек и, наверное, язык Елизаветы Александровны его должен был шокировать, но из любви к ней, он не показывал виду, что ему это неприятно. Хотя этот жаргон отразился на русском языке их любимых кабардино-балкарцев, сопровождавших Бушей многие годы работы на Кавказе, и, конечно, работавших потом и на Юго-Осетинском стационаре в Эрмани. Грубый жаргон, на котором говорили Юсуп и Магомет Цаноевы, смущал неоднократно Николая Адольфовича. И в Тбилиси, например, он часто просил нас с Д. Рут увести куда-нибудь Юсупа, так как к нему должен прийти И. Н. Кецховели, и будет неприятно, если при нём Юсуп станет говорить «по-русски». И тогда мы брали Юсупчика, как называла его Дита, под руки и уходили с ним гулять. Когда же мы пробовали объяснить балкарцам, что так в России не говорят, то они резонно отвечали, что так говорит «Лиза́», т. е. Елизавета Александровна, и что, значит, так и надо говорить. Все рабочие стационара — южные осетины и балкарцы называли Николая Адольфовича и Елизавету Александровну просто по именам «Николай» и «Лиза́». И так звали их все горцы на Кавказе, говорили им всегда «ты» и притом глубоко уважали и любили.

Николай Адольфович относился ко всем удивительно доброжелательно. Недаром в 1936 году его с нетерпением ждали в Эрмани, чтобы прекратить кровавую вражду между двумя родами в селении. И как только мы приехали туда, через три дня съехались старейшины со всех

селений на совет, чтобы под председательством Николая Адольфовича ликвидировать навсегда эту страшную вражду. Слово Николая Адольфовича для жителей горных районов Юго-Осетии было законом — его слушались, любили и уважали. И он удивительно деликатно, с уважением и соблюдением всех обычаев относился к ним. Он был для южных осетин настоящим другом, старшим другом, советчиком, товарищем, бесконечно любившим всю природу Кавказа. А Елизавета Александровна старалась помочь всем каждодневными заботами и делом.

Шестого июня 1936 года мы все выехали на Кавказ — все вместе в жёстком купированном вагоне. В одном купе внизу Николай Адольфович и Елизавета Александровна, а мы с Дитой на верхних полках, в соседних купе ехали Кварацхелия и Лордкипанидзе. На вокзале Бушей провожали коллеги и друзья. Было шумно и весело. В Москве мы задержались, кажется, на день или два. Ездили с Елизаветой Александровной на склад СОПСа[4] в Старомонетном переулке, где получали термометры, термографы, гигрометры, палатки, что-то из одежды и обуви. А вечером Елизавета Александровна и Николай Адольфович повезли нас с Дитой к своему другу А. М. Дмитриеву — известному луговеду, профессору Тимирязевской сельскохозяйственной Академии, в деревянном доме которого, типа дачи, мы все провели вечер. На вокзале же нас утром встречали, а затем вечером провожали на тбилисский поезд сёстры и племянник Елизаветы Александровны.

Ехать нам предстояло долго — около трёх суток — через Махачкалу и Баку, так как железнодорожного сообщения с Тбилиси вдоль черноморского побережья ещё не было. На станции Прохладная в этот же поезд, но в соседний общий вагон по заранее купленным Елизаветой Александровной билетам сели старые проводники-рабочие Бушей — Юсуп Цаноев и его племянник Магомет Цаноев. Это были очень приветливые и бесконечно преданные Бушам люди. Юсуп ходил с ними в горы с 1925 года. Он был неграмотный и плохо говорил по-русски. Ему было около 40 лет, Магомету 21–22 года; он окончил семилетку, умея читать и писать по-русски, но плохо; почти каждую зиму приезжая в Ленинград к Бушам (Юсуп был в Ленинграде только один раз). Но оба они выучились говорить по-русски у Елизаветы Александровны — с её грубым, нецензурным жаргоном. Например, Юсуп мог совершенно спокойно сказать: «Знаешь, Николай, а погода сегодня, похоже, говно», а Магомет всегда исполнявший роль парикмахера в горах, приглашая Николая Адольфовича бриться, говорил: «Иди, Николай, морду брить». Но иногда они отпускали ещё более острые выражения.

В Баку, где поезд стоял довольно долго, приветствовать Николая Адольфовича и Елизавету Александровну приехали А. А. Гроссгейм, Л. И. Прилипко, Т. С. Гейдеман и кто-то ещё. А в Тбилиси встречали все

ботаники во главе с Н. Н. Кецховели. Буши поехали в гостиницу, где-то на проспекте Руставели, где им был заказан отдельный номер. Там же устроили Кварацхелию и Юсупа с Магометом. Нас же, девочек, встречала тётушка Диты, но Елизавета Александровна отпустила нас к ней только после того, как познакомилась с ней и её мужем, записала адрес и велела на другой день утром явиться к ним в гостиницу.

Николай Адольфович в Тбилиси был очень занят, и в гостинице, куда к нему приходило много народа, и в Ботаническом саду на Коджарском шоссе, где он просматривал гербарий, знакомился с картографическими материалами и работами грузинских коллег. Непосредственная подготовка же к работе Горно-луговой станции началась в Цхинвали (в те времена Сталинири), куда мы приехали по железной дороге через несколько дней. Там нас встречали председатель ЦИК Юго-Осетии Иван Петрович Джиджоев (которого Буши называли просто Ваней) и председатель горсовета Георгий Александрович Гаглоев. Они предлагали Николаю Адольфовичу и Елизавете Александровне устроиться в гостинице или у них. Но Буши отказались от их гостеприимства, говоря, что не могут и не хотят разлучаться со своими сотрудниками. И потому всех нас устроили в Доме колхозников, где для экспедиции Н. А. Буша выделили одну большую комнату с простыми ничем не покрытыми топчанами, со скамейками и простым столом. На топчаны Юсуп и Магомет где-то добыли сена, его покрыли серыми солдатскими одеялами, которые выдал комендант. И мы спали на них, покрываясь пальто и бурками.

Юсуп сразу же приступил к исполнению своих обязанностей повара и стал готовить шурпу на летней плите во дворе, сходив перед тем вместе с Магометом на рынок. Николай Адольфович и Елизавета Александровна были заняты организационными делами в ЦИК Юго-Осетинской автономной республики, в горсовете. И председатель ЦИК И. П. Джиджоев, и председатель горсовета Г. А. Гаглоев оказывали им всяческую помощь.

Николай Адольфович сделал доклад на заседании ЦИК о задачах и планах работ Юго-Осетинского Горно-лугового стационара, второй доклад он делал в Доме культуры для широкой аудитории. Послушать его пришла вся местная интеллигенция; помню приветливую Нину Гетгиеву, заведующую Краеведческим музеем, и писателя Чермена, председателя Союза писателей Юго-Осетии. Елизавета Александровна сидела с нами в последнем ряду и громким голосом делала свои замечания, иногда по форме очень грубые. Но мы уже привыкли к её языку.

Из селения Эрмани, где был стационар, приехал ещё один рабочий Тузар Тугаев. Он привёл несколько лошадей. Юсуп и Лиза́ были заняты упаковкой снаряжения и продуктов, а Магомет на метеостанции

стажировался по зарядке термографов и гигрографов. Мы же помогали, чем могли, и собирали незнакомые нам растения.

Верховых лошадей для Николая Адольфовича, Елизаветы Александровны и нас троих на всё лето выделил ЦИК Автономной области, там же дали ещё несколько лошадей под вьюки для каравана по переброске снаряжения в Эрмани. Сопровождать Бушей туда и пригнать обратно лошадей должен был помощник начальника милиции Семён (фамилии не помню). У Николая Адольфовича и Елизаветы Александровны были свои собственные казацкие сёдла, на которых они ездили много лет. Ещё одно такое же седло у нас было запасное. Всех их везли багажом из Ленинграда. Для меня Елизавета Александровна выбрала на складе Отдела геоботаники БИНа (где хранилось 27 сёдел) новое офицерское седло, оно не подошло к низенькой, маленькой лошади, выделенной для Стационара, но очень понравилось самому председателю ЦИК — Ване Джиджоеву. Он предложил мне поменяться с ним: он даёт мне хорошее казацкое седло под низкорослую горную лошадь, а я взамен ему офицерское под большую лошадь для езды по равнинным и предгорным районам. Мне было всё равно, так как я ещё ни разу не садилась верхом, а Елизавете Александровне эта сделка понравилась.

Руководитель Юго-Осетии и спустившийся с гор Тузар торопили нас с выездом в Эрмани. Там в селении Среднее Эрмани (рядом со станцией) между двумя семействами уже давно была кровная родовая вражда, и последний в одном роду юноша собирался убить последнего представителя мужского рода в другом роду (четырёхлетнего ребёнка). Дело оборачивалось очень серьёзно, и все просили Николая Адольфовича примирить враждующих. Во все окрестные селения было дано знать, что как только приедет в Эрмани Николай (так называли Николая Адольфовича все горцы), там должны собраться все старейшины для того, чтобы миром прекратить эту страшную родовую вражду и кровную месть.

Наконец все дела были сделаны, и рано утром уже в конце второй декады июня мы двинулись вперёд. Николаю Адольфовичу помогли Магомет и Тузар взобраться в седло. Он был очень грузный, и ему было тяжело подняться. Одет он был в широкие штаны, заправленные в мягкие кавказские сапоги, привезённые из Кабардино-Балкарии Юсупом, и мягкую свободную куртку типа толстовки. На голове широкополая войлочная шляпа, которую ему прислала мать Тузара. Через плечо на ремнях фотоаппарат, бинокль, планшетка, в правой руке — плётка-камча. Полевая сумка и свёрнутая бурка приторочены к седлу. И в этом наряде, верхом на лошади он был удивительно красив, несмотря на явную одутловатость лица, которое по приезде на Кавказ начало немного отекать. В каждом селении по дороге в Эрмани навстречу каравану

Бушей выходили все жители — встречать Николая и Лизу. Николай Адольфович, помню, в Роках остановил коня и, сидя в седле, расспрашивал всех о том, как пережили зиму. Все ли здоровы и благополучны? Кто умер? У кого родился ребёнок? Кто ушёл служить в Красную Армию? Кто поехал учиться в Цхинвали? Поражало, что почти всех он помнил и называл по имени. Не только в Эрмани, но и других селениях, в Роках, в Эдисси, в Апели.

Ему было тяжело ехать верхом. Теперь-то я понимаю, что у него было больное сердце и поднималось давление. Он с трудом садился в седло, и рядом с его конём всю дорогу по очереди шёл кто-нибудь из рабочих. Елизавета Александровна очень боялась, как бы чего не случилось.

Елизавета Александровна в горах тоже всё время ходила в мужском костюме: шаровары, заправленные в мягкие сапоги и длинный до колен казакин из светлого атласного сатина, обтягивающий сверху её фигуру, застегивающийся, как у терских казачек в начале века, на крючки. На голове обыкновенная ситцевая белая косыночка. Через плечо полевая сумка, планшетка; бурка свёрнута и приторочена к седлу, в правой руке плётка. Елизавета Александровна великолепно ездила верхом, но на лошади была менее эффекта, чем Николай Адольфович. Так, наверное, в 1909–1910 годах ездила на коне студентка-бестужевка Лиза Эндаурова, когда её встретил в казачьей станице на Северном Кавказе молодой красивый профессор Н. А. Буш. С тех пор прошло около 37 лет, и оба они по-прежнему, даже в стационарных условиях, отказывали себе в каких-либо удобствах. А мы с Дитой садились на лошадей впервые в жизни, но храбрились и старались не показать свою тревогу. Мы тоже были в шароварах, спускающихся ниже колен, в сандалиях, носках и футболках. На голове у нас были белые войлочные шляпы-осетинки, купленные на базаре в Цхинвали, а сзади к сёдлам были приторочены наши старенькие драповые полупальтишки. Мы по наивности не взяли никаких тёплых вещей кроме старых свитеров. Пришлось потом писать домой, и нам выслали по паре тёплых чулок и шерстяные кофточки, а шерстяные носки связали женщины в Эрмани.

Впереди каравана ехал милиционер Семён, за ним Николай Адольфович, рядом с которым у правого стремени шёл Магомет, потом Елизавета Александровна, за ней Дита, я, Жорж Кварацхелия — верхами, а сзади Юсуп, Тузар и ещё двое рабочих вели вьючных лошадей. Ехали шагом по дороге на Джаву по долине реки Большой Лиахви в селение Роки. Ехали медленно целый день, несколько раз из-за обвалов спускались в русло реки и переходили вброд на другой берег Лиахви, так как дорога на её правом берегу оказывалась местами размытой или засыпанной обвалами.

Первую остановку сделали в Джаве, где обедали в столовой. А на ночлег встали на правом берегу, не доезжая километров 20–25 до селения Роки в месте, кажется, против селения Анели, на берегу Б. Лиахви, где на склоне её террасы находится минеральный источник и где Буши привыкли всегда ночевать. Нас с Дитой с лошадей сняли Семён и Магомет. Они смеялись, когда мы повалились на траву, после первой в жизни езды верхом. Удивились мы и вкусу воды в источнике. Николай Адольфович, смеясь, сказал нам: «Помните, что на Кавказе все реки — Тереки, все воды — нарзаны, а мужчины — тарзаны». Он сам тоже, конечно, устал, но не подавал виду и просто сиял, вдыхая чудный горный воздух и прислушиваясь к рокоту воды в реке, говорил: «Прислушайтесь хорошенько — этот говор водяных струй, его ни с чем нельзя сравнить — только с прекрасной музыкой». Ночь была тёплая, и все спали на кошмах на открытом воздухе, не ставя палаток. Мы с Дитой заснули, как убитые, несмотря на массу впечатлений этого дня, когда мы впервые в жизни увидели величие природы Кавказа.

На другой день проехали к селению Роки, где сделали днёвку и обедали в какой-то маленькой харчевне. Встречать Николая и Лизу пришло много людей, в том числе и учитель местной школы.

Учитель рассказывал о мечте жителей Роки и всех осетин о возможности прокладки туннеля под Рокским перевалом через Большой хребет для более лёгкого пути между Южной и Северной Осетией. Николай Адольфович потом объяснял нам, что идея прокладки такого туннеля витает в воздухе уже давно и что он также, как и все жители Юго-Осетии, считает этот вопрос очень важным.

После Роки начался самый трудный участок пути (20 км) через большой, видимо, ледниковый каменник, в местность Эрмани. Она была почти отрезанной от всей Автономной области из-за отсутствия пути в зимнее время. Все мы, кроме Николая Адольфовича, сошли со своих коней, шли пешком и вели их в поводу. А коня Николая Адольфовича вёл очень осторожно Магомет. За каменником открывалась очень интересная и красивая местность, где сливались вытекавшие из трёх ущелий небольшие речки — Эрмани-Дон Верхняя, Средняя и Нижняя, образуя начало реки Б. Лиахви. Лесной пояс уже кончился. Последнюю рощу сосны Николай Адольфович указал нам камчой. На склонах этих ущелий располагались лишь рощи берёзового криволесья, а выше шли заросли кавказского рододендрона. Южнее более пологие склоны речки Эрмани-Дон были частично распаханы и покрыты небольшими полями, отгороженными каменными изгородями, а склоны Средне-Эрманского и Нижне-Эрманского ущелий покрыты субальпийскими лугами. Впереди между Верхне- и Средне-Эрманскими ущельями возвышался потухший вулкан Фидар-Хох. Всё это нам показывал Николай Адольфович,

когда мы приехали в селение Среднее Эрмани, где все жители от мала до велика бросились к нему навстречу. Среди них оказался также и старый проводник Бушей Ослам-Мурза, ставший нашим четвёртым рабочим.

Но поскольку уже вечерело, Николай Адольфович не стал останавливаться в селении, и наш караван прошёл дальше, пересёк выше селения речку Эрмани-Дон и поднялся на небольшую террасу левого борта ущелья, где располагался Юго-Осетинский Горно-луговой стационар. Вернее, его «усадьба» — наш лагерь. В 1936 году здесь были поставлены четыре палатки — большая старая (без пола) солдатская палатка — «Большой дворец», как её назвали, палатка Бушей и три маленьких двухместных: для Юсупа с Магометом, нас с Дитой, Г. П. Кварацхелия и четвёртая запасная для гостей. Нашу палатку назвали «Дворцом пионеров», потому что Юсуп считал Диту маленькой — «дитишка-кичичик» называл он её. На «Главной площади» лагеря сделали деревянный стол и скамейки — это была столовая, кабинет Николая Адольфовича, чертёжная, разборочная и гостиная — всё, что угодно. Центр всей жизни стационара. Всё научное оборудование, продукты во вьючных ящиках помещались в большой палатке, где обитали Николай Адольфович и Елизавета Александровна. Рядом около огромного валуна было выбрано место для костра, вбито несколько колов: для бурдюка с айраном, для разделки бараньих туш, для кастрюль и других хозяйственных надобностей. Это была кухня — царство Юсупа. От этого места спускалась тропинка к реке, по которой ходили за водой.

Жили Буши в большой палатке, где стояли вьючные ящики с продуктами и снаряжением. В палатке не было пола, настилался просто большой брезент. На нём они спали на кошме, покрываясь бурками, не раздеваясь. У Елизаветы Александровны вместо подушки было под головой седло, у Николая Адольфовича — маленькая кожаная подушечка, с которой он путешествовал по Кавказу более 40 лет. Днём кошмы и бурки сворачивались и Николай Адольфович полусидя, полулёжа отдыхал на них. Особенно в худую погоду ему часто нездоровилось. Он жаловался, что у него болит спина и жжёт под левой лопаткой «как от горчичников», кашлял. Елизавета Александровна в таких случаях закатывала ему на ночь банки. Днём он практически никуда не отходил от лагеря. Я тогда не понимала и сейчас не понимаю, почему Николай Адольфович и Елизавета Александровна жили в этой палатке три с половиной месяца безо всяких удобств.

Мы приходили со своих опытных площадок, и каждый день докладывали ему о проделанной работе. Он смотрел все записи, проверял правильность отчётов, фенологические журналы, интересовался всем новым, что нам удалось заметить и т. д. Сам же вёл только метеорологические

наблюдения около лагеря. Иногда ходил через речку Эрмани-Дон — на заложенный Елизаветой Александровной в 1936 году питомник кормовых трав; наблюдая, как мы в свободное от наблюдений время возили камни на санях и быках.

В плохую погоду, сидя в палатках, мы с Дитой чертили фенологические спектры, строили кривые. Всё это интересовало Николая Адольфовича и делалось под его контролем. Фенологические и микроклиматические наблюдения мы делали через два дня на третий. Сам же Николай Адольфович при помощи Магомета вёл метеонаблюдения на самой нижней метеоустановке, около лагеря, где стояли английская будка с термометрами, дождемер и самописцы (гидрограф и термограф) на высоте травостоя и на почве. Другая серия самописцев была установлена на вершине левого борта Средне-Эрманского ущелья и на морене этого же борта, там же, где закладывался питомник. В этих точках раз в неделю вёл наблюдения и менял ленты у самописцев Тузар. На наших же с Дитой площадках в разных сообществах субальпийских лугов на одной и той же высоте наблюдения за микроклиматом велись нами через два дня на третий при помощи психрометров Ассмана, термометров на поверхности и на разной глубине в почве. Выбором всех наблюдаемых площадок и установкой приборов руководила Елизавета Александровна. Она же доставала все приборы и термометры в Ленинграде, Тбилиси и Цхинвали.

Под её руководством и при её энергичном участии все мы занимались закладкой питомника кормовых трав, строительстве вокруг него ограды и постройке первого каменного дома на левом берегу реки Эримани-Дон, на морене, недалеко от питомника. Мы возили из русла реки на волах, запряжённых в сани, валуны и камни, а наши рабочие Тузар, Магомет и Юсуп занимались кладкой изгороди и дома. В 1936 году дом не был готов, его окончили только в 1937-м, когда из Цхинвали были привезены рамы и стёкла для окон, двери, сложены печи. Тогда в конце лета лагерь был перенесён к дому и сами Николай Адольфович и Елизавета Александровна поселились в нём. А пока в 1936 году все жили в палатках дружно, хорошо и даже весело, так как в лагере постоянно были гости.

Сразу же после нашего приезда в 1936 году, как только в окрестных селениях стало известно о приезде Николая Адольфовича и Елизаветы Александровны, собрался совет старейшин для примирения враждующих родов и прекращения кровной вражды, о которой я упоминала выше. В лагерь съехались на конях почтенные, старые джигиты в национальных костюмах. Магомет и Тузар принимали коней, стреноживали их и отводили пастись. Юсуп готовил курмалык: айран и шурпу. Николай и Лиза встречали гостей... Мы сидели тихо в стороне у входа в свои

палатки. Надо было видеть, с каким почтением прибывшие гости здоровались с Бушами и как приветливо они встречали всех.

В стороне около костра, у большого камня сидел Гриша, молодой 18-летний парень из селения Среднее Эрмани, главное действующее лицо в кровной вражде. Комсомолец, между прочим. Накануне Николай Адольфович просил всех нас троих, Диту, Жоржика и меня, поговорить с Гришей и объяснить ему, что в 1936 году в Советском Союзе, через 19 лет после Великой Октябрьской революции заниматься кровной враждой абсолютно нельзя и невозможно. Мы долго ходили с ним по берегу реки, сидели на камнях и всячески старались внушить ему необходимость заключения мира. Для этого Тузар и Магомет привели его на совет.

Привели на него также мать последнего мальчика в другом враждующем роду, которого по адату должен был убить Гриша. Она тоже сидела со своим ребёнком в стороне и Юсуп, тихо ступая, поил её чаем с сухарями. Вокруг места действия в некотором отдалении от собравшихся лежали и сидели на траве ребята-лапута из всех трёх Эриманских селений. Зрители... За столом сидел Николай и все старейшины; Лиза и Юсуп угощали их сперва чаем, бараниной, айраном. После этого начались переговоры, на которых первое слово принадлежало Николаю Адольфовичу.

Позвали Гришу, Николай Адольфович и какой-то почтенный старец долго говорили ему о том, что надо прекратить вражду. Да и он сам понимал, что это необходимо. Позвали женщину — она обняла Гришу, он поцеловал её грудь. Склонился к ней... Примирение состоялось. Николай и Лиза обняли Гришу и его новую приёмную мать. Юсуп тихонько вытирал слёзы, а мальчишки начали танцевать вместе с «не совсем умным», как говорил Николай Адольфович, пастухом Акимом лезгинку...

Гриша какое-то время после этого работал у нас, а потом его призвали в армию. В этой истории большую роль сыграл авторитет Николая Адольфовича среди местных жителей. Ведь именно его ждали, чтобы положить конец кровавой вражде, к его слову прислушались все... И потом все старейшины благодарили его.

Его и Елизаветы Александровны чуткость и внимательность к нуждам местных жителей проявлялась на каждом шагу. Так вскоре к нему пришёл в большом горе наш рабочий Тузар и рассказал, что его родители решили его женить и уже заплатили калым за девушку из села Нижнее Эрмани. А ему эта девушка не нравится, и он очень просит Николая поговорить с его отцом, чтобы разрушить эту свадьбу. Николай Адольфович и Елизавета Александровна долго и много говорили с ним по этому поводу, Николай Адольфович даже решил поехать к отцу

Тузара. Однако из этого разговора ничего не вышло, и через несколько дней сыграли свадьбу. Николай Адольфович и Елизавета Александровна были приглашены на свадебный пир как самые почётные гости. И, возвратясь с него, Николай Адольфович вечером рассказывал нам о том, как много раз ему приходилось бывать на подобных пирах и в Сванетии, и в Кабардино-Балкарии, в других местах, и о том, какие обычаи существовали там раньше. Нам с Дитой всё это было очень интересно.

К Николаю Адольфовичу часто приезжали или приходили из ближайших и из дальних селений и старые почтенные люди, и молодые. Особенно часто, почти каждую неделю, приезжал поговорить обо всём на свете старый учитель, а теперь наблюдатель метеостанции в селении Эдисси Давид, отец писателя Чермена из Цхинвали. Он хорошо говорил по-русски, и они подолгу беседовали с Николаем Адольфовичем. Как-то я поинтересовалась о том, кто же делает наблюдения, когда он сидит у нас в гостях. И он ответил, что метеонаблюдения делает или его жена, или сноха, или внук-школьник. И что он спокоен, что всё сделают как надо.

Когда он уехал, Николай Адольфович за ужином, смеясь, рассказал историю о том, как где-то (не помню где) ему пришлось столкнуться с наблюдателем, который не любил ходить на наблюдения поздно вечером и ночью. А для того, чтобы он к нему не придрался, что он не ходит, выходил на крыльцо с зажжённым фонарем «летучая мышь» и махал им. Чтобы далеко было бы видно, что он идёт на метеостанцию. Николай Адольфович смеялся, рассказывая этот анекдот. Вообще он обладал большим чувством юмора. И это очень ясно проявлялось в его отношении к некоторым горцам, к которым он относился как к детям. Всегда и во всём держал себя очень серьёзно, а главное, доброжелательно. Он требовал этого и от нас.

В селении Среднее-Эрмани был пастух Аким, не совсем нормальный человек. Теперь сказали бы, что он в какой-то степени «дебил», а Юсуп говорил, что он «джарым-нормал». Аким прекрасно танцевал, считался первым танцором в лезгинке, был очень добродушен и весел. Приходя к нам, он садился около какой-нибудь палатки и смотрел тихо-тихо — просто, как мы живём. Его все любили и всегда приветливо встречали, и он платил всем тем же и особенно любил Николая Адольфовича. Однажды, когда я делала наблюдения на самой высокой площадке, он спустился с вершины ущелья, где пас овец, на мою верхнюю площадку и сел рядом. Долго смотрел, как я записываю всё — а потом спросил: «Скажи, Николай тоже грамотный?» Рассказ об этом разговоре очень тронул Николая Адольфовича, и когда через несколько дней Аким пришёл к нему и стал меня сватать, Николай Адольфович отнёсся к этому очень серьёзно. Он позвал меня и сказал — так, мол, и так — с Акимом

надо обращаться бережно и просто осмеять это дело нельзя. В ближайший выходной день было решено, что по случаю сватовства Акима, мы поедем, именно поедем, верхами — на этом настаивал Николай Адольфович, — смотреть дом Акима и всё его хозяйство. Чтобы решить, выходить мне за него замуж или нет. Николай Адольфович просил, чтобы всё было бы чинно, вежливо, как полагается. Когда мы все — я, Дита, Жоржик, Магомет, Юсуп — приехали верхом в селение к Акиму, — он вышел нас встречать и показал свой дом, двор. Хозяйства у него никакого не было, была только одна курица.

— Как же мы жить-то будем, Аким? — спросила я. — Ты об этом подумал?

Вернулись домой в лагерь и всё рассказали Николаю Адольфовичу.

— Вот что, Аким, — решил он, — заведи 10 куриц, чтобы была скотина, и тогда я буду просить родителей Станки, чтобы они отдали её за тебя. Иначе ведь жить нечем будет и ничего не получится.

Аким согласился с этим мнением. И когда через год, в 1937 году, мы приехали снова в Эрмани, Тузар, смеясь, сказал:

— А знаете, у Акима уже есть две курицы.

Николай Адольфович очень смеялся, а когда Аким пришёл к нам в лагерь, похвалил его.

В 1937 году, на второй год моей работы в Юго-Осетии произошёл другой случай. На стационаре в этот год работали уже трое студентов: Ваня Абрамов, Настя Токунова (впоследствии жена И. И. Абрамова) и Лёля Шмидт (потом жена Г. И. Кварацхелия). Лёля была очень полная белокурая девушка, и на неё заглядывались проезжавшие мимо и останавливавшиеся поболтать с Николаем джигиты.

Однажды у нас обедало двое молодых людей из-за Кельского перевала, с той стороны Главного хребта. Они очень внимательно смотрели на Лёлю. Недели через две-три как-то днём Николай Адольфович подошёл к моей палатке и потихоньку вызвал меня. Елизаветы Александровны в это время не было — она уехала с Тузаром по делам в Цхинвали.

— Мне нужна Ваша помощь, Стана, — сказал Николай Адольфович и, смеясь добавил:

— Из-за перевала приехали сватать Лёльку; вернее, менять её на кобылу. Надо серьёзно отказать и отделаться от них. Пойдёмте.

За домом сидели проезжавшие тогда парни, Магомет, Юсуп, а недалеко была привязана великолепная молодая лошадь. Я подошла.

— Вот, — сказал Николай Адольфович, — как вы знаете, Лизы сейчас нет, она уехала. А в таком деле, о котором вы приехали со мной говорить, должна также решать и женщина. Вот она нам поможет.

Я села тоже к столу, и Николай Адольфович очень серьезно рассказал мне о том, что ему предлагают менять Лёльку на кобылу, так как

Лёлька очень понравилась вот этому молодому человеку, и что лошадь, которая стоит рядом, очень хорошая лошадь, стоит она около 15 000 рублей. И он спрашивает меня, как быть?

— Лошадь нам очень нужна, Николай Адольфович, — сказала я. Надо подумать и посмотреть.

И все мы встали, чтобы посмотреть лошадь. Она действительно была хороша. Николай Адольфович ходил вокруг неё, хлопал по крупу, гладил:

— Если бы я был настоящий отец Лёльки, я бы, пожалуй, променял бы её на такую лошадь, — сказал он.

— Да, — подхватила я. — Лошадь хороша — но ведь у Лёли есть в Ленинграде отец...

— Нам надо ему написать, его спросить, — сказал Николай Адольфович, — захочет ли он променять дочь на кобылу? И потом, как вы думаете — обратился он ко мне — нужна ли будет Лелиному отцу кобыла в Ленинграде?

— Трудно сказать... ведь в Ленинграде — трамваи, автобусы... Куда он сможет ездить на лошади? Да и держать её где? Нет ведь конюшен, и опять же сено... — отвечала я.

— Видишь, как мне трудно, — сказал Николай Адольфович, обращаясь к парню, — видишь, нужно согласие отца. А ему разве нужна лошадь в Ленинграде? Что он с ней там делать будет... Знаешь, мы не можем решать за него; не наша ведь Лёля-то.

Магомет и Юсуп, стараясь скрыть улыбки, поняли нашу игру и начали усиленно угощать гостей чаем...

Гости начали понимать, что дело не выйдет.

— Ты, Николай, не думай, что мы так не понимаем. Раз ты не можешь, значит, всё.

Они попрощались, сели на своих коней и ускакали, держа в поводу кобылу. Николай Адольфович, прихлебывая чай, сказал:

— Очень хорошо отказали, всё как следует. А иначе-то ведь нельзя — надо всё серьёзно делать... А теперь надо Лёльку успокоить. А то она, наверное, плачет в своей палатке.

Кроме горцев приезжали и другие гости. В 1936 году недели две гостила сестра Елизаветы Александровны — Любовь Александровна Эндаурова, врач из Москвы. Очень полная, весёлая и какая-то лёгкая во всём. Она помогала Елизавете Александровне лечить больных местных жителей. По утрам около лагеря появлялись больные, в основном, женщины с детьми. Они терпеливо сидели в отдалении и ждали, пока Лиза выйдет из палатки, пока мы все умываемся, завтракаем и делаем все дела. Потом они робко подходили к палаткам, Елизавета Александровна выносила специальный чемоданчик с медикаментами. В основ-

ном у пациентов были нарывы, диатез, парша, желудочные заболевания, небольшие травмы. Медпункт, где работал только фельдшер, находился в Роках, т. е. примерно в 25 км — за каменником. Идти туда было трудно. Елизавета Александровна промывала раны, ставила компрессы на нарывы, мазала, прижигала диатез (золотуху) зелёнкой, раствором марганцовки; чистила ребятам гноящиеся уши, промывала глаза и т. д. Одна женщина со страшным нарывом на руке ежедневно приходила на перевязку, и Николай Адольфович называл её «ручная женщина».

В те дни, когда нам не надо было идти на наблюдения, мы с Дитой помогали Елизавете Александровне и многому научились у неё. Главное, не бояться страшных больных и стараться помочь им. Мы ходили с Елизаветой Александровной в селение. Там лежала на матрасе на земле на солнышке около одного дома умирающая, совершенно высохшая, худая старуха. «Живые мощи», как называла её Елизавета Александровна, — настоящий дистрофик. Елизавета Александровна обмывала её, поила из поильника, кормила. Это было до войны, и я ещё не видала ни блокадных дистрофиков Ленинграда, ни тяжелораненых в госпиталях во время финской и Великой Отечественной войны. То, что делала Елизавета Александровна, оказалось для нас хорошей школой, так как нам с Дитой пришлось работать во время войны санитарками в госпиталях. Когда эта больная старуха наконец умерла, к нам в лагерь прискакал посланец, приглашавший всех на праздник-курмалык, по случаю её смерти. Поехала на него, конечно, Лиза в сопровождении Магомета и Юсупа. Не оказать уважения к покойнику, не поехать, по мнению Николая Адольфовича и Елизаветы Александровны, было неприлично.

Однажды прискакал откуда-то издалека мужчина и привёз на руках мальчика, укушенного змеей. Прискакал к Лизе и Николаю за помощью! Мальчику было, наверное, лет шесть-семь; сразу же ему дали выпить разведённого спирту, так как считалось, что это хорошее противоядие против змеиных укусов; он потерял сознание. И тогда ему прижгли ранку калёным железом. Это было страшно. Но Лиза и Николай Адольфович, который сам прижигал рану, делали всё это совершенно спокойно и умело. Потом мальчика уложили на кошме в большой палатке Бушей, и только на другой день отец увёз его домой. Николай Адольфович вечером за ужином говорил, что укус кавказской гадюки гораздо опаснее, чем укус гадюки европейской, и что прижигание и спирт являются хорошими средствами против их яда. Через неделю благодарный отец привёз Николаю Адольфовичу и Елизавете Александровне «гонорар» за лечение сына — войлочную шляпу, мягкие сапоги и шерстяные носки.

У Бушей было бескорыстное стремление помочь людям, простота и уважение по отношению к горцам. Они были удивительными

бессребрениками. Ведь всю свою зарплату они тратили на нужды Юго-Осетинского Горно-лугового стационара. БИН финансировал стационар очень скромно, а всё остальное дополняли из своих денег Буши. Например, они не вычитали с рабочих никаких денег за питание. Хотели также поступать и с нами — студентами. Но мы трое дружно запротестовали против этого. Всем жителям в селениях Эрмани обязательно привозили подарки. Каждому, начиная от почтенного старца до маленького ребёнка — что-нибудь нужное, приятное. Покупала всё это зимой в Ленинграде сама Елизавета Александровна. Понемногу пришлось войти в финансовые расчёты стационара и взять на себя помощь в составлении авансовых отчётов. При этом Николай Адольфович искренне удивлялся, что надо для отчётов беречь все билеты, багажные квитанции, расписки и т. д. Он говорил, что не привык к такой скрупулёзности, что до революции Географическое общество, давая деньги на экспедиции, не требовало такой точности расходов, а на первое место ставились научные результаты работы.

Вспоминая свои ранние экспедиции, он рассказывал, правда, немного и о своей жизни. Так, как-то вечером, когда мы сидели втроём после ужина, а Лиза ушла с Магометом в селение, Николай Адольфович грустно сказал мне и Беталу, что иногда очень жалеет о том, что умер сразу после рождения его сын...

— Он был бы теперь, вроде вас, Бетал, и может быть, у меня были бы и внуки теперь...

Мы знали, что он рано овдовел и что Елизавета Александровна — его вторая жена, но никогда не спрашивали его об этом. А тут он сам заговорил.

— Моя жена умерла — продолжал он, — когда родился мой сын, и он тоже умер... И когда мы поженились с Елизаветой Александровной, я дал себе слово, что никогда не подвергну её такой же опасности, и поэтому у нас не было детей.

Он говорил об этом тихо и медленно, о самом большом своём горе и любви к Елизавете Александровне. Догорал костёр и ночь надвигалась со стороны Фидар-Хоха. Бетал, Юсуп, который тихо подсел к нам, и я молчали. Бедный Николай Адольфович, подумалось, наверное, всем. А Николай Адольфович тихо рассказывал, как в 1909 году он приехал в станицу Белореченскую и там встретился со своей студенткой Лизой Эндауровой. Она варила варенье вечером, после маршрута, и чем-то неуловимым поразила его. На всю жизнь.

— Она, Лиза, просто хорошая во всём, — подытожил Юсуп. — Давай, Николай, чай ещё попьём. Сейчас наши придут из Эрмани, — говорил он, ставя на стол кружки, стараясь по-своему утешить Николая Адольфовича. Разговор прервался.

— Они и мне об этой встрече рассказывали, — говорил мне в Ленинграде А. И. Лесков, когда я рассказывала о летней работе в Эрмани, — и спорили, какое было варенье — абрикосовое или вишнёвое. С тех пор Елизавета Александровна и стала командовать Николаем Адольфовичем, добавил он. Командовать или не командовать, но счастливую жизнь Николаю Адольфовичу Елизавета Александровна дала. Это несомненно.

Бетал скоро после этого вечера уехал, и как бы ему на смену в 1936 году приехал из Москвы старший друг Николая Адольфовича — Андрей Михайлович Дмитриев — известный луговед из Тимирязевской академии и из Института кормов. «Аю-Адам» — называли его наши рабочие, вернее, Юсуп. Он был большой, тучный, но вместе с тем очень подвижный и весёлый. Он в первые же дни облазил все наши площадки, посмотрел все типы субальпийских лугов. Побывал на гребнях Средне-Эрманского ущелья, помогал Елизавете Александровне в разбивке грядки в питомнике, помогал даже возить камни для изгороди питомника и нового дома. Но главное, проводил большую часть времени с Николаем Адольфовичем, который, конечно, скучал, когда все уходили из лагеря. Они бесконечно беседовали, а иногда и спорили друг с другом. Во время дождя или в холодную погоду полулежали на кошмах в большой палатке, а в хорошую погоду сидели на скамьях около стола в «столовой». Как мне помнится, Дмитриев пробыл в Эрмани недолго — две или три недели.

Осень в 1936 году наступила рано, в середине сентября неожиданно выпал снег. Ещё накануне Николай Адольфович, Елизавета Александровна, я и Магомет ездили в гости «на пир» в Эдисси к Давиду. К нему приехали погостить сыновья: Чермен из Сталинири, младший сын из Москвы и старший — секретарь райкома (не помню, откуда). Николай Адольфович был самым почётным гостем и вместе с Елизаветой Александровной сидел во главе стола. Кругом сидели в черкесках почётные гости. За столом, кроме Лизы, не было ни одной женщины, и когда мне тоже предложили сесть, я смутилась. Тем более, что сыновья Давида, тоже почтенные люди, старше меня, стояли. Они объяснили мне, что при посторонних им не полагается сидеть в присутствии отца и других старейшин, но так как на обеде присутствуют русские гости, то им разрешат тоже сесть.

Это был очень интересный для меня праздник в честь приехавших гостей, хозяина Давида и Николая Адольфовича. После обеда молодые хозяева предложили мне проехать верхами по ущелью, посмотреть старинные башни и развалины укреплений средневековых осетин. По дороге они рассказывали историю края, которую я не знала. Вечер был тёплый, и когда мы возвращались через каменник, сияла луна,

а на другой день выпал снег. Он шёл всю ночь, и нам с Дитой казалось, что на палатку падают сухие листья. Когда мы отодвинули полог палатки, то увидели, что всё покрыто снегом глубиной до 10–15 см. В небольшой рощице, «куладоне», как мы её называли, за лагерем, под тяжестью снега гнулись ветки берёз. Лиза и Юсуп торопили с завтраком и укладкой вещей и всего имущества. Решено было оставить лагерь и перебираться в селение Среднее-Эрмани в дом родителей Тузара. Николай Адольфович похаживал по лагерю в бараньей шапке и бурке. Большая палатка была уже свёрнута, и мы начали спешно ликвидировать свой «Дворец пионеров», как называли нашу палатку. Всё имущество перевозили в селение на санях, запряжённых волами, а мы поехали туда верхами.

У нас с Дитой не было никакой обуви, кроме сандалий, а у Бушей — мягких кавказских сапожек. Самое сложное была переправа через речку Эрмани-Дон, в которой мы всё лето мылись и полоскались. Сейчас она превращалась на глазах в бурный поток, и Николай Адольфович торопил всех, пока ещё можно было через неё переправиться. На той стороне её мы обогнали сани, на которых везли туши разбившихся в верховьях ущелья быков. Они мирно паслись там, выше наших опытных площадок и, поскользнувшись на снегу, скатились вниз и разбились насмерть. Мясом их потом питались несколько дней жители селения и мы тоже.

Снегопад продолжался два дня; о том, чтобы спускаться вниз в Цхинвали, не могло быть и речи. Каменник, самый тяжёлый участок пути, был весь завален снегом, да и по течению Большой Лиахви путь местами тоже, как предполагал Николай Адольфович, должен был быть размытым. Так мы застряли в селении Среднее Эрмани на пять дней. Я волновалась больше всех — была середина сентября, а в октябре была назначена защита дипломных работ студентов-заочников. У меня дипломная работа «Луга и пастбища долины реки Свияги» была написана, но не перепечатана. Часть её лежала у меня в столе в Отделе геоботаники, а часть была дома. И я очень волновалась, что в октябре предстоит защита. Я не знала, что в это время друзья из отдела, А. И. Лесков и Ю. Д. Цинзерлинг, просмотрели мою работу, попросив сестру принести из дому всё, что там нашлось, и Юрий Дмитриевич сам сложил, просмотрел её и отдал машинистке. В этом сказалось удивительно товарищеское и дружественное отношение даже и к молодым начинающим сотрудникам, которое в те годы отличало Отдел геоботаники БИНа.

Обратный путь из Эрмани в Цхинвали был тяжёлым, после снега начались дожди. Когда мы спускались в город, несколько раз приходилось переходить вброд Большую Лиахву, так как дорога местами была размыта. На этот раз все ехали верхом: Магомет в поводу держал лошадь Николая Адольфовича. Торопились и в первый день прошли путь почти до Джавы, Николай Адольфович устал и, так как дождь перестал

где-то под Джавой, ночевали в каком-то селении под крышей. В Цхинвали (тогда Сталинири) спустились мокрые, усталые и остановились в том же Доме колхозника. На другой день обрадовались теплу, сухости, а главное, солнцу. На дворе организовали сушку и потом укладку всего имущества. Самое громоздкое — палатки, инструменты, самописцы, основная кухонная посуда и т. п. была оставлена ещё в Эрмани, у Тузара. Здесь в Цхинвали мы оставляли сёдла, последнюю посуду и последнюю часть багажа. Я забыла сказать, что в течение всего лета собранный гербарий отправлялся в Ленинград в БИН посылками. Их искусно, по всем правилам, зашивал и обшивал Юсуп, а кто-нибудь из молодых рабочих верхом отвозил их в Роки, где было почтовое отделение.

В 1930-х годах в наркомате связи ещё действовал указ Петра I о том, что все посылки с научными материалами, адресованные в Академию наук, шли бесплатно. Буши всегда отправляли гербарий сразу, как только высохли все растения, не оставляя сухие листы, боясь, чтобы растения не отсырели. Когда мы все вернулись в Ленинград, в Кавказском гербарии нас ожидала уже большая груда посылок.

В Цхинвали мы задержались на несколько дней: Николай Адольфович должен был сделать в ЦИКе Автономной области доклад о проделанной работе. А мы должны были подготовить к нему иллюстративный материал: вычертить графики, привести в порядок рисунки и т. д. Ещё в Эрмани Елизавета Александровна заставила всех накопать и высушить много растений субальпийских лугов, и из них мы смонтировали как бы «муляжи» строения травостоев лугов. Наклеив и нашив сухие травы на листы плотной бумаги, вычертили графики хода температур воздуха и почвы на разных склонах ущелья, перерисовали на большие листы бумаги некоторые редкие растения, засоряющие луга. Всю эту работу мы делали на полу в зале Краеведческого музея, которым заведовала очень милая дама Нина Гетгиева. На докладе Николая Адольфовича присутствовало много народа — не только ответственные работники ЦИКа, но и сотрудники музея, учителя, работники культуры, даже врачи. Профессора Н. А. Буша, члена-корреспондента Академии наук СССР, знали, уважали и любили все осетины, начиная от председателя ЦИК И. П. Джиджоева. Конечно, все наши рабочие в белых и цветных шёлковых рубашках тоже были на докладе и сидели вместе с нами. Мы же с Дитой радовались, что смогли надеть лёгкие свежие платья. Елизавета Александровна тоже переоделась, в тёмном платье в белый горошек и высоким кружевным воротничком она сидела во втором или в третьем ряду и всё время громким шёпотом делала замечания в адрес докладчика. Конечно, в большинстве своём нецензурные. А Николай Адольфович, красивый, выбритый, подстриженный и как всегда спокойный, в светлом, выглаженном и отпаренном Юсупом костюме, спокойно

и неторопливо рассказывал собравшимся о работе стационара, указывая на висевшие графики и муляжи, говорил о трудностях стационарной работы в горных условиях, показывал фотографии, в том числе и неоконченной постройки лабораторного корпуса, вернее дома, сложенного нами из привезённых с речки камней. Доклад вызвал оживлённые прения и обещания со стороны начальства Автономной области оказать всяческую помощь. Через день или два мы распрощались с гостеприимными хозяевами и выехали поездом-подкидышем на станцию Гори, а оттуда, пересев на другой поезд, в Тбилиси. Там Николай Адольфович тоже делал сообщение о наших работах в институте Ботаники АН Грузии.

Отношение Бушей к нам по-прежнему было хорошим, и само собой считалось, что летом 1937 года мы снова поедем в Эрмани. Но после окончания Университета Дита сразу вышла замуж и уехала со своим мужем, военным, на границу. Помимо меня, в Эрмани в 1937 году поехали Жорж Кварацхелия, тоже окончивший Университет, и студенты Николая Адольфовича с пятого курса Ваня Абрамов, Настя Токунова и Лёля Шмидт.

Выехали на Кавказ, как всегда 6 июня. В Прохладной встретились с Магомедом и Юсупом. Но в Тбилиси не останавливались, а сразу поехали в Эрмани. Лагерь разбили на том же самом месте, что и в прошлом году. И сразу начали наблюдения. Я и Надя Токунова вели работу на старых наших фенологических площадках. Как и в 1936 году, она на правом (вместо Диты), я — на левом бортах Средне-Эрманского ущелья. Ваня Абрамов занимался изучением залежей на морене на другом берегу основного русла Эрмани-Дон, Жорж Кварацхелия под руководством и вместе с Елизаветой Александровной работал над улучшением лугов, по борьбе с сорняками и др. А чем занималась Лёля Шмидт, я не помню. Кроме того, все собирали гербарий.

Я ещё в предыдущем году заинтересовалась изучением биологии субальпийских растений, раскапывала их под снежными пятнами, смотрела их корни. Зимой 1937 года в Ленинграде под влиянием разговоров с докторантом Отдела геоботаники М. С. Шалытом, я решила заняться изучением распределения подземных органов растений всех лугов, на которых велись фенологические наблюдения. В свободные от этих наблюдений дни, я рядом со своими площадками зарисовывала, по методике Шалыта, подземные органы растений и их распределение в почве. Ямы для этой работы мне рыл обычно Магомет.

Николай Адольфович был очень заинтересован этой работой. А Елизавета Александровна смотрела на неё несколько скептически. Вообще в это лето мне было труднее работать с ней. То ли потому, что я стала как-то самостоятельнее и увереннее, то ли потому что не было Диты, ко-

торую Лиза очень любила. Замужество Диты она восприняла как измену лично ей с Николаем Адольфовичем и общей работе и не могла простить этого Дите. Или было ещё что-то? Я не знаю. Но несколько раз летом бывали такие случаи — найдёшь что-нибудь интересное или раскопаешь и зарисуешь корни, придёшь, показываешь всё Николаю Адольфовичу. Он с интересом смотрит, расспрашивает, советует, поправляет. Это когда нет Лизы. А к вечеру, после её прихода, после разговора с ней он вдруг резко менял своё мнение и говорил, что этого не может быть, что это растение не растёт там, где я его нашла, или что корни на рисунке у меня неверно зарисованы. Такие случаи повторялись частенько, и это было неприятно. Работать с Лизой становилось всё тяжелее.

В свободное от наблюдений время все по-прежнему участвовали в строительстве дома у подножья морены на правом борте ущелья, недалеко от питомника. Кормовые травы, главным образом, злаки и бобовые, посеянные в прошлый год под руководством Лизы, прекрасно разрослись и питомник радовал всех своим видом. Лиза вместе с Жоржем Кварацхелия занимались изучением биологии чемерицы[5]. Я делала им все рисунки, и в большом размере для выставки, и маленькие тушью для печати.

Как всегда приехали гости. Помню, как приехала группа тбилисских ботаников: М. Ф. Сахония, А. Л. Хорадзе, И. И. Тумадженов и ещё кто-то. Они гостили недолго, дня три-четыре. Анико Хорадзе жила в моей палатке, и мы с ней по вечерам много говорили не только о растениях, но и о литературе и искусстве, истории Грузии и Осетии. И мне было очень неловко и стыдно, что я мало знаю грузинскую литературу. Анико резко оборвала меня, когда я спросила о влиянии на грузинскую литературу наших русских писателей, сказав, что об этом не стоит говорить, так как по сравнению с грузинами русские всегда были отсталыми, что даже христианство, а с ним и письменность, пришли на Русь значительно позже... Что Грузия была культурной, образованной страной в то время, когда ещё не было ни Киевской, ни Московской Руси. Анико горячилась, и я замолчала. Но потом, когда гости уехали, и мы с Анико расстались друзьями, я рассказала о наших разговорах Николаю Адольфовичу. Он, как всегда внимательно, выслушал меня, а потом тихо сказал:

— История народов и их взаимоотношения вещи очень сложные; разбираться в них нелегко. Особенно нам, не специалистам; никогда не надо, как это делает большинство русских, считать, что мы, русские, самые умные и образованные, — это попросту пахнет шовинизмом. Грузия очень древняя, очень высококультурная страна... с очень сложной и интересной историей.

— Да я же не об истории, я о Пушкине хотела спросить... Историю я не знаю, я так и сказала, — не выдержала я.

— Пушкин — это другое дело, — отвечал Николай Адольфович. — С Пушкина надо было и начинать — такого поэта ни у одного другого народа, кроме нас, не было и, наверное, не будет. Впрочем, ведь и он не чисто русский, а с примесью какой-то негритянской крови. Словом, Арап Петра Великого, — засмеялся Николай Адольфович. Он любил Пушкина и маленький томик его стихов возил с собой, это все мы знали.

Около трёх недель пробыл на стационаре в конце лета 1937 года и Феодосий Викторович Самбук — сотрудник Отдела геоботаники, бывший, как и Буши, сотрудник Ботанического музея, специалист по тундровой растительности. Буши очень любили его и были рады его приезду. Он мечтал посмотреть в горах высокогорную растительность. Но её-то в окрестностях Эрмани почти не было. Поэтому он ездил один с Магометом и Лизой на высокогорное озеро Кель[6]. Николай Адольфович в том году не поехал туда, плохо себя чувствовал. Хотя очень любил это озеро, лежащее высоко в горах. В прошлом 1936 году мы все ездили туда. И эта поездка для Николая Адольфовича тогда была как праздник. Он ехал всю дорогу верхом, рядом шёл Магомет. На озере Николай Адольфович с восторгом показывал нам высокогорные альпийские ковры, в основном из манжеток. И мне до сих пор кажется, что я чувствую, как хрустят в пальцах их плотные сочные листья, и как нога утопает в их густом травостое. Действительно, настоящий ковёр. Мы тогда провели на озере целый день. И впечатления от этой экскурсии, о необычайно прозрачной, какой-то голубовато-зелёной воде озера и о манжетковых коврах осталось на всю жизнь. Ведь больше я так высоко в горах в жизни не бывала.

Ф. В. Самбук активно включился в нашу общую жизнь. Он помог достроить дом и перевезти лагерь на другую сторону Эрмани-Дона ближе к нему на другой борт ущелья. В доме было две комнаты, стены, сложенные из камней, проконопатили какими-то травами, а женщины из селения Эрмани обмазали их глиной. Сложили в одной комнате печку, обогревающую обе комнаты, повесили двери и окна. В одной комнате поселились Буши — из Цхинвали привезли для них походные кровати-сороконожки и матрацы, а в другой была кухня на случай дождя и разборочная. Все же остальные люди жили в палатках. Новое место для лагеря мне лично не нравилось — слишком голое, не было рядом уютной берёзовой рощи, хуже было мыться на речке... Но Елизавета Александровна и Николай Адольфович были довольны. Близко был питомник, и Николай Адольфович мог сам ходить на него, над головой всё-таки была крыша, была печка на случай холодной погоды. За обедом и ужином шли разговоры о том, что по существу надо бы организовать в недалёком будущем круглогодичные наблюдения, не только метеорологические, но и за развитием растений под снеговым покровом и другие.

Эти идеи особенно энергично поддерживал Самбук. Он интересовался всеми нашими работами, даже выкопал мне последнюю яму для изучения корней около небольшого озерка, выше и немного в стороне от моих площадок. Но главное, что он предложил, — это составить карту растительного покрова всех трёх Эрманских ущелий и рассматривать её в дальнейшем как основу для всех работ. Эта мысль очень понравилась Николаю Адольфовичу. У него была старая карта на больших листах миллиметровки, по которой я кое-как составила более крупную основу с горизонталями для всех трёх ущелий, а также для той стороны морены, где располагались поля и залежи. Собственно это была не настоящая картографическая основа, а скорее схема для плана. Не помню, какой это был масштаб. После этого Николай Адольфович, Елизавета Александровна, Самбук и я наметили легенду, т. е. основные группы (типы) сообществ, которые мы будем наносить на карту. Решили, что основу разрежем, чтобы одновременно проводить съёмку, а потом, когда будет готово, склеим. Каждый взял по ущелью: Елизавета Александровна с Лёлей и Жоржиком Верхне-Эрманское, включая нижние склоны Фидар-Хоха, Ваня с Настей — (Абрамовы) — залежи на морене, Самбук всё Нижне-Эрманское ущелье; я — Средне-Эрманское, в котором велись все наши наблюдения. Эту работу проделали чрезвычайно быстро. По вечерам Николай Адольфович с удовольствием рассматривал наши карты. Казалось, что он, сидя в лагере, наизусть знал закономерности распределения ассоциаций, вернее, групп ассоциаций на склонах и цирках, в зависимости от рельефа, способов использования и т. д. Он делал всегда точные и справедливые замечания и был в то же время доволен работой. Его радовало, что будет составлена карта растительности окрестностей его любимого стационара. Но увы... я точно не знаю, куда девались все материалы по этой карте. В процессе работы было условлено, что обработку её окончательную проведёт в Ленинграде Феодосий Викторович Самбук.

Он уехал от нас в последних числах августа — не через Цхинвали и Тбилиси, а по Военно-Грузинской дороге. Спуститься на неё надо было верхом через перевал к селению Коби. Провожал его Тузар, возвратившийся обратно с лошадьми. Вероятно, Самбук взял с собой все материалы по карте. По приезде в Ленинград в начале сентября он был арестован — репрессирован, как тогда было принято говорить. И реабилитирован только после смерти, после 1957 года[7].

Все его материалы и, видимо, наша карта погибли. Был 1937 год, и в стране начались репрессии. Когда мы в это же время спустились в Цхинвали, то узнали, что там сняты с занимаемых постов и репрессированы председатель ЦИК Юго-Осетии И. П. Джиджоев и председатель горсовета Г. А. Галаев. Кроме них были «изъяты» многие их сотрудники,

а через несколько дней после нашего отъезда и Чермен, председатель Союза писателей Юго-Осетии. Все эти вести не радовали... и Буши поторопились отправить скорее студентов и меня в Тбилиси, откуда мы в тот же вечер выехали в Ленинград. А сами они ещё задержались в Цхинвали.

Возвратившись в Ленинград, Буши были поражены вестью о судьбе Самбука, которого любили как сына. Эта осень и зима 1937–1938 годов были трудными для БИНа — в конце августа во Владивостоке был «изъят» А. С. Порецкий, совмещавший по просьбе В. Л. Комарова работу в Отделе геоботаники с должностью учёного секретаря Дальне-Восточного филиала АН СССР. А глубокой осенью «взяли» и заведующего Отделом геоботаники Ю. Д. Цинзерлинга, занимавшего, кроме того, пост директора БИНа. Через несколько месяцев стало известно, что Юрий Дмитриевич скончался...

Говорить об этих потерях и изъятых товарищах в то время было нельзя — но все переживали их гибель. Отразились все эти известия и на состоянии Николая Адольфовича. Он сразу как-то постарел и наполовину утратил свою весёлость. Но по-прежнему интересовался обработкой всех материалов по Горно-луговому стационару. Особенно торопил меня. Студенты были заняты окончанием Университета и своими дипломными работами. Работа Насти Токуновой по биологии овсяницы Festuca varta очень интересовала Елизавету Александровну и Николая Адольфовича и была подготовлена к печати. Я сделала для неё все рисунки. Сама же продолжила обработку фенологических материалов и оформляла их в виде статьи для журнала «Советская ботаника». С большим увлечением я продолжала заниматься корнями и подземными органами субальпийских растений, их распределением на своих опытных участках. Очень помогал мне советами в этой работе Михаил Соломонович Шалыт. Рисунки распределения корневых систем и подземных органов, выполненных в двух красках (красным цветом я рисовала подземные органы злаков на всех рисунках и корни чемерицы на участке луга, засорённого ею). И они были очень эффектны. Ведь тогда ещё мало кто, кроме Шалыта, занимался изучением распределения подземных органов в растительных сообществах. Такой рисунок с корнем чемерицы очень понравился Елизавете Александровне. Под её руководством делал совместно с ней работу по чемерице Жоржик Кварацхелия. И она велела мне передать ему все мои материалы по чемерице, в том числе и рисунки. Я отказалась. После этого был неприятный разговор с Николаем Адольфовичем. Мне было обидно отдавать свой материал Жоржику.

На семинаре Отдела поставили мой доклад о корневых системах растений субальпийских лугов и постановили, чтобы я написала статью для «Трудов Отдела геоботаники». Николай Адольфович и Елизавета

Александровна были на докладе. Она сидела, поджав губы и молчала. А Николай Адольфович, конечно, выступил очень доброжелательно. Но я понимала, что произошёл разрыв с Бушами, и была очень расстроена. Лесков утешал меня, говоря, что с Елизаветой Александровной вообще трудно работать и что, наверное, не нужно было мне ехать в Эрмани второй раз...

В 1939 году осенью в Доме учёных торжественно отмечали 70-летний юбилей Николая Адольфовича. Накануне сотрудники Отдела геоботаники отправили ему на Карповку корзину цветов и корзину фруктов с бутылками шампанского из магазина Елисеева (тогда Гастроном № 1). На празднование в Дом учёных были приглашены почти все сотрудники Отдела, в том числе и я. Не помню, было ли торжественное заседание в Белом зале; пожалуй, что нет — был просто банкет днём в большой Дубовой столовой дворца, на котором говорили речи и приветствия и читали адреса. Николай Адольфович — красивый, в сером костюме, приветливо встречал гостей как радушный хозяин. Народу было очень много: его ученики из БИНа, из Университета, сотрудники Гербария, нашего Отдела, сотрудники ВИРа во главе с Николаем Ивановичем Вавиловым[8], из Сельскохозяйственного института. Из Москвы приехали Константин Владимирович Арнольди с Верочкой (Верой Алексеевной Поддубной), была масса адресов, телеграмм, цветов. Были, по-моему, и кавказские друзья во главе с А. А. Гроссгеймом. Юбилей прошёл торжественно и тепло. Ведь все очень любили Николая Адольфовича, всем было хорошо на его празднике. Несмотря на то, что шла война с финнами, и вечером Ленинград был затемнён. Вероятно, поэтому юбилей был днём. Ведь только весной 1940 года у нас в городе стало по вечерам опять светло. Но ненадолго...

Как уезжали Николай Адольфович и Елизавета Александровна на барже летом 1941 года из окруженного фашистами Ленинграда, я не знаю. Почему они в этот год не выехали на Кавказ, как обычно, 6 июня, — тоже не знаю. Иногда думаю, что если бы они были бы уже к началу Великой Отечественной войны в Юго-Осетии, может быть, Николай Адольфович прожил бы дольше. Весть о смерти Николая Адольфовича во время пути, на Белом озере пришла в БИН уже во время блокады.

Точно не помню, в котором году после войны Елизавета Александровна впервые приехала в Ленинград. На семинаре Отдела геоботаники она делала доклад о том, как работала всю войну на Юго-Осетинском стационаре. Доклад произвёл большое впечатление. Благодаря мужеству и стойкости Елизаветы Александровны основная работа в Эрмани в питомнике и на лугах продолжалась все военные годы. Кроме того, Елизавета Александровна внедрила в хозяйство местного населения ряд

новых культур и, прежде всего, картофель, который до этого в Эрмани не сажали.

После доклада я подошла к ней, и мы по старому крепко обнялись. Я была у неё в «Астории» и провожала на вокзал. В гостинице, когда я пришла к ней вечером, она даже заплакала. Все прошлые недоразумения между нами были забыты. Мы вспоминали Эрмани, Николая Адольфовича, и она рассказывала о своей жизни в Осетии. Предлагала снова приехать работать к ней. Но я была занята картографическими и другими работами и не могла их бросить.

Но при обсуждении работ Юго-Осетинского Горно-лугового стационара я горячо ратовала за то, чтобы Отдел организовал там комплексные исследования. Туда ездили в разные годы А. П. Шенников и М. С. Яковлев, написавшие статьи о работе стационара. Кроме того, туда ездили В. М. Свешникова и зам. директора БИНа А. М. Шерстнёв. Под руководством Елизаветы Александровны работали аспиранты Отдела и в их числе Е. Е. Гогина, внучатая племянница Елизаветы Александровны, аспирантка Отдела геоботаники.

Мы же втроём поместили в «Ботаническом журнале» и некролог Елизаветы Александровны, вспоминая при этом и Николая Адольфовича. Ведь они остались для людей, знавших их, одним неделимым целым. Они были не только большие учёные, страстные исследователи, беззаветно любившие Кавказ с его замечательной природой, историей и людьми. Прежде всего, они были людьми с большой буквы. Они всегда стремились помогать всем, не жалели ни сил, ни денег, ни всего, что у них было, для пользы дела, для работы, для помощи студентам, молодёжи, своим товарищам, сотрудникам, рабочим. Оба они отличались большой скромностью и, несмотря на особенности тяжёлого характера Елизаветы Александровны, доброжелательностью по отношению к окружающим. Память о них сохранилась у людей, знавших их, которых, увы, уже осталось немного. И сейчас годы общения и работы с Бушами кажутся мне светлыми и радостными.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Семёнова-Тян-Шанская А. М.* Записки о пережитом. СПб: Анатолия, 2013. 338 с. Здесь и далее примечания редакции.

[2] БИН — Ботанический институт АН СССР (с 1991 года РАН).

[3] Южная Осетия, полная официальная форма –Республика Южная Осетия или Государство Алания — частично признанное государство в Закавказье. Топоним «Юго-Осетия», которым пользуется автор, возник в 1922 году, когда была образована Юго-Осетинская автономная область Грузинской ССР.

[4] СОПС — Совет по изучению производительных сил АН СССР, исследования которого были направлены на изучение природно-ресурсного потенциала страны.

[5] Чемерица Лобеля, или Чемерица Лобелиева (Vertrum lobelinum) — травянистое многолетнее растение из сем. мелантиевых. Ядовита, на пастбищах способна вызвать отравление домашних животных. Используется как лекарственное растение и природный инсектицид.

[6] Кельское озеро (Келыцад) — памятник природы, включённый в состав Лиахвского государственного заповедника.

[7] Ф. В. Самбук был расстрелян вскоре после ареста, в ноябре 1937 года.

[8] ВИР — Всесоюзный (с 1992 г. Всероссийский) институт растениеводства ВАСХНИЛ. Его создатель академик Н. И. Вавилов возглавлял институт с 1930 по 1940 год, до момента своего ареста. С 1967 года институт носит его имя.

В. Л. МЕЛЬНИКОВ
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

Л. С. МИТУСОВА НА КАВКАЗЕ

Когда говорите о Посейдонисе, не забудьте Кавказ. Удивительно, насколько это место не исследовано! После общеизвестных поздних древностей никто не обратил внимания на необычные горные тайники. Кроме мифа Прометея, Кавказ владеет удивительными легендами, но, к сожалению, люди смотрят на Кавказ как на сборище диких племён. Но нужно помнить, что это узловое место привлекало всех путников. Если возьмём Гималаи, Алтай, Кавказ, то получим тот Священный Треугольник, который древние народы называли явленным огненным Светом Бога, полагая, что в этих местах пылает Сияние Небесное. Нужно и Кавказ исследовать не столько от христианских времён, не от нахождения металлов, но от самых древних пещер и кладов. Можно найти основания циклопических построек и начертания знаков новых.

Дневник записей бесед Рерихов с Учителем[1].

Петербургская семья Митусовых многими интересными нитями оказалась связанной с Кавказом. Последняя из этой удивительной семьи — **Людмила Степановна Митусова** (1910–2004) — впервые побывала на Кавказе с родителями совсем юной в 1926 году, а её последние поездки на Кавказ в 1993–2003 годах проходили уже с нами, её молодыми помощниками по созданию Музея-института семьи Рерихов: Алексеем и Инной Бондаренко и мной, Владимиром Мельниковым, автором данной публикации. Многие десятилетия уникальные свидетельства о Кавказе накапливались в её личном архиве.

Для нас эта тема близка ещё и потому, что мы сами — уроженцы Кавказа, любим и знаем его. Кавказ для многих россиян — это место вдохновения, край лечения и отдыха. «Бальнеологический» аспект преобладает в восприятии Кавказа для той части россиян, которые живут в Санкт-Петербурге или где-то в средней полосе России. Тем, кто живёт в Краснодаре, Пятигорске, Владикавказе, Грозном, Махачкале, Дербенте, Гяндже или в других местах этого региона, известны и другие аспекты Кавказа, порой драматические. На Кавказе всегда было и остаётся мно-

го противоречий. Народы на Кавказе не всегда понимают и принимают друг друга, в некоторых регионах атмосфера в обществе напряжена. Поэтому так велика на Кавказе роль России. Россия для Кавказа — это мир и процветание. Кавказ для России — это дух свободы и героизма, это уникальные возможности, потенциал которых разворачивался на протяжении всех веков русской истории. Соседние страны не всегда оказывали благотворное влияние на развитие отдельных районов Кавказа. Всем известна борьба за Кавказ Османской империи, относительно поздняя исламизация автохтонного населения Кавказа, сохранение до последнего времени на Кавказе островков бытования ещё дохристианских религий семитского толка и греческого влияния. Из ранней истории Кавказа можно ещё вспомнить о Хазарском каганате, в котором в период его расцвета мирно уживались христиане, мусульмане, иудеи и язычники. Жители хазарского Хунзана, если верить источникам, даже исповедовали три веры одновременно: по пятницам вместе с мусульманами посещая мечеть, в субботу с евреями — синагогу и в воскресенье с христианами — церковь, желая «достигнуть истины всех религий». Кавказ — это и великий порог для переселяющихся в Европу народов, и граница многих великих царств, так убедительно запечатлённая Н. К. Рерихом на его рдяном полотне *«Граница царства»* (1915). Кавказ пережил многие смены эпох, его воспели Пушкин и Грибоедов, Лермонтов и Толстой, и его величие лишь возрастало. Благодаря России — это регион соприкосновения и сотрудничества культур, а не войн, разрушения и горя.

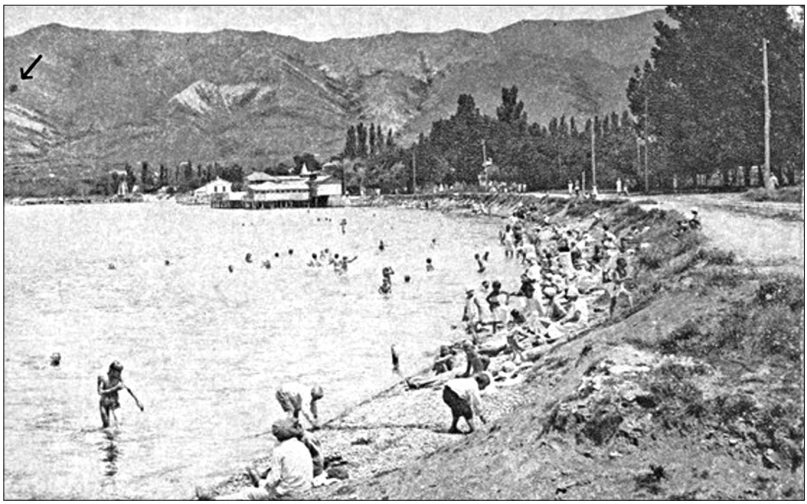
Уже в XX веке многие простые жители Санкт-Петербурга — Петрограда — Ленинграда искали на Кавказе следы великого прошлого и сами оставляли следы совершенно замечательные. Именно поэтому я бы хотел напомнить о семье Митусовых, о её последней представительнице Людмиле Степановне. Всей семьёй Митусовы побывали на Кавказе лишь однажды, в 1926 году, благодаря поддержке Рерихов[2]. Все остальные поездки Людмилы Степановны на Кавказ состоялись уже без отца, **Степана Степановича Митусова** (1878–1942), и ещё лишь единожды — с матерью, **Екатериной Филипповной Митусовой**, урождённой **Потоцкой** (1882–1942). Родители *Зюмы*, как по-домашнему звали её близкие, в силу своей бедности не могли обеспечить пребывание в тех или иных прекрасных местах Кавказа всему семейству, но постоянно давали возможность своим дочерям поддержать здоровье и расширить кругозор. Так Людмила Степановна оказывалась одна или с сёстрами — то со старшей **Златой** (1908–1942), то с младшей **Татьяной** (1913–1994) — в близких и дальних дачных местах. Глава семьи, насколько я запомнил рассказы Людмилы Степановны, так ни разу и не посетил многие полюбившиеся ей кавказские места. Он был слишком занят своими профессиональными обязанностями музыканта и преподавателя, стремясь

заработать занятиями с певцами на отдых юных дочерей. Как память о том времени сохранились письма, фотографии и даже записи связанных с Кавказом снов. Из книги Л. С. Митусовой нам известны названия мест, где ей довелось побывать[3]. Для изучения новейшей истории Кавказа все эти материалы представляют определённый интерес.

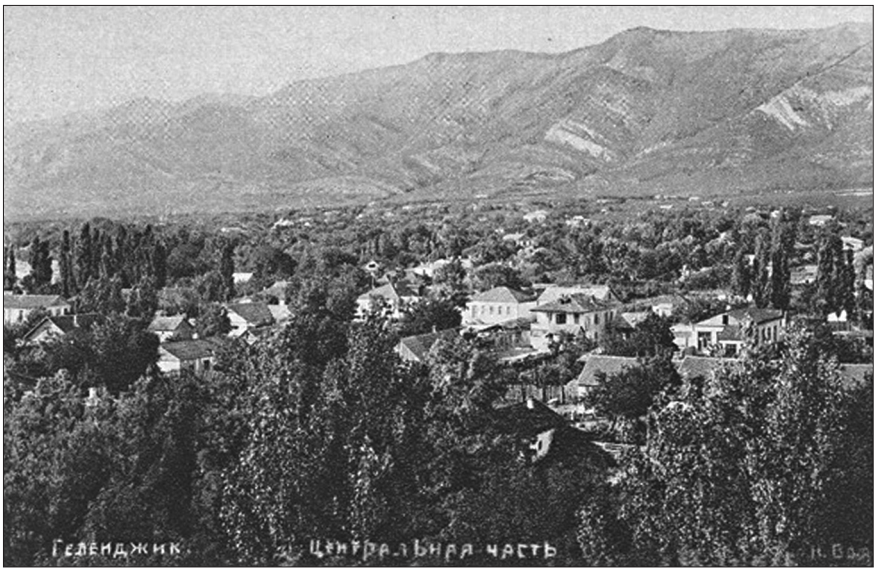
Географически тема «Л. С. Митусова на Кавказе» может быть представлена в виде следующей сводной таблицы:

Место пребывания	**Время пребывания**	**Кто из семьи Митусовых побывал**
Бакуриани	1929	Л. С. Митусова
Боржоми (Боржом)	1929	Л. С. Митусова
Геленджик	1926	Вся семья
	1927	Е. Ф., Л. С. и Т. С. Митусовы, А. В. Шелехова
Горячий Ключ	1995	Л. С. Митусова
Домбай и Теберда	1970-е	Л. С. Митусова
Ессентуки	2003	Л. С. Митусова
Кисловодск	2003	Л. С. Митусова
Краснодар	1993, 1995, 1998	Л. С. Митусова
Либани	1929	Л. С. Митусова
Ликани	1929	Л. С. Митусова
Молити	1929	Л. С. Митусова
Новороссийск	1926	Вся семья
	1927	Е. Ф., Л. С. и Т. С. Митусовы, А. В. Шелехова
Пятигорск	1998, 2003	Л. С. Митусова
Садгери	1929	Л. С. Митусова
Табацкури	1929	Л. С. Митусова
Тба	1929	Л. С. Митусова
Тбилиси (Тифлис)	1929	Л. С. Митусова
Тюменское	1993, 1998	Л. С. Митусова
Цихисджвари	1929	Л. С. Митусова
Цхрацкаро	1929	Л. С. Митусова

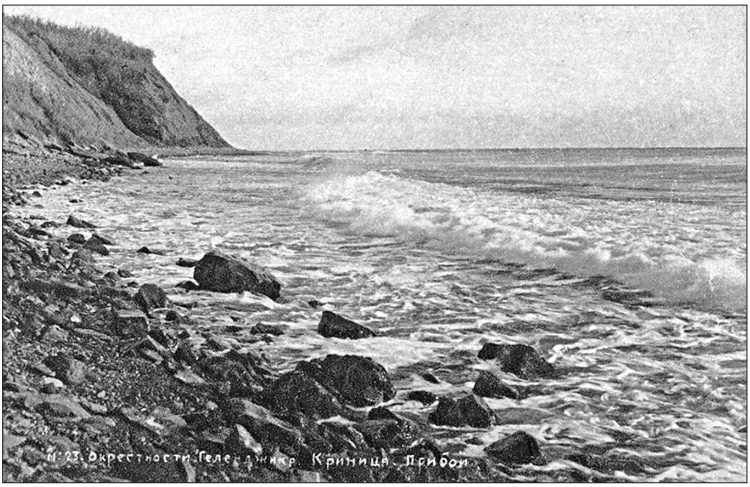
Здесь отражены не все места и годы пребывания — только те, что имеют документальное подтверждение в личном архиве Людмилы Степановны. Попробуем и мы «посетить» некоторые достопримечательные места Кавказа с помощью Л. С. Митусовой, описавшей их в своих письмах



Ил. 1. Геленджик. Полдень. Открытка. 1923–1925
На обороте — письмо Людмилы Митусовой старшей сестре Злате (конец июля 1927). Стрелкой отмечена точка, поставленная химическим карандашом, обозначающая место, куда сёстры Людмила и Татьяна Митусовы добрались во время одной из прогулок



Ил. 2. Геленджик. Центральная часть. Открытка. 1923–1925
Собрание СПбГМИСР. КП-7344



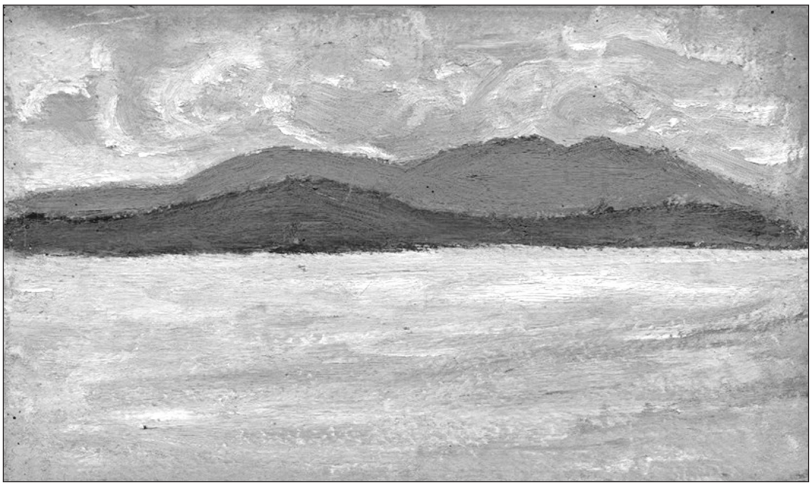
Ил. 3. Окрестности Геленджика. Криница. Прибой. Открытка. 1923–1925
Собрание СПбГМИСР. КП-7345

и записях. Все эти документы будут переданы мной Музею-институту семьи Рерихов в ближайшее время.

Первое место, нашедшее отражение в семейной переписке, — это черноморский курорт Геленджик, запечатлённый сразу на трёх открытых письмах из семейного архива, отпечатанных в Москве в 1923–1925 годах типолитографией военных топографов имени рабочего Дунаева (ил. 1–3). Открытки входили в одну серию, помеченную на обороте каждой из них как «Главлит № 89910», с тиражом три тысячи экземпляров.

Комментируя изображение на посланной в конце июля 1927 года своей старшей сестре Злате открытке (ил. 1), Людмила Степановна замечает: «Этот берег, снятый на карточке, не наш. Наш значительно ближе к горам». В Геленджике юная художница пробовала рисовать и даже писать этюды. Один из них сохранился, и ныне украшает собрание Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов (далее — *СПбГМИСР*) (ил. 4). В 2010 году он был выставлен в петербургском Центральном выставочном зале «Манеж» на выставке «Рериховский век»[4].

Своими впечатлениями Людмила Митусова делилась с отцом: «Папочка, мне часто приходится жалеть, что совсем не умею рисовать. Здесь бывают очень красивые виды! Однажды море и небо были совершенно жёлтые, а между ними лиловые горы. Так красиво, что трудно выразить, и я никогда не ожидала, что небо может быть такого цвета. Прямо что-то сказочное»[5]. В Геленджике Л. С. Митусова много читала (например, сочинения писателя Н. С. Лескова), вместе с младшей сестрой Татьяной



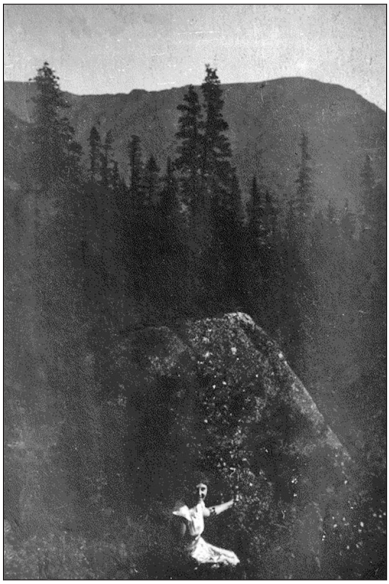
Ил. 4. Л. С. Митусова. Геленджикская бухта. 1927. Этюд, подаренный С. С. Митусову Картон, масло. 14,9 × 24,7. Собрание СПбГМИСР

и мамой составляла гербарии диковинных южных цветущих растений, собирала красивые камешки и раковины. Купались Митусовы в море либо рано утром (до семи), либо на закате (после семи). Все самые сильные впечатления фиксировались в письмах отцу, среди них, конечно же, на первом месте, красота окрестных гор в разные часы дня, затем «большие, очень красивые и сильные» черепахи, «очень красивые ящерицы ярко-зелёного цвета с чёрным рисунком до 17 см длины и 5 см толщины», случайно пойманный ёжик и то тут, то там снующие в море шаловливые дельфины. В одном из писем Злате Л. С. Митусова сообщила адрес, где они остановились в 1927 году: Черноморская губерния, город Геленджик, улица Луначарского, дача № 16 (ил. 5.).

Двадцать пятого июня Л. С. Митусова поинтересовалась: «Папочка, напиши, пожалуйста, сколько статей ты написал за наше отсутствие и отдохнул ли в одиночестве»[6]. О том же самом дочь писала и семнадцатого июля: «Папочка, судя по тому, что ты только начал статью, не похоже, что ты напишешь много. Уж не знаю, что теперь тебе мешает»[7]. Накануне в воскресный день все вместе были свидетелями лодочных гонок на море: «Народу было много, и потому я почти что ничего не видела, а сидела с каким-то очень странным одноглазым старичком. И всё разговаривала с ним о разных разностях. Он мне назвал несколько мест, куда я обязательно должна съездить или сходить. “Иначе, — говорит он, — вы зря и на юг приехали”. Но все эти места лежат не ближе 6, 7 вёрст от Геленджика, и потому наверно никуда не придётся сходить. Кроме того, он советовал перейти на ту сторону гор, и говорит, что это

Ил. 5. Современный вид участка в Геленджике,
где находилась дача, снятая Митусовыми в 1927 году

вполне возможно, и они (не знаю, кто они) уже несколько раз совершали такие экскурсии. Только надо взять с собою чего-нибудь поесть. Меня это несколько огорчило: как это люди ходят по ту сторону гор, когда я не могу подняться и на ¼. Уже совсем хотела идти, да мама говорит, что без мужчин и вообще только двум человекам (мне и Тане) никуда идти нельзя. Не понимаю, причём тут мужчины и причём большое количество народа, просто надо знать дорогу»[8]. Пишущей эти строки было 17 лет...



Ил. 6. Л. С. Митусова
в окрестностях Геленджика. 1927
Собрание СПбГМИСР. КП-3860

Двадцать девятого июля 1927 года С. С. Митусов писал своей супруге в Геленджик: «Я совершенно здоров. Играю Глазунова, Шопена и этюды. Читаю книги Е. П. Блаватской — чудо! как хорошо. Приберегу их для Зюмы. Очень просто и ясно написаны»[9]. К сожалению, у Л. С. Митусовой сохранилась лишь одна книга **Елены Петровны Блаватской** (1831–1891), нашей замечательной соотечественницы, путешественницы, писательницы, пророчицы, чья жизнь в молодости была неразрывно связана с Кавказом[10].

В своих воспоминаниях Л. С. Митусова отмечает, что в 1929 году «в связи с больными гландами» родители отправили её в грузинский Боржом к **Евгении Михайловне Островской**, подруге её бабушки (ил. 25 и 26). «У неё и её сестры Л[идии] Ми-

хайловны там был свой дом. Они жили с грузинами мирно, наряжали меня в грузинское платье — сохранилась такая фотография»[11] (ил. 8). В Москве Людмилу Митусову сопровождал друг юности отца, уроженец Кавказа Михаил Тер-Минасов. Он же попросил группу армян в поезде «покровительствовать» ей во время пути в Тифлис.

Ил. 7. Л. С. Митусова на Кавказе. 1920-е. Собрание СПбГМИСР. КП-3853

В те годы дорога на поезде из Ленинграда в Закавказье была долгой и утомительной, полной разных приключений. На станциях и даже во время движения поезда по вагонам сновали беспризорники. Чтобы попасть в Грузию, поезд огибал весь Кавказ, доходил до Каспия и проходил Баку. Восьмого июля 1929 года в открытом письме из Дербента Л. С. Митусова сообщала своей матери: «Сегодня еду прекрасно. Погода пасмурная и не так жарко, а вчера было очень томительно. Кроме того, сегодня едем по берегу Каспийского моря, от чего тоже значительно легче. Дорога у меня очень интересная»[12].

В 1929 году Людмила Степановна сначала побывала в Тифлисе, где гостила у друзей отца, в семье Марджанишвили. Известный грузинский режиссёр **Константин Александрович Марджанов (Марджанишвили)** (1872–1933), с которым С. С. Митусов сотрудничал в Театре комической оперы в Петрограде, в середине 1920-х годов окончательно перебрался в Тифлис. Здесь же жили его первая жена **Надежда Дмитриевна Живокини-Марджанова** (1876–1960) и их сын, будущий доктор физико-математических наук, академик АН СССР **Константин Константинович Марджанишвили** (1903–1981). Именно в их тифлисском доме Людмила Митусова останавливалась несколько раз.

Ил. 8. Л. С. Митусова в Боржоми 1929. Собрание СПбГМИСР КП-3856

В своей книге Л. С. Митусова вспоминает: «У Константина

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ОПЕРНЫЙ ТЕАТР

ТИФЛИС.

СИМФОНИЧЕСКИЕ КОНЦЕРТЫ

Оркестра Гос. Акад. Оперного Театра

ПОД УПРАВЛЕНИЕМ

Владимира Савич

(Нью-Йорк)

I-Й КОНЦЕРТ

9-го июля 1929 года

I-ое отделение.

ИОГАНН БРАМС

(Родился в 1833, умер в 1897 году).

ПЕРВАЯ СИМФОНИЯ. Соч. 68.

1. Un poco sostenuto. Allegro.
2. Andante sostenuto.
3. Allegro.
4. Allegro non troppo, ma con brio.

II-ое отделение.

ПЕРСИ ГРЕНДЖЕР.

«ПЛЯСКА АНГЛИЙСКИХ ПАСТУХОВ».

Н. А. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ.

(Род. в 1844 г., ум. в 1908 г.).

Полет шмеля из оперы «СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ».

ОТТОРИНО РЕСПИГИ.

(Род. в 1879 г.).

„ПИНИИ РИМА"

Симфоническая поэма в 4-х частях (без перерыва).

1. Пиния виллы Боргезе.
2. Пиния у катакомбы.
3. Пиния на Janикуле.
4. Пиния на дороге Аппия.

Все произведения исполняются в Тифлисе впервые.

Ил. 9 и 10. Листы программки концерта оркестра под управлением Владимира Савича в Государственном Академическом Оперном театре в Тифлисе. 9 июля 1929 года

Александровича в то время уже была другая жена — Тамара. Сохранилось несколько моих писем из Боржома в 1929 году с подробным описанием моего весёлого пребывания в Тифлисе в гостях у Надежды Дмитриевны и Константина Константиновича, или “Котика”, как его называла мать»[13]. В письме к младшей сестре Татьяне в июле 1927 года она сообщила, как курьёзно познакомилась с «Котиком», ставшим навсегда её верным другом: «Когда я пришла к Надежде Дмитриевне, Константин Константинович принял меня за студентку и хотел прогнать меня, так как боялся, что я буду просить его, чтобы он меня проэкзаменовал. Ну, потом это всё уладилось, я всё время хохочу, когда вспоминаю его вытянутое лицо»[14].

Вечером 9 июля 1927 года в Тифлисе, в Государственном Академическом Оперном театре состоялся симфонический концерт оркестра этого театра под управлением Владимира Савича из Нью-Йорка[15], на который Людмила Митусова была приглашена. На обороте его программки (ил. 9 и 10) она написала короткое сообщение родным[16].

1. Л. С. Митусова — Митусовым

Тифлис, Грузия. 11 июля 1929 года

Девятое июля провела чудно.

Если не растеряюсь и не забуду, постараюсь подробно описать и свою поездку, и времяпрепровождения в Тифлисе. Сейчас писать не могу,

так как уже темнеет, а ещё нужно сходить на гору за домом. Сейчас вылезу из окна и буду на горе.

Ещё тысячу раз целую.

Зюма.

Автограф в архиве В. Л. Мельникова (Санкт-Петербург).

Вот как описала Людмила Митусова район Тифлиса, где ей довелось провести несколько дней и ночей: «Доехать до самого дома не пришлось, так как улица, на которой живут Надежда Дмитриевна и Константин Константинович, очень узкая и по ней не только проехать нельзя, но и пройти трудно. Уж очень большие камни на дороге. Но сама улица — прямо прелесть. Это тюркский край, не имеющий ничего общего с центральным Тифлисом, почему сильно выигрывает, так как центральный Тифлис более или менее обыкновенен» (из письма сестре Татьяне в июле 1929 года)[17].

Ниже приводятся ещё семь писем Л. С. Митусовой, отправленных из Боржома в Ленинград в июле–августе 1929 года, в сопровождении иллюстраций некоторых упомянутых в них мест. Эти письма — свидетельства бурного духовного роста и расширения кругозора автора. Многие затронутые в них вопросы продолжали волновать Людмилу Степановну всю жизнь, а ведь её удивительная жизнь, начавшись ещё до революции, длилась без малого 94 года и завершилась на следующий

Ил. 11. Боржом. Общий вид. Фотография С. М. Прокудина-Горского, изданная около 1912 года. Собрание Библиотеки Конгресса США (Вашингтон)

год после празднования 300-летия Санкт-Петербурга, уже в XXI веке. Для нас её жизнь — неисчерпаемый источник радости и знаний.

2. Л. С. Митусова — С. С. Митусову
Боржом, Грузия. 11 июля 1929 года

Дорогой папочка, вот я и в Боржоме[18]! Как бы я хотела, чтобы ты и вообще наши взглянули хоть одним глазом на здешнюю красоту. Я приехала вчера поздно вечером и обалдела: кругом горы тёмными силуэтами, масса деревьев, небо, всё в звёздах, звон от мух, чудный запах и беспрерывный шум Куры... Сидели на балконе, пили чай, а потом меня и Танечку[19] спать уложили на балконе. Лучше этого я ничего не могла и придумать. Можешь себе представить, какое удовольствие лежать на воздухе и смотреть на звёздное небо, на края гор с застрявшим на них месяце, на тёмные высокие деревья. Если бы я могла передать своё состояние тебе, маме, Злате, Тане, да и не только вам, а всем-всем, я была бы ещё счастливей. Ты, папочка, не смейся над моим таким сумасшедшим настроением. Если бы я тебя видела, мне не нужно было бы и писать о нём, ты бы сам всё увидел, и это было бы гораздо, гораздо лучше. Это не было бы смешно. Ну а писать о своём настроении, конечно, очень трудно, да и получается совсем не то. Я вчера долго лежала с открытыми глазами и думала, а Кура всё шумела да шумела. Утром я проснулась часов в восемь. На балконе было яркое солнце, опять всё новое, всё неожиданное.

Сегодня очень много гуляла с Танечкой и с каким-то молодым человеком, это только сегодня, а потом буду ходить с Танечкой одна, так как этот человек нас очень стеснял: одет с иголочки, вброд переходить Куру отказался, по крутым местам лезть не хотел, одним словом, всюду соблюдал приличия. Сейчас пишу, а горы отвлекают: как раз напротив на горе сидят тучи, и гора точно их не пускает в Боржомское ущелье; над ним чудное голубое небо.

А боржомская вода мне не нравится. Сразу, когда стала пить, показалось вкусно, а потом заметила, что от неё точно сероводородом пахнет, даже стакана допить не могла. Боржом из бутылок совсем другого вкуса.

Совсем запуталась: хотела написать про Тифлис, пишу о Боржоме. Я ведь в Тифлисе выходила и пробыла в нём полтора дня. Сразу, как приехала, отправилась в адресный стол, а затем появилась у Надежды Дмитриевны и Константина Константиновича [Марджановых]. Вот были поражены. Осмотрела почти весь Тифлис. Город весёлый, хороший, но жара... прямо некуда деваться. На улицах армяне, грузины, тюрки, евреи, русские, татары, верблюды, ослы, буйволы, полное смешение.

Вечером была с Надеждой Дмитриевной и Константином Константиновичем в театре на Симфоническом концерте. От «Полёта шмеля»

Ил. 12. Садгери. Монастырь Святого Георгия. Церковь Георгия Победоносца
Фото Ильи Смирнова 2016 года

Римского-Корсакова прямо в восторге, а о Савиче не могу сказать ничего. В общем, мне очень понравилось. Ещё могу написать много-много, но сейчас некогда, лучше буду писать чаще, но понемногу. Много нужно написать Тане, маме, тёте Ане[20] и Злате. Тане напишу всю юмористическую сторону путешествия, Злате — трагическую.

Папочка, милый, постарайся снова быть весёлым. Я всё думаю и вспоминаю тебя грустным-грустным. Крепко-крепко целую. *Зюма.*

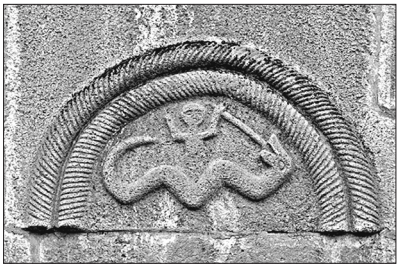
Автограф в архиве В. Л. Мельникова (Санкт-Петербург).

3. Л. С. Митусова — Е. Ф. Митусовой
Боржом, Грузия. Середина июля 1929 года

Дорогая мамочка, живу как нельзя лучше. Много исходила, много узнала.

Третьего дня ходила с жильцами Евгении Михайловны [Островской] и Танечкой в грузинскую деревню Садгери[21]. Вот чудное-то местечко! Там совершенно нет дачников, и живут лишь одни грузины. Кругом горы, речка, одним словом, совсем отдельный мирок.

Вот и наврала! Дачники-то там есть, но это совершенно особые дачники[22]. К ним-то мы и направились, так как они нас приглашали. Это муж — пятидесятилетний смуглый, мускулистый старик — и его жена — значительно моложе, типичная грузинка — сухая, худая и тоже совершенно чёрная. Они прекрасно знают весь Кавказ, излазили все горы,



Ил. 13. Садгери. Деталь внешнего убранства церкви Георгия Победоносца. Фото Ильи Смирнова 2016 года

знают берлоги медведей, знают, где водятся олени, и ходят ежедневно по тридцать вёрст. Прежде всего, они нас основательно напоили и накормили, а затем повели к грузинской церкви V века. Церковь эта очень интересная и гармонирует с окружающей природой. Особенно интересно примитивное изображение Георгия Победоносца со змеёй. Потом мы спустились к реке, перешли через неё вброд к водопаду. Мамочка, как бы ты знала, как красив горный водопад. Я прямо не могла от него оторваться...

Перед отходом нас опять кормили и поили, и дома мы были лишь в девять часов.

Подумай, мамочка, эта дама, Ольга Сергеевна Лосьева, оказалась родной тётей Верочки Римской-Корсаковой[23], а я всё время видела в ней дикую грузинку. Она предложила мне сделать с ними несколько экскурсий в Либани[24] и в Бакуриани[25], причём в Бакуриани нужно идти с ночёвкой, чтобы посмотреть там восход солнца.

Кроме того, она сообщила мне, что скоро приедут Римские-Корсаковы: Верочка, Гога[26], Леночка[27] и ещё кто-то. Жить они будут в Боржоме, так как Садгери очень далеко от станции. Они, по всей вероятности, тоже будут всюду ходить.

Боюсь только, что Евгения Михайловна [Островская] меня в Бакуриани не отпустит, так как я сегодня заболела, ночью мне было очень плохо, а сейчас уже совсем хорошо. И, конечно, Евгения Михайловна всю мою болезнь свалила на путешествие в Садгери, а на самом деле я заболела исключительно от родниковой воды, которую я пила с утра до вечера. Ну да уж придётся повоевать.

Мамочка, мои полуботинки скоро совсем погибнут, и мне совершенно не в чем будет ехать домой, не знаю, хватит ли мне их до отъезда. А в них по горам лазить очень удобно. Вот только в парк ходить не в чем, да я решила по вечерам туда и не ходить: во-первых, вечером там, безусловно, очень сыро, так как он находится в самом низу, во-вторых, в розовых туфлях ходить жалко, потому что, чтобы не платить 25 копеек за вход, я хожу через гору по очень крутому спуску, а в полуботинках ходить неудобно. Там исключительно ходят в шелку, в крепдешине и так далее. И, в-третьих, боржомская вода меня ничуть не привлекает, так как она содержит очень много железа и отвратительно пахнет. Ещё испортишь зубы. Когда совсем поправлюсь, буду ходить в парк по утрам, что-

бы приносить Евгении Михайловне и Лидии Михайловне боржомскую воду, а сама пить не буду.

Мамочка, что же вы так долго не высылаете посылку и карточки? А как быть с пропиской, я уж и не знаю. Ведь я дома не выписана, а прописаться, кажется, нужно.

Кстати, Евгения Михайловна хочет тебе написать, чтобы вы не ждали от меня писем, потому что я ежедневно трачу на писание час, полтора и два, а поздно вечером хожу опускать. Должна была написать Надежде Дмитриевне [Живокини-Марджановой] в Тифлис, Константину Константиновичу [Марджанишвили] в Батум[28], Мише и Кате [Тер-Минасовым], Оле [Фатьяновой], так как я от неё уже получила письмо, собираюсь писать Лиде [Петровой], Любе [Мироновой], Гале [Фурман], Феде[29], Эле [Галлер] и так далее[30]. Эле от меня очень-очень кланяйся, целуй её и скажи, чтобы она мне сообщила о текущих делах. Скоро ей напишу.

Ну, мамочка, пиши, как живёте. Всё по-прежнему? Такая же кислая? Нехорошо, если так. Не нагоняй тоску, прежде всего, на себя, а потом на других. Я часто думаю о вас, и так грустно-грустно становится, что может быть такая громадная разница в настроениях и вообще во взглядах на жизнь. С удовольствием вспрыснула бы тебе своего чудного весёлого самочувствия. Да как это сделать. Вот как будто и всё, больше писать нечего. Крепко целую. *Зюма*.

Автограф в архиве В. Л. Мельникова (Санкт-Петербург).

4. Л. С. Митусова — З. С. Митусовой

Боржом, Грузия. 18–20 июля 1929 года

Дорогая Злата, как живёшь? Вернее, как живёте? Какие перемены или всё по-прежнему кисло? Напиши, Злата, а то я всё время мечтаю, думаю, что всё переменилось к лучшему. Думать-то так только и можно в Боржоме в горах за тысячу вёрст от действительности.

Только вечером, когда лягу спать, станет грустно: боюсь, что всё по-прежнему. Ты — худенькая, грустная, папа — грустный, мама — бедная, тётя Аня, ну да что тебе об этом писать. Лучше слушай, какого забавного человека я недавно повстречала.

Помнишь, как я дома ревела, когда рисовала, и всё ссорилась с тобой, то есть ты меня не понимала, совершенно не понимала. Подожди, поймёшь, к чему я это пишу.

Вчера мы отправились в Ликанский дворец, опять с жильцами Евгении Михайловны. По пути они зашли в экскурсионную базу за какими-то дамами и мужчиной. Смотрю я — из базы выкатываются дамы, одна другой наряднее: жёлтая, розовая, голубая, белая, и все толстые, а сзади идёт

Ил. 14. Боржоми. Дворец в Ликани. Фотооткрытка советского периода (после 1936 года, но не позже начала 1950-х). Частное собрание (Россия)

кубышечка, то есть такая кубышечка, какую я ещё от роду не видела. Это не человек, а карикатура на человека в голубой васильковой рубашечке. Посмотрела я на эту разнаряженную компанию, задрала все волосы кверху, одела панамку как нельзя более по-дурацки, воткнула в неё куриное перо и отправилась с Танечкой вперёд. Нас не знакомили, а я и не поздоровалась. Пускай что хотят думают, дикарка так дикарка.

По дороге кубышечка нас догнал и сказал, что его послали познакомиться с ленинградскими жителями. «Говорят, они очень дикие», — добавил он. А мы, как увидели рядом с собой такую комическую фигуру, так всякую способность говорить потеряли. Таня не выдержала и захохотала, а я ей строгим тоном: «Таня, о чём ты, что случилось?». У самой голос от смеху дрожит. Ну, как-то это неудобство замялось, и мы разговорились. Он оказался из Москвы, много путешествовал. Спрашивал, где я учусь, куда собираюсь поступать. Я отвечала, но ни в какие подробности не пускалась. Когда пришли в Ликанский дворец, мы опять отделились от честной компании.

Ликаны — местечко прекрасное[31], сам дворец шикарный, но ничего особого из себя не представляет. Жил в нём Михаил Николаевич[32], а теперь живут наркомы, скоро, кажется, будет жить Луначарский[33].

Как мы ни прятались, нас отыскали, и обратно опять шли с каракатицей.

Прежде всего, я ему наврала, что моё настоящее имя Зюма, я всем так говорю. Потом сказала, что мы их просто потеряли, а совсем не сбе-

жали от них. Шли-шли и разговорились. Он охарактеризовал меня по моему имени Зюма, сказал много забавного. Затем охарактеризовал Злату, Елену, Татьяну и всё очень верно и интересно. Предлагал мне охарактеризовать Марка, так зовут его самого. Я отказалась. Он мне напомнил Марка [Волохова] из «Обрыва»[34], но я подумала, что это прямо насмешка давать имя такой кубышке, как он.

Мне же он говорил, что ему кажется, что я вполне оправдываю своё имя, что я натура художественная и немного даже сумасшедшая. Вот, думаю, дурак-то: я ему сказала, что хочу поступать в Академию художеств, так он уже решил, что и натура художественная, ну и сумасшедшая поэтому же.

Только он смотрел, смотрел на меня, да вдруг и говорит: «А знаете, мне кажется, что не пойдёте Вы по этой дороге, и не хотите, да и не того Вам совсем надо».

— Чего же надо? — удивилась я.

— Сам не знаю, только вижу, что Вас это не удовлетворяет. Вы, — говорит, — хотите жизнь с волнениями живую, не сидячую. Жить — вот Вы что хотите!

Жить-то жить, а делать что-нибудь надо, иначе какая же жизнь.

Наконец, я созналась, что действительно рисование это только зацепка, но что больше ничего выбрать не могу. Он стал догадываться: может быть, музыка? Драма? Я не сказала, хотя он убеждал меня сказать, желая дать мне какой-нибудь совет.

Когда прощались, он, смеясь, сказал, что я совершенно не Муму и не дикарка, как он думал раньше, и что со мной интересно поговорить. Оказался этот человек словесником и психологом. Преподаёт в нескольких московских школах во второй ступени литературу.

Мне было несколько неудобно, что я ему так сначала врала, ну а, в общем, он говорит очень интересно и лицо у него славное, хотя фигура — прямо комедия.

Конечно, разговор я тебе передала далеко не дословный. Он говорил ещё очень много интересного.

Ну, вот видишь, как можно ошибиться о человеке по наружности. Я сначала даже дурила, врала и отвечала, Бог знает как. Смешила этим Таню, да и сама потешалась.

20 июля

Пишу тебе письмо несколько дней, и всё не могу кончить.

Вчера на горе нашла какую-то очень красивую мясистую траву. Разломила её, а внутри точно молоко, я и слизала самую капельку, ну и мучаюсь до сих пор. Сожгла весь язык, нёбо, горло, губы. Везде вскочили прыщики, и слезает кожа. Сегодня утром ела и не чувствовала совершенно вкуса еды, точно вату какую-то ешь. А на лице, куда тоже

Ил. 15. Вид на Бакуриани и горы Триалетского хребта Малого Кавказа
Современная фотография

попала эта отвратительная жидкость, появились точно ожоги, ну да теперь уже лучше.

Кстати, со спины и с шеи у меня тоже слезла кожа. Вот что значит сарафанчик.

Злата, а я здесь прямо мученица. Столько красивых мест, одни Садгери чего стоят, и никуда не пускают без провожатых. Евгения Михайловна боится местных жителей, а я, наоборот, кроме хорошего от них ничего не видела. Ну да я решила сбежать, обязательно уйду на день в Садгери. Там так чудно, так чудно: и дико, и тихо. Танечка меня тоже мучает: везде ей надо лазить, где я лазаю, а лазает, как слон.

Мне даже смешно, где я иду совершенно свободно, она и даже жильцы Евгении Михайловны идут чуть ли не на четвереньках, полчаса разбирают место, куда ногу поставить, а я жди, не ждать-то ведь неудобно. Вот и вспоминаю, как бы было хорошо полазить с тобой, да с Таней, а не с этими тетёхами. Вот Лосьевы ходят замечательно, меня так тянет к ним, да вот не пускают. Ты, Злата, попроси маму, чтобы она как-нибудь тонко намекнула, чтобы я побольше ходила да подальше, чтобы не боялась и одна совершенно ходить. Человек, мол, я взрослый, сама за себя отвечаю, а Евгения Михайловна за меня отвечать ни пред кем не будет. Вообще, если мама напишет Евгении Михайловне, будет очень недурно. Евгения Михайловна такая заботливая — прямо удивительно. И варенье от зимы припрятала для нас, и ягоды до моего приезда берегла, и кормит, и поит, и волнуется, и сердится, ну, одним словом... даже и не знаю, как сказать.

Злата, и ты пиши, скорее пиши. Что Ксюша[35]? Жива? Я о ней тоже часто думаю, в особенности, когда жарко. Как она о солнце мечтала! А здесь солнца и воздуха вдоволь. Сам Боржом — курорт шикарный, но отойти за версту, перелезть в другое ущелье... и чудо, курортников нет, вот главное.

Папе скажи, что я растранжирюсь. Уж очень мне в Бакуриани съездить хочется, а там нужно ночевать, может быть, две ночи, чтобы слазить на Цхрацкаро[36]. Вот только говорят, что туда потеплей одеться надо, а у меня только пальто, тёплого платья нет. Ну, как-нибудь. Когда съезжу, напишу всем, а это письмо только для тебя.

Кланяйся Тимошам[37]. Они очень-очень славные. Поцелуй Ираиду Дмитриевну. Теперь верно долго не буду писать на Болотную[38]. Нужно писать в Москву, девочкам и мальчикам, а вам пишу, пишу, а от вас ничего. Даже посылки до сих пор не выслали.

Всех наших крепко целуй, Таня пускай отвечает, а то писать не буду. Может быть, тебе что-нибудь и забыла написать, ну да довольно, и так много.

Крепко, крепко целую. *Зюма.*

Автограф в архиве В. Л. Мельникова (Санкт-Петербург).

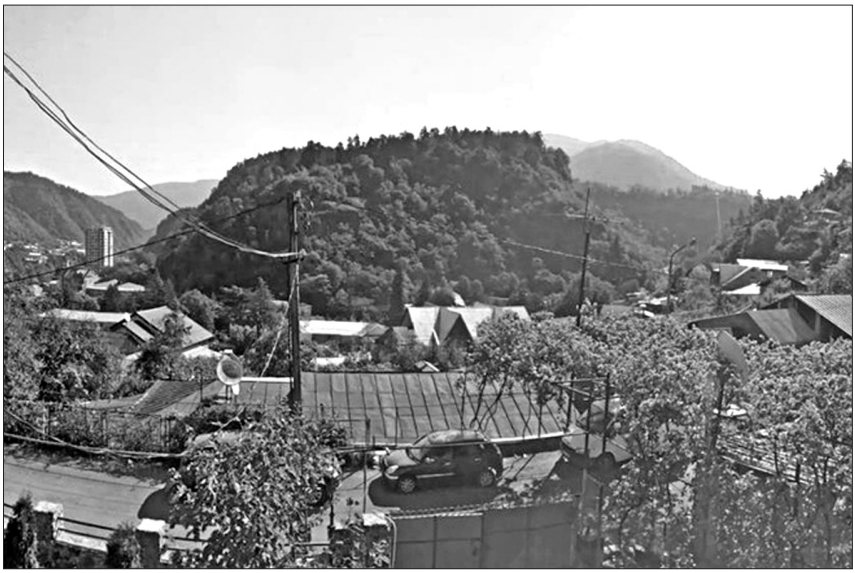
5. Л. С. Митусова — С. С. Митусову

Боржом, Грузия. 31 июля 1929 года

Милый, дорогой папочка, твоё письмо сразу заставило написать. Отложила все другие письма, хочется написать тебе. Ты просишь писать всё и не откладывать. Знал бы ты, как много я пишу, почти каждый день, а потому всё по свежим впечатлениям. Действительно, если что-нибудь пропускаю, то задним числом уже не пишу, так как новые впечатления гасят старые. Кроме того, повторять одно и то же несколько раз, даже два, я не могу и потому то, что пишу другим, не пишу вам, и наоборот. Зато будет что рассказать. Думаю, если составить все мои письма, так получится прямо дневник. Смешно даже.

Теперь о Боржоме. На днях опять была в Садгерах. Милые Лосьевы, сидя с ними в их голубятне на балкончике, затянутым диким виноградом, чувствую себя прекрасно. Ем мацони[39], чаду (местный хлеб из кукурузы)[40], пью кофе.

Александр Петрович говорит со мной о политике, о социализме, о коммунизме, об англичанах, китайцах и так далее. Очень забавно. Правда, во многом и очень во многом я с ним совершенно не согласна, но всё же говорить с ним интересно. Странно, что он говорит с такой девчонкой, как я, так серьёзно и вдумчиво. Он коммунист очень старый, но теперь его из партии, кажется, вышибут. Ольга Сергеевна беспрерывно



Ил. 16. Вид с веранды современного дома в Садгери. 2017

трещит о прогулках, об экскурсиях, о цветах и о горах. К моему приходу всегда достаёт мацони, так как мне оно очень понравилось.

Но, конечно, больше всего в Садгерах я гуляю. Что ни поворот, то новое чудо.

Вечером Ольга Сергеевна провожала нас домой. Случайно обернувшись назад на Садгери, мы встали как вкопанные: между двумя сильно синеющими горами, как в рамке, виднелась группа гор. Очевидно, заходящее солнце придавало им такую необыкновенную окраску. Передние горы были голубыми, значительно светлее боковых гор, за ними была большая гора, залитая ярко-жёлтым светом, точно она была из золота, но не производила впечатления чего-то тяжёлого, а наоборот, была какая-то лёгкая, воздушная. За этой горой была видна Цхрацкаро[41]. Она была тоже жёлтая, но до того светлая и воздушная, что трудно было поверить, что это такая же гора, как и горы подле нас, и что она не образовалась из жёлтого неба, с которым местами, но не верхушкой, сливалась. Можно подумать, что на ней живут все сказочные существа, но подумать, что мы через несколько дней полезем на эту гору — невозможно. До того она казалась не реальной, а какой-то фантастической, сказочной.

Ну, видишь, как долго застряла на описании, да пойми, что уж слишком это произвело на меня сильное впечатление. Долго я смотрела на эти горы. Хотелось как-то обнять, удержать их в памяти, чтобы закрыть глаза и опять видеть всю картину.

Ил. 17. Краеведческий музей Боржоми, основанный в 1926 году
Современное фото

Когда вечером лежала в кровати, мне было грустно-грустно, точно я потеряла какую-то драгоценность, которую никогда не найду и не смогу показать её всем вам.

* * *

Сейчас вернулась с Таней с прогулки. Были опять совершенно в новом месте. Поднялись на высокую гору и когда заглянули на другую сторону, заликовали. Отсюда были видны Цхрацкаро, Садгери, скалы «Он и она», про которых в Садгерах сложилась забавная история, и река. Хорошо, главное то, что место — совершенно дикое, довольно крутой и очень высокий обрыв, покрытый лесом, наверху между кустарников — тропинка, где мы и стояли. Сюда, верно, не придут эти несносные курортники, может быть, удастся порисовать. Приду совершенно одна. А от людей нет житья: только сядешь, напустишь краски на палитру, помажешь, за тобой уже три, четыре человека. Я моментально всё складываю, мокрый рисунок тоже и бегом спасаюсь домой. Ужасно обидно. Недавно выбрала хорошее место в лесу на горе, начала рисовать и только увлеклась, как явились грузины. Это ужасный приставучий народ. Пристали, чтобы я нарисовала их, уселись рядом и пороли всякую чепуху. Видя, что я упорно молчу, они стали убеждать меня, что грузины чудный народ, что бояться их нечего и так далее, и так далее. Я злилась

и попросила их убираться. Тогда они стали говорить, что я северная, холодная, злая. Что солнце мало разогрело мою душу. Пришлось уйти. На другой день пошли в другое время, опять повторилось то же самое. Было жаль бросать этот рисунок, так как уже много в нём сделала, но пришлось бросить, потому что во время бегства всё размазала и палитра целиком отпечаталась на рисунке. Если даст мне Евгения Михайловна фанеру, пойду рисовать на новое место, не даст — буду ждать посылку.

Передай Злате, что каракатица, она знает, о какой каракатице я говорю, догадался по моей внешности, что я пишу очень неграмотно, но уверяет меня, что года через два, три это совершенно устранится. Это так, между прочим.

Кончила «Лурд»[42]. Совсем не нравится! Была сегодня на выставке картин художницы Валески — — — —[43]. С географической стороны она дала много, почти весь Кавказ, но с художественной мне тоже совсем не нравится. Папочка, ведь Золя считается писателем очень хорошим, почему же он мне не нравится? И слог, и сюжет, и всё-всё.

На днях в Боржом приедет Андрей Николаевич[44], будет лечиться. Хочу поймать его в парке.

Крепко, крепко целую тебя, также целуй наших.

Почему не пишут Злата и Таня. Злате уже два письма написала. Тимошам кланяйся. Твоя Зюма или ზიუმ .

Автограф в архиве В. Л. Мельникова (Санкт-Петербург). В начале и в конце письма — надписи на грузинском языке, означающие место, дату и имя автора письма.

6. Л. С. Митусова — Е. Ф. Митусовой

Боржом, Грузия. 1–2 августа 1929 года

Дорогая мамочка, теперь всё на месте. Сегодня по карточке получала чай и хлеб, завтра получу сахар и другие продукты. На днях жду посылку. Теперь не беспокойся. Верно, ты часто думаешь, как я. Особенно по вечерам, не правда ли? А я живу хорошо, очень хорошо, особенно, когда получаю от вас письма, хотя они и очень туманные, и я не могу понять о вашем житье.

Третьего дня приехала Верочка, Ира[45] и Людмила[46], одна из последних — дочь Софии как будто Николаевны[47], которая хорошо знает папу. Все они очень славные и милые. Я сбежала с ними без Танечки на целый день в Садгери, а в этот день как раз от Евгении Михайловны уезжали тифлисские знакомые. Я с ними даже не простилась, и они упрекали меня, говорили, что я гнушаюсь их обществом, что я даже не захотела сниматься с ними и не могла не идти в Садгери. Всё же просили на обратном пути заехать к ним в Тифлис и прожить недельку. Обещали

Ил. 18. Ира и Людмила с матерью Софией Николаевной Троицкой. 1920-е
Фотография из собрания Н. К. Головкина (Санкт-Петербург)

Ил. 19. Вера Михайловна Римская-Корсакова
и Ирина Владимировна Головкина. 1930-е
Фотография из собрания Н. К. Головкина (Санкт-Петербург)

всё показать, поводить по каким-то особым столовым, в Ботанический сад, в баню. Постараюсь воспользоваться их приглашением.

Теперь погода хорошая, скоро отправимся в Бакуриани. Ночёвка мне там ничего не будет стоить, так как Верочка приглашала ночевать у них: они обосновались там. Дорога тоже ничего не будет стоить: мы пойдём пешком. Но еду Ольга Сергеевна взять не позволяет, говорит, что её дочь обидится, если я с собой что-нибудь возьму.

Одним словом, не имей сто рублей, а имей сто друзей. Это истина.

Нашла новое занятие: в диких местах с горы спускать вниз камни, особенно, с моего нового места. За кустарником не видишь, как камень катится и прыгает, слышишь только, как он грохочет. Слышишь долго, долго. Кажется, что уже застрял где-то, вдруг внизу далеко сильно ударится. Жутко, мурашки по спине пробегают.

Недавно в Садгерах с обрыва упали два быка и обратились в мешок с костями. Бедные, они так много работают; в обрыв их стащило бревно, которое они везли на себе. Лошадей здесь почти совсем нет, только у фаэтонщиков. Работают быки и ишачки. Ишаков тоже жаль: они так кричат, так плачут! Плохо с ними обращаются. А хорошенькие они очень.

* * *

Сейчас обедали. Во время обеда была чудная гроза, мы прямо чуть со стульев не попадали. Молния — и за ней моментально гром, и такой гром! Такой гром! Даже дом трясся. Благодаря горам эхо тут непрерывное, а потому гром страшно продолжителен. Первый удар очень сильный и сухой, потом значительно мягче. Когда блеснула первый раз молния, я приготовилась считать, но не успела сказать «раз», как затрещало. Я совершенно машинально вскочила и побежала с балкона в комнату, Таня закричала и тоже спряталась в комнату. Потом я сообразила, что это был только гром, и с нетерпением ждала на балконе второго, третьего и четвёртого удара. Очень хорошо!

Мамочка, милая, напиши мне скорее адрес Казанских[48] и Татьяны Владимировны[49], Володе[50] я послала открытку и по интуиции написала дом 61, кв. 49[51]. Очевидно, неверно, а то бы был ответ или ты написала бы.

* * *

2 августа

Мамочка, Верочка и К° сняли комнату в Садгерах, так как им в Бакурианах не понравилось, там слишком много курортников, а в Садгерах никого. Завтра отправлюсь к ним. Опять проведу целый день. Забыла написать, что в Садгерах я каждый раз купаюсь. Купаться хорошо, течение очень сильное, но не глубоко, лягу, и вода через меня переливается.

Хочу взять с собой побольше фруктов, а то не удобно, объедаю их во всю, с собой же даже хлеба не приносила...

Юшка[52] вместо *баба* сказала *боба*, я вспомнила дядю Бобу[53]. Как это я ему всё не посылала поклонов, не понимаю. Целуй его. Можешь тонко намекнуть, что деньги он может выслать на обратную дорогу, ещё не поздно. Ведь платье-то моё, верно, не продали.

Танечка хочет, чтобы я ехала с ней, а ей, может быть, придётся ехать через две недели. Это меня не устраивает. Одна же по скидке она ехать не может.

Посылки нет, верно, получу завтра. Когда бываю в Садгерах, всегда получаю письма.

Татьяне Владимировне напишу вам, вы перешлёте.

Целуй крепко Володю и Екатерину Петровну[54].

Крепко целую ზი ოგ .

Автограф в архиве В. Л. Мельникова (Санкт-Петербург). В начале и в конце письма — надписи на грузинском языке, означающие место и имя автора письма.

7. Л. С. Митусова — С. С. Митусову

Боржом, Грузия. 15–16 августа 1929 года

Милый дорогой папочка, четыре дня не была дома, никому ничего не писала, зато теперь, кажется, напишу целое послание. Писать много, а потому прямо к делу.

Десятого [августа], в субботу вечером, приходила Ольга Сергеевна [Лосьева], забрала меня и Таню в Садгери. Там мы чудно провели вечер и ночевали в комнате у Верочки, Иры и Люси[55].

На другой день, в воскресение, мы отправились в Бакуриани. Семь человек: Александр Петрович [Лосьев], Ольга Сергеевна, Вера, Ира, Люся, Таня и я. Все с палками, с пакетами, подвешенными на ремнях через плечо. У меня с собой было только довольно тоненькое пальто и полотенце. Боялась замёрзнуть. Другие забрали с собой пледы, кофты, одеяла. Вышли в восьмом часу, в Либани — санатория, лежащая на пути из Садгер в Бакуриани, были в полодиннадцатого. Дорога шла всё время кверху. Боржом место высокое, Садгери выше, Либани выше Садгер, а в Бакуриани предстояло ещё подниматься. Обо всех этих высотах сообщу тебе после подробно, Александр Петрович обещал дать план расстояния и точные часы, он всё записывал. В Либани сделали довольно длительную остановку: осматривали Либанскую санаторию и снаружи, и внутри. Ну да об этом писать не стоит. Санатория как санатория, довольно чистая, благоустроенная, а кругом свалочное место — вонь. Больных, очевидно, наше посещение очень порадовало, они большой толпой

собрались вокруг нас, когда мы сидели в беседке, разговаривали с нами, расспрашивали, рассказывали. Бедные, бедные!

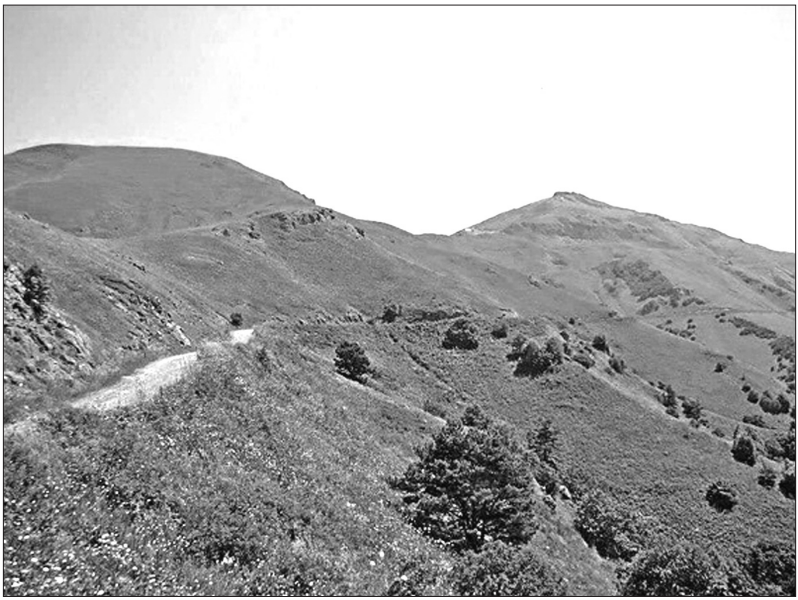
Когда ушли из санатории, опять стало весело и легко. Снова красивые места, деревья. Долго не видели домов, часто портящих местность вокруг себя. На несколько минут присели, поели и пошли дальше, всё в гору. По дороге объедались земляникой и малиной, ближе к Бакуриани пошли чудные цветы, не такие, как у нас в России в полях, а такие, как в России в садах и оранжереях. В Бакуриани пришли в четыре часа. Купили две буханки хлеба, масла, огурцов. Потом зашли к дочери Ольги Сергеевны, поели там мацони с хлебом. Нас уговаривали ночевать в Бакурианах, поднимался ветер, погода портилась, на ясный восход солнца рассчитывать было нельзя. Но мы забастовали и настаивали на том, чтобы ночевать в сторожке на Цхрацкаро, не на самой макушке, но на довольно высоком перевале. Нам уступили. Когда поднялись на довольно большой кусок, ветер усилился, становилось холодно, а у несчастного Александра Петровича по мере подъёма портилось настроение. Он, безусловно, устал, ему было трудно дышать, но он не сознавался в этом, всё сваливал на больную ногу. В конце концов, потеряли дорогу, лезли по мягким склонам Цхрацкаро наугад, Александр Петрович брюзжал, Ольга Сергеевна волновалась. Ветер стал настолько сильным, что срывал шляпы, поворачивал в сторону, мешал идти.

Девочки повытаскивали одеяла. Вообрази картину: Вера, Люся и Ира — в одеялах, перевязанные ремнями, с палками, я — в пальто, подпоясанная широким кушаком, на голове — шляпа и мешок. У всех голые ноги. Таня тоже в каком-то необычайном наряде, Ольга Сергеевна в шерстяной кофте с ранцем на спине бегает, как коза, взволнованная, растерянная, умоляет Александра Петровича надеть шапку, он злится и брюзжит. А кругом такая красота! Такая красота! Страшная, жуткая красота. Холодное дикое небо со стрелообразными облаками красного, жёлтого, чёрного цветов, высокие чудные горы разных форм, разных цветов, разных высот и ветер, ветер и ветер...

У меня замёрзли руки, замёрзли ноги. К Александру Петровичу не было ни малейшего доверия в смысле дороги, но было весело, так всё это мало трогало. Было жутко, и это ещё больше веселило и радовало. Жутко от ветра, от неба, от гор, но не от того, что мы заблудились. Становилось темно, небо было совершенно красное, а перед нами — стенка Цхрацкаро.

На ровных местах я становилась спиной к горе, чтобы видеть всю красоту, и шла задом. Было жалко отворачиваться от того, что было позади нас, даже как-то стыдно. Хотелось сесть и смотреть.

Иногда я принималась смеяться над фигурками, ползущими впереди меня: ветер раздувал одеяла, поднимал платья и делал всех такими



Ил. 20. На перевале Цхрацкаро в наши дни

смешными, что у меня от смеха слабели ноги. Александр Петрович отстал и потерял всякое присутствие духа. А впереди ещё забота: с пастбищ Цхрацкаро возвращались стада баранов, окружённые овчарками. Мы собрались все в кучку и ждали, когда стадо перейдёт наш путь. Две собаки стремглав полетели на нас, но пастухи что-то закричали, замахали руками и вышли нам навстречу. Показали дорогу. Нужно было перейти через перевал и немного спуститься на ту сторону. Поднимались ещё долго, а когда стали спускаться, было уже совсем темно, и месяц еле освещал дорогу через тёмную пелену тумана. Из-за гор напротив часто высовывались зарницы, ярко освещая их дикий контур, ветер начал петь. Жутко, но чудно!

А сторожки нигде не видно. Очень далеко внизу огни какой-то деревни, но туда мы дошли бы лишь к утру. Спрятаться некуда: ни одного дерева, ни одного кусточка. Не заметили, как очутились перед какими-то каменными развалинами. На них показались два человека, гикнули-крикнули и пропали. Мы все семеро опять собрались в кругу. Александр Петрович вынул наган. На днях на этой дороге кого-то ограбили, кого-то убили. Таня заплакала, стала упрямиться и не хотела идти дальше. Ира на неё прикрикнула, и мы пошли. На наши окрики никто не откликался. Когда зашли за развалины, увидели домик, прилепленный к ним. В маленьком окне светился свет. Все обрадовались —

Ил. 21. Озеро Табацкури в наши дни

это была сторожка. Когда мы ввались в неё, нас встретили радостно, приветливо, со смехом. Тут были пастухи, косари и сам сторожила. Тепло, светло, немного тесновато.

Поставили громадный чайник, разложили на столе хлеб, масло, огурцы, сахар, заварили чай. По одну сторону стола на длинной скамейке уселись грузины, армяне, по другую — все мы. Нас угощали лавашом, брынзой, какими-то особенными хлебами, каким-то сыром, который рвётся длинными волокнами, солёный-кислый, не столько вкусный, сколько оригинальный, почему я и не отказывалась от кавказского угощения. Мы угощали своим хлебом, маслом, сахаром, чаем. Все, кажется, были довольны — и они, и мы. Потом легли спать. Мы с Таней с большим трудом залезли на какие-то доски, прибитые довольно высоко от пола. Туда нам хозяин дал тоненький матрас, громадное одеяло и подушку. Для остальной нашей компании было расстелена прямо на полу пастушья бурка. Пастухи и косари разлеглись кто где попало: на полу, на столе, под потолком. Ночью кто-то изрядно покусывал. В четыре часа мы проснулись. Ольга Сергеевна вышла на улицу. Ветер по-прежнему дул, мгла и туман лежали на Цхрацкаро, идти смотреть восход солнца нельзя было и думать. Мы решили спать до шести часов, чтобы на другой день идти на Табисхурское озеро[56]...

Утром, когда я вышла из сторожки, меня снова поразил вид своею красотой и изменчивостью. Погода значительно улучшилась, ветер стих, и солнце освещало горы. Это уже были не вчерашние страшные горы. Цхрацкаро и горы, прилегающие к нему, поражали своими мягкими,

спокойными линиями. Все они покрыты чудными пастбищами, ни одного дерева, всё ровно-гладко. Но впечатления, что на них растут трава и цветы, не было: казалось, что всё вокруг до самых вершин устлано мягким жёлтым мхом. Много дальше виднелись горы строгие, жёсткие, с острыми необычайными контурами; некоторые со снежными царапинами. Далеко, далеко синели турецкие горы. Мне называли эту цепь, но я, конечно, забыла. Вчера только на той стороне хребта были горы, сплошь покрытые чудными лесами, у некоторых были свободны лишь одни макушки, а с этой стороны совсем другое.

Попили чаю и пошли. Все были в хорошем настроении. Александр Петрович отдохнул, нога, говорит, не болит. Шли по мягкому ковру без дороги, напрямик. Кругом были чудные цветы, высокие крупные белые, синие колокольчики, цветы вроде лупинуса, вроде дигиталиса, жёлтые громадные васильки, какие-то розовые цветы, одним словом, самые разнообразные, самые удивительные цветы. Всюду на больших расстояниях виднелись стада барашков и коз, и низко-низко спускались громадные ястреба. Нам нужно было сначала спуститься, потом опять подняться и спуститься. Всё это мы сделали без труда, так как шли как по мягкому ковру напрямик без дороги. На каждом шагу попадались речки и родники.

Наконец, когда мы перешли через перевал, показалась Табисхурское холодное мёртвое море. Не знаю точно его величины[57]. Спрошу. На взгляд — колоссально. Здесь опять было всё совсем другое. Цветы кончились, всюду были нагромождены большие и маленькие валуны. Некоторые места были очищены под посевы. Красиво, но довольно мёртво...

Спустились к озеру. На берегу важно, на длинных ногах, разгуливали какие-то птицы, совершенно белые с чёрными каймами на концах крыльев, которые видны лишь когда они летят. Что за птицы — не знаю. Александр Петрович говорил — цапли, Ольга Сергеевна — аисты, Верочка — журавли. Я не знала, кому верить, но, кажется, все три эти птицы далеко не похожи одна на другую; как возникло такое разногласие, не понимаю.

Недалеко от озера нашли деревню Молити[58]. Сразу увидеть её было довольно трудно, так как она почти вся под землёй. Крышами домов служил холм, в который они были врыты, стены выложены мелкими камнями, которых масса в этой местности. Всё это делало деревню очень незаметной, она как-то сливалась с окружающей природой. Когда мы вошли в деревню, на крыши повыскакивали овчарки, в одну минуту около нас собралась страшно яркая толпа. Нас трогали, смотрели. По-русски никто не понимал и не говорил. Совершенная дичь. Кое-как по-армянски Александр Петрович объяснил, что нам нужно молоко, каймак[59], хлеб,

Ил. 22. Рассвет над озером Табацкури в наши дни

кипяток. Попросили форель, так как Табисхурское озеро славится ею, но форель от жары ушла вся вниз, попробовать не пришлось. Нас провели в самую, очевидно, богатую избу. Стены каменные, пол каменный, крыша — центральная часть холма, сыро, темно, не знаешь, куда и сесть. Дымоход и окно в потолке, внизу — что-то вроде печи из камня, вокруг неё сухой навоз, сложенный плиточками, — топливо. И вдруг хозяйка торжественно вынимает новенький примус, завёрнутый тряпками, и бутылку керосина. В этой обстановке примус меня удивил. Забавно было смотреть, как она его зажигает; на это пошло около получаса.

Принесли кислое молоко, сливки, яйца, замечательно вкусные лепёшки, сыр.

Пока мы ели, вокруг нас стояла толпа женщин, мужчин, ребят. Подходили, смеялись, что-то говорили, наталкивали на меня ребят, которых я манила. Много красивых, ярких, много каких-то ненормальных, болезненных. Лица длинные, глаза красивые, большие косы, мохнатые головы, грязные, грубые, дикие. Женщины тащили ребят, поднимали их, чтобы они видели нас, кормили тут же, грудью, чуть ли не шестилетних. Мужчины разговаривали с Александром Петровичем о политике: все ждут Николая[60]. Хлопали Александра Петровича по плечу. Когда я съедала простоквашу или что-то другое, какой-то армянин моментально клал мне ещё, так что Ольга Сергеевна не успевала оглянуться, как он лез своей лапой за хлебом и громадными кусками подносил мне. Одним словом, попали в такой водоворот, что у меня даже закружилась голова.

Одна девочка чудная, кудрявая, грязная, вшивая не отходила от меня. Набрала мне цветов, сидела рядом, водила к озеру, по деревне и всё молчала. Когда мы уходили, она долго не отпускала моей руки.

Но ограбили нас там ужасно: спрашивали такие цены, о которых и не слышно. Александр Петрович разорался, разругался, дал им четыре рубля, и мы сбежали.

Направились в Цихисджвари — греческую деревню верстах в пятнадцати от Молити по другую сторону гор[61].

Шли бесконечно долго, причём у Александра Петровича опять испортилось настроение. Видно, от усталости. У Верочки и у Иры шумело в ушах. Это объясняли высотой. Шли, шли, шли, а Цихисджвари всё не было.

Опять кругом цветы, чудные цветы, а вид такой, что не надышаться им было. Какие-то пастухи кричали нам, чтобы мы не ходили в Цихисджваритой дорогой, которую мы выбрали. Говорили, что тут грабят, убивают и так далее. Александр Петрович опять много раз терял дорогу, злился и виноват был, конечно, не он. Мне было чудно и весело. Наконец, из пастбищ, где не было ни одного дерева, мы попали в высокий сосновый лес. Точно на севере очутились — в Васкелове[62]...

В деревню пришли в десятом часу. Всё уже было тихо, многие легли. Мы постучали в дом какой-то Маруси Шевченко, которая вышла из Тори[63] замуж за какого-то грузина. Она и её семейство собиралось спать, но когда мы попросили пустить нас на ночь, Маруся вышла к нам и милым славным голосом заговорила по-русски: «Где ж вы будете спать, заходите, устрою, не на улице же оставаться!». Точно и разговора не могло быть, что у неё места мало или поздно.

Вот ты, папочка, украинок не любишь, а на меня Маруся Шевченко произвела чудное впечатление. Быстро, легко собрала посуду, поставила самовар, подогрела чаду, дала сыр. И всё так приветливо мягко, не так бестолково, как это делали грузины и армяне. Сама хорошенькая, чёрненькая, стройненькая. Ходит легко, говорит красиво, наивно, как ребёнок. Всё у неё чисто, ребята чистые, не уродливые. Напоила, накормила и спать положила. Чистые высокие кровати, перины, стёганые одеяла, подушки горкой. Спали на каждой кровати по два, хотя свободно можно было спать и по три. Я как забралась на кровать под одеяло, так и заснула. Никто не кусал, никто не кричал. Спала до семи часов и всё сны видела. Очень хорошо спать у Маруси Шевченко!!!

Утром помылись, опять поели, попили и пошли в малороссийскую деревню Тори, за двенадцать вёрст от Цихисджвари.

Папочка, на Кавказ ли ехать, чтобы поесть настоящих галушек со сметаной и с творогом! Подумай только: сидели в чистой белой мазанке, ели настоящие галушки, пили молоко. Опять сыр, лепёшки. И милая

беленькая Настя Шевченко, жена брата Маруси Шевченко. И место-то Тори совершенно не кавказское. Лес, поля, белые домики, огороды, садики, подсолнухи. Удивляет меня это изменчивость: перейдёшь гору — настоящий Кавказ, с другой стороны — Россия, дальше — альпийские пастбища.

Темно! Писать больше не могу. Всё скомкала. Подробнее расскажу. Что не успела, напишу завтра маме. Сегодня 16 августа: не помню, на каком месте письма оно началось.

Навещала Андрея Николаевича: у него были приступы малярии.

Темно совершенно.

Жаль Тимошек, что они пережили. Ужас!

Мамино письмо получила сегодня.

Всех-всех, кого люблю, целуй.

Злата, Таня пусть пишут. Тебе пишу, верно, последний раз, скоро приеду. Всё расскажу.

Крепко целую тебя, папочка.

Темно! Темно! Всё скомкала!

Задерживать письмо больше не могу, много должна писать другим.

Любящая тебя *Зюма*.

Автограф в архиве В. Л. Мельникова (Санкт-Петербург).

8. Л. С. Митусова — Е. Ф. Митусовой

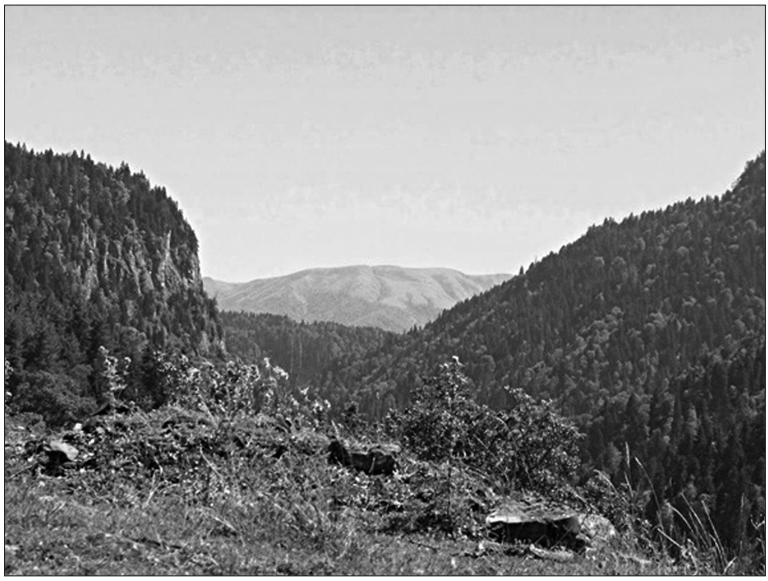
Боржом, Грузия. 17 августа 1929 года

Тебе мамочка, остальное постарайся переслать.

Милая добрая мамочка, не успела папе написать обо всём своём путешествии, не успела, да и терпения нет. Тебе напишу кратенько кончик.

Ела я галушки и вспоминала «Майскую ночь»[64]: чуть-чуть не подавилась. Сначала было очень вкусно, но когда наелась, прямо противно стало, а оставить было не удобно, боялась обидеть Настеньку, пришлось есть с опасностью для жизни. Поели, отдохнули и пошли из Тори в Садгери. Проходить нужно было через кислые источники.

Забрались на очень крутую гору, а когда стали спускаться, полил такой дождь, что в одну минуту мы все мокрые стали. Однако шли и на дождь внимания не обращали. Я, Верочка, Люся и Ира отстали. Шли лесом и всё время распевали «Туча со громом...»[65], «Ложится в поле...»[66], «Как по мостикам по калиновым...»[67] и другие вещи. Потом пели «Законопатило» и всякую чепуху. Хохотали до слёз, одним словом, железы прочистили идеально. Лезли по такой круче, что местами прямо скатываться приходилось. Когда проходили деревню Тба[68], на нас смотрели с соболезнованием, предлагали обогреться и обсушиться, но мы

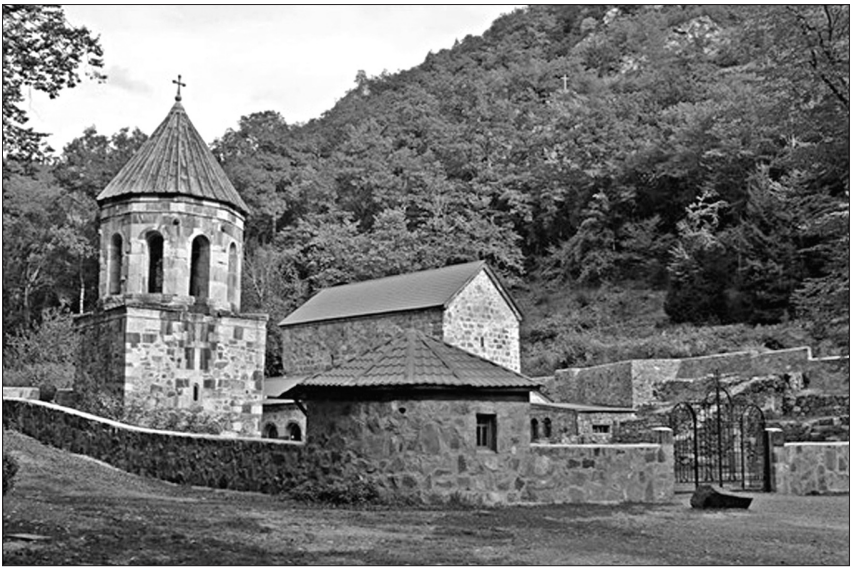


Ил. 23. Вид от села Тба в наши дни

отказались. До Садгер было всего пять вёрст. У самых Садгер туфли мои отказались служить мне: вытащила ногу из грязи, смотрю, подошва совершенно отскочила. Вид был замечательный. Хорошо, что белые туфли подоспели, да и шапка в экскурсии оказала мне немалую услугу. Как это ты догадалась послать мне её?

Не могу утерпеть, чтобы не описать дорогу от кислых вод до Тбы: с одной стороны жёлто-каменная стенка, с другой — мягкий зелёный ковёр стоит тоже дыбом, а посередине — речка. И по этому ущелью мы шли около двух с половиной часов. Чудно, а дождь проливной. Теперь дома. Первое время чувствовала усталость-утомлённость, болели мышцы ног, но теперь совсем отошла.

Верочка и Ко уехали, я обещала их проводить, но вместо восьми часов утра пришла на вокзал в восемь часов вечера. Так что даже с ними не простилась, и не сговорились, где увидимся. Ира просила меня позвонить ей по телефону, когда приеду в Петроград, но телефон я забыла. Как-то нехорошо вышло. Завтра иду в Зелёный монастырь[69] с большой очень славной немецкой компанией. Боюсь только, что будут немечтить: Таня немного говорит по-немецки, а я-то ведь ни бум-бум, ну да ерунда, важен ведь Зелёный монастырь. Грустно, если обратно придётся ехать с Таней, поднадоела она мне — ужас! А с Юкой[70] теперь лажу: она меня уважает и слушается. Стала очень ласкова и беспрекословно исполняет мои просьбы.



Ил. 24. Зелёный монастырь около Боржоми в наши дни

Теперь, мамочка, у меня к тебе просьба: найди Лидин адрес по телефону 94-99 и перешли ей письмо. Если Любин адрес не помнишь, перешли и её письмо Лиде. Я от Лиды недавно получила письмо, и оно меня страшно взволновало. Она день за днём описывала экзамены, держать ей осталось лишь физику. Писала не только о себе, но и о других, а я читала и форменным образом тряслась. Какие они счастливые! Как я завидую им, куда они залезут, прямо страшно подумать. А я-то праздная, праздная...

Ответить не смогла, так как потеряла все их адреса и писала им лишь по разу.

Мамочка, подробно напиши, как мне ехать: останавливаться ли в Тифлисе и в Москве. В Тифлисе могу жить хоть две недели, мне там есть и стол, и дом.

Жара у нас сейчас страшная, прямо трудно чем-либо заниматься. Вчера стирала, но настирала ужасно: бельё всё желтое и Лидия Михайловна велит мне перестирать и выкипятить.

Вот, кажется, и всё, что я тебе могу сообщить.

Всех наших целуй, всем кланяйся.

Целую твоя *Зюма*.

P. S.

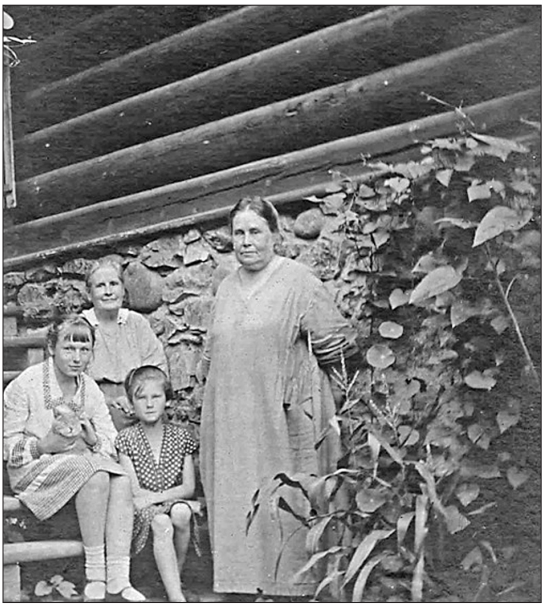
Письмо Татьяне Владимировне [Гудлевской] скорее перешли и, вообще, если можешь, с письмами устрой скорее.

От Лиды [Петровой], Любы [Мироновой] и Гали [Фурман] буду ждать телеграмму: *Боржом. Островской. Выдержали!*

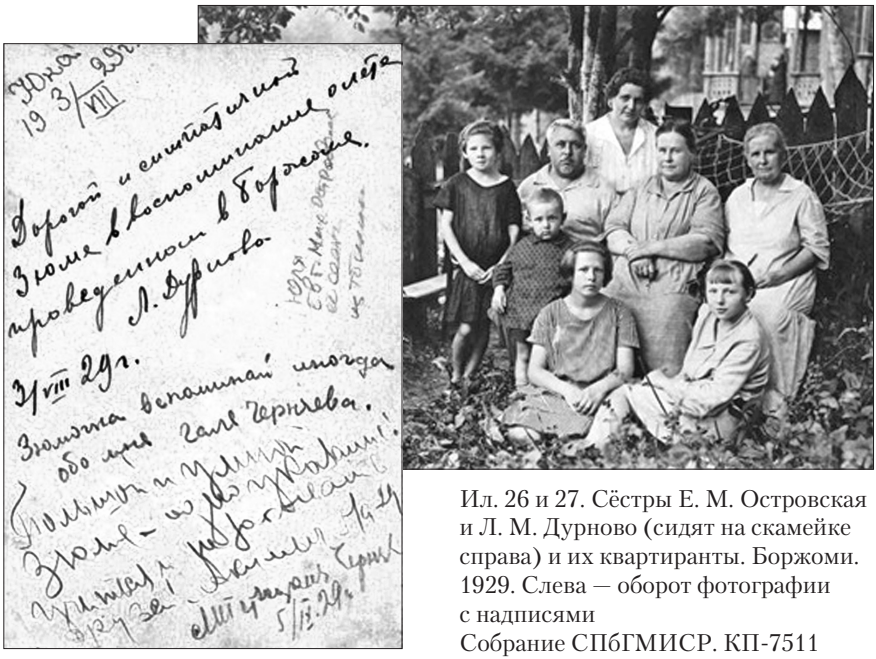
Автограф в архиве В. Л. Мельникова (Санкт-Петербург).

Так Людмила Степановна Митусова познакомилась с горами, вошла в их мир, чтобы уже никогда не покинуть. Этот мир напомнил ей о чём-то очень значительном в далёком прошлом, то, что теперь отмечается в соответствующей литературе как *метаистория духа*, или иначе — *прошлая жизнь*. При встрече со Степаном Степановичем Митусовым в Москве в 1926 году Елена Ивановна Рерих сказала, чтобы его дочь Людмила обязательно записывала сны[71]. «Всё сны видела» — неслучайная фраза в письме отцу из Боржоми. Сохранилось несколько записей снов именно этого времени. Различные ситуации этих сновидений происходят в горах. Уверен, в будущем мы ещё оценим их по достоинству. Сборник Л. С. Митусовой «Сны и видения» готовится к печати.

В настоящем Людмиле Митусовой тоже пришлось прикоснуться ко многому чудесному и значительному. Главным чудом на Кавказе для неё стали люди. Она сблизилась с внучками Н. А. Римского-Корсакова, продолжив семейную традицию дружбы с отпрысками славного композитора. Как известно, Степан Митусов дружил с Михаилом, Андреем,



Ил. 25. Сёстры Евгения Михайловна Островская (стоит справа) и Лидия Михайлова Дурново, их родственницы Таня и Юля. Боржоми. 1929 Собрание СПбГМИСР. КП-7510



Ил. 26 и 27. Сёстры Е. М. Островская и Л. М. Дурново (сидят на скамейке справа) и их квартиранты. Боржоми. 1929. Слева — оборот фотографии с надписями
Собрание СПбГМИСР. КП-7511

Владимиром, Софьей и Надеждой Римскими-Корсаковыми. Людмила Митусова подружилась на Кавказе с внучками Николая Андреевича Верой, Ириной и Людмилой. На её глазах развёртывались главы ещё ненаписанной саги Ирины «Лебединая песнь», ставшей спустя десятилетия известной как роман «Побеждённые»[72]. Жизнь и смерть русской интеллигенции в период диктатуры Сталина представлены на страницах этого эпического произведения с обличающей правдивостью и потрясающей силой. Л. С. Митусова вспоминала, что она слушала авторское чтение глав этого романа, происходившее не один год подпольно на различных ленинградских квартирах. Дружбой с автором этого произведения, Ириной Владимировной Головкиной, начавшейся в грузинском Боржоми, она дорожила всю жизнь.

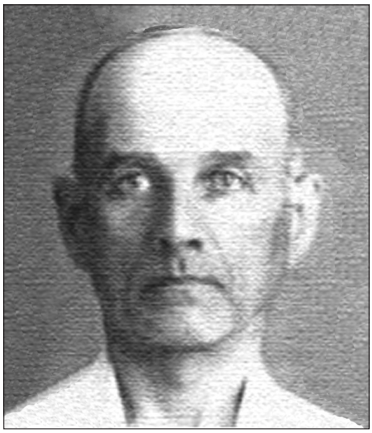
На память о пребывании в Боржоми в архиве Л. С. Митусовой сохранились фотографии людей, которые её тогда окружали (ил. 25–27). Вспоминая о Боржоми, Людмила Степановна неизменно с благодарностью говорила о двух сёстрах — Евгении Михайловне Островской и Лидии Михайловне Дурново.

После общения с маловысотным Причерноморьем и Малым Кавказом, Л. С. Митусова прикоснулась к Кавказу Большому. Случилось это уже после Второй мировой войны, спустя десятки лет. В 1970-е годы её общение с Кавказом поддерживал начинающий в те годы врач, теософ

и писатель-сказочник **Андрей Владимирович Гнездилов**. Как она отметила в своей книге, «устроил меня в 1970-е годы в Теберду и Домбай к доктору Никите Дмитриевичу Жуковскому, с сыном которого я ездила на мотороллере по горным ущельям и лучше узнала Кавказ»[73]. Помню, Людмила Степановна рассказывала об этих поездках как о чём-то незабываемом и удивительном.

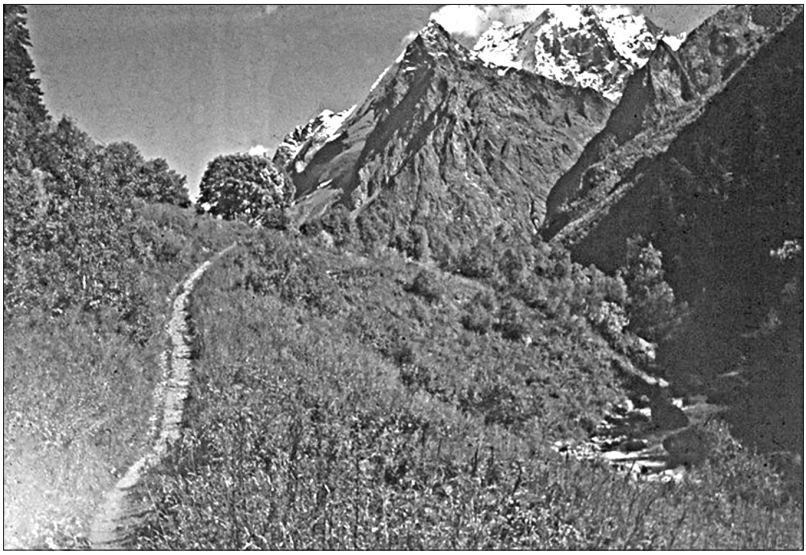
Никита Дмитриевич Жуковский (1913–1995) — врач по профессии[74], окончание Великой отечественной войны встретил в звании капитана медицинской службы, был награждён[75]. Всю последующую жизнь работал в санаториях Теберды. На протяжении трёх десятилетий являлся главным врачом Тебердинского туберкулёзного санатория. По специальности — окулист. Будучи племянником поэтессы Серебряного века Евгении Казимировны Герцык (1878–1944) и ценителем поэзии как таковой, он нашёл в Л. С. Митусовой внимательную собеседницу и слушательницу самых разных стихов, зачастую не издаваемых и даже запрещённых в Советском Союзе. Мало кому было ведомо, что он сам — автор своеобразной прозы и стихотворец[76] (ил. 28).

В Теберде Л. С. Митусова останавливалась в доме Жуковских на Карачаевской улице. Как свидетельствует Н. Н. Наседкин, Никита Дмитриевич Жуковский и его жена Вера Александровна Успенская принимали всех: «Это был пересылочный пункт, кто там только не перебывал!»[77]. О Н. Д. Жуковском в Теберде говорили: редчайшего сердца человек. Его все любили и уважали. К Л. С. Митусовой его привлекло и общее восхищение наследием семьи Рерихов, и заинтересованность в постижении Учения Живой Этики (Агни-Йоги). Именно идеи Рерихов формировали и расширяли его самосознание, и поэтому всегда интересовали. Он жил этими идеями, применяя их в лечебной практике и в общении с многочисленными родственниками, друзьями, соседями. «Теберда — экстремальное место, где каждый, кто этого хотел, мог найти то, что ему хотелось: ходить в горы, охотиться, читать литературу, которая была запрещена, общаться»[78]. Именно поэтому такие светлые, насыщенные радостью познания воспоминания о поездках на Домбай сохранила Л. С. Митусова.



Ил. 28. Тебердинский врач Н. Д. Жуковский

В Музее-институте семьи Рерихов сохранилась цветная диапозитивная плёнка с отснятыми ею на Домбае фотоснимками, всего 43 кадра[79]. Все они



Ил. 29. На Домбае. 1970-е. Фотография Л. С. Митусовой
Собрание СПбГМИСР. КП-4392

переполнены интересом и восторгом от окружившей автора снимков красоты (ил. 29).

Дружба Н. Д. Жуковского и Л. С. Митусовой не прервалась с её отъездом в Ленинград, о чём свидетельствует его письмо Людмиле Степановне 3 января 1974 года, хранящееся в рукописно-документальном фонде Музея-института семьи Рерихов[80].

В 1990-е годы общение Л. С. Митусовой с Кавказом продолжилось уже с нашей помощью. Директор основанного ею Музея-института семьи Рерихов Алексей Бондаренко — уроженец Пятигорска. Я, его заместитель, родился в Краснодаре. В домах наших родителей она гостила несколько раз.

Ещё 25 января 1933 года её отец, Степан Степанович Митусов, писал в письме к своей дочери Людмиле: «Горы велят, чтобы радость воссоздания их легенд сопутствовала нам вне всяких условностей всегда, была бы неразлучна с нами»[81]. Именно этим призывом Л. С. Митусова наполнила и нас. И мы едва успевали за ней в её устремлении достичь чего-то заповеданного, изначально данного, самого подлинно ценного в жизни.

Лето 1993 и 1998 годов Л. С. Митусова провела в посёлке Тюменском Краснодарского края, на берегу Чёрного моря, в кругу семьи известного российского барда, писателя, поэта, педагога **Владимира Исааковича Ланцберга** (1948–2005). Члены большой семьи Ланцбергов

Ил. 30. Л. С. Митусова и В. Л. Мельников на Затоне в Краснодаре. 2 июля 1995
Фотография А. Б. Алексанова. Собрание СПбГМИСР. КП-5951

сразу поняли, что Людмила Степановна — уникальный человек, приняли и полюбили её.

Летом 1995 года в Краснодаре Л. С. Митусова познакомилась с **Клавдией Васильевной Мельниковой**, близко знавшей ученика Е. И. Рерих **Иннокентия Ивановича Ельцова** (1892–1967). «Она замечательно рассказывала об Иннокентии Ивановиче, вспоминала о культурной жизни русского Китая в Харбине и Шанхае»[82]. Во время второй встречи летом 1998 года К. В. Мельникова передала Людмиле Степановне кусочек горного хрусталя, принадлежавший И. И. Ельцову, а ему когда-то переданный от Е. И. Рерих. «Клавдия Васильевна вручила его нам для создаваемого в Санкт-Петербурге музея Рерихов»[83]. Л. С. Митусова записала об этой последней встрече:

«Фотографии, которые мы смотрели у Клавдии Васильевны, запечатлели прекрасные, духовные лица. Девушки не в брюках, а как положено — в платьях. Удостоверение Клавдии Васильевны — сотрудницы Общества Советско-Китайской дружбы — очень интересно оформлено.

Кристалл Елены Ивановны мне напомнил картину Николая Константиновича “Сокровище Гор” (1933). Он — оттуда»[84].

В квартире К. В. Мельниковой мы увидели несколько картин участника шанхайской группы по изучению Живой Этики, художника **Владимира Васильевича Болгарского** (творческий псевдоним — Борегар;

Ил. 31. Л. С. Митусова в Пятигорске. 2 мая 2003
Фотография В. Л. Мельникова

1913–1996). Эти картины были созданы ещё до его переселения в Бразилию, где он прожил более 40 лет.

Первого июля 1995 года мы с Л. С. Митусовой съездили в Горячий Ключ, много гуляли по Дантову ущелью и поднялись на скалу Петушок на берегу Псекупса.

Вообще, летом 1995 и 1998 годов Л. С. Митусова много гуляла по Краснодару: посещала Краснодарскую водолечебницу, осматривала лесопарк в районе Затона (ил. 30), ходила по музеям и в гости к новым знакомым. Особенно много созвучий обнаружилось при посещении руководителя моей дипломной работы, физика **Всеволода Ростиславовича Тихомирова** (1932–2005), с которым у Людмилы Степановны возникло сердечное взаимопонимание практически по всем затронутым темам из прошлого, настоящего и будущего. Несколько раз мы пользовались гостеприимством **Ольги Владимировны Алексановой**, которая потчевала нас разными южными яствами. Некоторые встречи записал на видеокамеру её сын А. Б. Алексанов.

В Пятигорске, где Л. С. Митусова побывала в 1998 и 2003 годах, самым любимым и родным для неё домом был дом **Ольги Ивановны Бондаренко**, с которой она делилась всеми своими новыми впечатлениями, всегда находила понимание, поддержку и радушный приём.

Последняя встреча Л. С. Митусовой с Кавказом состоялась весной 2003 года. Она оказалась на Кавказских Минеральных Водах в составе

большой научно-просветительской экспедиции «Культурная инициатива — Эльбрус-2003», которую организовал Музей-институт семьи Рерихов. Пока мы Людмилой Степановной знакомились с Пятигорском и Кисловодском, собирали сведения для современного научного комментария к переписке Н. К. Рериха с семьёй во время его лечения в кисловодском пансионе Ганешина летом 1913 года, основная группа экспедиции во главе с Алексеем Анатольевичем Бондаренко отправилась на Эльбрус. Для того чтобы восстановить хронику пребывания Н. К. Рериха на Кавказских Минеральных Водах нам нужно было собрать историко-природные характеристики посещённых им городов — Кисловодска, Пятигорска, Ессентуков, а также отмеченных им пунктов — Бермамыта, Лермонтовской скалы, Синих гор, Медового водопада, Седло-горы, Рим-горы, Кольцо-горы и других.

Девятого мая 2003 года Людмила Степановна посетила Кисловодск. В сопровождении методиста Пятигорского бюро путешествий и экскурсий Е. С. Григорьевой мы отправились на поиски пристанища Н. К. Рериха на Кавказских Минеральных Водах. Руководили нами высказывания художника о заведении, в котором он тогда лечился, а также о том, какие виды он наблюдал из окна. Оказалось, что в бывшем пансионе Ганешина за последние десятилетия мало что изменилось. К счастью, здание сохранилось в прежнем виде. Сменились только вывеска и профиль учреждения — теперь это Кардиологическая клиника имени В. И. Ленина, являющаяся структурной частью Пятигорского ГНИИ курортологии и научно-методическим центром Кисловодска. Конечно, претерпел изменения окружающий пейзаж. Появились новые, порой уродливые сооружения, мало украсившие прекрасный курорт.

Импозантное здание бывшего пансиона, построенное в 1905 году в стиле «модерн», как и прежде, возвышается над южной частью Нижнего парка на современной улице Н. А. Ярошенко, в непосредственном соседстве с усадьбой этого замечательного художника-передвижника, о котором, кстати, Н. К. Рерих издал очерк ещё в 1899 году[85].

Помещение, в котором жил Н. К. Рерих в 1913 году, мы с Людмилой Степановной нашли сразу[86]. Без особых усилий, под действием незримого магнита замысловатые переходы старинного дома вывели нас к малоприметной двери № 61 наверху красивой лестницы. Дверь оказалась открыта, словно нас ждали. Мы поднялись в уютную мансарду в восточной части здания, где теперь располагается Курортно-метеорологическая станция. К нам вышла приветливая сотрудница станции В. Д. Черненко, открывшая все помещения мансарды, а позже проводившая нас на крышу.

Из писем Н. К. Рериха супруге известно, что он успел создать или задумать в этом месте и примерно в какие летние дни 1913 года.

Ил. 32. Л. С. Митусова и Е. С. Григорьева на смотровой площадке Курортно-метеорологической станции, устроенной на крыше бывшего пансиона Ганешина. Кисловодск. 9 мая 2003. Фото В. Л. Мельникова

Из литературных сочинений здесь им была написана статья «Индийский путь», явившая понимание всех настоящих и будущих устремлений в Индию; сюда ему присылались только что изданные в газете «Русское слово» очерк «Дедушка», сказки «Города пустынные», «Граница царства» и другие публикации.

Помню момент, когда ненадолго Л. С. Митусова задержалась у окна бывшей комнаты Н. К. Рериха, из которого и сейчас открывается восхитительный вид на Нижний парк, долину реки Ольховки, горы Сосновую, Кабан и Седло... И радовалась, и грустила одновременно...

Кульминацией нашего визита в бывший пансион Ганешина стало «восхождение» на смотровую площадку на крыше того номера, где летом 1913 года жил Н. К. Рерих. После любезного приглашения В. Д. Черненко мы сначала вышли на балкон, устроенный на открытом воздухе, а затем и ещё выше — на «крышку» (выражение Н. К. Рериха) комнаты, где отдыхал и творил великий художник, писатель, путешественник и учёный (ил. 32). Там перед нами открылся вид, запечатлённый на произведении, известном под названиями *«Ковчег-гора. Кисловодск»* и *«Гроб-гора»* (1913). Так он обозначил возвышенность, отмеченную на всех современных картах как гора Кабан (1282 м).

После этого очень порадовавшего нас открытия мы посетили другие места, где бывал Н. К. Рерих: Красные камни, «Белую виллу» — современный Мемориальный музей-усадьбу художника Н. А. Ярошенко, Курзал и Нижний парк. Сотрудники музея-усадьбы радушно провели нас по многочисленным залам и уголкам этого очага искусства.

По дороге из Кисловодска в Пятигорск мы ненадолго заехали в Ессентуки, чтобы осмотреть ещё одно рериховское место Кавказских Минеральных Вод — бывшую Алексеевскую грязелечебницу, построенную по проекту архитектора Е. Ф. Шретера. Последний был хорошим знакомым Н. К. Рериха по Петербургу; с ним художник встретился 5 июля 1913 года в Кисловодске, а затем 9 июля 1913 года побывал у него в Ессентуках на строительстве.

Так в последний раз Л. С. Митусова оказалась на Кавказе, в местах, где бывал близкий её семье и её душе великий художник-мыслитель. Поддержав волну новейшего устремления к познанию необъятной «Державы Рериха», она была принесена этой волной к подножию священного для Кавказа Эльбруса...

Учитель Рерихов и Митусовых **Махатма Мория**, портрет которого всегда стоял в комнате Л. С. Митусовой перед её глазами, передал для нас священные слова:

«Кавказ есть третья вершина будущей Эры... Кавказ не есть случайное сходбище племён, но несёт в себе единую великую мечту Огня. Устремление к Огню выражается и заложено в горах Кавказа. Не идолопоклонство, но почитание Огненного Мира можно находить среди ещё неизвестных вершин»[87].

Именно таким открылся этот край Людмиле Степановне Митусовой, оставшись навсегда для неё символом священных гор. Она узнала на Кавказе не только уют и отдохновение причерноморских склонов, но и всё величие блестящих вершин. Для неё Кавказ явился местом духовного становления и озарения, местом погружения в саму себя и устремления в Будущее.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Автограф Е. И. Рерих. Дневниковая запись 13 июля 1933 года // Дневник записей бесед Рерихов с Учителем. — Библиотека Амхёрстского колледжа, Амхёрст, штат Массачусетс, США. Тетрадь NB36 (11 мая 1933 — 29 октября 1933). С. 119–120.

[2] *Митусова Л. С.* О прожитом и судьбах близких: I. Воспоминания / Отв. ред. акад. Б. С. Соколов. СПб. Вышний Волочёк, 2004. (Серия «Щедрый дар». Вып. I). С. 47.

[3] *Митусова Л. С.* Указ. соч. С. 20, 27, 47, 79, 87, 201, 209.

[4] Рериховский век: Каталог выставки. Т. I. Живопись и графика / Отв. ред.: А. А. Бондаренко и В. Л. Мельников. СПб.: Золотой век, 2009. С. 80. Кат. 52.

[5] Автограф в архиве В. Л. Мельникова (Санкт-Петербург).

[6] Автограф в архиве В. Л. Мельникова (Санкт-Петербург).

[7] Автограф в архиве В. Л. Мельникова (Санкт-Петербург).

[8] Автограф в архиве В. Л. Мельникова (Санкт-Петербург).

[9] Автограф в Рукописно-документальном фонде СПбГМИСР. КП-7395.

[10] *Блаватская Е. П.* Тайная доктрина: Извлечение из Отдела «Эволюция Символизма». Вып. 1/ Под ред. А. Каменской и Е. Писаревой. СПб.: Издание журнала «Вестник Теософии», 1915. 138 с. Экземпляр в СПбГМИСР. КП-7570.

[11] *Митусова Л. С.* Указ. соч. С. 20.

[12] Автограф в архиве В. Л. Мельникова (Санкт-Петербург).

[13] *Митусова Л. С.* Указ. соч. С. 87.

[14] Автограф в архиве В. Л. Мельникова (Санкт-Петербург).

[15] Владимир Савич (настоящее имя Владимир Моисеевич Шаевич; 1888–1947) — дирижёр и пианист. В 1892 году эмигрировал в США с родителями в раннем детстве из Минска. Получив образование в Берлине, Савич работал с оркестрами небольших европейских и американских городов. Существенное место в его репертуаре занимали сочинения Прокофьева. Но в трёх программах концертов с Филармоническим оркестром в Большом зале дирижёр обратился и к творчеству других композиторов: Р. Штрауса, Ф. Листа, П. Чайковского, О. Респиги, И. Брамса, Л. Ван Бетховена, Э. Д'Альбера и М. Равеля. В концертах Савича солировали ленинградские музыканты, такие как Н. И. Голубовская и А. Я. Штример.

[16] Здесь и везде в публикации тексты приводятся в современных орфографии и пунктуации с сохранением стилистических особенностей оригинала. Все сокращения раскрыты во всех случаях, не имеющих иного толкования.

[17] Автограф в архиве В. Л. Мельникова (Санкт-Петербург).

[18] Боржом (с 1936 года — Боржоми) — горноклиматический курорт и начальная станция узкоколейной железной дороги Боржоми — Бакуриани на высоте 820 м (ил. 11). Находится в Самцхе-Джавахети, регионе на юго-западе Грузии. Знаменит своей минеральной водой, занимающей первую позицию по грузинскому экспорту на протяжении всего XX века и до сих пор.

[19] Родственница Островских, у которых гостила в Боржоме Л. С. Митусова (ил. 25 и 26).

[20] Анна Васильевна Шелехова, сестра бабушки Л. С. Митусовой Александры Васильевны Потоцкой (в девичестве Шелеховой), крёстная матери Л. С. Митусовой Екатерины Филипповны Митусовой (в девичестве Потоцкой).

[21] Садгери — деревня в современном Боржомском муниципалитете Самцхе-Джавахетского края Грузии в 5 км от Боржоми. В прошлом — резиденция князей Авалишвили.

[22] Александр Петрович и Ольга Сергеевна Лосьевы — родственники Римских-Корсаковых. Постоянно упоминаются в письмах Л. С. Митусовой из Боржоми.

[23] Вера Михайловна Римская-Корсакова (1903–1973) — библиограф (ил. 19). Дочь М. Н. и Е. Г. Римских-Корсаковых, внучка композитора Н. А. Римского-Корсакова. Окончила курсы немецкого языка. Долгие годы, в том числе во время блокады в период Великой отечественной войны, работала в Библиотеке АН СССР. Постоянно жила в Петрограде-Ленинграде.

[24] Либани — горноклиматический курорт и станция узкоколейной железной дороги Боржоми — Бакуриани на высоте 1368 м. В настоящее время посёлок городского типа в Боржомском муниципалитете Самцхе-Джавахетского края Грузии. Связан с Боржоми двумя автомобильными дорогами (11 и 19 км).

[25] Бакуриани — горноклиматический курорт и конечная станция узкоколейной железной дороги Боржоми — Бакуриани на высоте 1700 м. В настоящее время посёлок городского типа в Боржомском муниципалитете Самцхе-Джавахетского края Грузии. Связан с Боржоми также и автомобильной дорогой (29 км).

[26] Георгий Михайлович Римский-Корсаков (1901–1965) — сын М. Н. и Е. Г. Римских-Корсаковых, внук композитора Н. А. Римского-Корсакова. (1901–1965). Композитор, музыковед. Кандидат искусствоведения (1929). Доцент, преподаватель Ленинградской консерватории.

[27] Елена Михайловна Римская-Корсакова (1905–1992) — дочь М. Н. и Е. Г. Римских-Корсаковых, внучка композитора Н. А. Римского-Корсакова. Преподаватель иностранных языков. В связи с заболеванием туберкулёзом работала на дому, с конца 1930-х годов давала детям уроки немецкого и английского языков.

[28] Батум (с 1936 года — Батуми) — город и порт в Грузии, на побережье Чёрного моря, столица Аджарии и главный туристический центр современной Грузии.

[29] Лицо не установлено.

[30] В данной фразе и ниже, в письме Е. Ф. Митусовой от 17 августа 1929 года, по именам названы школьные друзья сестёр Митусовых из выпуска Златы, державшие в это лето экзамены в различные вузы Ленинграда.

[31] Ликани — посёлок, расположенный на западной окраине города Боржоми в Боржомском ущелье. Здесь расположено несколько важных исторических объектов, среди которых трёхнефная базилика VIII–IX веков и так называемый «дворец Романовых» (1892–1895). Его архитектор — Леонтий Николаевич Бенуа (1856–1928). Дворец построен на берегу реки Кура и изначально задумывался как загородный дворец великого князя Николая Михайловича.

[32] Великий князь Михаил Николаевич Романов (1832–1909) — четвёртый и последний сын императора Николая I и его супруги Александры Фёдоровны; военачальник и государственный деятель; генерал-фельдмаршал (1878), генерал-фельдцейхмейстер (1852). Председатель Государственного совета (1881–1905).

[33] Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933) — российский революционер, советский государственный деятель, писатель, переводчик, публицист, критик, искусствовед. С октября 1917 года по сентябрь 1929 года — первый нарком просвещения РСФСР, активный участник революции 1905–1907 годов и Октябрьской революции 1917 года. Академик АН СССР (1930).

[34] «Обрыв» — роман русского писателя Ивана Александровича Гончарова (1812–1891), завершённый в 1869 году и представляющий собой заключительную часть трилогии (в неё также включены написанные ранее «Обыкновенная история» и «Обломов»). Впервые опубликован в журнале «Вестник Европы» (1869, №№ 1–5).

[35] Лицо не установлено.

[36] Цхрацкаро — перевал в 13 км от Бакуриани на высоте 2465 м, в переводе с грузинского — Перевал девяти источников. Он соединяет Боржомское ущелье и Ахалкалакский район (ил. 20).

[37] Семья Николая Андреевича Тимофеева (1906–1978), в то время студента Ленинградской консерватории, ученика С. С. Митусова, в дальнейшем — композитора, музыкального теоретика. С Тимофеевыми дружили все Митусовы.

[38] С 1918 года Митусовы проживали по адресу: Большая Болотная ул., д. 6, кв. 7. Их пятикомнатная квартира находилась на втором этаже дома, который до революции принадлежал Аккерманам и Пемеллерам.

[39] *Мацони* — традиционный кисломолочный продукт народов Кавказа (в первую очередь Грузии и Армении, где его именуют мацун), Малой Азии и Ближнего Востока. Он готовится на основе кипячёного коровьего, овечьего, козьего молока или их смеси.

[40] *Чади (мчади)* пекут на кецах (глиняных сковородках) в камине на углях.

[41] Цхрацкаро это перевал, а не гора. Тут Л. С. Митусова ошиблась. Она наблюдала одну из вершин Триалетского хребта Малого Кавказа. Высшая точка этого хребта — гора Шавиклде (2850 м), в переводе с грузинского — Чёрная скала. Другие вершины — Саквелосмта (2803 м), находящаяся в 3 км восточнее перевала Цхрацкаро, Арджевани (2757 м), Далицаварятаг (2708 м), Ортатави (2513 м), Кенчакаро (2320 м), Кваджвари (2280 м).

[42] Роман французского писателя Эмиля Золя (1840–1902). Впервые на русском языке издан в Санкт-Петербурге в 1894 году.

[43] Так в тексте. Лицо не установлено. Выставка проходила в Краеведческом музее Боржоми, основанном в 1926 году (ил. 17). С момента основания музей располагается в бывшем здании Управления дел Боржомского поместья наместника Российского императора на Кавказе великого князя Михаила Николаевича Романова.

[44] Андрей Николаевич Римский-Корсаков (1878–1940) — философ, музыкант, музыковед. Сын композитора Н. А. Римского-Корсакова. Друг юности С. С. Митусова. Перу А. Н. Римского-Корсакова принадлежит более 70 печатных работ, среди которых самые значительные посвящены жизни и творчеству его отца и другу отца композитору М. П. Мусоргскому.

[45] Ирина Владимировна Троицкая (в браке — Головкина; 1904–1989) — музыкант, русская писательница (ил. 17 и 18). Дочь С. Н. и В. П. Троицких, внучка композитора Н. А. Римского-Корсакова. В 1927–1929 годах — студентка Высших государственных курсов искусствоведения при Российском институте истории искусств. Автор биографического романа «Лебединая песнь» («Побеждённые»).

[46] Людмила Владимировна Троицкая (1905–1942) — музыкант, рентгентехник (ил. 19). Дочь С. Н. и В. П. Троицких, внучка композитора Н. А. Римского-Корсакова.

[47] Софья Николаевна Троицкая (урождённая Римская-Корсакова; 1875–1943) — музыкант, артистка хора Капеллы в Ленинграде (1920-е) (ил. 18). Дочь композитора Н. А. Римского-Корсакова. Подруга детства и юности С. С. Митусова. Мать И. В. Головкиной и Л. В. Троицкой.

[48] Казанские — это семья тёти Л. С. Митусовой Ольги Васильевны Казанской (в девичестве Шелеховой) и её дети: Владимир, Владислав и Александра. На совместных фотографиях Митусовых и Казанских 1910–1920-х годов также присутствует Екатерина Петровна Казанская с сыном. Все эти люди — ближайшая родня епископа Русской Православной Церкви, митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (в миру *Василия Павловича Казанского*; 1873–1922), расстрелянного о приговору Петроградского революционного трибунала 13 августа 1922 года. Митрополит Вениамин прославлен в лике святых в 1992 году (*Митусова Л. С.* Указ. соч. С. 20–21, 258–259).

[49] Татьяна Владимировна Гудлевская (в девичестве Бакулина) — художница, ученица Рисовальной школы и затем сотрудница канцелярии Императорского Общества поощрения художеств (1910-е). Продолжительное время занималась в классах Н. К. Рериха и И. Я. Билибина, воспевшего её в шуточных стихах. Помощница С. С. Митусова в Рисовальной школе. С ней дружили все Митусовы, но особенно ей была близка Людмила Степановна.

[50] Владимир Александрович Давыдов — художник, искусствовед-эксперт. Брат первой жены С. С. Митусова Н. А. Давыдовой, имевший в семье Митусовых прозвище «Володя Чёрный».

[51] Скорее всего, Л. С. Митусова ошиблась. В. А. Давыдов и его жена Е. В. Романова проживали по адресу: Москва, Арбат, Большой Власьевский переулок, д. 9, кв. 4.

[52] Родственница Островских, у которых гостила в Боржоме Л. С. Митусова.

[53] Борис Николаевич Рыжов (около 1878 — после 1941) — кузен С. С. Митусова и Е. И. Рерих. Крёстный отец Л. С. Митусовой. По сообщению Е. И. Рерих, его деятельность была связана с бывшим Императорским фарфоровым заводом. По свидетельству Л. С. Митусовой, в 1920-е годы он был председателем колхоза в посёлке Выра Ленинградской области. Ему принадлежала работа Н. К. Рериха — эскиз фриза *«Звери»* (1904). См.: *Мельников В. Л.* Малевские-Малевичи, Митусовы, Рерихи, Рыжовы: к вопросу о родственных связях // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. Т. XI: Рерихи, их предшественники, сотрудники, последователи. СПб., 2013. С. 477–482.

[54] Екатерина Петровна Казанская и её сын Владимир — близкие родственники Митусовых через тётю Л. С. Митусовой Ольгу Васильевну Казанскую.

[55] Имеются в виду В. М. Римская-Корсакова, И. В. и Л. В. Троицкие.

[56] Имеется в виду бессточное горное озеро Табацкури (груз. ტბაწყური), расположенное на высоте 1991 м. Находится на Джавахетском нагорье, у подножия Триалетского и Самсарского хребтов (ил. 21 и 22).

[57] Площадь озера составляет 14,2 кв. км, длина — 6,5 км, наибольшая ширина — 4 км.

[58] В настоящее время — село в Боржомском муниципалитете Самцхе-Джавахетского края Грузии. Связано с Боржоми автомобильной дорогой (56 км).

[59] Каймак (от тюрк. ḳajmaḳ) — молочный продукт, обычно густые сливки (консистенции от сметаны до сливочного масла). Большинство исследователей считают каймак национальным продуктом тюркоязычных народов. Нечто среднее между сметаной, сладким творогом и сливочным маслом.

[60] Имеется в виду последний Император Всероссийский Николай II Александрович (1868–1918), к тому времени уже расстрелянный вместе с семьёй и приближёнными.

[61] Цихисджвари (от груз. ციხე , «цихи» — крепость и ჯვარი,«джвари» — крест, «Крест на крепости») — село в Боржомском муниципалитете Самцхе-Джавахетского края Грузии. Село расположено на берегу реки Боржомула, на высоте 1640 м, в 41 км от города Боржоми. В настоящий момент греки почти полностью покинули это село. Население деревни разговаривало на понтийском диалекте греческого языка. В настоящее время переселенцы из Цихисджвари (цихиджварлидес) преимущественно проживают в городе Салоники (Северная Греция).

[62] Васкелово (фин. Vaskela) — деревня в современном Куйвозовском сельском поселении Всеволожского района Ленинградской области.

[63] Тори (груз. თორი) — село в Боржомском муниципалитете Самцхе-Джавахетского края Грузии и шире — исторический регион в Центральной Грузии (сегодня — часть края Самцхе-Джавахети). Граничит с Триалети на востоке, с Имерети на северо-западе и с Шида-Картли на северо-востоке. Область лежит в Боржомском ущелье. В средние века Тори было фамильным владением семьи Торели (Гамрекели). В XV веке область перешла во владение семьи Авалишвили.

[64] «Майская ночь» — опера Н. А. Николая Римского-Корсакова в трёх действиях, на собственное либретто, по мотивам одноимённой повести Н. В. Гоголя. Создана в 1880 году.

[65] Третья песня Леля из оперы Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка» (1881).

[66] Персидский хор из оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила» (1842).

[67] Хор из оперы Н. А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии» (1903–1907).

[68] Тба — деревня в Боржомском муниципалитете Самцхе-Джавахетского края Грузии и станция узкоколейной железной дороги Боржоми — Бакуриани, окружённая со всех сторон лесом (ил. 23).

[69] Зелёный монастырь — это название небольшого и очень уютного комплекса религиозных построек, расположенных в нескольких километрах от Боржоми (ил. 24). Несмотря на свой небольшой размер, данный комплекс является древней обителью, в которую и сегодня стекается огромное количество паломников.

Зелёный монастырь является одним из самых значительных памятников грузинской архитектуры, а также одной из самых привлекательных достопримечательностей курортного города. В комплекс Зелёного монастыря входит две постройки из камня. Первое здание было возведено на рубеже IX и X веков, а только в XIV веке к нему было пристроено второе сооружение — церковь с колокольней.

[70] Родственница Островских, у которых гостила в Боржоме Л. С. Митусова. Настоящее имя Юля. В письмах Л. С. Митусовой упоминается как Юша и Юкка (ил. 25 и 26).

[71] *Митусова Л. С.* Указ.соч. С. 50.

[72] *Головкина И. В.* Лебединая песнь. Побеждённые: роман / Ирина Головкина (Римская-Корсакова). 2-е изд. СПб.: Храм Во имя святых Царственных Страстотерпцев, 2009. 940, [2] с., [4] л. ил., портр.

[73] *Митусова Л. С.* Указ.соч. С. 202.

[74] Таинства игры: Аделаида Герцык и её дети / Сост., примеч. Т. Н. Жуковской. М.: Эллис Лак, 2007. С. 490.

[75] ЦАМО. Ф. 135. Оп. 12761. Д. 768. Л. 73.

[76] Горных рек нескончаемый гул / Сост. М. И. Синельников. М.: Эльбрусоид, 2015. С. 76.

[77] *Наседкин Н. Н.* О том, почему отец разбил его первую скульптуру, о поездке на Кавказ к теософам и работе в психоневрологическом интернате / Беседу вела Н. В. Лепешонкова. Запись 19 июля 2014 года. — Интернет-портал oralhistory.ru. Режим доступа (15 октября 2017): http://oralhistory.ru/talks/orh-1717/text?hl=d1699bb#mnfA98.

[78] Там же.

[79] Комплект «Поездка Л. С. Митусовой в Теберду и Домбай». 1970-е. Собрание СПбГМИСР. КП-4369–4409.

[80] *Жуковский Н. Д.* Письмо Л. С. Митусовой. Теберда. 3 января 1974. Автограф. 1 л. Собрание СПбГМИСР. КП-5934.

[81] *Митусова Л. С.* Указ. соч. С. 70.

[82] *Митусова Л. С.* Указ. соч. С. 210.

[83] *Митусова Л. С.* Указ. соч. С. 210.

[84] *Митусова Л. С.* Указ. соч. С. 211.

[85] Искусство и художественная промышленность. СПб.: ИОПХ, 1899. № 4–5. С. 397–399.

[86] В этом нам помогли высказывания художника из его писем супруге. См. более подробно: *Бондаренко А. А., Бондаренко И. А., Будникова Ю. Ю., Мельников В. Л., Монастырский В. В., Салимов Р. С., Ушаков Ю. А.* Экспедиция «Культурная инициатива — Эльбрус-2003» как опыт межрегионального сотрудничества и партнёрства / Приложения I–VIII // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. Т. III: Восток — Запад на берегах Невы. Ч. 2. СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2007. С. 475.

[87] Автограф Е. И. Рерих. Дневниковая запись 16 августа 1933 года // Дневник записей бесед Рерихов с Учителем. — Библиотека Амхёрстского колледжа, Амхёрст, штат Массачусетс, США. Тетрадь NB36 (11 мая 1933 — 29 октября 1933). С. 183–184.

СПРАВОЧНЫЙ АППАРАТ

ОБ АВТОРАХ

Макка Султан-Гиреевна Албогачиева — кандидат исторических наук (2007), старший научный сотрудник отдела этнографии Кавказа Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (с 2003).

Окончила Чечено-Ингушский государственный университет (1984) и открытые аспирантские курсы Европейского университета в Санкт-Петербурге (1995). Обучалась в «Школе практической генеалогии» при Российской национальной библиотеке (2000). Была соискателем отдела этнографии Кавказа МАЭ РАН (2001). Член научного центра «Петрополь» при Санкт-Петербургском Доме национальностей. Член союза музейных работников Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Член парижской Ассоциации кавказских исследований (Париж. Франция). Член редколлегии журналов «История, политика, право»; «Платон», «Известия Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева»; член ингушского культурного центра «Таргим» в Санкт-Петербурге.

Сфера профессиональных интересов: письменные источники по Ингушетии XVIII–XXI веков, особенности полиюридизма в Ингушетии, этнографические аспекты религиозных практик ингушей, ингушские коллекции в музейных собраниях, ислам в Ингушетии.

Илья Юрьевич Александров — кандидат философских наук, доцент. Окончил Санкт-Петербургский государственный университет по специальности философия; философ, преподаватель философии. Кандидатская диссертация «Проблема соотношения научного и вненаучного в знании».

Сфера научных интересов: история и философия науки, философские проблемы науки и техники. Преподаваемые дисциплины: история и философия науки; концепции современного естествознания, политология.

Елена Вячеславовна Бакалдина — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов. Исследователь истории семьи Боткиных.

Алла Николаевна Бедерханова-Кох — теоретик музыки, музыкальный педагог, Санкт-Петербург. Окончила Музыкальное училище

им. Н. Римского-Корсакова и школу Эвритмии в Гамбурге. Вдова азербайджанского художника Мехти Бедерханова (1933–1992).

Мурат Тимурович Валиев — исследователь. Окончил Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (1975). В течение нескольких лет был общественным директором Музея истории школы Карла Мая в Санкт-Петербурге. Руководитель проекта «Общество друзей школы К. Мая» (Санкт-Петербург).

Сатеник Жоровна Епремян — хранитель музейных предметов Санкт-Петербургского государственого музея-института семьи Рерихов. Окончила Кафедру музеологии Исторического факультета Санкт-Петербургского Государственного университета.

Павел Анатольевич Золотай — кандидат экономических наук, автор проекта «Древности Черноморья», заместитель председателя ВООПИиК, Анапа.

Пётр Игоревич Крылов — кандидат биологических наук (1984), гидробиолог, путешественник; переводчик, публицист. Окончил биолого-почвенный факультет ЛГУ (1978). В 1978–2006 годах работал в лаборатории пресноводной и экспериментальной гидробиологии Зоологического института АН СССР (с 1991 года РАН), принимал участие в экспедициях этого института, а также Института океанологии РАН (г. Москва), Советско-Монгольской (позднее Российско-Монгольской) биологической экспедиции и других. С 2006 года сотрудник Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов. Основная сфера профессинальных интересов: поиск и атрибуция картин Н. К. Рериха и С. Н. Рериха, изучение художественных произведений, находящихся в индийских собраниях, исследования истории сотрудничества семьи Рерихов с деятелями индийского искусства, науки, политики.

Ирина Владимировна Кульганек — доктор филологических наук, учёный-монголовед, переводчик, педагог. Заведующая Сектором Центральной Азии Института восточных рукописей РАН. В 1974 году окончила Восточный факультет (отделение монгольской филологии) Ленинградского государственного университета им. А. Жданова. Работает в ИВР РАН (1977 по настоящее время), сначала в должности старшего лаборанта, затем младшего научного сотрудника (1989), научного сотрудника (1998), старшего научного сотрудника, ведущего научного сотрудника (2009), главного научного сотрудника и зав. сектором Центральной Азии (2013). В течение пяти лет заведовала аспирантурой ИВР РАН. Главный редактор петербургского научного альманаха «Mongolica», вице-президент Монгольского Общества изучения монгольской народной песни (2002), член редколлегий японского журнала «Mongolorum» (2005) и серии «Письменные памятники народов Востока» Калмыкии.

Сфера научных интересов: фольклористика, литературоведение, теория перевода, история науки, архивоведение, культурология, история искусства.

Галина Николаевна Лукьяненко — библиотекарь научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов.

Работает в библиотечной сфере с 2000 года. Автор оригинального метода систематической обработки информации в автоматизированных системах — поэлементного индексирования по Библиотечно-библиографической классификации.

Светлана Владимировна Ляшенко — искусствовед; соискатель учёной степени кандидата искусствоведения в Санкт-Петербургском государственном академическом институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина РАХ.

Гасан Масим оглы Масимов — учитель изобразительного искусства и мировой художественной культуры высшей квалификационной категории, старший учитель, отличник народного просвещения РФ, член Российского межрегионального Союза писателей, руководитель азербайджанского образовательно-просветительского центра для детей и молодёжи при РОО «Общество друзей азербайджанцев “Нахчыван”», Санкт-Петербурское объединение «Мир Добра».

Окончил Ереванское русское педагогическое училище им. Н. Островского (1965), с правом преподавания изобразительного искусства в школе, заочно Ереванский государственный педагогический институт русского и иностранных языков им. В. Брюсова по специальности «Русский язык и литература» (1972), факультет этики и эстетики Университета марксизма-ленинизма Ленинградского горкома КПСС (1984); курсы по экспериментальной программе преподавания изобразительного искусства и мировой художественной культуры под руководством народного художника СССР Б. М. Неменского во Всесоюзном институте усовершенствования учителей (Москва, 1986–1988).

Владимир Леонидович Мельников — физик, культуролог, музеевед, музейный деятель; кандидат культурологии (2006). Заместитель директора Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов по научной работе, председатель правления Международного благотворительного фонда «Рериховское наследие».

Окончил физический факультет Кубанского государственного университета (1995), работал в Музее-усадьбе Н. К. Рериха в Изваре (1994–1997), научным сотрудником Тосненского краеведческого музея (1998–1999), страшим научным сотрудником Музея истории г. Шлиссельбург (1999–2000). Один из инициаторов создания Музея-института семьи Рерихов.

Сфера профессиональных интересов: исследования петербургского периода жизни и творчества Н. К. Рериха и членов его семьи; участие в выставочной, научно-просветительской, издательской, исследовательской деятельности в области рериховского наследия, участие в организации и проведении экспедиций и поездок по местам путешествий семьи Рерихов, разработка электронной базы «Держава Рерихов» и др.

Милана Юрьевна Миронова — педагог, рериховед, путешественник, исследователь.

Окончила магистратуру Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, специальность — управление образованием (1995). Работала научным сотрудником Государственного музея Востока (Москва) (2008–2015). Сотрудник Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

Сфера профессиональных интересов: изучение живописи Н. К. Рериха, буддийские источники в творчестве Н. К. Рериха, метод живописи Н. К. Рериха — творческое цитирование произведений мирового культурного наследия (для пояснение замысла своих картин), географическая идентификация произведений Н. Рериха.

Александр Анатольевич Новиков — кандидат философских наук (2006). Окончил Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого; защитил диссертацию на кафедре философии Московского государственного университета леса.

Работает в Государственном бюджетном образовательном учреждении среднего профессионального образования «Медицинский колледж № 4 Департамента здравоохранения г. Москва».

Новосельский Кирилл Игоревич — кандидат географических и доктор экономических наук (1998), профессор кафедры мировой экономики Уральского государственного экономического университета.

Окончил географический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, курсы рабкоров в Свердловском общественном университете печати. Инженер-экономист и младший научный сотрудник Института экономики УрО РАН СССР (1981–1984); исследовал и публиковал материалы по истории академической экономической науки на Урале. Член-корреспондент Российской экологической академии, с 1981 года действительный член Русского географического общества, с 1991 года пожизненный член Института культуры Миссии Рамакришны (Калькутта, Индия), с 1998 года ассоциированный член Музея Н. К. Рериха (Нью-Йорк, США).

Роман Александрович Овчинников — музыковед, преподаватель Московского областного базового музыкального колледжа имени А. Н. Скрябина (Электросталь, Московская область).

Наиля Аллахверди кызы Рахимова — заслуженный работник культуры Азербайджана. Главный хранитель Азербайджанского Государственного Музея искусств им. Р. Мустафаева. Ведёт научно-исследовательскую работу в области музееведения.

Ольга Витальевна Рожнова — главный хранитель музейных предметов Краеведческого музея города Ломоносова.

Кирилл Евгеньевич Рыбак — доктор культурологии (2006). Окончил МГТУ им. Н. Э. Баумана (2001). Директор Нормативно-правового департамента Министерства культуры Российской Федерации; работал во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства; в 2001–2008 годах работал в Музеях Московского Кремля, в ОАО АФК «Система»; в 2008 году назначен на должность директора Нормативно-правового департамента Министерства культуры РФ.

Область профессиональных интересов: музейное право, право собственности на культурные ценности, экспертиза культурных ценностей (судебная практика в иностранных государствах), системный подход в праве.

Анна Александровна Савкина — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов.

Окончила Самарский государственный педагогический университет, кафедру изобразительного и декоративно-прикладного искусства (2002), Санкт-Петербургский академический институт им. И. Е. Репина (теория и история искусства, 2006).

Область профессиональных интересов: русское искусство конца XIX — начала XX веков; русское искусство второй половины XX — начала XXI века. Теория и история искусства.

Анастасия Михайловна Семёнова-Тян-Шанская — геоботаник, доктор биологических наук. Как старший научный сотрудник Ботанического института им. В. Л. Комарова АН СССР вела работу по составлению геоботанических и ландшафтных карт. Вела полевые исследования в Ленинградской области, в Деркульском стационаре (Белгородская область), в Центрально-Чернозёмном заповеднике. Защитила докторскую диссертацию в 1967 году по теме «Динамика степной растительности». В 1970-е годы уделяла большое внимание работе по охране природы, подготовив и обосновав предложения по созданию заповедных территорий и заказников в Ленинградской области.

Екатерина Андреевна Сентякова — историк, сотрудник Музея истории гимназии К. И. Мая. Аспирант кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского государственного института культуры.

Елена Станиславовна Соболева — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (с 1978). Окончила исторический факультет ЛГУ им. А. А. Жданова (1978), Высшую экономическую школу при СПбГУЭиФ(1993). Учёный секретарь МАЭ РАН (1998–2002), и. о. пресс-секретаря МАЭ РАН (2002–2012), руководитель Школы экскурсоводов в МАЭ (1991–1993). Преподаватель, руководитель общемузейных визуально-информационных и образовательных грантов. Участник этнографических экспедиций.

Сфера профессиональных интересов: разработка разделов выставок, кураторство выставочных проектов. Этнография португалоязычных народов, традиционные культуры Юго-Восточной Азии и Океании; музееведение, менеджмент и маркетинг в музейной деятельности.

Татьяна Николаевна Титова — архитектор, художник театра, доцент, член Союза архитекторов РФ, г. Анапа. Окончила Свердловский архитектурный институт и аспирантуру Московского архитектурного университета. Преподаватель Уральского государственного архитектурно-художественного университета (с 1978). Член Военно-Исторического общества России.

Егор Валерьевич Фалёв — доктор философских наук (2015), доцент (с 1998) кафедры истории зарубежной философии (с 2009) философского факультета Московского Государственного Университета им. М. В. Ломоносова. Автор книг и учебных курсов: Язык и сознание в древней индийской мысли; Философия первой половины XX века; Миф и логос в Древней Индии. Преподаватель ряда учебных курсов.

Владимир Евгеньевич Чернявский — искусствовед, член правления Благотворительного фонда сохранения и развития культурных ценностей «Дельфис» (Москва). Руководитель информационного портала forum.roerich.info в сети Интернет.

Виктория Геннадиевна Шаронова — кандидат исторических наук, исследователь истории русской эмиграции в Китае. Советник директора, старший научный сотрудник Центра комплексных исследований российской эмиграции ИНИОН РАН, член Учёного совета Центра изучения России Шанхайского института иностранных языков, приват-доцент Люйшуньского музея реликвий (г. Далянь, КНР). Автор ряда книг, в том числе одной на китайском языке. Неоднократно участвовала в конференциях и выступала с докладами по различным темам своей научной работы в России, Китае, Греции, США.

Сфера профессиональных интересов: исследование истории русской эмиграции в Китае; исследование истории семей А. И. Ярона, Я. Л. Лихоноса, Н. К. Соколовского, О. Покидова и других жителей «старого Шанхая».

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Авт.-сост. — автор-составитель
азерб. — азербайджанский
акв. — акварель
англ. — английский
арх. — архитектор
Б., — бумага
введ. — введение
вел. кн. — великий князь, великая княгиня
вступит. — вступительный
вып. — выпуск, выпуски
гл. — глава
гос. — государственный
греч. — греческий
дв. ч. — двойственное число
дисс. — диссертация
доп. — дополненный
др. — другой, другие
ед. — единственное
ед. хр. — единица хранения
изд. — издание, издания
ил. — иллюстрация
им. — имени
имп. — император
испр. — исправленный
ист. — исторический
канд. — кандидат
кн. — книга, книги
комм. — комментарий
Л. — Ленинград
лат. — латинский
М. — Москва
м. — масло
мл. — младший, младшая
мн. — множественное
н. э. — наша эра
неизв. — неизвестное
нем. — немецкий
о. — отец (лицо духовного сана)
об. — оборот
ок. — около
ОР — отдел рукописей
отд. — отдельный, отдел
п. — письмо
Пг. — Петроград
пер. — перевод
переизд. — переиздание, переиздания, переиздано
предисл. — предисловие
примеч. — примечание
проф. — профессор
проч. — прочее
публ. — публикация, публикации
разд. — раздел
ред. — редакция, редактор
Ред.-сост. — редактор-составитель
рис. — рисунок, рисунки
рожд. — рождённый, рождённая
род. — родился
русск. — русский
с. — страница, страницы
санскр. — санскрит, санскритский
сб. — сборник
след. — следующие

см. — смотри
совр. — современный
сост. — составитель, составление
соч. — сочинение
СПб. — Санкт-Петербург
ср. — сравни
ст. — статья, статьи
ст. — старший, старшая
т. — том, тома
т. д. — так далее
т. е. — то есть
тиб. — тибетский
т. к. — так как
т. н. — так называемый
т. п. — тому подобное
т. ч. — том числе
тыс. — тысяч
указ. — указанный
ул. — улица
уч. — учёной
фр. — французский
Х. — холст
цит. — цитируется
ч. — часть, части, число
ЧС — частное собрание
яз. — язык, языки

ОСНОВНЫЕ АББРЕВИАТУРЫ, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В ТЕКСТЕ

АН — Академия наук
Гербарий БИН— Гербарий Ботанического института РАН
ВООПИиК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГИМ — Государственный Исторический музей, Москва
ГМВ — Государственный музей Востока, Москва (до 1992 — Музей искусства народов Востока)
ГРМ — Государственный Русский музей, СПб.
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея, Москва
ГЭ — Государственный Эрмитаж, СПб.
ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
ИНИОН РАН — Институт научной информации по общественным наукам
ИРАО — Императорское Русское археологическое общество
ИРЛИ — академический Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
КНР — Китайская Народная Республика
КП — книга поступлений в музей (сокращение в шифре)

КСИА — Краткие сообщения Института археологии РАН

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры

ЛГУ — Ленинградский государственный университет

МГУ — Московский государственный университет

МИД — Министерство иностранных дел

МСССМ — Мемориальное собрание С. С. Митусова, СПб.

МЦР — Международный центр Рерихов, Москва

НГХМ — Нижегородский государственный художественный музей

ПРС — Петербургский Рериховский сборник

РАН — Российская Академия наук

РАХ — Российская Академия художеств

СОПС — Совет по изучению производительных сил Академии наук СССР

СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет

СПбГЭУ — Санкт-Петербургский государственный экономический университет (создан в результате объединения Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов (ФИНЭКа), Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета (ИНЖЭКОНа) и Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики (СПбГУСЭ)

ССР — Советская Социалистическая Республика

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

США — Соединённые Штаты Америки

ЦИК — Центральный исполнительный комитет

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 5

РАЗДЕЛ I
НАСЛЕДИЕ РЕРИХОВ И ИХ СОВРЕМЕННИКОВ 7

А. А. Савкина. Археологические прототипы в формообразовании «Северного модерна». Проекты Н. К. Рериха по мотивам произведений пермского звериного стиля 8

К. Е. Рыбак. О приёме в гражданство СССР членов семьи Рерихов и окружавших их лиц 18

И. Ю. Александров. Методологические проблемы и задачи исследования теософской литературы и литературно-философского наследия семьи Рерихов 38

П. И. Крылов. О картине Н. К. Рериха «Соловецкий монастырь» (1923) 56

М. Ю. Миронова. Время Майтрейи. Сотрудничество Н. К. Рериха с выдающимися деятелями буддизма в деле распространения культа Майтрейи в первой половине XX века 74

В. Г. Шаронова. Н. К. Рерих в Шанхае 83

В. Л. Мельников. Молитвенные горки Н. К. Рериха 88

В. Е. Чернявский. Мемориальный кабинет Ю. Н. Рериха в Институте востоковедения РАН: история создания и развития 102

А. А. Новиков. К вопросу о сознании человека в Учении Живой Этики и в современной науке: сравнительный анализ 112

Р. А. Овчинников. А. Н. Скрябин и Учение Живой Этики 120

Г. Н. Лукьяненко. «И несём свет...»: о деятельности и особенностях библиотеки Музея-института семьи Рерихов 127

П. И. Крылов. Представление книги «Индийский путь», выпущенной в серии «Щедрый дар» Музеем-институтом семьи Рерихов (2015) 145

Е. С. Соболева. Программы по востоковедению в работе Рабоче-крестьянского радиоуниверситета в 1920-е годы 148

Е. В. Фалёв. Мистерия Цам и Буддийский форум в Элисте 162

Е. В. Бакалдина. Два фотоальбома сестры милосердия Л. М. Боткиной (1915 года) 169

Е. А. Сентякова. Эпистолярный архив А. Л. Липовского в Музее истории школы К. И. Мая 186

С. В. Ляшенко. Война стала последним событием в его жизни и творчестве (о судьбе известного художника-баталиста, академика, профессора Н. С. Самокиша после революции 1917 года) 204

О. В. Рожнова. Выставка «Мэтр из Ораниенбаума»: от идеи к воплощению 234

М. Т. Валиев. Клара Цейдлер — свободная художница 240

И. В. Кульганек. Поездка Цесаревича Николая по Забайкалью в 1891 году 255

РАЗДЕЛ II
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ И КАВКАЗ.
К ИСТОРИИ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ 265

Г. М.-О. Масимов. Н. К. Рерих и Кавказская культура 266

П. А. Золотай. К. И. Новосельский. Т. Н. Титова. «Рериховский след» на карте древностей Западного Кавказа 272

Т. Н. Титова, М. В. Юркевич. Проект карты возрождения культурных ландшафтов Таманского региона 280

Н. А. Рахимова. Санкт-Петербург — Баку: Азербайджанский национальный музей искусств 283

М. С.-Г. Албогачиева. Петербург в жизни ингушей 291

С. Ж. Епремян. Предметы религиозного культа в экспозиции «Искусство Армении» в Государственном Эрмитаже 293

А. А. Савкина, А. Н. Бедерханова-Кох. Выставка «Поэзия мифа» в Санкт-Петербургском музее-институте семьи Рерихов 308

А. М. Семёнова-Тян-Шанская. Воспоминания о Николае Адольфовиче и Елизавете Александровне Бушах 318

В. Л. Мельников. Л. С. Митусова на Кавказе 348

СПРАВОЧНЫЙ АППАРАТ 396

Об авторах 396
Принятые сокращения 402

ДЛЯ ЗАМЕТОК

П-29

Петербургский Рериховский сборник : Вып. X. — СПб. : Издание СПбГМИСР, 2017. — 408 с. : ил.

ISSN-5-288-02931-8

Иллюстрированное
научно-художественное издание

ПЕТЕРБУРГСКИЙ РЕРИХОВСКИЙ СБОРНИК

Выпуск X

Главный редактор А. А. Бондаренко
Научный редактор П. И. Крылов
Технический редактор А. П. Соболев
Компьютерная вёрстка В. Н. Тихонова

Подписано в печать 16.12.2017. Формат 60×90 1/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 29. Тираж 500 экз. Заказ

Отпечатано в типографии
«ООО “ПОЛИТЕХНИКА-ПРИНТ”,
Санкт-Петербург, Измайловский пр. д. 18-д,
Тел. 2515127